

Журнал отечественной словесности
«Вологодская литература»
адресован мыслящей аудитории, имеющей вкус
и осведомленной о высоком предназначении печатного слова,
призванного быть словом правды, добра и любви

«ВЛ» НУЖДАЕТСЯ В МЕЦЕНАТАХ

Выпуск журнала «Вологодская литература» возможен при меценатской поддержке в размере типографского счета. Это около 50 тысяч рублей на печать одного номера

№7 журнала издан на средства частных лиц

Журнал «Вологодская литература». Соучредители и издатели Николаев А.В., Халов А.С.
Редколлегия: Ломковский А.В., Николаев А.В., Толстиков Н.А., Халов А.С. Главный редактор Николаев А.В.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ35-0031 от 1.07.2009, выдано управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Вологодской области.
Адрес редакции: Вологда, ул.Мишкольцкая, 11а-19. Тел. 8-931-500-88-44. E-mail: vl_classik@mail.ru
Эл. версия: www.vollit.narod.ru. Тираж 500 экз. Формат 70х100/16. Цена свободная.
Отпечатано в ООО ПФ «Полиграф-Периодика», Вологда, Челюскинцев, 3. Заказ 873

ОГЛАВЛЕНИЕ

Художественная проза

Николай Толстик БЕЗ ВЕРЫ , повесть	3 стр.
Интервью Николая Толстикова «Независимой газете»	40 стр.
Александр Рулёв-Хачатрян ТАНЕЦ ИСПАНСКИХ ЦЫГАН , рассказ	43 стр.
Татьяна Масс БАБУШКИНА ДЕРЕВНЯ , рассказ	48 стр.
Александр Ломковский , рассказы САМАЯ ЛУЧШАЯ КУКЛА, ЕСЕНИН	53 стр.
Александр Халов СТУПЕНИ , главы из романов прошлых лет	62 стр.

Стихотворения

Ираида Метляева ДИАЛЕКТИКА ОДИНОЧЕСТВА , лирика	117 стр.
Сергей Серков Из недописанной поэмы , лирика	125 стр.
Валерий Сеницын СТРАННЫЕ СТИХИ , лирика	127 стр.
Виктор Элли , лирика	137 стр.
Сергей Романов , лирика	138 стр.

Драматургия

Галина Переверзева ВЕНЕЦИЯ, ГОД 1592 , пьеса в трех картинах	139 стр.
---	----------

Подверстка

Алексей Николаев ПОЛЖИЗНИ , повесть (Переработанный текст книги, печатавшейся в ВЛ под названием «Бытие»)	157 стр.
---	----------

Историческо-приключенческий роман

Публиковать нельзя отвергнуть (от редакции)	198 стр.
Елена Колядина ЦВЕТОЧНЫЙ КРЕСТ , роман-катавасия	201 стр.

Откуда авторы: Николай Толстик - Вологда, Александр Рулёв-Хачатрян - Череповец, Татьяна Масс - Париж, Александр Ломковский - Вологда, Александр Халов - селение Высокая Поляна под Грязовцем, Ираида Метляева - Вологда, Сергей Серков - Вологда, Валерий Сеницын - Вологда, Виктор Элли - Вологда, Сергей Романов - Вологда, Галина Переверзева - Москва, Алексей Николаев - Вологда, Елена Колядина - Череповец

Николай ТОЛСТИКОВ

БЕЗ ВЕРЫ

Глава первая

Сергуня, тридцатилетний внучок, опять заявился к деду Афанасию изрядно подвыпивши. Приветствуя старика, провизжал ретиво и плюхнулся, немного озадаченный, прямо на порог - дед не проклял его за пьянку, как обычно, последними словами, а отбросив газету, проскрипел сурово и требовательно:

- Где твой дружок-от журналист? Волоки-ко его сюда!..

Валька Сатюков, Сергуни Сальникова ровесник, работал в редакции районной газеты и слыл в городке «очеркистом-портретистом». Накануне любых праздников он, оторвавшись от информационных «тонн, метров и гектаров», отправлялся к какому-нибудь фронтовику и, вынудив того выставить пару поллитровок, заполнял под шумок каракулями листки в блокноте.

Наутро, опохмеляясь пивком в редакционном буфете, Валька не стремился подвернуть тщательной расшифровке пьяные каракули, а давал простор воображению. Двигалось оно строго в одну сторону: герой очерка выходил чудо-богатырем, такому положить сотню «гансов» на лопатки - было раз плюнуть. Валька не боялся «пережать», его расчет был верен. Герой, прочтя творение о своих подвигах, поначалу заливался пунцовой краской, хватался за сердце, но потом успокаивался. Может, сам по пьяной лавочке прихвастнул, а может, так и надо - газета все-таки. Сатюков не ждал гневного опровержения, твердо усвоив, что лучше перехвалить, чем недохвалить.

Валькины опусы возмущали, наверное, только Афанасия Николаевича Сальникова. Старик со злостью швырял газету на пол и, случалось, топтал ее ногами.

- Да кто он такой есть?! Пьянчуга, блудник, хапуга! - разносил он в пух и прах очередного, расписанного валькиным пером, «героя». - У него ж совсем мозгов нет! Дальше, как всю жизнь в назъме прокопаться, и не достиг. Или вон тот, вор настоящий!.. О ком в газете только и не напишут! Нет бы о настоящих людях!..

Тут Афанасий Николаевич замолчал.

- А кто они - настоящие-то люди? - вопрошал он себя и, перебирая в памяти множество лиц, терялся. И уватывался за сладкую, до посасывания под ложечкой, мыслишку: - Кто, кто? А хотя бы и... я.

Сальников, почувствовав, как учащенно бьется сердце, торопливо лез в аптечку за лекарством. На всякий случай. Предъявлять счета к несправедливо обошедшейся с ним судьбе Афанасий Николаевич страшился.

Но сладенькая мыслишка навевывалась чаще и чаще. Вдобавок внучек Сергуня завел дружбу с Валькой Сатюковым. С Сергуней приключилась несчастливая любовь. Сорвалась шашня с замужней бабой - попросту рассудил Афанасий Николаевич. Внучек ударился в писание стишков, а еще пуще - в пьянку, и на почве того и другого с Сатюковым снюхался.

Поначалу Афанасий Николаевич предположил, что Сергуня приволок в дом очеред-

ного собутыльника. Уж больно у гостя был запущенный вид. Такие парни с помятыми с перепою рожками, неряшливо одетые, толкуются у пивнухи день-деньской. Но вскоре Сальников подметил, что взгляд у сергуниного приятеля довольно осмысленный и в глазах не безразлично-тупое или же звериное выражение, как у завсегдатаев питейного заведения.

Внук толкнул деда в бок и шепнул на ухо:

- Сатюков это. Из газеты.

- Тот самый? - переспросил, настораживаясь, Афанасий Николаевич, еще пристальнее разглядывая Вальку.

Корреспондент с подсевшим за стол Сергуней деловито принялись расправляться с бутылками дешевого портвейна. Когда Валькины глаза посоловели и стал маленько у него заплетаться язык, Сальников решил издали заикнуться о своем заветном желаньице «попасть в газету».

- А вы рассказывайте о себе, как на духу, ничего не скрывая! - Валька вытащил из кармана блокнот и попытался сосредоточить взгляд своих упорно разбежавшихся в разные стороны глаз на лице Афанасия Николаевича. Сальников растерялся и еле слышно промямлил:

- О чем? Стоит ли? Я ведь как все...

Спасибо Сергуне, выручил.

- Мой дед этот... Как его? «Двадцатипятидесятник»! Во! - замахал Сергуня руками. - «Кулаки» в него пиф-паф из обреза! Пули мимо виска - фьюить, фьюить! А дед по «кулакам» из нагана: бах, бах!

Сергуня, изображая подстреленного «кулака», закатив глаза, повалился под стол. Валька долго хохотал. Вытирая слезы, пообещал:

- Зайду как-нибудь, поговорим! А пока подумайте, о чем рассказывать...

От выпитого портвейна отяжелела голова, нутро стянуло судорогой, Афанасию Николаевичу захотелось глотнуть свежего воздуха. Он поспешил выйти во двор и запер за Валькой калитку. Обратившись в дом, откуда через открытое окно доносился храп заснувшего под столом внука, не тянуло. «Надо отвлечься... - твердил, как заклинание, Сальников. - Ни о чем не думать, не волноваться.»

Он прошел в огород, по протоптанной в траве тропинке побрел вдоль забора. Участок был большой, еще щедро отмеренный дореволюционными землемерами прежним хозяевам дома - имен их Сальников не помнил, да и не хотел знать. По старому плану в участок входил еще клин в полторы «сотки», но шустрая соседка отгородила его высоким забором. Воспользовалась моментом, когда Сальникову вместе с семьей пришлось в пятидесятых годах срочно уехать из городка на далекий Урал. А по возвращении тяжба из-за куска земли вспыхнула и тлела по сей день...

На этот раз что-то встревожило старика, ощущалась какая-то перемена. Под вековыми березами, стоящими в ряд у забора, стало несумеречно, как всегда, а светло. Афанасий Николаевич посмотрел вверх и на фоне слабо-розового предрассветного неба увидел смолисто-черные обрубки сучьев берез. Похожие на безобразные, оттяпанные руки, они обрывались точь-в-точь по границе забора над соседкиной территорией.

- Сволочь! - выкрикнул Сальников. - Хапуга!

Дрожа от бессильной ярости, он не скоро сообразил, что слабый его крик вряд ли услышит преспокойно предававшаяся сну обидчица - соседка. Старик хотел подбежать к ее дому, ударами в дверь поднять ее и проклясть, требуя скорее не отплаты за поругание бедных берез, а теща уязвленное самолюбие. Он сделал неосторожный шаг с тропинки в сторону и оступился. Мягко шмякнувшись в картофельную ботву, Афанасий Николаевич немножко поостыл. «Чего доброго, столкнет еще с крыльца. Она - баба бойкая, с нее станется. Ищи потом свидетелей, кто увидит ночью-то? - рассудил он. - Но этого я так просто не оставлю! Отомщу!»

Сидя на грядке и воззярясь на соседкин дом, он никак не мог придумать подходящей мести. До обидного! И вдруг осенило: надо срочно восстановить справедливость! Афанасий Николаевич поковылял домой.

- Сергуня! Сергунчик! - растолкал он внука.

Сергуня мычал невнятно, и только обещание деда выставить тотчас на стол «пол-литра» резко привело внука в чувство. Дед вынул из холодильника «запотевшую» бутылку водки, и на личике Сергуни, помятом, с набрякшими синими подглазниками, расцвела радость.

- Но после дела!

Внуку осталось, жалобно хныча, последовать за дедом в огород.

С Сергуниной помощью Афанасий Николаевич выломал несколько досок в заборе и, вооружась лопатой, проник на территорию соседки. Все было давно размечено. Топча без пощады грядки с клубникой, Афанасий Николаевич воткнул в землю острие лопаты. Пока внук, натужно кряхтя и обливаясь потом, таскал от дома просмоленные столбы, Сальников выковырял лопатой первую ямку. Остальные копал Сергуня...

Настало утро, с улицы слышались голоса спешащих на работу людей, когда дед и внук, поставив в ямы столбы и отоптав землю вокруг их, без сил свалились дома. Афанасий Николаевич, продрав вечером глаза, не обнаружил поблизости ни внука, ни «поллитровки». «Заслужил парень!» - он довольно усмехнулся и, ощущая в себе радостную приподнятость, скорее выглянул в окно. Столбы вызывающе чернели прямо посередине длинной гряды с клубникой. «Воевать так воевать! Своего не отдам!» - еще пуще раздухарился Афанасий Николаевич и решил, что нужно непременно прогуляться по улице, немного унять себя и заодно поразмять затекшие ноющие косточки.

Он шел по пустынной улице, гордо задрав заросший седой щетиной подбородок, подставив лицо ласковым лучам заходящего солнца, как вдруг словно тень откуда-то набежала. Афанасий Николаевич испуганно отпрянул в сторону, прикрыл голову руками. Нос к носу столкнулся он с торопливо идущим человеком, удивительно схожим с кем-то из прежних, по молодости, его знакомцев. Прохожий холодно взглянул на Сальникова. И смотрел-то на Афанасия Николаевича всего одно мгновение, свернул за ближним углом, но старик долго не мог опамятоваться. Сжавшееся от испуга сердце больно щемило в груди, но еще нещадней грызла досада - где-то раньше встречал он этого человека, да никак не припоминалось - где...

Глава вторая

Староверов Сан Саныч, отставной преподаватель педучилища и закоренелый холостяк, сохранил себя. За семьдесят, но не огруз фигурой, не скрючился спиной, был по-прежнему легок на ногу, морщинки лишь мелкой сеточкой собирались возле его глаз. Всегда подтянутый, в строгом костюме, застегнутом на все пуговицы, при черной узкой седедке галстука и в белой шляпе он неторопливо вышагивал по улочке родного городка. Встретив старого знакомого, Староверов окидывал его бесстрастным взглядом холодных голубых глаз и вежливо раскланивался, приподнимая шляпу. Знакомцы, особенно из тех, которыми доводилось в детстве играть с ним в лапту или в прятки, заискивающе улыбаясь, трясли ему руку, но прямую его спину провожали, глядя сурово, исподлобья:

- Ишь, от легкой-то жизни какой, не угорбатился! Все для себя да для себя! Не мы дураки...

Прежде, пока была жива мать, Староверов приезжал из райцентра в городок часто. Но потом в осиротевший дом за всю долгую зиму он навещался раза два-три. Взяв напрокат у соседней лопату, расчищал торопливо, без роздыха, снежные сугробы от дороги к калитке и бывал таков.

Летом в доме обосновывалась сестра со своими внуками; Староверова, без сожалений покинувшего холодный сырой карцер кооперативной квартиры с несклеенными стенами и почерневшим потолком, встречали шум, ребячья беготня, смех. Сан Саныч день-деньской мог раскачиваться в гамаке в огороде, искоса наблюдая за возней ребятишек в куче песка, или бродить по лесу, предвкушая сытный ужин и разговоры с сестрой, вечно занятой рукодельем, - так, о пустяках. Растянувшись на диване, он блаженствовал в это время как никогда...

Все нынешнее лето, до поздней осени, он провел в тревожном ожидании. От сестры из Киева ни слуху, ни духу, хотя и отправил туда ей не одно письмо. Окончательно измучившись, когда в квартире, осточертевшей за долгие месяцы одиночества, стало в пору взвыть волком, он помчался в городок.

Родительский дом стоял пуст. Сминая засохшее будилье заполонившего двор репья, Сан Саныч пробился к крыльцу и, переступив порог, не скоро решился пройти в горницу, недоверчиво, с опаскою, втягивая ноздрями затхлый холодный воздух. Потом еще долго бродил по дому, заглядывая во все уголки и чутко прислушиваясь к каждому шороху и скрипу.

Нежданному гостю - Вальке Сатюкову - он обрадовался. Только не один был поддательный журналист, гостивший у родителей, а с попутчицей. Сан Саныч сначала поду-

мал, что она старушка. Уж больно согбенная жалкая фигурка, замотанная в платок, жалась у дверей. Но на свету пришлая оказалась женщиной лет тридцати. Стянув платок, она высвободила свалявшиеся космы грязных волос неопределенного цвета; на лице ее с дряблой сероватой кожей угрюмо синели «подглазники». Женщина села на подсунутый Валькой стул, осоловело уставилась куда-то в угол.

- Сан Саныч! Не будет у тебя по маленькой! - замасливая глазки, заканючил Валька.

Еще в райцентре, едва начав работать в редакции местной газеты, Сатюков, молодой парень, зачастил к земляку, прихватывая неизменно с собою с виду вполне интеллигентных личностей. Разгружали портфель с дешевым винцом, и через час становились совершеннейшими скотами, принимались трясти друг друга за грудки, проклинать все на свете. Кое-кто пытался прикорнуть на столе, но столкнутый на пол разгоряченными собутельниками, заползал под стол в безопасное место и ронял обильную слезу обиды. Староверову, просидевшему весь вечер за одной рюмочкой, было интересно и жутко наблюдать за перевоплощением людей в пьяных скотов, ведь перед началом попойки Валька всегда представлял незваных гостей: это - журналисты, это - инженеры, это - художники или непризнанные поэты. Скоро дошло до милиционеров и водолазов, целая коллекция бы составила.

Компании вламывались к Староверову сугубо мужские, и затесавшаяся напару с Валькой бабенка поставила Сан Саныча в тупик. Чем ее угостить? Хорошо, что привез с собою бутылку сухого марочного вина, думалось при встрече с сестрой ее откупорить. Дама, закинув ногу на ногу, пыхала папиросой. Выглотав стакан сухого, как воду, она поморщилась:

- Покрепче бы чего этого «свекольника»...

В неловкой тишине Валька попытался рассмотреть что-то в темноте за окном, дама с тупым выражением на лице продолжала пускать клубы дыма, удушая Сан Саныча. Он, пригубив из своей рюмочки, чтобы развязать разговор, ляпнул первое пришедшее на ум:

- Вас, вероятно, с Валентином связывает дружба...

Язык у Сан Саныча одеревенел, осталось беспомощно и извиняюще развести руками, изобразив на лице глуповатую улыбку. Валькина спутница громко и вульгарно расхохоталась.

- Это с ним-то?! Хотели счас в сараюхе прилечь, да холодно, говорит.

Валька покраснел и торопливо засобирался, будто вспомнив о неотложном деле. Сан Саныч, испуганный, побежал вслед за ним на улицу.

- Сан Саныч! Пусть она у вас посидит... пока. Ей некуда идти. А я подойду попозже, - Валька скрылся в темноте.

Обескураженный, Староверов растерянно побродил возле дома, вернувшись в горницу, остолбенел. Незваная гостья преспокойно, свернувшись калачиком, спала на его кровати. Юбка на бабенке, заляпанная засохшими ошметками грязи, задралась, открыв рваные чулки на ногах. Сан Саныч, смущенно отводя глаза, хотел выключить свет, но передумал. Он ушел на кухню, со слабой надеждой стал дожидаться Вальку и заснул за столом...

Очнулся он от чьего-то легкого похлопывания по плечу и спросонок воззрился удивленно на даму. Та, сутулая, невысокая ростиком, стояла рядом, одной рукою ерошила спутанную кочку волос на голове, а дрожащими пальцами другой норовила сунуть окурочек в черные растресканные губы.

- Послушай, мужик! - прохрипела она судорожным, будто перехваченным удавкой, горлом. - Опохмелиться не найдешь?

И сорвалась, зашла в жутком чахоточной кашле: казалось, все ее нутро вывернется наружу. Сан Саныч разыскал в шкафу прошлогодний «остатчик» водки, поспешно наполнил стакан. Дама, высосав подношение, морщилась, ужималась, но постепенно на пепельно-серых щеках ее появился робкий румянец, а глаза, понуро-тоскливые, оживясь, заблестели.

- Да ты фатовый мужик! С меня причитается! Жди в гости, наведаюсь вечерком!

Она убежала так шустро, что Сан Саныч не успел сообразить: то ли соглашаться, то ли отказываться наотрез...

Под вечер он решил убрести из дома в лес и на берегу речушки возле костерка скоротать ночь. Собираясь, Староверов в чулане принялся ворошить потертые излохмаченные телогрейки, но ничего путного взять с собою в ночное не подворачивалось. Вообще-то, несмело подумал он, можно и остаться. Запереться на все запоры, не включать свет, си-

дети тихо, как мышь. Удавалось же такое в райцентре, в квартире. Под пинками прищельцев дверь ходила ходуном, от непрерывной трели звонка, казалось, голова вот-вот расколется, но ведь терпел, выдерживал.

Стемнело. Едва послышалось слабое царапанье за дверью, Сан Саныч подскочил со стула и помчался открывать, на ходу оправдываясь - все-таки женщина, неприлично не принять! Вчерашняя гостья, обдав хозяина волной перегара, уверенно прошла в горницу, примостилась за столом. Тяжко вздохнув, с пьяной уккоризной взглянула на Сан Саныча, тот засуетился, принес оденки водки в бутылке, сохранившуюся банку огурцов: чем богат, тем и рад.

Дама выпила и, хрумкая прокисший огурец, сидела молча, раскачиваясь на стуле. Староверов надумал еще предложить ей чайку и пошел на кухню ставить чайник. Вернувшись, он опять застал гостью дрыхнущей на его кровати. На этот раз спать сидя за столом не хотелось, Сан Саныч погасил свет и лег на лавку на кухне. Подложив ладонь под щеку, он пролежал, силясь уснуть, неведомо сколько времени. Заслышав шорох, он вздрогнул, нашарив на стене выключатель, зажег свет и обалдело уставился на гостью. Она, совершенно нагая, стояла в дверном проеме, жмурясь от света. Сан Саныч, скользя взглядом по отвисшим тряпично кулечкам ее дряблых грудей, долго не мог отвести глаз от красноватого шрама на животе, перечеркивающего почти пополам ее худое тело с выпирающими костями, обтянутое иссиня-бледной кожей. Дама, перехватив взгляд, провела обкуранным пальчиком по гладкой поверхности шрама, криво усмехнулась:

- Это-то муженек дорогой меня перышком пополосовал! Чтоб ни дна ему, ни покрывшки! Четыре дыры, еле заштопали! Теперь вот Манькой Резаной и зовут... Ну, чего?! Сам разденешься или помочь?

Она, потянувшись, шагнула к Сан Санычу, но он с утробным испуганным мычанием одним невероятным скачком вылетел из кухни. В спину ему, словно каленый гвоздь, вонзился истерически-дикий смех. Староверов прямо с крыльца, будто в омут, нырнул в холодный предутренний воздух: «О, господи! Что творится-то, а?!» - и, не разбирая дороги, по темной пустой улочке помчался прочь от дома, куда глаза глядят.

«О, женщины!..» Когда-то давно, в молодые годы, был он со своими студентками на уборочной в совхозе. С самой глазастой и красивой пришлось укрываться от дождя в шалаше. Она, подрагивая, робко прижалась к Староверову и прошептала: «Возьмите меня замуж!» Ожженный несмелым поцелуем, Сан Саныч отпихнул девчонку, заговорил резко, нравоучительно. Пуще всего он боялся, как бы не выгнали его из училища за связь с подопечной. А может, и зря: что скрывать, потом всю жизнь сожалел...

И вот так все время - чуть что, трясся ровно заяц под кустом. Молчал, как партизан на допросе, на педсоветах в училище, где вел «труд» - невелик кулик, ни разу в застолье не выпивал больше рюмочки вина, дабы не сболтнуть лишнего, а последние годы перед пенсией был готов сплясать «казачка» под окнами директорского кабинета, если б приказали...

Чаял - уж теперь, в «отставке», поотпустит эта страшная напасть, загнавшая его в тесный, тщательно берегаемый от потрясений мирок, ан нет... И когда же она заползла в душу, уккоренилась намертво? Может, в тот давний год...

Тяжеленной стропиной зашибло насмерть брата-погодка Ваську. Санко и брат помогали мужикам разбирать крышу старого двора, чуть затронули ее, она и рухнула разом. И вместе с закружившей пылью взметнулся и оборвался слабый крик. Как оказался Васька в ту минуту внутри двора - неведомо. Санка било, будто в ознобе, пока он смотрел, как отец, расшвыривая обломки, добирался до Васьки, как выносил на руках его обмякшее безжизненное тело, как, бережно положив сына на травяной пригорок, поднял к небу черные страшные глаза... Васька с белым бескровным лицом, с багряным чубом, налившим на лоб, часто потом приходил во снах к Санку, и тот, давясь криком, просыпался в холодном поту...

С того трагического дня хлынули нескончаемой чередой на семью Староверовых несчастья. В разгар коллективизации отца арестовали, увезли в тюрьму прямо из горсоветской конторы. Прибежала к матери запыхавшаяся соседка: «Марья Филипповна, твоего-то под ружьями из горсовета вывели! Бают, Сальникова Афанасия, председателя, порешить топором удумал. Ой, беда, беда! Мужик-то вроде смирной...» Мать к горсовету, за ней - Санко. У крыльца на телеге сидел отец, опустив голову. Возле него стоял, поигрывая наганом, участковый уполномоченный, широкоскулый молодой парень с презрительно

скривленными губами.

- Иваныч, ну-ка! - кивнул он другому милиционеру, пожилому.

Тот нехотя поднял приставленную к ноге винтовку и, клацкнув затвором, направил ствол на арестованного.

- Руки за спину! - сунув наган в кобуру, участковый сыромятным ремешком принялся вязать отцу руки.

- Не бойсь, не убегу! - усмехнулся, полулежа на телеге, отец и вздрогнул от крика.

- Санушко! - мать с воем бросилась к отцу, упав возле телеги на колени, обхватила его за сапоги.

Глаза отца свирепо сверкнули, он соскочил, изогнувшись, с телеги, на упершийся прямо стволом ему в грудь наган участкового.

- Бабу, бабу оттащи! - приказал участковый напарнику, и когда тот, подхватив мать под руку, попытался ее поднять, крикнул зло остолбеневшему Санку: - Чего рот раззявил?! Подсоби!

И тише, с угрозой, добавил:

- Вместе с отцом захотел?

Санко, испуганный и покорный, послушно подхватил мать под другую руку. Участковый резким толчком в грудь опрокинул отца обратно в телегу и, запрыгнув рядом, рявкнул вознице:

- Гони!

Пожилый милиционер еле успел вцепиться в задок рванувшейся с места подводе и перевалиться в нее, едва не потеряв винтовку.

- Жена! Сынок! Не поминайте лихом! Напраслину на меня возвели! - кричал отец.

Сидевший на нем верхом участковый вжимал его ничком в охапку соломы на дне телеги, но слова отца все равно были слышны:

- Люди! Не верьте Афоне Сальникову! Эта сволота на все способна!..

Прохожие, сбежавшиеся на шум, подняли глаза на стоявшего на высоком крыльце здания горсовета маленького росточком человечка с большой, рано лысеющей головой, облаченного в мешковатый, защитного цвета френч. Сальников, зябко и брезгливо передернув узкими плечами, сделал выговор взбежавшему к нему по ступенькам секретарю:

- Ночью надо было увозить... Посидел бы день в подвале, не убыло б с него.

- Так мы ж хотели как лучше!.. Ишь, чего вытворил злодей, с топором на вас!

Афанасий Николаевич испытующе-зорким взглядом окинул кучку людей, топчущихся у крыльца, и те поспешно и молча стали расходиться. Санку Староверову запомнился этот взгляд маленьких колючих глазок. Не думал, не гадал парень, что очень скоро доведется вновь их близко увидеть...

Санко заканчивал школу; от отца месяца три не было вестей. Мать узнала, что сидит он в вологодской тюрьме, попыталась добиться свидания, да куда там. Ей сухо объявили приговор: Староверов Александр Митрофанович осужден «тройкой» к десяти годам лагерей без права переписки. Поплакали, погоревали мать и сестра Анютка. Санко сдерживал слезы, покашливая - один мужичок в доме остался. «Ты уж, Санушко, выучивайся дальше, - промокая слезы концом платка, говорила мать. - Тятя-то твой больно хотел тебя ученым увидеть, грамотным...»

Куда бы ни сунулся Санко - везде получал от ворот поворот. И вдруг к отчаявшемуся парню прямо на дом прибежал нарочный от председателя... Сальников подждал Санка, отвернувшись к окну. Парень тихонько прикрыл за собой дверь и несмело поднял глаза на низкорослую, перехваченную в талии широким кожаным ремнем фигуру. Председатель обернулся:

- Проходи, садись! Понял, паря, что ноне все двери для тебя затворены? А ты, бают, умный, головастый! Не в батяню своего... Да ладно, я зла не держу. Знаю, как тебе подсобить...

Афанасий Николаевич разложил на столе перед робко присевшим на краешек стула Санком чистый лист бумаги, сам обмакнул перо в чернила и протянул ручку.

- А чего писать? - пролепетал, принимая ее дрожащими пальцами, Санко.

- Не трусь ты, не забижу! - хохотнул, раздвигая губы в довольной усмешке, председатель и, поскрипывая хромовыми сапожками, запохаживал вокруг стола. - А пиши... Я, мол, такой-сякой, решительно и бесповоротно порываю со своим отцом. Так как он есть классовый враг и чуждый советской власти элемент. Поступаю сознательно и отныне

обязуюсь не иметь с вышеозначенным лицом ничего общего... Подпишись! Вот и ладненько.

Санко, озябнув от одного взгляда председателя, послушно вывел подпись, и опомниться не успел, как Сальников ловко выхватил из-под его рук лист и помаhal им в воздухе, подсушивая чернила.

- Отошло в газету. Пусть пропечатают, чтоб все знали. А тебя... поздравляю. Свободен!

Санко не заметил, как очутился на улице. Горели щеки, уши. «Порываю, решительно и бесповоротно... Но я же как лучше! Я дальше учиться хочу, сам тятя велел», - оправдывался он.

И потом всю свою долгую жизнь оправдывался...

Возвращаясь, к дому Сан Саныч подходил настороженный, но зря - выставшая горница была пуста, Манька исчезла. Да и он сам мало-помалу оправился от недавнего смятения и по привычке бормотал вслух, будто невидимому собеседнику: «Вероятно, она женщина легкого поведения. За хлеб и ночлег благодарить таким дурным образом! А... вдруг по-иному она просто не умеет, не может? И ей все одно - кто перед нею?! Бедная женщина!»

Глава третья

Кирилл Аркадьевич Ломунов частенько бывал недоволен своим сыном. Не мог Игоря отцу угодить. После армейской службы вышло у Ломунова-младшего притулиться в жизни лучше бы да не надо - назначили Игоря председателем районного спорткомитета. Парень с пеленок считал себя не только заядлым, но и удачливым футболистом, того же мнения были и все, кто приходил поглазеть да поохать на городской стадион, где капитан Ломунов с сотоварищами мастерски управлялись с мячиком, и любые заезжие команды терпели одни поражения.

Ошалелые болельщики носили своего кумира на руках, лезли лбызаться и к Кириллу Аркадьевичу, до синевы надавливали ему руку: «Эва, сынок-то твой! Каково нос утер этим...» Дальше следовало название местности, откуда прибыла «ломуновцам» на растерзание чужая команда, но ни географическое положение, ни лезть впечатления на Кирилла Аркадьевича не производили. Он морщился только, норовя побыстрее высвободиться из цепких объятий болельщиков и - что уж вовсе всем на удивление! - отворачивался от щедро, через края, налитого стакашка. По любому другому поводу такого за Ломуновым не замечалось. Приемщик на складе - безотказная душа.

Дома, под косыми взглядами отца, радость победы у Игоря меркла, а когда Кирилл Аркадьевич начинал ворчливо вспоминать о запущенных домашних делах и неухоженных грядках в огороде, она и вовсе улетучивалась. Но это прежде Игорь гонял мяч за здорово живешь, ради собственного удовольствия, теперь-то спорт кормил его, зарплату стал Игорь получать, как всякий порядочный гражданин. Однако Кирилл Аркадьевич опять засомневался:

- Вот ты сегодня даже за мячиком не бегал, а только с лавки глазел да пальцами другим указывал... И за это деньги платят?

В ответ Игорь усмехнулся, пожимая плечами.

- А как же! Не можешь ты, батя, понять, что работа это моя. Призвание!

Отец и сын стояли друг против друга: оба коренастые, крепкие, разве что черты лица различались - у Кирилла Аркадьевича твердые, решительные, точно выдубленные прожитыми годами, а у Игоря - помягче, в мать.

- Так ты, как и прежде, Гошкой-футболистом именоваться будешь?

Кирилл Аркадьевич отступил на шаг, смерил сына презрительным взглядом. Игорь в ответ промолчал, покривил рот. Иных слов от отца он и не ждал, потому как знал причину попрекам. Еще перед службой в армии угораздило Игоря закончить сельскохозяйственный техникум в своем же городке. Учился он с серединки на половинку, больше ошиваясь по коридорам, да и привлекла его в сие учебное заведение добротная спортивная база. Отец тогда тоже ворчал: дескать, какой из тебя земледелец, коли лень даже грядку в своем огороде вскопать или выполоть.

А теперь вдруг нашло ему на ум сына в агрономах видеть. Игорь и носа в ту сторону не повернул, вот и взбеленился Кирилл Аркадьевич. Нет бы понять, что хороший спортсмен

получше никудашного полевода будет. Как маленький, пойдй объясни! Игорь повернулся и пошел, а вслед ему понеслось на повышенных тонах:

- Оно, конечно, футбольное поле не хлеборобское! Отбегал, оттряс... - тут Кирилл Аркадьевич припомнил штуки, из которых у птиц птенцы вылупляются. - Не пыльно тебе и ни заботушки! Губа у тебя не дура. Игорь Кириллыч! Но я в твои годы от дела не лыгал!

- Чего ж тогда из деревни-то сбежал? - язвительно поинтересовался Игорь и плотно прикрыл дверь - крепкие отцовы словечки споткнулись о преграду...

Надумав запоздало жениться, Игорь мимоходом представил отцу с матерью свою суженую и, не дожидаясь свадьбы, перебрался на житье к ней в квартирку и уж глаза Кириллу Аркадьевичу больше не мозолил. И тут произошло событие, резко перевернувшее жизнь всей ломуновской родовой...

Такой растерянной и счастливой улыбки на лице сына Кирилл Аркадьевич не видал никогда: не иначе, Игорь забил сотню мячей кряду в ворота противника.

- Батя, а меня мэром города выбрали!

- Это за какие такие заслуги? Слыхал я, что влез ты в эту колготу с выборами, так я думал, сдуру!

- Репутация, батя! - Игорь нервно потирал руки. - Не пью, морально устойчив, пример в работе и быту, кристально чист... Нет теперь твоего Гошки-футболиста, а есть Игорь Кириллович Ломунов, мэром города! Эх, заживем, пускай все завидуют!

- Вот-вот, ампутация одна! - морщась, закивал Кирилл Аркадьевич. - Опять ты преподнес мне, сынок, подарочек! Под самую старость... Спасибо!

Игорь ожидал от отца если уж не ликования, то хотя бы поздравлений, но только не этого расстроенного вида.

- Расхвалить-то себя до небес и дурак может! И людям золотые горы наобещать. На то язык даден. Вот только делами-то городскими заправлять, небось, сало в голове иметь надо. А много ли его у тебя?

- Какое сало? - не понял Игорь, но когда дошло, вспыхнул: - Вечно тебя, батя, мои удачи коречат, а сам дальше простого складского приемщика не ушел. Хотя бы раз за сына порадовался! Какое, и в мечтах не держи...

Обиделся Игорь крепко, даже перестал вовсе навещать старикам. Кирилл Аркадьевич и Анна Макаровна приходили, бывало, сами к молодым в гости, но сидя за столом, чувствовали себя неуютно и принужденно. Игорь, надув обиженно губы, вскоре находил себе неотложное дело, и от невестки Галины, подчеркнуто-предупредительной, веяло холдом. Приходилось откланиваться несолоно хлебавши...

Глава четвертая

Староверов поднимался чуть свет и, торопливо одевшись, выходил на крыльцо. Лишь край неба слабо зеленел. В сумерках, во влажном от августовской росы воздухе уже не пробовали голоса мелкие птахи, лишь доносился ленивый грачиный грай из городского парка. Городок еще крепко и безмятежно спал. И шум от редкой, пронесшейся по центральной улице-шоссе автомашины долго метался отголосками по его пустынным улицам. Восток наливался ало. Сан Саныч, изрядно продрогший, но зато бодрый, с ясной головой, напоследок хватанув жадно, словно запасая впрок, воздуха, нырял обратно в избу и ставил чайник...

В это утро Сан Саныч, едва высунув на волю нос, заметил в соседнем огороде человека. Тот расхаживал по забороздку почти нагишом, прикрытый лишь тряпицей наподобие набедренной повязки, взмахивал руками, приседал, крикая: не иначе, занимался физзарядкой. Староверов отупело уставился на живой скелет, обтянутый желто-фиолетовой кожей, причем фиолетового цвета - наколок - было значительно больше. Мужичок приветливо помахал рукой, справил нужду под березой и, накинув на плечи заплатанный, длиннополый ниже колен, пиджак, подошел к Староверову.

- А я-то подумывал, что ты, дорогой мой гражданин учитель, давно дуба врезал! - откровенно заявил он. - Не свидимся. Меня, поди, и не помнишь?.. Бориска я, Ефимов! Ну?!

Он, ухмыляясь, вдруг захрюкал поросеночком. Сан Саныч напряг память - насчет происшедшего в молодости она работала безотказно, и вспомнил свой первый класс в холодном флигеле бывшего барского дома в деревне неподалеку от городка, ребятишек в закуржавленных от дыхания одежках. За передней партой - доходяга, паренек с бесцвет-

ным хмурым личиком мерно и сосредоточенно двигал челюстями. Запихнув в рот еще ломоток хлеба, парень, по-дурацки пляясь на учителя, стал вдобавок и звучно чавкать.

- Ефимов, прекрати!

Бориска надулся обиженно:

- Тебе жалко, что ли?

- Выйди вон!

Боря лениво поднялся из-за парты и вразвалочку, кривляясь, поплелся к двери. И захрюкал поросеночком, точь-в-точь! Класс грохнул, Сан Саныч, пунцовея щеками и ушами, тоже не смог удержаться от смеха. Никакой злости или обиды на Ефимова он не затаил...

- Да, были времена! - похохатывал теперь, скаля черные гнилые зубы, Борис. - Ты, Сан Саныч, поднеси-ка мне чарочку! Ей-богу, имею право, век свободы не видать!

Слова из Бори полились щедрым, сдобренным матом и похабщиной, ручьем. Сан Саныч, морщась, узнал, что бывший его ученичок двадцать пять лет провел в тюрьмах. С краткими перерывами, правда.

«И все попадал-то из-за пустяков! - бил он себя в чахоточную грудь. - В первый раз - за воровство. Сумели от колхоза из деревни тягу задать тятка с мамкой, осели в городке, у свояка в доме с шестерыми ребетенками на руках. Жить надо, жрать надо. Отец охранником в местную тюрьму заделался. Зеков, нашего брата, шлепать! - Боря надул худые щеки и звучно хлопнул по ним ладонями. - Две сотни на тот свет отправил, потом самого пригроблю, жди. Но до двух сотен мой папашка не дотянул, от чего-то сам загнулся. А я уж в ту пору на нарах вшей кормил. Связался с местной шпаной, пока родитель мой из нагана по зековским затылкам палил. Однажды подломили мы склад, и замели меня менты с мешком тряпок...»

Вернулся Боря из мест заключения злой и голодный до жратвы, вина и бабьего тела. Заглянул домой - мать бьется с младшими чадами. Обняла сынка, поплакала, а накормить-то с дороги досыта и нечем.

Борька, двадцатилетний крепкий парень, не боявшийся ни черта, ни «ментов», ни грязной работы, пристроился ассенизатором в горкомхоз. «Левака» хватало, что ни говори, а профессия эта самая нужная в городе. «Бабки» завелись, завелись и бабы. Особенно неравнодушен был Боря к ширококостой пышногрудой Варьке. «Сушная стерва», она смачно высосала все борины ресурсы, в том числе и сугубо мужские. От Бори осталась одна тень, да и ту мотало ветром. Однако силенок истяпать топором до полусмерти свою сударушку ему хватало, когда застал ее в постели с очередным кавалером... «Живучая, сволочь, оказалась... - до сих пор сожалел Боря. - Я ж ее любил...»

Срок ему навесили приличный, «червонец», и, отсидев все от звонка до звонка, возвращался в городок Боря уже в зрелом вполне возрасте. Как человеку зрелому, ему хотелось от земляков уважения, почета, но все шарахались от него, как от зачумленного. Боре все же удалось вызвать интерес к своей персоне у кучки алкашей возле «казенки» после того, как он на последние кровные купил винишка, и даже довелось выступить с бурной речью «за жисть». Если слушатели взирали на Бориса равнодушными остекленелыми глазами, то речь его явно не пришлась по вкусу бывшему летчику-истребителю в инвалидной коляске. Он прервал вошедшего в раж Бориса весьма непочтительно:

- Эх ты, герой с дырой! Когда мы жизни не щадили в битве с врагом, такие, как ты, в глубококом тылу на нарах прохлаждались! А теперь го голями ходите, опойки!

Оскорбленный до глубины «нутра» Боря коляску опрокинул и орденосца-инвалида в лужу вытряхнул. Ну, и сам загремел опять...

- Всякое бывало! - заключил Боря, высосал из четвертинки последние капли, и робко попросил: - Ты, Сан Саныч, может, еще найдешь?

Староверов, обхватив скулы ладонями, содрогаясь от омерзения и страха, неотрывно смотрел на Борю. Тот, очевидно, окрыленный неподдельным интересом к себе, осмелел:

- Сан Саныч, ты налей, налей мне! Имею я право выпить за свою развеселую житуху! Имею! У меня ж легкого одного нету, чахотка сожрала. Мне б сейчас отдыхать надо после последней «ходки»! Хи! - Боря дурашливо захихикал. - А попал опять из-за пустяка. Бабенка мне одна приглянулась. Дело - на складе, она там не то приемщица, не то зав. Ну, я ее на мешках поприжал маленько, своего добиваясь... «Навешали» потом изнасилование и разбойное нападение. Да ей самой хотелось, я ж мужик видный был...

Боря закашлялся натужно, задыхаясь, брызгая слюной. Навалившись грудью на стол, он долго бился об столешницу головой и, наконец, жадно хватая ртом воздух, поднял на Староверова красные, едва не вылезшие из орбит глаза:

- Отдохнуть бы мне... Думал, доползу до порога, обнимусь с мамой... Ан нет! Мамы уж давно в живых нету, и хоть написал мне кто из сестер! Братец хренов, «погоняло» - Аллюра, уморил ее голодом, старухи соседки соврать не дадут. Пенсии у мамы никакой, братец от «хозяина» пришел с пробитой башкой, дурак дураком и уши холодные. Всего и «червонец» за грабеж отсидел, супротив меня - сямка, а на работу никуда не берут. Мать чугунок картошки сварит, он все в одиночку сожрет. А чтоб с матерью не делиться, нахаркает туда прежде. Мать и иссохла вся, и сестры не спохватились вовремя в чужих городах, - Боря вытер мокрые глаза замусоленным рукавом пиджака. - А братец родной мне с порога - я тебя, дескать, знать не знаю, канай, фраер, куда хочешь! Только и проняло, когда «поллитра» у меня в кармане заметил. Выпили, закусили - и он на меня драться! Решил - все, хана! Еле вырвался. Пришлось возле дома на воле куковать, пока не уснул, сволочь. В сеннике я заночевал. Весна еще ранняя, замерз так, что до сих пор отогреться не могу... Вот и жили. Удастся Аллюре этому где стакан «паленки» раздобыть, и сразу лезет ко мне пластаться. Уносит ноги - бьет смертным боем!.. И ты знаешь, соседушко, эту сволочь, этого фраера в дурдом намедни упекли! Сестры позаботились. На вечное поселение-е! - злорадно протянул Боря и запрыгал, совершая нечто наподобие танца. - Теперь жинзя-я у меня будет! Лафа! Век воли не видать!

Сан Саныч, глядя на пляшущего Борю, ужаснулся. Сияясь припомнить лицо своего брата-погодка, в далеком детстве задавленного насмерть обвалившейся крышей старого двора, где мальчишка спрятался, играя в казаки-разбойники, подумал: неужели и мы бы так? Как два затравленных волка?! Подстрелили одного, а другой все еще скачет в кольце из красных флажков, охваченный безумной радостью, начисто убившей всякий страх: не его, не его! Может, еще и вырваться удастся?!

- А если б ты, Борис, был брата поздоровее?

- Так я б его, падлу, жизни лишил!.. Слушай, Сан Саныч, не найдется у тебя одеколону-чику?

- «Тройной» только.

- То, что надо! - прищелкнул языком Боря. - Нужно ж это дело толком отпраздновать! Одолжи?!

Вскоре тихий проулок огласился Бориным пением. Борис восседал на пороге дома и издавал хриплые яростные крики, чередуемые с жуткими матами нараспев. На некоторое время певец стихал, вероятно, задремывая, но потом опять упорно выводил свою песнь...

Утром Сан Саныч на всякий случай осторожно обошел кругом борин домик. Внезапно в одном из заколоченных окон откинулась фанерка, и в амбразуру просунулась плешивая голова Бориса со страдальчески искривленным лицом.

- Сан Саныч! Не посчитай запахло, сбегай за водичкой! - борин голос доносился как из могилы. - Подыхаю...

К ногам Старовойта упал закопченный помятый котелок. Сан Саныч попал словно в мрачное нутро погребка. В пробивающихся с улицы в щели между досок на окнах лучиках света он различил большую грудку кирпичей посреди пустой избы, а за нею, поприглядевшись, и Бориса. Тот стоял на карачках.

- Волоки котелок сюда! - просипел он ступавшему боязливо по земляному, изрытому ямами, полу Старовойту. - Ставь!

Из кирпичей было сооружено нечто вроде очага. Боря, раздув теплинку, на четвереньках, охая, дополз до притулившейся в углу койки, залег, наваливая на себя грязный ком тряпья.

- Наверно, сдохну! На радостях-то вместе с одеколоном выжрал лаку бутылку. Вроде лак как лак, а скрутило и вывернуло - не продохнуть! Каюк! Опохмелиться бы, выручи...

Пропустив водочки и слегка перекусив, Борис сразу оживился, порозовел даже. Глазки его под мохнатыми рыжими бровями, довольные, забегали:

- Что ни говори, Сан Саныч, а я богатырь! Не перевелись еще они! - Боря сел на койке и, раскидав тряпье, заболтал ногами. - Сорок градусов «за воротник», чего занюхать, и никакой мороз, зима не сташны! Кто другой на моем месте давно бы «коньки отбросил», а я не собираюсь. Пляшу и песни пою! Еще поживем, еще увидим! Па-а-а диким степям Забайкалья!..

Боря надрывно заголосил, а Сан Саныч, сидя на корточках у костерка, на котором сердито шипела вода в котелке, следил глазами за струйкой дыма, исчезающей в квадратной дыре в потолке дома.

- Печь, язвы ее в душу, обвалилась! - резко оборвав завывания, радостно воскликнул Боря, перехватив взгляд Староверова. - Пыли, копоти было! - он захохотал с таким злорадством, будто не у него в доме, а у ненавистного врага развалилась печь.

Хохот сотрясал все тщедушное борино тело, он и вытряхнул все последние силенки. Борис, скорчась на койке, вскоре только беззвучно открывал и закрывал рот, будто рыба, выброшенная на берег. Из котелка через край хлынул кипяток, взорвавшись облаком пара на тлеющих углях. Сан Саныч, не попросившись, поскорее выскочил из избы-чума: от пара вперемешку с гарью сдавило в груди.

«Господи! Как он зиму-то переживет, ведь погибнет! И сам не понимает этого! - мысли Староверова метались суматошно. - Может, пригласить его пожить зимой у меня? Нет, только не это!.. Где же выход?» Ничего не придумав, Сан Саныч решил пока носить бедному соседу кой-какую еду. Поживем-увидим...

Глава пятая

Афанасий Николаевич Сальников в спокойном состоянии духа прошлое никогда не ворошил, лишь рассерженный или обиженный, пытаясь унять готовое выпрыгнуть из груди сердце, прикрыв глаза, устремлялся мысленно в те далекие годы. Делал это, чтобы успокоиться, и прежде такое удавалось, но в последнее время вместо приятных радужных воспоминаний ему стали видеться лица раскулаченных крестьян «при городе».

Фамилии и имена Сальников давно путал и, вспомнив до мельчайшей черточки чье-либо лицо, бывало, не мог сказать, как того человека звали. Зрительная память цепко держала лица, на тот случай, если вдруг кто-то из изгнанных вернется с отмщением. Нужно успеть упредить удар. Жена по ночам закрывала ставни на окнах, запирала их на крепкие запоры. Афанасий Николаевич не расставался с наганом, спал - под подушку прятал. Днем Сальников был недоступный и неподкупный председатель городковского совета, а если бы глухой ночью кто-нибудь заглянул в потемки его дома, то увидел бы там обычного, заурядного, трясущегося за свою шкуру слабака. Никто из раскулаченных и высланных в городок не вернулся. И Сальников стал все меньше ожидать и побаиваться ночной пули из обреза сбежавшего с колымских приисков земляка...

Встретив сегодня среди улицы Староверова, Афанасий Николаевич, увидев черты хорошо знакомого лица из тех, кто был о т п р а в л е н, в первую минуту обмер. «Все! Вернулся!» - трепыхнулось в его оцепеневшем мозгу, и остановился бы Сан Саныч рядом - старик наверняка бы испустил дух. Но Староверов прошел мимо, и Афанасий Николаевич мало-помалу стал возвращаться к жизни и способности разумно мыслить. «Да это ж сынок Митрофаныча! Того самого, что меня тогда убивать наладился!» - вспомнил наконец.

Александр Митрофанович Староверов в колхоз записываться отказался наотрез. Хотя бы хозяйство было большое, а то так себе - середнячок. Прежде держал много скотины, но сбавил, когда здоровье сдавать стало: сказались раны, на германском фронте полученные. За надел земли держался цепко. На собрании, где намеревались объединить в колхоз крестьян «при городе», под шумный говор Митрофаныч поднялся с лавки и махнул зажатой в руке шапкой в сторону президиума:

- Не согласен записываться! Вы поглядите, кого нам в председатели суете - Спиридона Сакова! У него ж отродясь - ни кола ни двора не бывало! А мне делись с ним...

- Зато я батрак. Был. Чужим горбом добро себе не наживал. Вот! - по-петушиному выпятив грудь, приподнялся из-за стола президиума Спирька и преданно глянул на сидевшего рядом Сальникова.

- А я не могу так, чтоб кто-то дурака валял, а я втыкал бы...

Староверов, тягостно вздохнув, сел. Но прежде - так показалось Афанасию Николаевичу - взглянул на него недобро. «Погоди, старый хрен! Доберусь...» - озлобился Сальников.

Митрофаныч мало сам не пошел в колхоз - и другим отсоветовал. Начали давить на единоличников налогами. Александр Митрофанович, кряхтя и отдуваясь, расплатился с одними, кое-что распродав - с другими, соскребая последние крохи - с третьими. А когда принесли еще одно извещение на налог, подался в горсовет.

Афанасий Николаевич Сальников восседал за столом бывшего городского «головы». Стол был широк, высок и представлял множество неудобств коротконогому, тщедушному юному председателю: ему приходилось под зад класть кожаную подушку. Но со сто-

лом Афанасий Николаевич ни за что не пожелал расставаться, хотелось казаться внушительней.

На скрип двери Сальников поднял голову от разложенных по столу бумаг и увидел входившего несмело, бочком, Митрофанюча. Тот остановился на пороге, теребя в руках шапку, уставился на большой светлый прямоугольник на стене, в центре которого висел маленький портрет Сталина. Но стоило Староверову перевести взгляд пониже и встретиться с глазами Сальникова, как Александр Митрофанович преобразился. От робости и следа не осталось.

- Вот зачем я к тебе пожаловал, Афанасий-свет Николаевич... Сидишь ты тут, ровно паук, все соки из нас вытянул, - заговорил он с подковырочкой, как с соседским мальчишкой, будто и не был Афанасий Николаевич высоким начальником. - Никакой совести и жалости у тебя нет. Прордыху не даешь. Пришел я просить отсрочку от налога. Нечем платить, хоть последние портки сними - не хватит. Пойми хоть по-соседски...

- Хоть по-соседски, хоть по-каковски, а налог ты обязан выплатить сполна! - холодно и сухо отчеканил Сальников, опять сунув нос в бумаги. - И в срок!

- Не ведаю, в кого ты такой уродился! Отец у тебя хорошим человеком был, а вы с братом Пашкой как два обсева в поле! Христом-Богом прошу, дай отсрочку! Дай! - взмолился Староверов.

Он шагнул к столу, в черных его глазах пыхнули недобрые колючие искорки. Сальников пристыл взглядом к заткнутому за пояс мужика остро отточенному топору. Митрофанюч к нему не притрагивался, но леший знает! Афанасий Николаевич медленно поднялся из-за стола, пошел вдоль него, опираясь пальцами об край.

- Погоди! Может, чего и решим. Положительно. Сейчас принесу одну бумагу, - не сводя настороженного взгляда со Староверова, он, как можно спокойнее ступая, пересек кабинет и выскользнул за дверь.

Ключ торчал снаружи из замка, и Сальников, захлопнув дверную створку, с диким торжеством и наслаждением провернул его. Кабинет участкового был рядом - дверь нараспашку. Участковый с другим милиционером смолили махру.

- Мужики! Товарищи! Убить меня тот гад хотел!

- Кто?! Где?!

- Староверов! Запер я его у себя в кабинете. Топор у него!

С наганами они встали у дверей.

- Сдавайся, хуже будет! - крикнул участковый и, провернув ключ, распахнул дверь.

Митрофанюч с великим недоумением уставился на направленные ему в грудь стволы наганов.

- Топор на стол! Положь быстро! Та-ак! Руки за голову! Выходи!

- Сволота ты хорошая! - Староверов, выходя со сцепленными на шее руками, плюнул в Афанасия Николаевича. Метил в лицо, а попал на носок сапога...

Сальников потом, спустя многие годы, не раз задавал себе вопрос: так ли уж вознамерился убить его Митрофанюч? Может, все было куда проще: испугался председатель блеска лезвия топора, струсил? Или дело в другом?.. Хотелось неудобного, становящегося поперек дороги человека убрать, и возможность это сделать - быстро, надежно и без усилий - появилась. Сальников давно замечал за собой: уж коли невзлюбил кого, то готов был бить и гнуть до гробовой доски. И даже память опорочить. Иначе зачем подсказал, а куда точнее - приказал Санку Староверову написать отказ от родного отца? И когда трясущийся от страха паренек отрекся, Афанасий Николаевич почувствовал радостное облегчение - ну, вот, Митрофанюч, ты и кончился!

Глава шестая

Тихона Яковлевича Грача под его «шестидесятничек» успело по России-матушке помотать. Но он не был шабашником-длиннорублевином, или босяком, или непоседливым романтиком, гонявшимся за туманом. Голубенький «поплавок» на лацкане пиджака и красные «корочки» в кармане позволяли Грачу уверенно держаться на плаву в любой тихой заводи. Излишне любопытным Тихон Яковлевич отвечал:

- Кровь во мне кочевого народа. Да и Грач - перелетная птица.

И снисходительная улыбка появлялась на его холемом, с тонкими чертами лице: что, дескать, сами не понимаете - рыба ищет, где глубже, а человек где лучше.

Городок, суший райский уголок, летом весь в зелени и цветах, с козами, пасущимися

на улочках, и доверчивыми, не шибко «тронутыми» цивилизацией людьми, показался Грачу лучшей из заводей, где приходилось доселе обретаться. Водичка тут теплая и спокойная, свежий ветерок в редкость.

Тихон Яковлевич без натуги, споро заподпрыгивал по ступенькам местной служебной лесенки. В конце концов, он оказался в здании екатерининских времен, в узком, похожем на каземат, кабинете - в кресле мэра города. Здесь, как и на прежних местах, где доводилось ему присутствовать, он не высовывался вперед, не лез со своими соображениями и внимал кому надо с уважительно-покорным видом.

С «представителями населения», как именовал горожан в отчетных бумагах Тихон Яковлевич, общаясь с глазу на глаз, приходилось ему туговато. Особенно донимали пенсионеры. Даже его обезоруживавшая, виновато-сочувствующая улыбка, надежная и проверенная, как щит, действовала на посетителей не всегда безотказно. Одна, безобразного вида старуха, которая то ли не могла добиться, чтобы помойку во дворе вычистили, то ли у бедной потолок в доме обвалился, ударила по «щиту» с богатырской силой копьёметателя: «Ты не грач! Он - птица полезная. Ты - вор-рона!» Но щит удар выдержал, не разлетелся в куски: Тихон Яковлевич поморщился только.

Пилюли глотать случалось все же редко. Большинство посетителей, сбитые с толку, остуженные улыбкою Грача и вдобавок зачарованные его «элегантными», не виданными в здешних краях манерами, «входили в положение», соглашались во всем, неменя языком, и лишь на улице давали волю словам, далеко не восхваляющим персону мэра.

Лишь однажды размеренная и «бумажная» жизнь Грача всколыхнулась, а потом и осветилась настоящей страстью. Начальник одной из шарак в городишке, хитро щурясь, развернул на столе перед Тихоном Яковлевичем свиток ватмана с чертежом затейливого, с приамбасами, особнячка.

- Десять комнат, хоть в футбол гоняй! - прищелкнул языком посетитель. - И в центре бы города! Пополом мне с вами, на паях. Как?

Грач, поначалу напустив на себя непонимающий вид, собирался уже придать своему лицу выражение неприступности, даже холодной брезгливости - мол, не забывай, друг, где находишься и перед кем... Но не собрался.

- Ладно, я посмотрю. Оставьте чертеж, - с полным безразличием, для пущей убедительности пожимая плечами, ответил он.

Житье в пятиэтажной «коробке» на городской окраине давно было не по нутру Тихону Яковлевичу. Шум, гам со всех сторон. Одни смотрят на мэра благоговейно, как на «спасителя», другие - как с полгинника им не сдал. Дорога к месту службы - словно по ней прошла колонна танков... И пять комнат, не три. За окном садик можно заложить, хоть в гамаке потом нежься...

Короче, дворянский теремок, достаивающий второй век на краю старинного парка и поставленный было на заслуженный ремонт, раздернули по бревнышку тракторами вмиг, словно из красиво улыбающегося рта вышибли зуб. А уж заполнить...

В городке любая новостройка растет охо-хо как медленно, пока от котлована дойдет черед до крыши - до Китая раком допятиться можно. Партнер Грача - шаражка, силенками небогатая, техникой людьми обиженная, а посему проку от нее ни на грош. Только числится в бумагах, что дом строит. Сколько километров накрутил Тихон Яковлевич по району и по области, что служебный «москвичонок» безнадежно развалился, сколько нервов истрепал и себе и людям, «выбивая» кирпич, технику, бригады - ух, одному ему, страдальцу, ведомо. Кто другой, может, и бросил бы эту затею, но... не изведаль бы, малодушный, той радости, которая, как младенец пальчиками, трогала сердце Тихона Яковлевича, когда видел он, как тихо, но все же подрастали стены особняка.

Появилась и крыша. Не бывало вечера, чтобы Грач по дороге со службы не сделал крюк мимо своего детища. Разглядывая предзакатные солнечные блики на стеклах больших окон, он, как заклинание, повторял:

- Скоро уж... Скоро. А то ведь еще на срок меня точно не выберут.

Судьба-злодейка распорядилась с сердешным Тихоном Яковлевичем своенравно: до выборов в дом заселиться он не успел, его, «пролетевшего, как фанера над Парижем», взяли в райцентр вроде б на повышение - управделами в администрацию. Досиживай бы до пенсии! Да вот беда - на особнячок, его слезиночку-кровиночку, тут же сыскался соперник...

Глава седьмая

Игорь наверняка бы до сих пор холостяковал, попивал винишко, если б не спился совсем, как кое-кто из его прежних друзей по футбольной команде. Лет до двадцати пяти исправно мял первых попавшихся девок, молоденьких разведенных бабенок, но надолго и всерьез ни одной не увлекся. А те, подметив, что Игоряха ни шьет, ни порет, желает только одного и о дальнейшем не думает, охладевали к нему, ускользали. Расставался с очередной пассией Игорь равнодушно, жениться он не хотел и боялся.

Футбольная команда, когда-то сплоченная и победоносная, разваливалась, подтачиваемая женитьбами друзей, которым в семейных заботах за мячиком бегать стало недосуг. Собирались на игру очень редко. Зато Игорь и еще двое-трое стойких холостяков все чаще встречались за бутылочкой водки. И странное дело, недолгие подружки теперь липли к Игоряхе мало, а он сам довольствовался втихую услугами распоследних спившихся шлюх в городке. Таким много не надо: стаканище водяры, и на всю ночь твоя. Бр-р-р, как неприятно было это все сейчас вспоминать!..

Вот тут-то и появилась в его жизни Галина. Игоряха случайно забежал на минутку к дальним родственникам, да и остался надолго. Они принимали гостью, на столе красовалась початая бутылка. Игоряху усадили за стол; он первым делом вперился взором в посудину, на оказавшуюся же по соседству с ним гостью, далеко не первой свежести девицу, покосился бегло. Потом уж волей-неволей стал на нее поглядывать повнимательней: больно хитро подмигивала ему сродственница Алька, неряшливая ширококозадая бабенка с языком без костей. Намедни она пропела Игоряхе все уши, стремясь познакомить его с преподавательницей из техникума. Алька мыла там полы и, стало быть, водила знакомства.

У Галины было широкоскулое рябое лицо с маленькими острыми глазами в частой сеточке желких морщинок. «Э-э, девушка, да тебе годиков тридцать пять, никак не меньше, - пренебрежительно решил Игоряха. - А еще без «штукатурки» ходишь. Старушка божия!» Он подметил, что у нее нескладная угловатая фигура. Галина постоянно сутулилась, втягивая в плечи голову на короткой шее. Лишь одно удостоилось благосклонного игоряхино внимания - высокая грудь Галины под белоснежной легкой кофточкой.

Разговор за столом велся по пустякам, Алька трещала, как сорока, а Игоряху потянуло живописать недавний свой поход за грибами. Рассказ его, видать, получился шибко складным да ладным, коли Галина проявила неподдельный интерес и полусхвату попросила сводить ее по грибы. Игоряха, воровато косясь на ее высокую грудь, согласился...

На другой день, в послеобеденную пору, они побрели к лесу. Игоряха осторожно придерживал Галину за ладонь и нес, что приходило в голову. В лесу он притих; пошли, разомкнувшись, искать грибы. Парень скоро потерял из виду мелькавший между стволами деревьев белый галинин платок, забеспокоился, зааукал, но Галина не откликнулась. Игоряха заметался, споткнувшись о пенек, растянулся пластом, оцарапав лицо. Он чуть не сорвал голос, пока, наконец, не пробился сквозь чапарыжник к широкой тропе. Галина стояла на ней и улыбалась. Игоряха подбежал к Галине, принялся заботливо охлопывать ее по плечам - цела ли? Она со своих плеч его рук не скинула. Так и пошли дальше по тропе, обнимаясь. Игоряха, вытянув губы, робко чмокнул Галину в щеку раз, другой, третий, потом присосался, впился в ее губы жадно.

Они бродили по лесным тропинкам, позабыв начисто про грибы, до сумерек. Красный шар солнца, будто напорившись на лесные вершины, растекся по небу багряной полосой, деревья и кусты по обочинам тропы сплетались в сплошные черные стены. В чаще вдруг трескуче захлопала крыльями какая-то птица, и разнесся по лесу крик - жуткий, протяжный. Галина испуганно прильнула к Игоряхе, пряча лицо на его груди, и ему самому, порядком струхнувшему и пристыгнувшему к месту, немалых усилий стоило решиться сделать шаг. Чутко вслушиваясь в темноту и начиная глохнуть от ударов собственного сердца, они шли недолго: ельник неожиданно расступился, открылось широкое поле, а вскоре в низине мелькнуло, светясь, речное плесо.

Упав рядышком без сил прямо в росяную траву на берегу, Игорь и Галина обрадовано и долго целовались. Журчала вода на камушках переката, в ближнем омуте играла рыба, и широкие круги торопливо бежали по его чуть розовой, исходящей легким парком, глади...

Тот давний вечер помнился Игорю до мельчайших подробностей. Следом были первые бессонные, изнуряющие, страстные ночи. Утомленный, Игорь садился на кровати в ногах Галины и при робком свете ночного фонаря, пробивающемся с улицы в щель меж-

ду шторами, любовался ее телом. Продрогнув от сквозняка из форточки, Игоряха прикинул к Галине.

- Я хочу ребенка! Понимаешь? Мне нужен ребенок... - шептала она.

Игоряха согласно мычал, мало осознавая, о чем именно просит Галина; раз ей так хочется, значит, так и будет. Однажды опять рассорясь из-за пустяка с отцом, пожаловался:

- Уеду я. К армейскому другу. Надоело все...

- А как же я? - тихо спросила Галина.

- Ты? - удивился Игорь. - Ты... Не знаю.

В неловкой тишине Галина всхлипнула, или это только показалось Игоряхе. Он попытался разрядить обстановочку, болтнул о первом, пришедшем в голову. И, конечно, о футболе. Галина рывком села в кровати, заговорила отрывисто, резко и как о деле, давно решенном:

- Ты же никакой жизни не видишь! И никогда не увидишь! Но со мной... Ты... должен на мне жениться. И всех проблем!

Игоряхе, несколько озадаченному, осталось растерянно кивнуть... Он и потом всю совместную жизнь кивал: должен так должен, надо так надо. Вот и в мэры пролез. Как-то спросил жену: помнит ли она тот первый вечер в лесу? Галина в ответ недоуменно пожала плечами: «Это, кажется, тогда, когда мы заблудились? Так ведь вышли. Нашел, о чем вспоминать!» И вот снова сказала - огорошила:

- А особняк, где собирался жить Грач, вот-вот сдадут.

- Нам-то что?

- А то, что строился он для мэра города! Так что думай, слуга народа!

Игорь раздумывать не стал, не привык: одно слово - надо!

С новосельем у семьи Ломуновых выходило все гладко. Молодые и старые - оба «очередника» съезжались под одну крышу. Повезло, да и только! «Главное - успеть! Пока Грачище не закатился! - спортивным азартом загорался Игорь. - Формальности и потом утрясем». Больше всего его беспокоило, как отнесется к неожиданному переезду отец, вдруг упрется, не захочет вместе жить. Галина и то, скорчив страдательную гримасу, согласилась «пригреть» стариков, коли это для дела нужно. Кирилл Аркадьевич, искренне обрадовался:

- Хоть с матерью поживем в хоромах, как фон-бароны, последние годочки!

Игорь ушел с легким сердцем. «Любой чинуша сейчас и коттеджик, и дачку имеет - закачаешься! А я чем хуже? Хозяин города! Поступая, как старшие товарищи... - Игорь засмеялся, вспомнив фразу из чьего-то давнишнего доклада. - Да и Грач хибарку не на свои кровные отгрохал, в кармашек к государству славно полазил...»

На следующее утро Ломунов собрал кое-кого из членов городского самоуправления и поставил их, так сказать, перед свершившимся фактом. Упрямитесь никто не стал, мудро рассудив: а чем бы лучше, если б особняк занял Грач? На том и угомонились.

Вечером люд, пробегая мимо нового обиталища семейства Ломуновых, косил любопытным взглядом на ярко освещенные большие окна. Но прошло бы чуток времени - и вряд ли бы кто из привыкших с малолетства ничему не удивляться, заезженных жизнью гороковцев обратил внимание на заселенный дом, если бы не два человека.

С первым - Афанасием Николаевичем Сальниковым случился удар. «О-о-о!» - издал старик ликующий вопль, узнав от внука Сергуни о новоселье мэра. Торжествующая злорадность расперла все тщедушное существо Афанасия Николаевича, горячей волной бухнула в виски, и когда он очнулся на диване под настороженно-испытываемыми взорами Сергуни и фельдшера «Скорой» и потянулся к лежащим на столе листам бумаги и авторучке, правая рука его не послушалась, не шевельнулась даже, повиснув, как чужая. Сальников дернулся еще безуспешно раз-другой, хотел попросить Сергуню подать бумагу и ручку, но вместо слов с одеревеневшего языка слетело невнятное мычание. Афанасий Николаевич заплакал от страха и бессилия...

Другого - Тихона Яковлевича Грача тоже ошеломила наглость молодого мэра. Бедолага так мотнул головой, услышав новость, что очки слетели с его носа и брякнулись об столешницу. Под застывшим одеревенелым близоруким взглядом Грача клерк, принесший весть, испуганно попятился и своим задом стремительно раскрыл створки дверей кабинета.

Тихон Яковлевич схватил носовой платок и принялся им с яростью протирать стеклышки очков - еще б мгновение, и ткань носовика точно бы задымилась. Грач, водрузив

очки на нос, побежал к главе района Орлянку.

- Вы знаете!.. Вы знаете!.. - задыхаясь, взъерошенный, влетел он в кабинет. - Это самый настоящий произвол! Надо меры принимать!

Орлянку, чернявый шустрый сорокалетний крепыш с ранней лысиной, появлению Тихона Яковлевича не удивился: наверняка знал уже все. Прищуриив хитрые глаза, глава с интересом, будто в первый раз, разглядывал смятенного Грача, жестом руки предложил присесть и сочувственно закивал:

- Понимаю, какой вам нанесен удар. Разберемся... Вы, Тихон Яковлевич, как старый аппаратчик, должны отнестись к этому трезво и простить. Понимаете ли, молодость да властиска мало-мальская вскружили вашему преемнику головушку-то...

Орлянку, поблескивая глазками, говорил что-то еще, пока к Грачу постепенно возвращалось обычное холодновато-невозмутимое спокойствие. «Да он насмеяется надо мною, сволоочь! Своего протеже выгораживает, тоже болельщик хренов! Как же, гордость района, хоть и бывшая! И вся заварушка наверняка с его, Орлянки, подачи...» - решил Тихон Яковлевич и, встав, сухо откланялся. Удушливая волна неприязни к главе захлестнула его, застила глаза, и Грач вместо двери больно ткнулся носом в косяк.

«Орлянке хорошо, легко, - морщась от боли в ушибленном носу, бормотал Тихон Яковлевич, спускаясь по лестнице к выходу из здания. - Брат родной чуть ли не в Кремле работает, грешки всегда замнет в случае чего. А глава наш и выпить не дурак, и до баб очоч, и в «казну» ручонку запустить не постесняется. Но слывет у губернатора якобы ценным работником. Из-за брата московского и слывет. Был бы ценный, давно бы около братца ошивался. А так всем трезвонит: мол, жена у него из родных мест уезжать не хочет. Рисуетя, подлец. Здесь не худо устроился. Коттедж, дача. И все такое прочее...» Тихон Яковлевич слотнул слюну, стало ему еще тоскливее.

Эх, Гошка, футболист ты хреновый, спутал ты все карты!

Глава восьмая

И осталось Грачу таскать Игоря по судам...

Отпвело лето, настала промозглая слякотная осень. Закачался вдруг «трон» под орлянкиным братом. Вскоре пришло известие, что Орлянку-старший выдворен на пенсию по состоянию здоровья. Орлянку-младший ходил мрачнее тучи, на заседаниях хмуро от-малчивался. «Что?! Без «мохнатой» лапы сразу голову повесил? - злорадствовал Тихон Яковлевич и под столом яростно тер нестерпимо зудевшие ладони. - Похоже, мое время приходит!»

Одно немного оживило «главу» - областной суд постановил считать вселение ломуновской семьи в особняк непротивозаконным. Отец - инвалид войны, мать - труда, молодая семья нуждается в улучшении жилищных условий. Нечего было и грех заводить!

Грач был взбешен!.. И случай предоставил ему возможность поквитаться если уж пока не с Игорем, то со своим «шефом» - ведь Тихон Яковлевич не то что насмешки, косога взгляда не забывал. Раньше он не рискнул бы - братья Орлянки, дознайся они, перемешали бы его с дерьмом. Но времена менялись...

Праздновали чей-то юбилей; в администрации закатили банкет для избранных. Грач, кривя в усмешке тонкие губы и потягивая шампанское из бокала, слушал пышные речи присутствующих, по мере часто провозглашаемых тостов звучащие все развязнее. Собравшиеся быстро «косели», над столами, трещащими под изобилием вин и закусок, жарким облаком взмыл говор. Привели заранее припасенного гармониста. Кое-кто, более-менее держась на ногах, полез из-за стола плясать. Орлянку засучил короткими ножками вокруг сутулой длинноносой дамы - заведующей отделом культуры, с кряком присел пару раз, схватил даму за руку и потянул за собою. Они побежали в длинный полутемный коридор, собираясь уединиться в кабинете.

Вся администрация смаковала этот странный роман. Орлянку сам был далеко не красавец, но все ж наперсницу себе мог выбрать и посмазливей. В годах, с плоской грудью, голосок точь-в-точь скрип несмазанной двери, но... каждый своей дурью мается. Любонники укрывались, будучи в совместных командировках в дальних углах района, на работе же относились друг к дружке подчеркнута деловито. Еще бы: у Орлянки, если верить слухам, жена была жутко ревнива.

Под воздействием винных паров Орлянку, видать, потерял обычную осмотрительность. На исчезновение главы никто не обратил внимания, лишь Тихон Яковлевич через

некоторое время неторопливо, вроде бы как по нужде, выбрался из-за стола. По лестнице стремглав взбежал он на третий этаж и на цыпочках прокрался к двери кабинета орлянкиной путаны. Так и есть! Грач расслышал приглушенные голоса, какие-то шорохи, донесся звук поцелуя. Тихон Яковлевич увидел торчащий в замочной скважине ключ и, дотронувшись до него дрожащими пальцами, осторожно повернул его, гася щелчок.

План созрел в голове Грача еще за банкетным столом, теперь пришло время приступить к его исполнению. Дьявольский план, хи-хи! Бывало, от таких штук ох какие головы летели! Довольный собою Тихон Яковлевич опять-таки на цыпочках удалился, по ступенькам лестницы соскользнул почти ласточкой и метнулся в пустую вахтерскую к телефону. В квартире главы долго не снимали трубку, и пыл Тихона Яковлевича стал остывать.

- Да! Слушаю! - тревожный женский голос ответил внезапно.

- Это, эт-то... Софья Ивановна? - заикаясь от волнения, едва выдавил из себя Грач. - Я, как порядочный человек, считаю своим долгом сообщить... Ваш муж находится сейчас с чужой женщиной!

- Что делает?

- Это самое...

- Где?! - взвизгнул голос, чуть не порвав барабанную перепонку в грачином ухе.

Тихон Яковлевич назвал точные координаты, и когда жена «хозяина» еле слышно вопила: «А кто это говорит?» - положил трубку. Пройдя в зал, Грач, начав слегка пошатываться и нацепив на лицо глуповатую улыбку, смешался с гуляющей компанией.

Жена Орлянки, грузная и низкорослая, не замедлила явиться. На несколько секунд показалась в дверях в банкетный зал, но этого хватило, чтобы ее заметил кто-то из мужниных подхалимов:

- Софья Ивановна! Кого мы видим! Просим к нам!

Крикун, распростерши руки, слишком рьяно ринулся к жене главы, споткнулся об стул, повалился, таща со стола скатерть под звон посыпавшейся на пол посуды. Самого глазастого опередили двое других, бросившихся наперегонки за Софьей Ивановной, меж тем уже шустро заподпрыгивавшей по ступеням лестницы к указанному «доброжелателем» кабинету. Софья Ивановна, приложив ухо к двери, взвизгнула от ярости, дернула ручку, не сразу сообразив повернуть ключ.

- Что за глупые шутки?! - гневно спросил Орлянку, встав на пороге распахнутой настежь двери, и оторопел, открыв рот.

За спиной главы, торопливо оправив помятую юбку, застегивала блузку любовница.

- Вы видели? Все видели?! - призвала в свидетели кучку прибежавших следом за нею подхалимов Софья Ивановна и набрала номер на мобильнике. - Губернатора бы мне...

- Да звони, дура, себе же дороже выйдет! - Орлянку, похоже, уже оклемался. - А вот кто эта сволочь, что мне «подлянку» подкинула?!

Глава грозно оглядывал подхалимскую братию, и Тихону Яковлевичу, топчущемуся позади свиты, показалось, что свирепый взгляд Орлянки вперился именно в него. Все существо Грача разом ухнуло в пятки.

Глава девятая

Не отнимись бы у Сальникова правая рука, он о проделке нового мэра обязательно бы наката «телегу» хоть губернатору, хоть и самому президенту. Пытался накарять левой, да сам каракули свои не мог разобрать. А продиктовать Сергуне - язык не слушался, не удавалось внуку дедово мычание перевести. Сколько было прежде сочинено Афанасием Николаевичем всяких жалобишек - многие в городке после них долго загривки свои чесали да крутую кашу расхлебывали.

Игорь Ломунов в кабинет мэра не успел залезть, и уже на ходу подметки рвет! Мог ли бы себе такое позволить Афанасий Николаевич? И уж тем более Павел... Стоило Сальникову помянуть старшего брата, как кто-то, облаченный в черную мрачную одежду, появился возле его дивана. У Афанасия Николаевича сердце екнуло - Павел! Он стоял и усмешливо-жестко шурил глаза.

Нет, помнится, в тот раз они были растерянные, жалкие... Запоздавая весна топила в грязи улочки городка, и ошметками глины был обляпан весь зипун Павла, будто брат во все лопатки удирал от кого-то по дорожной колее. Павел тяжело и хрипло дышал, хмурясь, вяло подавил Афанасию руку и, не скидывая зипуна, наследив по полу сапогами, прошел в передний угол и с маху плюхнулся на стул.

- Как жизнь? - спросил без интереса и, не дожидаясь ответа, тряхнул взлохмаченной головой. - Продрог я... Выпить чего держишь?

Водку Павел выцедил медленно, сквозь зубы, уткнул нос в ломоть хлеба, согнулся над столом, передернул плечами. Не дожидаясь приглашения, наполнил стакан снова. «Не иначе, Пашка с похмелья! Притом с жуткого! - решил Афанасий. - Ишь, как харю-то извело, будто неделю гужевал. Вроде и не увлекался шибко. Что-то у него неладно...»

Павел был уполномоченным по коллективизации и председателем «тройки» в загородковской волости, самой большой в уезде. «Лют Панко-то Сальников, лют!» - подслушал однажды Афанасий разговор двух подзагулявших загородковских мужичков. Соседям Сальникова они, видимо, приходились родственниками, собирались после гощения ночевать и выбрали из дому покурить махры. Афанасий как раз за дровами вышел и, прижимаясь к забору, прислушался к их пьяному и оттого слишком смелому бормотанию. Шпарили мужики без оглядки:

- Сколь крепкого хозяина этот Панко извел! «Твердым» заданием обложит, как удавку на шею наденет. Иной вывернется еще, разочтется, а ему вскорости - еще больше. И - каюк! Самого в тюрьгу, семью на высылку. Как его иные мужики упрашивали, в ногах валялись, а Панко этого не сдвинешь, не прошибешь!

- Вырвем у кулака шерсть и яйца - и точка! - другой мужичок подхихикнул. - А верно, что его и пуля не берет?

- Как заговоренный, дьявол! Два раза покушенья делали - и хоть бы царапина! Ни Бога, ни черта не боится!.. Мужиков, вона, из села Среднее сбегло несколько от колхозу в лес. Укрылись в зимовье, видать, лихое времечко сбিরались пересидеть. А куда ни кинь - жрать охота. Домой к семье по ночам ползать - сцапают. Вот и стали мужички на большую дорогу выбирать. Глядишь, обозишко какой подкараулят, лопанины-то всякой немало из деревень в город везут. Может, и брали-то с возу чего, только чтоб голод стешить, однако бросились власти тех мужиков искать. Рыскали-рыскали по лесам, да все без толку: робята ушлые, схоронились добро. И поди ж ты, Панко выследил! К зимовью подкрался, дверь распахнул! И пока мужики рты разевали, он - наган на стол: дескать, сдавайтесь подобру-поздорову, я - Павел Сальников!.. Сдались, куда денешься...

Прозябший Афанасий, вслушиваясь в слова мужиков, сторал от черной зависти к брату. Лих, Пашка!..

И вот не столь уж и много времени с того подслушанного разговора минуло, и Пашка сидел перед Афанасием пьяный, лицо его с ранними морщинами на лбу и возле глаз страдальчески кривилось:

- Надломился я, Афоня! - он уронил голову на сжатые перед собой на столе кулаки, голос хрипел и дрожал. - Впервые в жизни струхнул, в коленках ослаб!.. Чин-чинарем определил я трех мужиков с семьями на высылку, а они об этом откуда-то до поры. Подкараулили на волоку. Ночь накануне я не спал, сморило по дороге, в седле аж задремал. Поначалу подумал - сам с коня гребнулся. Хотел на ноги вскочить, а уж один вахлак на мне верхом сидит, руки выламывает и ремнем вяжет, да еще двое подде с топорами стоят. Говорят: «Узнали мы от верного человека, что ты и нас надумал извести, как злейших врагов. Какие ж мы враги? Один вон красноармеец бывший и другие своим хребтом достаток добывали. Одно лишь горе ведают люди от тебя... И посему надумали мы над тобой суд-расправу учинить. Молись Богу, коль еще веришь в него!» Отошел мужик немного, обрез на меня наставил, затвором клацкнул. И все во мне ровно перевернулось, вся жизнь перед глазами промелькнула... Жена, дочки прямо передо мной будто очутились, заулыбались жалостливо так... И знаешь, на колени упал... - Павел заскрипел зубами. - Мужики, говорю, пощадите, не убивайте! Дочерей, говорю, пожалейте, ведь трое их у меня, да и баба опять на сносях! Себя не жалко, а они загинут! Тот мужик, что постарше, обрез у напарника в сторонку рукой отвел. Поостынь, мол, маленько, подумать надо... Отпустим тебя, Павел с миром, только ты слово дай, что потом ни нас, ни семей наших пальцем не тронешь. А коли не сдержишь, то под землей сыщем, детям расквитаться накажем, мертвые к тебе придем... Дал я слово. Развязали, уходи!

- А ты их опосля в бараний рог?! - сжимая кулаки, скорчил зверскую рожу Афанасий.

Павел устало и тоскливо посмотрел на брата:

- Что я, иуда какой? Низко, братан, ставишь. Понял я, что больше мне на этой должности не повертеться. Моих детей пожалели, а мне чужих не жалеть? Да и правильно ли все это делается-то?!

Афанасий насторожился, метнул испуганный взгляд на занавешенные окна. Павел мрачно усмехнулся:

- Ишь, какой опасливый стал! Не боись! Я так теперь ничего не боюсь. Пойду завтра к секретарю райкома, пускай что хотят, то со мной и творят...

Афанасию не удалось узнать, на что сослался Павел, чтобы его отставили от должности, однако вскоре он уже работал простым мастером на сплавучастке. Братья виделись редко, мимоходом. Так и прошло несколько лет... О разговоре с братом тем поздним вечером Афанасий уже основательно подзабыл, но однажды пришлось вспомнить все дословно.

Весной тридцать седьмого года неожиданно арестовали скромного неприметного человека Селезнева, бухгалтера коммунхоза, потом еще кое-кого увез «черный ворон». У Афанасия сердце в пятки ускачило, когда ему принесли вызов в районный отдел НКВД. Но следователь, в котором Сальников с удивлением узнал своего прежнего участкового - балбеса Куренкова, встретил Афанасия Николаевича радушно:

- Сколько лет, сколько зим! - он с чувством потряс Сальникову руку. - Присаживайтесь! Рассказывайте! Как жизнь, как работа?

Афанасий Николаевич, недоумевая, пожал: жизнь как жизнь.

- А как это у вас, председателя горсовета, прямо, извините, под носом сумела окопаться целая банда вредителей и врагов народа? Ведь готовили заговор. Ни много ни мало, хотели законную власть в районе свергнуть. Этот ваш Селезнев намеревался выехать в Москву и - подумать страшно! - хотел устроить покушение на жизнь нашего дорогого и любимого... - Куренков, округлив ровно полтинники глаза, обернулся к портрету, висевшему над ним на стене.

Афанасий Николаевич ахнул, прикрыл ладонью рот. Слово «ваш» неприятно покарябало слух, и, ощущая противенькую дрожь в коленках, Сальников залепетал заплетающимся языком:

- Какой он мой... Поди да разгляди их под личиной-то! Все однакие... кабы знать!

- Вот-вот! - следователь повернул колпак настольной лампы, и Афанасий Николаевич на мгновение ослеп от яркого света. - Надо знать! И не теряйте бдительности. Чуть что - сообщайте нам сразу же. Еще неизвестно, что за элементы засели в горсовете... - Куренков сделал выразительную паузу. - Вокруг вас!

Слепящий сноп света опять уткнулся подслеповато в столешницу, Афанасий Николаевич, протирая глаза, вздрогнул, почувствовав на своем плече ладонь следователя, подобравшегося неслышной кошачьей походкой.

- Это я вам по старой дружбе советую. Мало ли что может случиться...

Выйдя из сумрака подвальной комнаты отдела НКВД на волю, Афанасий Николаевич долго не мог нахвататься воздуха жадно распяленным ртом: там, в подвале, показалось, сдавило грудь - навсегда, так что уж больше не вздохнуть полно и свободно. Но через неделю тяжесть в груди перестала ощущаться, лишь душу разъедал неприятный осадок. «Кто он есть, этот Куренков?! Балбес, придурак! - чертыхался в сердцах Афанасий Николаевич. - И надо же, чтобы я перед ним... Ишь, каждая вошь на ровном месте выделяется!..» Сравнение с вошью что-то не понравилось Сальникову самому, но корить себя за пережитые минуты страха перед каким-то «недоноском» он не переставал.

Известие о том, что арестовали первого секретаря обкома, Афанасия Николаевича буквально пристукнуло по «тыковке». Занавесив плотно окна, он беспокойно метался дома по горнице, хватался за голову. Ладно, бухгалтерийшко Селезнев - вечно косился с ехидцей из-под стеколышек очков, чистюля, интеллигент! Или зять царского полковника Введенского учитель Зерцалов, дворянин-недобиток, которого тоже увезли в «воронке». С этими хоть все понятно. Но тут...

В газетах вовсю шумели о процессах над врагами народа в Москве. И если уж там - думал Сальников - и над такими большими людьми! Коренастая, крепко сбитая фигура следователя Куренкова перед его глазами выростала до чудовищных фантастических размеров, и, отбросив газету с очередным сообщением, словно страницы ее накалялись вдруг добела, Афанасию Николаевичу хотелось забиться куда-нибудь в щель за теплой печкой. Как сверчку. Но надо было держать себя на работе подчеркнута сосредоточенно, без малейшей тени намека на страх, не дающего спать спокойно по ночам, в докладах подбирать слова похлеще и попохабнее, поминая пресловутых «вредителей», и быть осторожным, очень осторожным. Револьвер под подушкой и прочные ставни на окнах теперь не защи-

Тут братец Павел и «подкачал». Весной на сплаве плоты застряли у моста через реку, громоздясь друг на друга, и Павел, чтобы избежать затора, приказал взорвать мост. Мост взлетел на воздух, а Павла через пару часов арестовали как злого вредителя. Афанасий Николаевич от такой вести долго не мог прийти в себя. С братом виделись буквально пару дней назад.

Павел, довольный, рассказывал: «Мужикам в артель котел понадобился. Где взять, ума не приложу. А потом додул... У дома, где живем, банька старая имеется, подладил я ее. Мужикам говорю: вы ночью в баньку прокрадитесь и котел своруйте. Под утро слышу - прутся по огороду, как стадо коров на водопой. Жена у меня проснулась и прислушалась: «Вроде б кто-то возле дома бродит?» «Поблазнило тебе», - отвечаю, а едва держусь, чтобы не расхохотаться. «Чем-то брякают у бани, кажись?!» «Со сна чего не померещится!» Не могу, руку зубами закусил, ну, точно, продам мужиков! Ничего, успели, уехали с котлом. Утром баба в слезы, я - в хохот, что операция удалась».

«Совсем дураком ты стал, Паша!» - не сказал вслух, подумал тогда Афанасий... Вот и теперь мост наверняка можно было бы не взрывать, по-другому выкрутиться, на стихию списать. Нет, подставил шею. «Сам втяпался и меня за собой потащит. Пусть не он сам, другие поволокут. Сальников представил широкоскулое, с жесткими безжалостными глазами лицо Куренкова. «Надо что-то скумекать. А если... упредить? - осенило Афанасия Николаевича. - Попробуем!»

Вынув из стола чистый лист бумаги, Сальников, обмакнув перо в чернильницу, принялся бойко выводить - нужные слова приходили сами собой: «Довожу до вашего сведения, что я еще не сегодня подозревал, что мой брат Сальников Павел Николаевич переродился и стал вредителем и врагом трудового народа. До поры до времени он вынашивал и скрывал свои мерзкие намерения. Говорил лишь как-то, что не верит в достижения и успехи коллективизации, что все это зря, и, видимо, вел соответствующую агитацию среди народа. Скрывал искусно от раскулачки ряд мироедов, вдобавок выходящих грабить обозы с хлебным припасом на дорогах. Без сомнения, был в сговоре с ними. Так что взорвать злодейски мост, в то время как весь трудовой народ по-ударному строит социализм, для него было пара пустяков. Я решительно и бесповоротно порываю всякие связи с подлым врагом, отрекаюсь от него как родного брата».

Афанасий Николаевич перечитал написанное, от удовлетворения крикнул. «Отвезу сегодня же Куренкову, он-то уж найдет ход!» Торопливо собираясь в райцентр, Сальников припомнил паренька, трясущегося от страха, которому он диктовал нечто подобное. И поспешно отогнал воспоминание: представлять себя на месте Санка Староверова приятного было мало.

Глава десятая

Сан Саныч в очередной раз готовил своему бедному соседке и ученичку Боре кое-какой обедешко, когда в дом вошли две почтенного возраста женщины. С порога они напористо надели на растерянного хозяина, потрясая перед его носом листом бумаги, испещренным закорючками.

- Мы собираем подписи в поддержку семьи Ломуновых! - загундосила одна.

- В поддержку того, что они по полному праву поселились в благоустроенном коттедже! - заносчиво добавила другая старушенция и даже осматрелась вокруг - не противоречит ли кто. - Мэр города ютится в крохотной квартирке. Разве дело? Отец его, инвалид войны, живет в аварийном доме. Разве порядок? Надеемся, что вы, как здравомыслящий человек, поставите свою подпись в поддержку?

- Мне бы надо прежде разобраться... - замямлил Сан Саныч, с опаской поглядывая на бумагу.

- Делов-то, черкнул бы и...

- Ну его! За Грача он, значит!

Борю сборщицы подписей обошли. Он, улетая за обе щеки «подношение», выслушал Сан Саныча и, отбросив опорожненную миску, заявил:

- Об этом весь город судачит! Один только ты, ровно пенек, ничего не слышал! Поцапались два мэра из-за даровых хором. Всем уж дело до этого! - Боря неспешно поскреб пятерней в затылке. - А бумагу и подписал бы. Кто там в хорамах жировать будет, нам-то не один ли леший... На меня вон ночью потолочина свалилась. Спинку у кровати погнуло, а до меня не достало, гадство!

Староверов молчал, не убедил его Борис. И взглянув прощально на светлую щель в закопченном потолке бориного домишка, он торопливо пошагал в центр городка. Новенький особнячок Сан Саныч нашел без труда и, пяля на него глаза, обратил внимание на сидящего на лавочке возле крылечка человека с газетой в руках. Присмотрелся получше и... вспомнил. Недаром еще фамилия знакомой показалась.

...Бывшее имение Введенских - бывшая коммуна Поповка своими строениями и парком занимала хребтину холма. Через речку в низине грудилась избами одноименная деревня. Поповка после голодных, разбредшихся кто куда, коммунаров выглядела жутким жалким пепелищем. Обугленная пожаром каменная коробка господского дома приглашалась председателю колхоза: задумали строить коровник и конюшню на кирпичных столбах. Выламывая дармовой кирпич, коробку с утра до вечера долбили ломami, но проку было мало, старая кладка поддавалась туго.

Председатель раздобыл где-то динамита. Рванули, раскололи стены на глыбы и - опять та же морока! Отступились. Теперь и громоздились унылые руины среди множества широких пней, оставшихся от парка, благодаря которому прежние коммунары хоть и голодом, но в тепле скоротали зиму.

От всех потрясений чудом уцелел флигель. Из него в конце лета выгребли коммунарский мусор и устроили школу. Сюда и приехал учительствовать после окончания педучилища Санко Староверов. Поселили его прямо при школе, в мезонинчике. На работу ходить - по лесенке спуститься.

Класс был один, два десятка учеников - от сопляков до парней, самому учителю чуть ли не одногодков. С сопляками справляться проще. Стоит на них, расшалившихся, прикрикнуть - и они притихнут, опять займутся старательно зубрежкой азбуки или счетом. Со старшими ребятами куда труднее. Хоть и ведут они себя степенно, не шумят, но то один из них пропадет на неделю, а потом сидит на уроке как ни в чем не бывало, то другой, прикорнув, задаст такого храпака, что стекла в рамках задребезжат. Староверов вежливо потреплет засоню по плечу, а тот вдруг вскочит и, вытаращив красные глаза, заорет как оглашенный: «А?! Че?!» Потом оправдывается, уставясь в рассохшие доски пола: «Мы с тяткой... по грибы ходили да в лесу заплутали. Заночевали, насилиу выбрели». В другой раз - корову по поскотине искали...

И, конечно, учение хромает на обе ноги и у спящих, и у гулящих. Только один парень - Кирюха Ломунов к учению серьезен, хоть и туговато оно ему дается. Староверова года на два помоложе, зато в кости широк, если сгребет в охапку - не вырвешься. Не было учителю с таким учеником мучения, да тут, на беду, приключился казус и еще какой...

Молодого учителя поначалу на полном довольствии держал колхоз. Однако старого председателя вскоре арестовали и осудили как «врага народа», а новый решил по-своему: «Учитель и так зарплату получает, какого ему еще хрена надо?»

Почти все деньги Староверов отдавал матери, изредка прибегая за двадцать с лишним верст на краткие побывки в городок. У матери жил ее старший брат Иван, холостяк и бобыль, раскулаченный владелец постоянного двора. Его теперь не брали на работу даже дворником, и он, неприкаянный, мрачной тенью бродил по дому. Приехала из дальнего гарнизона сестра Санка, вышедшая замуж за военного, дочку привезла. Полный дом едоков...

Как-то, обследуя ради интереса чердак флигеля, заваленный разным хламом, Староверов наткнулся на вполне исправную гармонь. Игрок он был не ахти какой, брал уроки у отца, в молодости заядлого гармониста. Санко успел освоить «русского». Растянул он меха... И чем пуще сосало от голода в желудке, тем шибче наяривал он на гармони.

Однажды вечером к нему заглянули четверо колхозных мужиков. Разговаривал одноглазый красноносый верзила Аркаха Ломунов. По его выпреним речам - герой гражданской войны, по отзывам односельчан - потерявший глаз, будучи застигнутым врасплох в чужой постели.

- Больно добро играешь, Сано Санович! - похвалил он, хитро поблескивая глазом. - Ты б нас, бедных, выручил! Страсть как охота сплясать! Мы на энто все мастаки, да нету средь нас гармониста. Уважь, Сано Санович, сыграни на вечеринке! И не задаром ведь...

Аркаха мигнул мужикам и вытащил из-за пазухи бутылку с самогоном.

- Что вы, я не пью! - замахал руками Староверов, но взглянув на уныло вытянувшиеся лица, согласился. - Ладно, поиграю. И мне бы... молока лучше!

Подкупило Санка и то, что именовали его уважительно по имени-отчеству не учени-

ки в школе, а солидные мужики-папаши...

Вот только место для вечеринки они выбрали странное: кладбище. Располагалось оно далеко от деревни. На краю его высился остов спаленной молнией в конце двадцатых годов часовни. Тушили ее усердно, да сбежались миряне на поздновато - нутро выгорело полностью. Зато окрестные могилы вытоптали. Взяться было отстроить часовню заново, да так и не приступили - власть иную директиву спустила.

Мужики деловито разложили выпивку и закуску на плите из мрамора, расположились возле полулежа сами. Местечко здесь, видать, давно облюбовали.

- Вот, Сано Санович, молочко тебе и хлебец! - Аркаха сунул в руки Староверову кринку с молоком и ломоть хлеба. - Может, все-таки чарочку?!

Санко, отрицательно мотнув головой, отошел от мужиков и, присев на холмик повыше, накинудся жадно на еду. Опомнился, оглянулся смущенно на мужиков, но те были увлечены своим разговором. Пили из большого хрустального «барского» стакана с замысловатым вензелем, пьянели быстро.

- Хе, были Введенские да спльбли! - хихикнул Спиридон Саков, прозванный в деревне Коммунарком, разглядывая вензель на стакане. - Последнего барина, енерала, ить я с топором по городку гонял!

- И догнал? - с участливым видом спросил Аркаха.

- Убег, сволочь! Еще б чуток, и я б его достал!

- Куда тебе, чаходирому! - захохотал Аркаха. - Языком токо молоть! Скажи, ведь придумал?

- Я?! - Спиридон, облезлый, пропитой оборванец, попытался отделить свой тощий зад от земли, но под хохот мужиков опрокинулся на спину, задрал длинные худые ноги.

- Тебе бы токо в прислужниках состоять! - не унимался Аркаха. - При главном коммунаре Пашке Сальникове. Как ты возле него вился! Ровно вьюн! Ардинарец, твою мать! А как бросил тебя Пашка, утек в город, кто ты теперь? Так, тьфу, обсосок!

Спиридон, кое-как поднявшись на колени, размазывал пятерней грязь и слезы по лицу.

- Пашка, гад ползучий! Удрал! - подвывал он с обидой. - Звал в светлое будущее, сволочь!

Аркаха Ломунов порывисто вскочил с места и, уперев руки в бока, пошел вокруг компании вприсядку:

«Э-эх! А мы не сеем и не пашем, а валяем дурака!
С колокольни дрыном машем, разгоняем облака!»

Крикнул Санку:

- Давай, милай, наяривай!

Санко, икая от непривычной сытости в желудке, принялся наигрывать на гармони. Мужики, ухая, с матерными частушками, пошатываясь, притоптывая ногами по едва заметным под бурой травой холмикам, заходили вокруг надгробной плиты с остатками пиршества. Плясали с таким злорадно-зверским выражением на рожах, с диким восторгом дера глотки, что Староверову не по себе стало.

Робкое октябрьское солнце упряталось за тучу, резко потянуло холодом, и невесомые снежные крошки, кружась, медленно оседали на обутленные руины часовни, на заросшее бурьяном кладбище, запутывались в нечесаных мужичьих гривах и бородах и тотчас таяли в горячем смердящем поту...

Знакомцы приглашали Санка на вечеринки потрапезничать и поиграть снова и снова. Он не отказывался, оправдываясь потом перед собою, что, мол, голод не тетка.

Уже и землю сковали заморозки, и снежная крупа, насыпавшаяся накануне за ночь, днем не таяла - следы от мужицкой пляски чернели причудливыми гигантскими каракулями. У Санка стыли от кнопок пальцы, и приходилось дыханием отогреваться. Уханье и топот плясунов особенно дико и зловеще разносились в морозном воздухе по окрестностям кладбища, отталкиваясь крикливым эхом от стволов вековых деревьев, и Санко всякий раз давал себе зарок не ходить сюда больше. И нарушал его... Пока в то далекое предзимье не одернул Староверова свой же ученик, Кирюшка Ломунов:

- Не стыдно вам, Сан Саныч, с пьяницами-то якшаться! Ведь что тятка мой, что Спиридон - первые на деревне лодыри. По могилкам выплясывают, а вы им наигрываете... За кринку молока! Эх, вы!..

Кирюшка ушел, а ошарашенный Староверов долго приходил в себя. В пору от стыда сгореть... Как ученикам своим в глаза смотреть, Кирюшке этому? Но тот перестал ходить

в школу, а Сан Саныча вскоре перевели работать в городок.

Спустя много лет, в пожилом человеке, читавшем газету на крылечке уютного новенького особнячка, узнал Староверов того самого Кирюшку Ломунова. И поспешил ретироваться, поскольку бывший ученик сквозь очки вопросительно поглядел на него и собрался, видимо, о чем-то спросить, но Сан Саныч рванул от него, как от чумного...

Глава одиннадцатая

Афанасия Николаевича немного поотпустило. С помощью Сергуни он вставал с кровати и, бережно поддерживаемый внуком, рисковал ходить по комнате, попросился на улицу.

Было холодно, слякотно, облетевшие березы в огороде уродливо топорщились обрубками сучьев. Старик скоро озяб. Сергуня догадался об этом по его посиневшим губам и мутным каплям, навернувшимся на глаза. Он молча сгреб деда в охапку и увел в дом.

Отмяк язык. Правда, ворочался еще, как ватный, некоторые слова Афанасий Николаевич не мог выговаривать. Тряслись, плохо слушались руки. Дрожащие пальцы не могли удерживать авторучку, и это было обидней всего...

Вечерком зашел Валька Сатюков. Видимо, Сергуня доложил ему, что деду полегчало. Очеркист, сосредоточенно морща лоб, опять перелистывал тетрадь Афанасия Николаевича с его карандашными пометками. «Надо кое-что уточнить...» - глубокомысленно изрек он. Афанасий Николаевич с любовью взглянул на заботливого внука, Сергуня же это истолковал по-своему. Счастливо улыбаясь, он вытащил из сумки пару посудин с вермутом.

Завязался разговор. Валька, зачитывая вслух скудную запись в тетради, просил рассказать о событии подробнее. Сальников, отважившись на стакашек «мазуты», с радостным удивлением ощутил, что язык не деревенеет, как прежде, говорить можно без умолку. Афанасий Николаевич сгоряча даже не заметил, как выскочило: «А вот когда я уже в партии не состоял...» Он оборвал рассказ на полуслове; внутри все захолонуло, он съёжился, сморщился и беспомощно, виновато взглянул на Вальку.

Корреспондент, угостившийся уже не одним стакашком вермута, похоже, насторожился, и интерес, теплящийся в его хмельных глазах, заметно поблек. «Зачем сболтнул-то я, дурачина?! - мысленно клял себя Афанасий Николаевич. - А-а... все равно бы узналось, доложили бы людишки. Нашлись бы сволочи-доброхоты! - он до боли в деснах сжал искусственные зубы. - Эх, всю обедню испортил! Чего делать-то теперь?» Валька сам неожиданно пришел на помощь, прервал неловкую паузу:

- По разным же причинам из партии исключали, - лениво молвил он, затягиваясь сигареткой. - Мне рассказывали, что чистки были ой-ой-ой!

- Да-да! - обрадованно закивал Афанасий Николаевич. - Со мной ведь как получилось... Перебирал я документы, а тут отвлек меня кто-то. Прихожу с улицы, а на столе все чисто. Я туда-сюда, к ребятишкам - не видали? А дочка пальчиком на печку показывает. Как раз утро, растоплена. Я к устью, а там в огне корочки партбилета корежатся. Хотел выхватить, да поздно, только руку обжег. Так-то детки поиграли... Время не нынешнее, строгое было. Исключили меня.

Афанасий Николаевич испытующе поглядывал на очеркиста. Рассказанное было за многие годы выверено до словечка, повторено немало раз, и Сальников уже сам начал верить, что все случилось именно так. Валькина реакция оказалась непредсказуемой. Он дико хохотал и, смахивая слезы, повторял, давясь смехом:

- Из-за такой ерунды... Из такой ерунды...

Афанасий Николаевич, кротко улыбаясь, закивал, вежливо прикрывая рот ладошкой. Сергуня уже мирно сопел в обе дырки, уронив буйну головушку на стол. Валька, дотянув остаток «мазуты» и чувствуя себя грузно, убрел. «А смотри-ко, прошло! - тихо радовался Афанасий Николаевич. - Поверил, как миленький!» Ложь не мутила стариковскую душу, как бывало иногда раньше, она окрепла, вросла в само существование Сальникова, стала явью. И тут старик разглядел среди тарелок и стаканов на столе свою заветную с серенькой обложкой тетрадь. «Забыл! Нет, оставил! И неспроста, - испуганно заметались у него мысли. - Специально ведь за ней приходил. И оставил. Неужто не поверил?..»

Как же все было на самом деле? Афанасия Николаевича из председателей горсовета тогда еще, в начале войны, «попросили». Уступив место покалеченному фронтовику, он стал заведовать сельпо. Всю войну Сальников сидел тихо, как мышь в норке. Сытно, по

причине врожденной и всю жизнь проклинаемой колченовости на фронт не брали; окружающие подобострастно, с голодным блеском в глазах, заглядывали ему в рот, а кое-кто прозрачно намекал, что распорядиться иным товаром на сельповских складах можно оборотисто, себе на немалую пользу. Но Сальников на такие предложения не клевал, дела вел честно и... по укоренившейся привычке каждую ночь спал чутко, как пес, и вскакивал на кровати, едва за окнами чудился мало-мальский шорох.

Кончилась война - и Афанасия Николаевича точно бес в бок пихнул. Народ ликовав, и под эту всеобщую радость прежнее чувство страха притупилось, заглохло. Иному запоздавшему фронтовику, пришедшему за положенным пайком, напыщенно-важный Сальников небрежно ворчал:

- Кто для солдата бабу припас...

Председатель горисполкома, уже не первый по счету после Афанасия Николаевича, исправно бегал за «допайком» на склад к криво ухмыляющемуся завсельпо. Особое удовольствие доставляло Сальникову набрать номер телефона городской бани и спросить этак небрежно:

- А что там, для меня персонально банька истоплена?

Извиняющийся голосок заведующего баней приятно щекотал слух.

- Готовьтесь! Скоро буду!

Людишки с шибко заманчивыми предложениями, которых Сальников прежде отгонял и избегал, теперь пришли к двору. Да и самому стало небоязно прокрутить какое-нибудь дельце.

«Засыпался» глупо. Попалась на торговле спиртом в соседнем районе благоверная жenuшка. Э, раззява, век простить не мог! Взяли с поличным, прямо с бочками. Ухватились за кончик ниточки, размотали весь клубок. Прокурор, бывший фронтовик, не знал к «тыловым крысам» никакого снисхождения. На бюро райкома Афанасия Николаевича выгнали из партии в два счета, прямо в глаза перерожденцем и вором окрестили. А без билета в кармане какой ты человек?! Так себя, наверное, чувствует раздавленный червяк...

На суде Сальников, раскисший хлебным мякишем, признал все. Но до определенного ему места отбывания наказания доехать не успел: объявили амнистию. Стриженный «под котовского», исхудалый, одетый в арестантский ватник, Афанасий Николаевич просидел до сумерек в придорожных кустах и в потемках, по-воровски, пробрался до дому. Весь следующий день он проторчал у окна за задернутыми занавесками, выглядывая в просвет между ними и не решаясь показаться на улицу. Редкие прохожие, казалось, приостанавливались у дома и, злорадно ухмыляясь, косились на окна. Отпрянув, Сальников чертыхался: «Ликуете, сволочи!» Он был готов выть волком от горючей обиды и тоски.

В потемках приехал грузовик - жена сговорила незнакомого шофера схалтурить. Сальниковы покидали в кузов оставшийся от конфискации кое-какой скарб, посадили детей и по улицам спящего городка поехали на станцию. Задумали податься на Урал - одна из сестриц жены накануне напомнила о себе письмецом. В другое время Сальниковы еще подумали бы ответить, а тут пришлось как нельзя кстати...

Вспоминая теперь все это, Афанасий Николаевич в ярости скорготал вставными челюстями. «Как нынче воруют! Целыми дачами, особняками, заводами!» - он представил добродушно-наивное лицо мэра Игоря Ломунова, и дыхание перехватило. Сальников, кое-как отперхнувшись, криком рванул глотку:

- Присваивают, и им - ничего! Все законно! Воры!.. А я на мелочи попух, и вся жизнь прахом пошла! Где справедливость?!

Афанасию Николаевичу казалось, что глотка его вот-вот разорвется от праведного крика, но в пустой комнате едва слышно разносился сиплый клекот...

Глава двенадцатая

Даром ничто не проходит... Тихон Яковлевич после очередного, неудачного для него судебного заседания сидел за столом в кабинете и, сжав виски ладонями, тихонечко поскуливал. Еще на предыдущем разбирательстве Гошке Ломунову предписали немедленно убираться из особняка к чертям собачьим, но Гошка потянул время, снова подал на пересуд и выиграл же, «качок» безмозглый! Эх, если бы не отец его, инвалид войны! Не могли добить на фронте...

Зашли какие-то посетители, но о чем говорили они, Грач не слушал, кивал только ду-

рашливо головой, а когда ушли, взвыл в голос. Изнурительная тяжба забирала последние силы. Тихон Яковлевич осунулся, почернел, даже традиционную пробежку легкой рысцой по утрам забросил - и так ветром с ног валит. Еще и от Орлянки все время напастей жди... Сняв запотевшие очки, Грач, близоруко щурясь, оглядел кабинет и с неудовольствием заметил жирные черные пятна грязи посреди пола.

- Что это такое?! - он, поскорее водрузив на нос очки, привстал с места.

Грязь растекалась, превращаясь в порядочную лужу.

- Уборщица! - крикнул Грач сдавленным чужим голосом и вспомнил, что прибираться приходят вечером.

Как нарочно, сегодня пожаловала важная областная «шишка», имеющая дурную привычку шастать по кабинетам и заставлять врасплох. Тихон Яковлевич к своему счастью обнаружил в шкафу швабру и, скинув пиджак, принялся старательно затирать грязное пятно на полу, но - странное дело! - оно не только не исчезало, а растекалось еще больше, поблескивая черно, жирно, как вороново крыло. С Грача в три ручья хлынул пот, пришлось сдернуть с шеи удавку галстука и расстегнуть рубашку до пупа. Увидев в дверях кабинета изумленно взвизгивающего на него «шишку», Тихон Яковлевич поначалу застыл со шваброй наперевес наподобие столба, потом, еле ворочая окостеневшим языком, пробормотал:

- Я сейчас, сейчас... Минуточку!

Он с утроенной энергией обрушил швабру на пол: казалось, еще чуть-чуть - и линолеум задымится.

- Что это? - растерянно спросил чинуша. - Ответственный работник сам у себя прибирает в кабинете? - и возвысил голос. - Позвать немедленно уборщицу! Но... здесь же чистый абсолютный пол! Отберите у него швабру, наконец!

- Я сам, сам... - жалобно ныл Тихон Яковлевич, отпихиваясь от облепивших его доброхотов.

Швабру из его рук все-таки вырвали, и он, оттесненный в коридор, побежал на улицу. Миновал вестибюль, Грач так и замер, занеся ногу над порогом. Внизу, у широких ступеней крыльца, плескалась огромная грязная лужа! Тихон Яковлевич развернулся на все сто восемьдесят, цепким взглядом узрел щетку на длинной ручке в углу за вахтерским столиком, метнулся с торжествующим криком к нырнувшему под стол охраннику и, завладев щеткой, одним махом сиганул через ступени. Мурлыча под нос и не взвизгивая на высыпающую на крыльцо толпу управленцев, он добросовестно тер асфальт, пока не сдалась к нему задом вплотную машина «скорой помощи» и двое здоровяков в белых халатах не толкнули его в тесную ее утробу.

Глава тринадцатая

«А все-то бегать ему надо...» Кирилл Аркадьевич каждое утро в одно и то же время протирал пальцем на запотевшем оконном стекле кругленький пяточок, с опаскою прищипывая глазом.

Игорь, одетый в спортивный костюм, широким пружинящим шагом подходил к дому. Сын то и дело кивал головой в ярко-красной вязаной шапочке скрюченными в три погибели под холодной дождливой изморосью прохожим, сам вышагивал, расправив плечи, прямя спину. Промокшая до нитки ткань костюма прилипла к телу, обтянула его, будто резина. Игорь обтирал ладонью с лица капли дождя и брезгливо тряс рукою.

Кириллу Аркадьевичу становилось зябко, но не от низко нависшего серого неба, не от нудного морозящего дождя и даже не от сырого тяжелого воздуха в каменных стенах. Промозгло и неуютно было на душе от иного. «Грудь-то выкатил! Да я б... на его месте глаза от стыда не знал куда деть, задворками да закоулками пробирался. А он, видишь, как прет, на всех с выси поглядывает! Будто, как и прежде, городу хозяин!»

Ломунов отвернулся от окна, почувствовав в сердце тупую ноющую боль, и от охватившего все тело приступа слабости едва не рухнул со стула на пол. Согнувшись, прижимая руку к груди, он долго сидел так, пока боль не утихла.

Иногда Кирилл Аркадьевич ловил себя на странной мысли: он вроде как бы радовался подступившей болезни. Да-да! В областной больнице Ломунов оказался среди совершенно незнакомых ему людей и, даже терзаемый недугом, отдыхал душою. Домашние ему не докучали, прежние переживания отодвинулись куда-то. Все разом кончилось, когда в соседнюю палату положили земляка-одногодка:

- Кирюха, здорово! - ехидно улыбаясь, согнулся в притворно почтительной дуге земляк. - Здесь укрываешься? Гошке-то, сынку твоему, без тебя несладко дома приходится. Надо же, суд за судом, из мэров выперли... Эх!

Земляк хлопнул Ломунова по плечу, подмигнул вроде б как запанибрата, но Кирилл Аркадьевич сбросил его руку, молча обошел его.

- Думаешь, не выкурят вас?! Да вылетите, как миленькие! «Новые русские», мать вашу! - возмущенные вопли землячка встряхивали тишину в длинном больничном коридоре и, будто плетями, стегали Ломунова по спине. Из дверей палат выглядывали любопытные.

Вроде б и ничего не переменялось: соседи по палате по-прежнему старались подслушать Кириллу Аркадьевичу кто яблочко, кто сладкую домашнюю шанежку, считая его беспризорником, раз никто не провеживает. Но стоило кому-либо понизить голос, пошептаться, и Ломунов настораживался. Дураку ясно, о чем эти шу-шу-шу! По коридору проковыляй - и все с интересом разглядывают спину. Барин!

Кирилл Аркадьевич взмолился о выписке, и врач сжалился...

В городок Ломунов вернулся промозглым темным вечером. Автобус, миновав торчащие на окраине пятиэтажки, подрулил к просевшей под нелепо нахлобученной крышей избушке автостанции. Пассажиры, зябко поеживаясь, вытряхнулись из салона в слякотный сумрак и торопливо побежали по домам. На пустынной улице - ни души, даже брехучие псы и те попрятались. Редкие фонари тускло светили себе под нос. Кирилл Аркадьевич побрел наугад, начерпал в луже полные ботинки воды, скользя по раскисшей грязи, упал, увозив все пальто. Чертыхаясь, он все-таки был доволен, что не встретил никого по дороге.

Средь темных, придавленных долгой непогодой к земле изб с робкими огоньками в окошках белокаменный особняк вызывающе пылал своими большими окнами. Два ослепительно-ярких фонаря высвечивали аккуратную асфальтовую дорожку к подъезду. Кирилл Аркадьевич, вынырнув из темноты и непролазной грязи и ступив на дорожку, зажмурился, на мгновение оробел. Но, загнув соленое словечко, принялся дубасить кулаком по двери. Не открывали долго. Наконец, Игорь, щелкнув замком, приоткрыл створку двери и, настороженный, выглянул в щель.

- Отворяй, отворяй! Встречай родителя!

Кирилл Аркадьевич, отпихнув сына, вознамерился было зашагать по лестнице вверх, по ковровой дорожке, сбегавшей по ее ступеням. Но взглядом уперся в укутанную пледом фигуру невестки.

- Могли бы и звонком воспользоваться, чем тарарам на весь город устраивать! - с верхней ступеньки проверещала она недовольно. - Ноги, наверно, нетрудно вытереть. И вообще, вам же отведена целая комната внизу!

Подернув плечиками, невестка удалилась, а отца, раскрывшего от изумления рот, попытался несмело утешить Игорь.

- Не обращай внимания! Не в себе она малость. Тут у нас такие передраги...

- Ба-аре! Вот уж истинные баре! - ворот рубашки стал вдруг Кириллу Аркадьевичу тесен, и он, задыхаясь, закрутил загудевшей, готовой расколоться от резкого прилива крови головой. - Верно народ бает: залезли в дармовое - танком не выволокешь! Все даром - и что люди скажут, и своя совесть! Получил власть - и хватай, чего сумеешь, пока пинком под задницу не выставят!

- Батя, ты как с цепи сорвался! - по лицу Игоря пошли пунцовые пятна, но он сдерживался, стараясь говорить помягче: - Что нам до людей и им до нас? Мы или Грач - им-то одна малина. Из мэров меня попросили... Переживем. Главное - теперь от всех собак отстреляться, дом отстоять.

- А совесть, стыд тебя не мучат?! - Кирилл Аркадьевич вцепился в лацканы пиджака, накинутого на плечи сына, и скорее не от ярости-злости, а чтобы устоять на подламывавшихся ногах. - Я-то думал, простофиля, что на старости лет счастье подвалило, проживем во все тридцать три удовольствия. А ты, оказывается, смухлевал, родного папашу себе пособником сделал и - ни гу-гу! Людям на глаза стыдно показаться, всяк пальцем тычет, ровно в вора.

- Батя! Да сейчас все, у кого мало-мальски властиска имеется, под себя гребут! Снизу доверху. Так было, так и будет! И не понимают этого только дураки да вот ты вместе с ними!

Кирилл Аркадьевич отшатнулся от сына и, хватаясь слабеющими руками за перила

лестницы, выдохнул с ненавистью:

- Сталина на вас нет! Он бы...

- Вот-вот! - недобро ухмыльнулся Игорь. - Один ответ у вас на все случаи жизни!

Глава четырнадцатая

Первые осенние заморозки - михайловки - загнали к Староверову под кров новую знакомую Маньку Резаную. А с нею вместе возжаждали погреться Валька Сатюков и еще какой-то замухрыжка-очкарик...

Утомленный полуночным застольем, Валька потянулся, подмигнул Маньке, встал и полез на полаты. Манька скакнула следом. Сан Саныч не вдруг смекнул, к чему пошло дело, посидел еще истуканом, тараща глаза, но когда его осенило, он подбежал к полатам и настойчиво застучал в их днище:

- Товарищи, товарищи! Только не здесь!

- Завидно тебе, что ли? - забурчала недовольная Манька, сползая на пол. - Мог бы пока и выйти, не развалился б!

Валька, посмеиваясь, повлек Маньку мимо остолбеневшего хозяина на двор к сараю с остатками сена...

На Староверова точно охмурение нашло. С утра до глубокой ночи в доме стоял дым коромыслом. Манька, подсмотрев, в каком месте в подполе схоронены заветные бутылки с многолетней «малиновкой», еще прежней хозяйки изготовления, без всякого спросу то и дело ныряла с ковшом в дыру западни. Поначалу Сан Саныч ее вежливо оговаривал, потом безнадежно махнул рукой.

Манька еще успевала и периодически уединяться в сарае то с одним молодцом, то с другим. Даже затесавшийся в компанию Боря, обычно мирно подремывавший после парочки стаканов, однажды с хрюканьем вцепился в манькину юбку. Резаная, похотатывая, приобняла его за шею, но Борис не удержался на стуле и грохнулся на пол.

- Спекся, фраер! Эх...

Она добавила такое выражение, что Сан Саныч покраснел до корней волос, а парни с диким гоголом повалились на столешницу. Кто-то из гостеньков захватил с собой транзистор. Манька включила его и нарвалась на грохочущую быструю мелодию. Отшатнулась на середину горницы и, закатив глаза, задергалась, как припадочная. К ней подскочили Валька с замухрыжкой, запрыгали, бестолково размахивая руками.

Сан Саныч так и не понял, какой бес заставил его сорваться с места. Он оказался среди резвящейся молодежи, согнул в колене ногу и рьяно заподпрыгивал на другой, выпученными глазами таращась на онемелых молодцов и их даму. Впрочем, замешательство длилось недолго. Молодежь по-козлиному заскакала вокруг него с жуткими оглушающими воплями. Староверов взбрыкивал ногами, всплескивал руками, подражая молодым скакунам, тряс и мотал головой, приседал до синих чертиков в глазах.

Очнувшийся Боря выбрался из-под стола и одурело уставился на скачущих по горнице хозяина и гостей.

- Дьяволы! Бесы! Бей их! - он сгреб со стола порожнюю бутылку и обрушил ее на первую попавшуюся голову.

Посудина разбилась вдребезги, бедный очкарик-замухрыжка брюкнулся на пол. Тут же истошно заверещала Манька: Боря всадил ей оскалившееся битыми краями бутылочное горло в ягодицу. Валька Сатюков, не испытывая судьбу, немедля десантировался в раскрытое окно на улицу. Растерянный Сан Саныч попытался поймать Борю за руки, но тот ловко боднул его башкой в лицо. Сноп разноцветных искр взметнулся в глазах Староверова, ослепил его. Пока Сан Саныч очухивался, борин след простыл. Скулила залитая кровью Манька с торчащим из мягкого места бутылочным горлом, замухрыжка не подавал признаков жизни. Староверов разодрал простыню на полосы и приступил к перевязке.

- Это же! Это же! - бормотал он вслух. - Какой-то вертеп сатанинский! Притон, кабак! И это - мой отчий дом! И хоть красный фонарь на ворота вывешивай!.. Дожил!

Зашевелился замухрыжка, со стоном сел на полу, держась за голову. Сан Сан стал перевязывать и его.

- Вы хоть чей, молодой человек, будете?

- Сережей зовут, - ныл пострадавший. - Афанасия Николаевича Сальникова внук.

У Староверова концы бинта выскользнули из пальцев: «О, господи, еще не легче!» Но

надо было бежать за «скорой».

Глава пятнадцатая

У Ломуновых подошел день очередного пересуда: молодые с утра смотались в рай-центр, а Кирилл Аркадьевич, не найдя себе места, выбрался на улицу.

Слякотная осень оборвалась резко, легким морозцем, прочно прихватившим грязь в дорожных колеях. Там и сям поблескивал ледок, похрустывал под ногами, жестяно звенела жухлая трава, уцелевшая от тракторных гусениц и человеческих ног в узеньких полосках вдоль палисадников.

Ломунов поначалу брел, озираясь, и при виде первого встречного сжался в комок, ожидая хлестких жестких слов. Но человек пробежал мимо. Другой, старый знакомый, приветливо кивнул и о здоровьишке справился. У Кирилла Аркадьевича - словно ноша с плеч - зашагал он бодрее и увереннее, запоглядывая вокруг. «И чего я в затворники за чужие грехи себя загнал? Ровно нелюдь в четырех стенах схоронился! - укорил он себя и вдруг споткнулся: всегдашняя ноша придавила его еще пуще прежней многопудовой тяжестью. - Уж лучше бы мои грехи были, а не сыновьи!..»

Ломунов очнулся, с удивлением посмотрел на свои руки, намертво, до посинения, вцепившиеся в черные дощечки чьего-то палисада. «Гляди-ко, еще на ногах устоял!» - обрадовался Кирилл Аркадьевич - Этак я, пожалуй, и дом свой проведать добреду!» Но тихая нечаянная радость тотчас угасла, стоило ему узнать, чей дом перед ним - Староверовых.

Зачем только понесло сюда, напрямки путь к родному пепелищу был бы куда короче! Зачем стоило такой крючище погибать?! Но метнулся же тогда вдогонку за Сан Санычем, едва приметил того возле игоряхиного особнячка! Не догнал, как под землю провалился. Потом Кирилл Аркадьевич опаматовался: «О чем бы спрашивать у него стал? Ночевали здорово?!..»

Со своим первым школьным учителем Ломунову не доводилось встречаться немало лет. Уже после войны, поселившись в городке, он случайно увидел Староверова на улице и... отвернул, сунулся в первую попавшуюся калитку, всполошил в заулке куриц, перепугал до полусмерти пса и мимо изумленно разинувшей рот хозяйки протопал в огород и перемахнул через забор, опомнясь лишь на соседней улице. В последующем Кирилл Аркадьевич стал куда осмотрительнее и, еще издали заметив рослую фигуру учителя, разворачивался и улепетывал в обратном направлении. Никак не мог толком объяснить себе, почему избегал Староверова, а уж встретиться с ним лицом к лицу и вовсе страшился.

Теперь, потеряв за жизнь немало соленых сопель на кулак, Ломунов в чем-то уже и оправдывал паренька-учителя, согласного, чтобы семье помочь прокормиться, и на гармошке для пьяниц на кладбище играть. Но в ту пору... Смотрели на учителя, лапотники, как почти на бога, на свет в окошке, - а он что стал вытворять, с пьяницами связался. Неведомо, как другие, но Кирюха Ломунов не смог стерпеть и все ему выложил. Запомнились его испуганные растерянные глаза...

Прислали потом из города другого учителя - чернявого, зятянутого в защитный френч, пыхавшего беспрестанно сигаркой и порою выговаривающего такие словечки, что у учеников уши полыхали. Чернявый-кучерявый, сбив в церкви в селе замок, своих подопечных науськал иконы вытащить, в кучу скидать и самолично ее подпалил. А потом спихнул с верхотуры колокол, расколовшийся с жалобным звяком у подножия храма. Прощальный звяк отозвался глухим стоном в обступившем церковь народе, завыли-запричитали бабы.

Что ж ты молчал в тряпочку, раззявя рот, Кирилл Ломунов, не вышел, не дернул за рукав чернявого-кучерявого, не влепил ему в наглую рожу ни осуждающих слов, ни просто бы съездил по ней кулачишком? А безвинного паренька-учителя в самых страшных грехах обвинил?!

...И вот, поди ж ты, через столько лет приполз на полусогнутых какого-то праха к его дому, повис мешком на заборе и чего-то ждешь-ждидаешься... Скрипнула дверь, по ступенькам крылечка бодро сбежал мужчина с ведром в руке. Заметив Ломунова, он поставил ведро, нашарил в кармане и торопливо напялил на нос черные очки. «С чего бы это? Не хочет, чтобы я его признал, маскируется?!» - забеспокоился Кирилл Аркадьевич.

- Вам кого?

- Ученик я ваш, Ломунов Кирилл. Не помните?.. Тот самый дурак, что обругал вас, когда вы на кладбище опойкам на гармонии играли.

Староверов вздрогнул, жаль, нельзя было разобрать выражения его лица, полускрытого квадратными стеклами солнцезащитных очков. Кирилл Аркадьевич приготовился на всякий случай задать обратный ход. Что взбредет на ум человеку, не всем любви неприятные воспоминания из давних лет! Обзовет старым вралищем или еще кем хуже... Но Сан Саныч, подойдя вплотную к Ломунову, цепко ухватил его за ладонь и сжал.

- Так это ты... вы сидели тогда с газетой у особняка? Не ошибся я, значит!

Кирилл Аркадьевич вконец разволновался, скорее полез в карман за таблетками, кинул штучку под язык, поотдышался. И свалил с души камень:

- Я, Сан Саныч, покаяться перед вами хочу! Простите, ради Бога, того несмышлениша, губошлепа! Если б я знал, что вы один своих домочадцев кормите... Да запляштите бы они до смерти, те выпивохи!

- Не надо, Кирилл... Правы вы были тогда, это кошунство - моя боль, пока живу. И пусть было это от малого еще ума, но не прощу себе... - тихо, печально ответил Староверов. - Пойдемте в дом, посидим, поговорим!

- Спасибо, Сан Саныч! Мне на воздухе легче, - отказался Ломунов и, примостясь на скамье у крыльца, опять полез за таблеткой. - Эх, жизнь у меня пошла! - он вздохнул, ощущая прилив горячечной бодрости. - Из грязи да прямо в князи! Сынок родной подсобил! Слыхал, поди, про «мэрскую» грызню? Во-во!

Кирилл Аркадьевич не заметил, как перешел с бывшим учителем на более привычное «ты». И впрямь - рядом с ним на скамье сидел почти ровесник, тройка лет разницы - пустяки, и казалось, должен был его, Ломунова, понять. А сколько накопилось невысказанной боли, так и плескалось через край! Только к кому в городке полезешь со своими откровениями, коли шарахаться приходится от каждого! Староверов - вроде б как из другого мира, из иного теста слепленный.

- Речи какие Игоряха мой с трибуны и по телеку толкал! - продолжал Ломунов зло. - Живем, мол, в дыре захолустной, как тараканы. Пьем да бесимся, а ведь можно много чего понастроить, парки заложить, чтоб не городишко зачуханный был, а сад. Рай Божий!.. И я-то грешным делом, Игоряху слушая, начал радоваться и гордиться. Думал, сынок мой ни на что не гожд, кроме как в штанах с лампасами за мячиком бегать, а он вон какой башковитый оказался... А потом - все побоку! Все речи - треп пустой! Игоряха, власти хватив, не лучше других сделался: все под себя! Хапай, рви кус послаще, пока возможность есть!.. Время, что ли, такое, что по-иному и жить не умеют? А на нас, старых дураков, чего смотреть, передохнем скоро, - Кириллу Аркадьевичу опять пришлось «подкрепиться» лекарством. - И я сначала дуру обрадел: въезжаю в новый дом. Жилье дали как инвалиду, бывшему фронтовику. А я, если откровенно, до фронта не доехал, по дороге эшелон разбомбили. После госпиталя - под чистую. Все равно инвалид войны, куда денешься. Игоряха меня и подловил: получай, батя, заслуженное! А мы уж рядышком с тобою пристроимся, дом-от большой. На поверку вышло - подтасовал Игоряха бумажки-документики. Суды, трепотня в городке. Они-то с бабой, как слоны толстокожие, а мне какво? Я ведь чужого сроду не брал. Стыдоба-а!.. Ты, Сан Саныч, хоть посоветуй, как дальше жить? Что же делается-то кругом? Ты меня, небось, пограмотнее, знаешь...

Староверов в ответ молча снял черные очки, и Кирилл Аркадьевич, увидев на его лице под глазами фиолетовые «фингалы», попытался, сполз с лавки и, пробормотав под нос что-то непонятное на прощание, спешно заковылял прочь.

Сан Саныч провожал его тоскливым скорбным взглядом...

В старом домишке Ломуновых кто-то побывал и похозяйничал. Сбиванием замка непрошенные гости себя утруждать не стали, просто высадили раму в окне и залезли вовнутрь. Кирилл Аркадьевич с трудом повернул ключ в заржавленном замке - Ломуновы в прежнем своем жилище давненько не бывали, и, увидев за порогом дикий разгром, зачертыхался, а потом и заплакал. Стадо обезумевших горилл, наверно, бесновалось в доме. Оставленная хозяевами немудреная мебелишка искрошена в щепы, обои со стен ободраны, пол весь устлан пухом вспоротой бабкиной перины и прямо посреди избы нагажено. Еще - холод, знобящий холод в полутемной мрачной пустоте дома.

Ломунов, повздыхав горестно, поохав, разыскал в чулане лопату и первым делом брезгливо подцепил и вышвырнул за порог «подарочек» от посетителей. Из сенника натаскал березовых поленьев и затопил печь. Сухие дрова занялись споро, запотрескивали весело. По ободранным стенам горницы запрыгали трепещущие блики света, стало уютнее. Кирилл Аркадьевич подтащил к печи старую кровать, на которой когда-то спал Игоряха, це-

ликом смастеренную из металла и единственную вещь в доме, оказавшуюся варварам не по зубам, присел на упругую скрипучую сетку, привалился к прутьям спинки. Блаженствуя в растекающемся из печного устья тепле, он, прищурясь, неотрывно, стараясь ни о чем не думать - не горевать, смотрел на бойко скачущий по поленьям огонь...

Игорь пришел утром, когда угли в печи давным-давно остыли, подернулись мертвым налетом золы.

- Вот ты куда уполз! - попенял он отцу, сидевшему с опущенной на грудь головой напротив печной топки. - Ищи тебя! И с чего это в такой бардак и в холодище ночевать по-несло? По старой халупе соскучился?

Игорь, подойдя к полюму проему окна, зябко поежился, оперся руками в косяки.

- На улице и то теплей... Знаешь, суд опять в нашу пользу присудил. Тебя, инвалида войны, да разве высеяют?! И нас, бедняг, с тобою? Грач - в дурдоме, авось угомонится. Еще поживем, мы теперь ученые! Опять, поди, будешь ворчать? А, батя?

Удивленный молчанием отца, Игорь приблизился к кровати, тряхнул Кирилла Аркадьевича за плечо и тотчас испуганно отдернул руку, обожженную холодом.

- Батя!.. - шептал он, не веря страшной догадке. - Эх, батя, прости!..

Глава шестнадцатая

Афанасия Николаевича Сальникова не переставали мучить во сне кошмары. Не одну ночь кряду, стоило ему лишь прикрыть глаза - и как живой вставал Павел. Можно было делать что угодно: ущипнуть себя нещадно, попытаться пальцами силой разлепить веки - ничто не помогало. И еще ладно бы был старший брат - румянец во всю щеку, как в молодости, но нет - обросшее щетиной лицо его было изможденным, в кровоподтеках, а в широко раскрытых глазах был страх.

«Братка, да как ты мог? За что?» - беззвучно шептали разбитые, распухшие губы Павла.

Афанасий Николаевич поспешно опускал глаза, и взгляд его упирался в вороненый наган, зажатый в руке. Немного позади Сальникова стояли вооруженные не то солдаты, не то чекисты, но стрелять в жалкую скорченную фигуру брата, жмущуюся к краю отверстого черного зева ямы, назначено было именно ему. Те, другие, подступив ближе к Афанасию Николаевичу, дышали ему в затылок, давили под ребра стволами своих наганов, давая понять, что если он сейчас не выстрелит, то сам будет немедленно вытолкнут к брату на край ямы. У Сальникова, вставая дыбом, зашевелились на голове остатки волос; еле двигая непослушным, немеющим от страха языком, он забормотал: «Я не хочу! Я боюсь! Я не хотел этого, Павел!» - и... торопливо давил пальцем на револьверный спуск, просыпаясь с истошным воплем...

Афанасий Николаевич решил рассказать о своих сновидениях дочери. Она, пережившая двух супругов, одного - пьяницу, другого - убийцу, подняла на отца обведенные траурными ободками печальные глаза:

- Поминка твой брат просит. В церковь надо сходить и панихиду заказать.

- Это по Пашке-то?! - задрезжал смешком Афанасий Николаевич.

Даже весело старику стало. Уж кого-кого, а Павла-то точно бы святая церковь предала анафеме, как злейшего своего врага, разузнайся бы одно дело...

Павел в тот давний свой приезд в городок был хмур, озабочен.

- Попа здешнего надо допросить. Из собора, пришло постановление, все ценное в фонд выгрести... Описали все, охрану поставили, наутро б забирать да везти, а замки отомкнули - внутри хрен ночевал. Кто вот успел?

- Можно с тобой? - попросился Афанасий.

- Валяй!..

Настоятель храма отец Иоанн, иссохший согбенный старец, стоял перед иконами, творя молитву. На вбежавшего Павла он не оглянулся, лишь сквозняк, загулявший по светелке, озорно взъерошил редкие седые волосы на его затылке.

- Где церковное золотишко схоронил?! - взорал уполномоченный с порога.

Плечи старца слегка вздрогнули, настоятель осенил себя размашисто крестным знаменем и поклонился.

- Чего шепчешь-то, чего? - Павел забежал сбоку и уставился в упор на отца Иоанна. - Небось, обрадел, что припрятать-то успел? Бога своего благодаришь? Ну, ничего, загово-

ришь у нас скоро!..

Зимний день исчах, затух... По хорошо наезженной колее лошади ходко бежали сами, без всякого понукания, и Афоня, отпустив вожжи, начал на облучке поклевывать носом. Он очнулся от толчка в спину и испуганно заозирался в кромешной тьме. На счастье месяца робко проглянул в просвете среди облаков, и при его неровном мертвенном свете на Афонию опупело выгарашил блестящие полтинники глаз Павел.

- Остановись, ну-ко!

Брат спрыгнул с саней, четкими отработанными движениями расстегнул кобуру и подкинул в руке наган.

- Вылезай, поп! Читай молитву!

Связанный священник боком вывалился из санок, каким-то чудом устоял на ногах. Павел ткнул ему в бок ствол нагана:

- Ты еще можешь спасти свою шкуру! Назови тех, кого подучил золото скрыть!

Отец Иоанн молчал, зато староста храмов не выдержал, заголосил тонко, по-бабьи, с надрывом:

- Батюшка, да скажи им, окаянным! Не губи себя.

- Молчи! - жестко оборвал его священник. - Господь не простит, коли отдадим святыни псам на поругание!

Резким толчком Павел свалил отца Иоанна и, сдернув с саней связку вожжей, захлестнул тугой петлей его ноги.

- Счас ты у меня иное запоешь!

Павел запрыгнул в санки, закрепил свободные концы вожжей и прикрикнул Афоне:

- Чего рот раззявил? Гони!

От окрика Афоня прирос к облучку, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой, и тогда брат, вырвав из его рук ременницу и раскрутив ее над головой, с гиком опустил на круп лошади... Все смешалось: и яростный визг полозьев, и стоны отца Иоанна, и причитания, мольбы, проклятия старосты, и грохочущий площадный пашкин мат...

У окраины города Павел остановил лошадей, вразвалочку, поигрывая ременницей, подошел к неподвижно распростертому на снегу, в черных клочьях изодранной рясы, телу отца Иоанна:

- Теперича поговорим?

Носком сапога он подопнул мертвое тело под бок.

- Да ты, кажись, спекся.... Вот незадача! - Павел залез пятерней под шапку и поскреб затылок...

Обо всем этом и вспоминал в подробностях Афанасий Николаевич, пока воскресным днем брел к Божьему храму. Ничто не упустила память, все случилось будто бы вчера. И поневоле замедлил Сальников шаги, подходя к воротам церковной ограды. Не пошел бы сюда, если б не измучивший донельзя брат, являющийся во снах! Но вдруг это взавраду поможет избавиться от изнуряющих видений окровавленного Павла, кончившего свои дни где-то в колымских лагерях, в последнее время еще и изуродованной рукой манящего за собой на край страшной ямы!

У ворот безлюдно. Из храма доносились приглушенные толстыми стенами звуки песнопения: правили службу. Сальников, топчась возле кованой узорчатой калитки, никак не мог одолеть робость, непонятный трепет. Задрал голову - и ослаб в коленках: высоченная белоснежная колокольня, полощущая золоченый крест в облаках, медленно и неумолимо падала на него... Старик поспешно вцепился обеими руками в прутья калитки, прижался к ним.

Нет, ни при чем он! Не предавал мученической смерти священника, как Павел, и в тридцатом году, когда окончательно разоряли в городе и в округе храмы, не жег костры из икон и не драл поповские ризы на тубетейки пацанам, как уполномоченный Иван Бахвалов. Но приплясывал рядом с ним, любуясь, как с этой же вот колокольни сбрасывали колокола и под его грозным взглядом с угодливой готовностью метнулся на подмогу замешкавшимся с большим колоколом активистам из городских оборванцев, чтоб и мысли не поимел уполномоченный, что юный комсомольский секретарь трусит, а то и сочувствует церковникам-мракобесам...

Тихонькой подловатой радостишкой залился Сальников месяц спустя, услышав, что Бахвалов, догромивший в округе все церкви до одной, вдруг помер в страшных мучениях. Слухи ходили разные: то опился самогоном, то отравили обиженные недруги, но сходи-

лись на том, что была на то воля господня, уж больно лютовал уполномоченный. Афанасий порадовался - порадовался да сник трусовато. Твердил, как и Бахвалов, на каждом углу, что бога нет, что выдумали его попы, дабы охмурять трудовой народ - все согласно учению родной партии, а тут подкралась мыслишка: если это не так? Бахвалов-то, говорят, помирая, орал, будто на части его рвали! Вдруг Божья кара?!

Тогда, среди повседневной суеты, мыслишка эта затерялась, истаяла. И только сегодня, возле церковной паперти, Афанасий Николаевич начал осознать, что вся его бесполовая, полная унижений и мытарств, вечного страха, долгая жизнь - расплата за молодость, одуроченную, беспощадную, бездумно сломавшую свою и чужие судьбы с безумной верой в... ничто.

У входя в храм Сальников столкнулся с двумя немолодыми женщинами в одинаковых белых платочках. Женщины, обходя Афанасия Николаевича, как-то странно поглядели на него, в лицах их ему померещилось что-то знакомое.

Сидящая на паперти старушка ненавязчиво и деликатно раз-другой дернула за штанину разинувшего рот Сальникова, распялила коричневую ладонь со скрюченными пальцами.

- Поддай Христа ради!

Афанасий Николаевич торопливо пошарил в карманах, нашел несколько завалившихся монеток, высыпал на ладонь.

- Спаси Бог!

- А кто они? Не знаете? - пригнувшись к нищенке, он кивнул вслед женщинам.

- Вани Бахвалова дочери. Поди, знавал такого? Много горюшка сотворил, безбожник... А теперича вот дочки при церкви прислуживают, грехи отцовы замаливают. И тебя-то, мил человек, я помню. Молоденьким еще. Кулачил ты нас, семью всю высрал. Одна я и возвернулась.

Сальников испуганно отшатнулся, но нищенка смотрела на него по-прежнему добрыми слезящимися глазами.

- Да прости ты Господь...

На плохо гнувшихся, будто окостенелых, ногах Афанасий Николаевич стал подниматься по круто вздернутой вверх лестнице. Сердце было готово выпрыгнуть из груди, и посередине пути, навалившись на перила, Сальников остановился перевести дух.

Бахваловские дочери, поднимаясь мимо него по ступеням, теперь посмотрели на него не столько удивленно, сколько с неодобрением:

- Кепку снимите, здесь дом Божий! - прошептала одна из них.

Афанасий Николаевич поспешно сдернул кепку, с великим трудом пересиливая желание зашагать вниз, обратно, да и пошустрей! Прочь отсюда, куда глаза глядят!

Но печальное торжественное пение, доносившееся сверху, притягивало, завораживало, и Сальников против своей воли опять стал подниматься по лестнице. «Да и Пашка опять покою не даст! Так, ровно в затылок, все время дышит!» - оправдывался он.

Правили архиерейскую службу. Народ в престольный праздник заполнил храм; стояли вплотную друг к дружке. Афанасий Николаевич завставал на цыпочки, завытягивал шею, пытаясь разглядеть, что творится в полутемной глубине храма, но в это время церковный хор умолк. Из царских врат на солею вышел в сияющих ризах архиерей.

Сальников напряг зрение - вдалеке он видел еще неплохо, без очков, и обмер. Отец Иоанн, убиенный Павлом той давней ночью, с кроткой смиренной улыбкой благословлял прихожан. Это точно он! Седая курчавая борода, низко нависшие над глазами седые брови, ласковый взгляд. Только одеяния на отце Иоанне не траурно-черные, а сияющие до рези в глазах. Но как же так? Ведь Сальников самолично трясся от страха и холода над его изувеченным, в изодранной рясе, телом!

Афанасий Николаевич заозирался, ища помощи, ноги не держали его. Из-под куполов, со стен смотрели сурово строгие лики святых. «Я не виноват! Все Пашка!» - попытался крикнуть во всеуслышание Сальников, но из уст вырвалось лишь невнятное мычание. Он попятился к выходу, едва не налетел на человека, стоящего на коленях перед иконой в притворе храма. И человек этот оказался очень знакомым...

«Па-авел! - распялил рот в беззвучном крике Афанасий Николаевич и отшагнул в пустое пространство...

Грохот от падения его сухонького маленького тела встряхнул звонницу, отдаваясь эхом под ее высоким сводом. Сальников, оббив бока и голову об околоченные полосами железа края лестничных ступеней, весь в крови, лежал навзничь на паперти, раскинув руки и

ноги.

- Как уж тебя угораздило-то, сердешный?!

Старушонки, кое-как приподняв Афанасия Николаевича, сошли с ним на землю, положили между могилок подле стены храма. Нищенка, поддерживая на коленях его голову, отирала кровь платком, дочери Ивана Бахвалова, испуганные, часто клали кресты, шепча молитвы бескровными губами.

Афанасий Николаевич разлепил веки, в красном тумане над ним склонился брат Павел...

- Прости их, Господи! Не ведали, что творили... - перекрестилась нищенка и легонькой своей ладошкой закрыла Сальникову глаза.

Глава семнадцатая

На суде Староверова то в жар бросало, то, словно гольшом выставленного на мороз, колотило...

- Где Борис вас горлышком-то попочевал? Покажите-ка место! - допытывался у Маньки ухмылявшийся обвинитель.

Та, бабенка негордая, под хохот земляков, набившихся в зал, бесстыже задрала подол грязного платья... И свидетель Валька Сатюков, видать, от шибких переживаний «пересердствовавший для храбрости» накануне, нетвердой походкой подбрел к судейскому столу.

- Расскажите, что видели?

- А-а... как Сан Саныч аж до потолка козлом под музыку скакал, то видел. А потом я убежал...

Валька изо всех сил старался не качаться из стороны в сторону. Срам! И уж больно хлестнули, ожгли Староверова ехидные слова молодого судьи: «И это тот, кто бы должен сеять разумное, доброе, вечное... А, посмотрите, что он устроил у себя в доме!»

Едва зачитали приговор, Сан Саныч сорвался с места и, расталкивая земляков, пробился к выходу...

Эх, испытали бы все эти умники на собственном горбу его однообразно-долгую, словно затяжная дождливая осень, одинокую жизнь!

Хороших друзей у Староверова никогда не было, ни в педучилище, куда вскоре его приняли, ни после, когда стал учительствовать сам. Он опасался откровенничать, а без этого настоящей дружбе не бывать. В свободное от уроков время он ударялся по лесам с ружьишком или просто с корзиной по грибы. Стрелок неважнецкий, зато грибник удачливый, мотался он по чащобам, глуша в себе всякие мысли и желания, до совершенного изнеможения и отупения. Иной раз до дому не хватало сил добрести, приходилось коротать ночь возле костерка.

На лесных ночевках Староверов простыл, слег с воспалением легких, а потом еще хуже - заболел туберкулезом. Как раз в канун войны. Под вой баб, провожавших на фронт мобилизованных мужиков и парней, нет-нет, да и ловил на себе злые и завистливые взгляды: дескать, вон какой бугай за бабьими юбками в тылу отсиживается! Пособил же леший ему чахотку заполучить! Глядишь, так и жизнь свою спасет. Спас!

Правда, когда стоявшая в городке воинская часть, которой командовал муж его сестры, двинулась на фронт, Староверов на прощальном ужине застенчиво намекнул зятю, что готов пойти ополченцем. «Сидел бы дома, белобилетник! Надо будет, до тебя и так доберутся!» - усмехнулся зять, залуживая чарку. Но потом сжалился над обидчиво надутым шурином, предложил к себе ординарцем. Староверов, недолюбливая военных, взглянув на подтянутого, мускулистого подполковника, промолчал...

Он корил себя после войны, особенно в тяжкие горькие часы своей жизни, что не ушел тогда с зятем, вскоре погибшим, хотя и сам в лихолетье едва не умер от болезни и голодухи. Тоска от одиночества с годами все чаще сдавливала его сердце. Припоминался зять, сгинувшие на фронте ровесники. «Я тоже должен был быть там, среди них...» - в отчаянии шептал Сан Саныч, проклиная своенравно распорядившуюся судьбу. И предательство родного отца не давало покоя. Хотелось как-то искупить все, оцутить в душе хоть капельку выстрадавшего и облегчающего прощения...

И вот опять, будто затравленного волка, обложили, загнали в крут из красных флажков. Шумят, грозят, тычут пальцами и нетерпеливо ждут, когда он с высунутым языком бездыханно растянется на окровавленном снегу у их ног!

Сан Саныч сдавил ладонями виски: только не это! Он во искупление своего прошлого желал всем одного лишь добра, творил его, как мог, для несчастных обездоленных людей, искренне жалел их и - как все повернулось!

Снова ощущал он себя прежним изгоем и только казалось, что с течением лет это болезненное чувство притушилось и почти стерлось...

Староверов брел и брел наугад в скорых непроглядных сумерках. Ломая в лужах тонкий ледок, промочив ботинки, он не заметил, как миновал окраину городка и очутился на полевой дороге. Где-то далеко впереди смутно угадывались очертания Лисьих горок, череды невысоких пологих холмов.

На крайнем вдруг вспыхнули яркие огни фонарей, высветивших ослепительно-белые стены храма с черными провалами окон. «Вот бы мама порадовалась!» - пожалел Староверов. Он хорошо помнил, как тихо и безутешно плакала мать, когда с церковью в городке сбрасывали колокола. На центральной площади взрывом развалили летний собор; зимний, посрывав кресты, обустроили в вертеп, нацепив вывеску «клуб», красующуюся и поныне. Церковь же на Лисьих горках белела нетронутой невестой в свадебной фате. До нее тоже было дотянулись поганые загребушие руки. Однако дальше сброшенных колоколов и разворванной утвари, дорогих окладов с икон лихоимство не двинулось. В подвалы опутанного по ограде колючей проволокой храма в начале войны завезли какие-то ценные архивы, так и пролежавшие до пятидесятих годов под неусыпным караулом стрелков с винтовками. Потом церковь вернули верующим, но мать Староверова не дожидая до светлого дня...

Сан Санычу припомнились последние деньки жизни матери. Она уже не вставала, жалостливыми ввалившимися глазами смотрела на сына: «Как ты, Санко, без меня-то жить будешь? Один, ровно перст... Коли тяжко когда - молись! Господь не оставит».

Староверов вырос в верующей семье, слышал и знал молитвы, но сейчас память подвела, как нарочно, ни словечка на ум не пришло. И все-таки он почувствовал, глядя на белеющий впереди храм, тепло в себе - робкое и трепетное на студеном ветру, но живое. И почти бегом, насколько позволяли собственные силы и дорожные ямины, припустил домой.

Киот с иконами был задернут занавесочками, в нос Сан Санычушибануло взметнувшееся облако копившейся годами пыли. Он проморгался и отшатнулся от светлых ликов, нотступно-строго вззирающих на него. Потом благоговейно опустился на колени и, боясь поднять глаза на иконы, опять попытался вспомнить слова молитвы, но безуспешно. И своих слов, чтобы пожаловаться Богу на свою незадачливую судьбу не нашлось.

Всю жизнь Староверову приходилось притворяться отъявленным атеистом, еще с той поры, когда тыкался неприкаянно в двери училищ и отовсюду получал от ворот поворот, пока знакомый преподаватель-земляк на свой страх и риск не подсобил ему поступить в педучилище. А уж сам учительствуя, в сторону храма, пусть и порушенного, Сан Саныч не смел взглянуть даже и будучи один. Лекции насчет «опиума для народа», когда приказывали, исправно читал учащимся. Дома мать истово молилась за безбожника-сына, искренне веря, что мерзость на Бога он возводит по принуждению, а не по сердцу. А сын боялся, он хотел быть, как все, хотел выжить...

Сан Саныч тяжело вздохнул и неумело, неловко перекрестился: «Надо в храм сходить...»

В ближайшее воскресенье он стоял неподалеку от выхода из трапезной храма и вглядывался в сосредоточенные лица молящихся рядом с ним людей. Возле алтаря исповедовал прихожан молодой священник. Накрыв голову кающегося епитрахилью, он осенял ее крестом, шепча разрешительную молитву. И человек, облепив душу, с очищенной совестью отходил от него, готовясь к принятию Святых Тайн...

Сан Саныч прикрыл глаза и ощутил вдруг себя пареньком среди готовящихся к исповеди. Рядом стояла мама, сжимая ему запястье теплой ласковой рукой. Отец был необычно серьезен, строго и заботливо оглядывал сына. Батюшка, улыбаясь в бороду, поманил мальчонку к аналою с возложенными на нем Евангелием и большим блестящим крестом. Мать легонько подтолкнула смутившегося сынка. А на клиросе пели печально и красиво...

Староверову сдавило горло, он закашлялся, выхватил носовой платок и, прижимая его к губам, стал протискиваться к притвору. И там столкнулся со стариком, который, ошалело выворотив кровяные белки глаз и выставив перед собою, будто для защиты, скрюченные ладони, пятился назад. Еще несколько шаркающих шагов и... Сан Саныч вскрикнул, но поздно: старик опрокинулся навзничь на лестничные ступени, и его тщедушное

тело стремительно покатилося вниз.

«Это же Сальников!»

Сан Саныч заспешил по ступенькам вдогонку, едва не сорвался сам, но старушки внизу уже перетаскивали Афанасия Николаевича с каменного подножия паперти на блеклую, убитую заморозками траву между могил. Староверову осталось только проводить взглядом его бледное, залитое кровью лицо...

Придя домой, Сан Саныч стал перед иконами: «Отче наш, иже еси на небесех!..»

Слова молитвы, услышанной сегодня в церкви, всплывали в памяти и лились свободно, легко: «И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим...»

Глава восемнадцатая

После суда «посетители» Староверова не навещали - он уж не знал, радоваться ли, печалиться ли. Но однажды кто-то поскребся в дверь тихонечко. «Сереза Сальников!»

Сан Саныч опять опешил, как в тот раз, когда после «сражения» перевязывал куском полотна башку этому замухрыжке, и тот сказал, чей он. Тогда, попросив соседей по телефону вызвать «скорую», Староверов, вернувшись, встал в прихожей перед зеркалом и, разглядывая побои на своем лице, вскипел: «Да это ж внук, родная кровь, человека, который отца моего угробил! Мою жизнь смолоду перечеркнул, клеймо наложил!» Он заглянул в горницу, где валялись и стонали пораненные Сергуня с Манькой, и спросил себя: а что Сергуне этому бы сделал в отместку за деда?! И не смог ответить...

Теперь, пожалуйста, сальниковский отпрыск сидит перед ним на лавке да еще и слезами заливаается:

- Дед мне роднее матери был... Отца не помню, мамка привела отчима дурака дураком. Любовь, говорит. А он, бывало, напьется и, когда мамки дома нет, меня под кровать загонит и сапожищами топает. Зашибу, мол, гаденьша! На улицу мне бежать - пацаны ненавидят, проходу не дают. Ладно б только по морде били! Они пакости мне подстраивали. Позвали из самопала стрелять и подсунули такой, в котором лишка пороха. Бабахнуло - мне глаз долой! Со стекляннм вот сколько лет хожу... Ненавидят, не любят нашу сальниковскую породу в городке! Дядя мой ассенизатором работал, под бочкой с перепоею среди дня помирал. Как просил, чтоб подали воды напиться! Ни одна падла не подошла близко!.. И до сих пор, чуть в пивнухе драка - мне первые тычки! Но я шильце завел, в суматохе подколю кого-нибудь в ляжку и сам визжу, как поросенок резаный. Разбегаются, зато потом обходят. А деда моего и подавну стороной обходили, он правду искал, в комитеты там всякие письма писал. Ах, дед, дед! Как я жить-то без тебя буду?! - взревел в голос Сергуня. - Он меня поил, кормил, в горе утешал... Эх, Сан Саныч, вы хоть меня пожалейте! Может... помянуть деда чем найдете?

Сан Саныч молча налил ему стакан «малиновки». Сергуня, не скрывая радости, осушил подношение и полез с поцелуями:

- Сан Саныч, миленький, дорогуша, я к вам еще приду! Родного человека у меня больше нет! Один я...

Староверову, придерживая гостя за плечи и осторожно выпроваживая его на крыльцо, оставалось только кивать, соглашаясь. Сергуня, мотаясь из стороны в сторону и лопоча под нос, скрылся в темноте, а у Сан Саныча, представившего, как непутевый сальниковский внук входит в опустевшее холодное дедово жилище, где-то в душе шевельнулась к нему жалость. «Да что же ко мне-то все, неприкаянные, идут?! За что?»

И Манька никуда не делась, подняла глухой ночью, заломилась в калитку, да и еще в сопровождении двух зверски пьяных мужиков. Староверов не решился высунуть нос, вслушиваясь в грозные выкрики, но когда в окно брякнули камушком, пришлось показаться.

- Дядя, водки дай! - загалдели наперебой мужики.

- Сан Саныч! Водки, водки! - прыгала впереди мужиков растрепанная Манька, рассыпая с зажатой в пальцах сигареты светлячки искр.

- У меня в доме спиртных напитков не имеется! - осветив компанию фонариком и лязгая зубами от холода и неприятного ощущения внизу живота, как можно тверже, выговорил Сан Саныч.

На удивление действовало сразу, канючить перестали.

- Обманула, падла! - мужик постарше влепил в сердцах Маньке оплеуху и, пошатываясь

ясь, побрел прочь.

- Маня, Манечка! Дорогуша, тебе больно? - другой мужичок, облапив Маньку, поволок ее к кусту под забором.

Манька визжала, вырывалась, материлась и, поваленная наземь, завопила истошно:

- Помогите!

Сан Саныч, словно зверь в клетке, заметался взад-вперед по сеннику. «Не выйду! Ей, бабе, что? Где легла, говорят, там и родина! Но, господи, что она так кричит-то?!»

Староверов распахнул дверь и выскочил на крыльцо. Бежать ли к копошившимся под кустом телам или же во все горло звать на помощь, он сообразить не успел. Насильник взорал благим матом и скорченной тенью тотчас убрался восвояси.

- Маня, ты жива? - держась за засов калитки, осторожно осведомился Сан Саныч.

- Жива, жива! - Манька загнула таким матюком, что у Староверова уши огнем обожгло, и, отряхиваясь, подошла к калитке. - Открывай! Соврал, поди, что нет у тебя выпивона?

Сан Саныч открывать не торопился.

- Кто эти мужичины, что были с тобой?

- А хрен их знает! Пристали: найди выпить! Отворяй, чего чешешься, замерзла я вся! Из комнатухи меня наемни выселили, ночевать негде!

- Прощай! У меня здесь не богадельня и не постоялый двор! Я прошу тебя, Маня, больше не приходи!

Он содрогнулся от потока мерзкой брани, ударившего в спину. Манька бесновалась не на шутку, швыряла комками земли по крыльцу, по окнам, билась плечом о калитку, пинала ее, не щадя ног. Выдохнувшись, принялась стучать мерно и настойчиво.

- Вот что, Маня! - не удержался, выглянул Сан Саныч. - Прекращай! Я тебе русским языком сказал.

- Сан Саныч, сигареточки у тебя не будет? - теперь просительно-жалобно заныла она.

Сигаретки Маньке хватило ненадолго. Она попросила еще чаю, и Староверов, опорожнив в банку заварочный чайник, вынес ее и опять-таки через забор вручил Маньке.

- Пей, угощайся, Мария, и с последним глотком - все!

Сан Саныч слушал смакующие причмокивания Маньки и понимал, что он уже просто издевается над человеком. Стало гадко, противно, и со стороны он себя как бы увидел: скрюченным у забора, прижавшим ухо к щели, для лучшего слуха раскрывшим рот.

Манька учуяла слабину и, саданув банку о камень, взвыла:

- Сволочи все кругом! Подыхай посреди улицы, и никому дела нет!.. Прижилась было у одного раздолбая, а он свихнулся с перепоею, морду мне набил и средь ночи из фатеры выставил. Забралась ночевать в какой-то курятник пустой, так хозяин утром чуть на вилы не насадил. А вчерась с мужиками день пили на чьей-то хате, а потом старбень-хозяйка пришла и всех - долой! Допивали в сквере, мужики меня бросили, на лавке напротив памятника Ленину дрыхнуть оставили. Тут ночь и стала коротать, хмель-то быстро вышел. Ну, думаю, от холода сдохну. С лавки подняться не могу, примерзла. Молиться уж начала - пусть менты придут и заберут меня в свою кутузку! Все ж ночь в худом, да тепле! Не пришли!.. Сан Саныч, ежели есть Бог, пусти погреться, не дай замерзнуть!

Манька повалилась на колени и, всхлипывая, прижалась лицом к покрывшейся колкими иголочками инея и оттого звенящей жестью траве под забором.

Сан Саныч открыл калитку, помог подняться Маньке, морщась от перегара.

- Только на одну минуту! - назидательным деревянным голосом произнес он, хотя знал, что Маньку уже никуда не выгонит.

Пусть осуждают его доброхоты, злословят, двусмысленно похихикивая, или с недоумением пожимают плечами, крутят пальцем у виска. А Манька отопьется крепким пуншем, уснет мертвецки. Днем она уйдет куда-нибудь, и жди опять - в каком состоянии и с кем припрется, если добредет вообще... «О, господи, за что такая мука-то?!»

Манька, прямо с порога, как кошка с мороза, проворно юркнула на горячую печную лежанку, затаилась и вскоре захрапела. Староверов остался наедине со своими мыслями. «Это все мне кара, от Бога кара! - твердил он, вздыхая. - За то, что от родного отца отрекся, на войну струсил идти. Вот всю жизнь протрясся, как овечий хвост, пекся лишь о куске хлеба да бился за копейку».

Сан Саныч прислушался к манькиному храпу с печки. «Несчастные люди! И я чем лучше их? Но, может... согревая их, делясь с ними пищей и кровом, я искуплю прошлые грехи перед Богом, совестью?»

Староверов прошел из кухни в горницу, нашел глазами бумажную иконку Спасителя, оставленную сестрой и сиротливо притулившуюся в углу, в полумраке попытался взглянуть в лик.

«И нынешняя моя жизнь не продолжение Божией кары, а искупительный крест. Надо нести его и не роптать... Почему прошлое мне кажется таким безрадостным, ненастным, серым, бесконечно долгим осенним днем? Потому что жил без веры!..»

Охваченный радостным трепетом, Сан Саныч сотворил крестное знамение...

Вместо эпилога

За ландышами на Лисьи горки Валька Сатюков выбирался каждую весну. Но не за одним лишь букетом белых пахучих цветов, которые потом, отблагочувствовав свое на подоконнике в валькиной комнате, неподаренные никому, засыхали и пылились, - весеннее свидание с горками было для Вальки единственным продохом в его суетной, словно в бестолковом сновидении, полупьяной жизни.

Сатюков, отпыхиваясь, взбирался по склону, стараясь не топтать мерцающие в темной траве жемчужные огонечки хрупких ландышей. На вершине горки он валился на прогретую солнцем землю и лежал долго, неподвижно, всматриваясь в розоватое небо с первыми робко нарождающимися звездами.

Внизу, у подножия горок, задорно взбулькивала на перекатах-камешниках невидимая под густыми клубами тумана Пельшемка, выскрипывал натужно дергач, бегая между травяных кочек по берегу.

Из дальнего бора докатилось кукование кукушки. Эхо тотчас раздробило его на множество отголосков, заметавшихся по округе. Валька, прислушиваясь, приподнялся, оперевшись на локоть, попытался сосчитать наобещанные кукушкой лета и безнадежно сбился, рассмеявшись.

В колышущихся теплых струях воздуха басовито гудели, кружась, майские жуки. Сатюков, вооружась шляпой, принялся за охоту, но оступился, едва не закувыркался вниз по склону. Ладно, уцепился чудом за куст, зарывшись лицом в мягкий прелый ворох прошлогодних листьев.

Горки, горки! Нет на вас места, где топталась бы пятками детвора, сколько сладкой земляники истаяло медом на губах мальчишек и девчонок!.. Пришла пора - и Валька с голенастой Надюшкой, первой любовью, таким же вот вечером собирал ландыши. И, подавая ей букет, несмело обнял ее и поцеловал.

На армейской службе часто снились Сатюкову Лисьи горки, чаялось поскорее вернуться к ним. Да и потом, в трудный час, тянуло неудержимо сюда успокоиться, подзабыться...

Этой весной, как обычно под вечер, Валька собрался ехать на горки. Пока скрипал туда на велосипеде-развалюхе, еще не оклемавшись толком после очередного похмелья после взятого интервью и изнемогая, глядишь, и сумерки разлились окрест.

В низине, среди кустов ивняка, было промозгло, сыро. По раскисшей, изрытой колдобинами, полными воды, дороге разогнаться было невозможно, и Валька продрог до костей. Вдобавок привязалась парочка чибисов, запорхавших над головой корреспондента и своими жутковато-пронзительными криками царапавших его изнуренную душу.

Нежилую деревеньку перед горками Валька вознамерился проскочить ходом, но колеса велосипеда увязли в песчаной насыпи. Пугливо поглядывая на пустые глазницы окон полуразвалившихся домов, он поплелся пешком до околицы и... что это?!

Карьер страшно, безжалостно разворотил, изуродовал все вокруг. В гигантскую яму с исковерканных склонов горок верхушками вниз свисали засохшие черные деревья, там и сям торчали извитые, будто толстые змеи, корни. Высокая куча обугленных древесных стволов и сучьев громоздилась у входа в карьер - кто-то пытался запалить ее. Тянуло ветром, гарью - и чуть слышно шелестел, пересыпался безжизненный песок.

Стемнело совсем. Ткнул глаз - в жуткой карьерной яме! Валька повалился ничком, прижался лицом к прохладной поверхности песка. От неведомого ему доселе в бестолковой суете и мелочных дрызгах горького чувства утраты сдавило в груди.

Эх, горки! Незыблемым все здесь казалось, всегда было и будет, ждет и встретит...

- Не уберет! Не уберет! Не уберет! - распластанный Валька, давясь слезами, хлопал и хлопал ладонями по песку на дне карьера.

Интервью Николая Толстикова «Независимой газете»

Михаил Бойко

СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЬ И ГИБЛЫЕ ПРЕВРАТНОСТИ

Николай Толстиков пишет без придуршливых вздыханий и натужной слезливости

Николай Александрович Толстиков (р. 1958) — писатель. Родился в городе Кадникове Вологодской области. После службы в армии работал в районной газете. Окончил Литературный институт им. А.М.Горького в 1999 году (семинар Владимира Орлова). В настоящее время — священнослужитель храма святителя Николая во Владычной слободе города Вологды. Публиковался в газетах «Литературная Россия», «Наша Канада», «Горизонт» (США), журналах «Наша улица», «Русский дом», «Вологодская литература», «Север», «Лад», «Крещатик» (Германия), «Новый берег» (Дания), «Венский литератор» (Австрия), альманахе «литрос», коллективных сборниках, выходящих на Северо-Западе. В Вологде издал две книги прозы «Прозрение» (1998) и «Лазарева суббота» (2005). Победитель в номинации «проза» международного литературного фестиваля «Дрезден-2007», лауреат «Литературной Вены-2008».

- Николай Александрович, какие ощущения у вас остались от работы в районной газете?

- Учился противостоять... Вернее, началось это с нашей сельской школы с производственным обучением, где было нонсенсом, что мальчишке интересуют не трактора и доильные аппараты, а что-то совсем другое. Мальчишечка-то обычный, ничем вроде не выделяющийся из всех, хулиганист и ленив на уроках в меру, разве что тихоня и шумные игры его не влекут. И первые рассказы его на страницах «районки», безобидные этюдики о природе и о разных житейских мелочах, вызывают у товарищей учителей сначала недоумение, а потом гневный протест. Как, этот двоечник и прогульщик, смеет заниматься сочинительством, да это же для доблестного коллектива школы «диссидент»! Ату его! И летит редактору газеты из школы письмецо: дескать, не плагиатора ли вы, уважаемые товарищи, пригреваете. Где ему со скудным его умишком рассказы и заметки писать, на уроках он молчит, как партизан на допросе, и в точных науках дундук дундуком. Редактор, как истинный партийный ортодокс, дает подчиненным задание: искать! И вот целая редакция старательно роется в книжках и журналах, какие попадутся под руку. Да, не переводились никогда на Руси чудики!.. Время идет, «прищучить» его, гаденыша, не удастся, и остается обескураженным наставникам сквозь зубы презрительно именовать бедолагу «бумагомаракой» и уж читать или не читать его опусы. Благодарен я своим учителям: стоять за себя научили будь здоров! Пригодилось потом в «районке», да и не только там...

Районная газета 80-х годов была тогда самым «передком», дальше для журналиста - некуда. Не трогай только горком или райком КПСС, чьим «органом» она тогда являлась, и пусть горкомовская шантрапа смотрит на тебя свысока и как на какую-то козявку, остальную «номенклатуру» ты можешь пушить так, что только перья летят. Недаром и в песенке застольной мы пели: «Взлетают и слетают с постов директора! Им в этом помогают волшебники пера...» Совались смело, во все дыры, тех, кто с прохладцей или трусил, еще и сам редактор подгонял. Он же и обрубал того, кто лишка зарывался: «Не лезь куда не надо! Помни, партия - наш рулевой!» Славный человек, он один из газетных редакторов области стал на защиту ГКЧП и поплатился, простым школьным учителем потом пропитание себе добывал.

Задыхается городишко от выбросов в атмосферу двух целлюлозно-бумажных комбинатов, а ему еще вдобавок на окраину гидролизный завод ставят - журналисты затевают «бузу» и что же? Завод перепрофилируют в менее вредное производство. Памятник природы - Лисьи горы норовят исковеркать карьерами для добычи песка, газета вступается - и отстают варвары домашнего разлива. Кто-то воют с «ветряными мельницами», а кто-то выясняет, почему это энной гражданочке в прачечной рейтузы не того размера подсунили и радостно рапортует читателям о своем успехе. Но, кроме смеха, газету простой народ, особенно сельский, уважал и за «жисть» потолковать с корреспондентом считал за честь: однако, поболе иного начальства сей индивидуум будет! И чинуши побаивались, не любили, когда о нечистых делишках на страницы газеты выплескивалось.

Конечно, время сейчас иное. И заводишко тот спорный сам по себе «загнулся», и Лисьи горы шустряги приватизировали и в качестве песка развезли и распродали; газету теперь в народе презрительно именуют «свистком» или чем попохобнее. И вправду стала она беззубой, карманной у местной власти, политаешь подшивку и - «всюду тишь да гладь, да Божья благодать!» Как в другой стране живут! И приходится напрягаться и скорбеть о народной жизни одиночке-писателю, ежели таковой в городишке имеется.

И все-таки годы боевой «газетной» юности во мне «осели» прочно, лучшей «школы жизни», как бы ни трафаретно это звучало, на мой взгляд, нет для начинающего писателя, хотя, собственно, жизнь-то нас начинает учить от самого нашего рождения, желаем мы того или нет.

- Повлияла ли учеба в Литинституте на выбор пути священнослужителя? Как вообще произошел такой жизненный разворот?

- При редакции обреталось довольно сильное литобъединение, не «божьи одуванчики» собирались погонять чайку и порасхвалить «вирши» друг дружки, ребята и девы были крепкие. Планку на обсуждениях держали будь здоров, халтуру освистывали. Недаром, потом вышло аж четверо членов Союза писателей, это из обычной-то «районки»!

Я, еще молодой-зеленый, тоже себя, грешным делом, ба-альшим писателем вообразил, засел за свой первый роман. К тому моменту по семейным обстоятельствам перебрался на жительство в Вологду, в «многотиражке» при строительном объединении поработал да вскоре сбежал: не тебе районная газета, скука смертная! Взялся сторожить турбазу на берегу реки. Поглазел на звезды в небе и - за рабочий стол. Место действия - родной городишко, прототипы - родня и соседи. Назвал коротко и резко «Угар». Из журналов тогда еще отвечали. И меня из «Севера» славно отфутболили: мол, товарищ дорогой, людишки у вас романе серенькие и никчемные, в дерьме по уши погрязли и выбиратья не думают, им бы только по лопате в руки и самозакапываться. А где у вас положительный образ молодого рабочего?! Вот чего не было так не было, хоть убейся! И забросил я с горя свое первое детище в дальний ящик стола в своем родовом имени, и провалялось оно там почти двадцать лет, пока «свет» не увидело в долгожданном журнале «Вологодская литература», начавшем выходить в прошлом году.

Меж тем в ночах на турбазе я не только пластал свою «нетленку», я увлекся романами Дмитрия Балашова из серии «Государи московские». Вот где звучала настоящая симфония личности и Бога, государства и церкви! Может, и чересчур сказал, но большего, лучшего мне не встречалось в последующей прозе. Многие мне, человеку светскому и долго бежавшему, «задрав штаны», за комсомолом, было непонятно, неясно. Историей я интересовался всегда, но в советских учебниках и историографиях о церкви, о Боге было сказано до обидного мало, да и написано в соответствующем духе: мракобесы, реакционеры... Какой-либо литературы вообще не было, это сейчас - море разливанное! Как я радовался, когда с робостью зайдя в восстанавливаемый храм, приобрел невзрачный, на серой бумаге, репринт «Закона Божьего»! Тут же в ящичек с песком (подсвечниками еще в храме не обзавелись) поставил свечу и неумело перекрестился... Ничего на меня не упало, не пришло или воображение чем-то сверхъестественным поразило. Тогда, в начале девяностых, хотя у нас танки, как в Москве, не стреляли, но сумятица в душах и умах была. А что бывает, когда по зыбучему болоту идешь? Верно, ищешь твердый берег, чтоб не засосало в трясины. Вот таким берегом для меня и стало православие. От книжной премудрости к возрастанию в духовной.

В Литературном институте я учился уже будучи священнослужителем. Все пять заочных лет. Насколько я знаю, сейчас не так и уж мало выпускников института разных лет, принявших духовный сан и не бросивших перо. Но учились, заканчивали Литинститут они еще в «советскую эпоху», тогда меня к дому Герцена на Тверском бульваре, 25 и на пушечный выстрел не подпустили бы. Я учился в 90-е годы. Вначале мое нахождение в студентах сего учебного заведения вызывало недоумение, ехидные ухмылки, даже неприятие, скажем так: «отдельной части лиц», и в Москве и у нас в Вологде. Еще бы, среди студенческой братвы, славящейся своими вольными нравами, затесался скромный «служитель культа»! Но в нашем семинаре Владимира Орлова занимались и балерина, и летчик, и доктор. Потом все как-то притерпелось, притерлось, да и к концу двадцатого века в России вряд ли чем можно было любого человека удивить.

- Какие книги сейчас лежат у вас на письменном столе? Что вы вообще в последнее время читаете?

- Естественно, Святое Евангелие. А читаю и перечитываю книги Виктора Петровича Астафьева, в чем-то считая его своим учителем. Исторические романы Дмитрия Балашова, Валентина Пикуля. Произведения и дневниковые записи Чехова. Читаю статьи критиков Валентина Курбатова, Михаила Лобанова, Андрея Немзера. Из современных прозаиков я бы не сказал, что кем-либо особенно увлекся. Интересна мне проза Олега Павлова, Михаила Тарковского, Владимира Крупина, рано погибшего Вячеслава Дёгтева. И православных писателей вниманием не обхожу, но это, как говорится, «внутрицеховое».

- Для кого вы пишете? Ведь прототипы ваших героев, скорее всего, не прочтут ваши произведения?

- Я долго не мог найти «свой журнал». Издания типа «Москвы» отделялись молчанием, там нужна благосклонность, лубок, и, как в старые номенклатурные времена, «позитивуха». На одном литературном семинаре в Вологде мне прямо так и заявили московские руководители: «Больно Бог-то у Вас, батенька, суров!» Так Он и спрашивает за грехи и прегрешения сполна. Конечно, легче представить Его таким добродушным бородатым старичком, сидящим на облаке. И раз в году, забежав мимоходом в храм, поставить свечку и, начитавшись всяких околоправославных книжек - сейчас их выходит пруд пруди, ощутить себя таким всезнающим христианином и начинать поучать попов, как надо служить в церкви, а уж пишущего священнослужителя и подавно поучать как надо писать.

Совершенно отличается в этом плане Юрий Александрович Кувалдин. У него стремление не затоптать неведомого автора, а, наоборот, помочь встать тому уверенно на крыло, ободренному добрым словом и советом. В кувалдинской «Нашей улице» у меня опубликовано большинство моих повестей и рассказов. И что напишешь свежее, смело отправляешь туда, знаешь, что без внимания не останется.

В Вологде у нас, наконец, появился достаточно независимый журнал «Вологодская литература». Отраднo, что в первых пробных выпусках помимо набивших оскомину местным писательским имен проглядывает и новая литература, хотя пока, в основном, тех, кто в свое время «не пробился».

А что до того, прочтут ли прототипы моих героев мои произведения... Так они почти все входят в так называемую «группу риска», где долго не живут, а уж тем более по библиотекам не ходят. Но... среди падающих и падших и готовых упасть всегда есть человек, пусть и балансирующий на грани, но ищущий путь к Богу, хватающийся за это, как утопающий за последнюю соломинку. Вот для таких людей и моя проза. Поможет кому-то, буду счастлив.

Еще заметил: прозу мою охотно читают вполне благополучные дамы предбальзаковского возраста. Что уж

их там «цепляет»? Но это спишем на загадку женской души.

- Тяжело ли вам вживаться в своих героев - среди которых много пьющих, блудящих, бесчинствующих?

- «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные». Не случайно сказано в Евангелии. О здоровом правильном человеке, вероятно, писать радостно и легко, чем опускаться до самого дна, описывать его обитателей. Хотя, впрочем, нет. Труднее описать человека, выбирающегося с этого самого дна, карабкающегося, обрывая ногти, в гору. Скатиться-то легко, усилий не надо.

А что вживаться? Если что-то в молодости перепробовано, переживувано на собственном хребте. Если с рождения до зрелых лет прожито в крохотном городишке, где все жители на виду, просвечены, как рентгеном. Ничто не спрячется, любая тайна рано или поздно раскроется. Меня порой упрекают за мрачноватые тона в прозе, но это - только чисто человеческая тоска по светлым сторонам жизни вперемежку с горечью от созерцания прискорбных сторон жизни и гиблых превратностей судеб обитателей русского «глубинного» городка.

- Чем объясняется большое количество сквозных героев в ваших рассказах и повестях?

- Не хватило духу написать роман, вот и иной герой мой неприкаянно кочует из повести в рассказ, из рассказа в повесть. Как в повседневной жизни. Не ограничивается же она отрезком похода в булочную за хлебом и обратно, пусть и живописным, может быть. В «шкуре» сквозного персонажа у меня скорее - второе «я» самого автора. Куда ж от себя, любимого, денешься?

- Вам нравится религиозная поэзия?

- В первую очередь отметил бы иеромонаха Романа (в миру - Александр Матюшин). Вот где духовная мощь... А так, как только стало модно и безопасно, целое скопище поэтов ломанулось к небесным высотам, готовое запорхать ангелочками. Но это куда бы ни шло, «всякая тварь радуется и Бога славит», но кое-кто готов применить на себя и Христовы страдания. Естественно, виртуально.

А всего лучше поэзия разлита во всех песнопениях церковной службы. Тут уж ничего равного нет. Заходите в храм, подольше постоит возле клироса... Вначале, может быть, и не совсем понятен для новичка церковнославянский язык, но сердце-то поймет, услышит.

- Попадались ли вам книги современных авторов, описывающих свой опыт воцерковления?

- В начале это были произведения Владимира Крупина, в последние годы немало еще интересных авторов мне встретилось. Священнослужители Николай Агафонов и Ярослав Шипов - прекрасные рассказчики, чувствуется, что пишут, опираясь на собственный церковный опыт, проза не «высосана из пальца» и нет желания выдавать желаемое за действительное. Нет и придурашливых воздыханий, натужной слезливости, чем часто грешат иные, пытающиеся зачислить себя в «православные писатели».

Из мирян, значимо описывающих путь воцерковления себя ли или своих героев, заметны — Олеся Николаева, «матушка», Василий Дворцов, тюменец Сергей Козлов. Я с удовольствием прочел одну из его последних вещей «Зона Брока».

Не сбросишь теперь со счетов и интернет: создан портал православных писателей и поэтов «Омилия». Здесь размещают свои рассказы и стихи, как и пробующие еще только свое перо авторы, так и маститые уже, как протоиерей Николай Агафонов.

Но есть и немного «другого» направления книжки, к примеру нашумевший «Патерик» Майи Кучерской. Я понимаю желание автора резать правду-матку, показаться оригинальным, но попахивает временами от текста пресловутой «пятылеткой безбожия». Или подобные авторы стремятся «достать» до Николая Лескова. Так у классика никогда не было стремления вывалить какого-нибудь служителя культа в грязь. Зрите в корень!

А в целом... Много в творчестве современных православных авторов в самом хорошем понимании слова - «тактического», работы на деталь, а вот пока - «стратегического»... Будем ждать.

- Вы согласны с тем, что «светское искусство по своей сути демонично»?

- Один батюшка никогда не ездил в троллейбусе по той причине, что троллейбус-то рогатый! Ходил пешком. Так вот и светское искусство можно считать и исчадием ада и порока, а можно находить в нем светлое и радостное для души. От самого человека, на мой взгляд, зависит, от его мировоззрения, духовности, воспитания, наконец.

Когда я поступал в Литинститут, на собеседовании меня тогдашний ректор Сергей Есин спросил: «А что вы будете делать, если по ходу учебной программы вам придется знакомиться с произведениями, к которым в церкви относятся негативно?» Знакомиться надо, куда денешься, а уж воспринимать их или нет, мое личное дело. На том и договорились.

- Сталкивались ли вы в повседневной жизни с тем, что можно объяснить только как чудо?

- Ой, с чудом поосторожнее! Церковь на это смотрит с немалой опаской, всегда в смутные времена появлялись и лжепророки, и ясновидящие, всякие кликуши, виделись кому-то какие-то знамения. При ближайшем рассмотрении чаще всего это оказываются проделки от лукавого. Кому спяну или в сильном душевном волнении не поблазнит чего? За свою служебную, почти семнадцатилетнюю практику, я с какими-то яркими небывальными выражениями чудес не сталкивался, кривить душой не буду, советую все-таки положиться здесь на упование матери-церкви.

- Может ли еще что-то спасти Русский Север?

- Слово Божие! Вновь пронесенное по градам и весям после коммунистического и постперестроечного беспредела. Ничто не спасет, «...ни царь и не герой!» Только Бог!

29.10.2009

Александр РУЛЁВ-ХАЧАТРЯН

ТАНЕЦ ИСПАНСКИХ ЦЫГАН

Закончив работу, мы вчетвером блаженствовали на траве под солнышком возле ошкуранных бревен. Глядели в небо. Скоро должна прийти хозяйка, она принесет обед. Ровно в три, если ничего не случится. А что может случиться?

Вот уже двадцать дней мы здесь: копаем землю под фундамент, заливаем бетоном, теперь ведем кладку, собираемся делать полы. Все это неподалеку от Аксенихи, где центральная усадьба. Тут мы и подрядились построить к сентябрю мастерские.

Договорились по уму. Дело мы свое знаем, народ в бригаде - лучше не надо. Чего стоит один Павлов Андрей Петрович - человек бывалый, опытный шофер. Многие годы провел он за баранкой, а теперь вышел на пенсию и решил подзаработать на стройке. Кроме него и меня, в бригаде еще двое учителей из Ивановской области. Встаем в пять утра, сейчас уж и проголодались.

После завтрака замесили раствор и натаскали кирпичей на леса. А там и кладку повели: кто внизу, кто наверху - всем дело, знай гони кирпич к кирпичику. А в десять, - мы уже к этому привыкли, - донеслось пение из церкви, превращенной в деревянный клуб. В этот час начинала свою работу заведующая, она же киномеханик, она же Аннушка, принесло сюда после окончания каких-то культурных курсов.

В десять она начинает мести в зале. Вечером там накурили, налузгали, а главное - глины разной нанесли на сапогах: красная земля - это из Ершова, желтая - из Витии, у них вечно дороги не просыхают, такая уж деревня, ничего не поделаешь, а белая глина с песком - своя, тут ее сколько хочешь, если ходить косогором из деревни в клуб. А кто же по шоссе пойдет, когда через овраги ближе, да и с девками целоваться на провозанках можно. Словом, убирай да убирай - грязи хватает. Вот Аннушка и поет, распахнув окна, которые прорублены на север и юг из главного помещения, где раньше молились.

Поет она нежно. А бывает, в такую вышину заберется, что дух захватывает. Мы работаем себе, а песня, слышим, поглуше становится - это Аннушка в кинобудку зашла. Кто наградил ее голосом? Кто выучил петь? Не знаем. В двенадцать она запирает клуб и спешит к дому, что стоит наискось через дорогу. Здесь Аннушка снимает комнату. Нам видно, как она торопится: руки держит на волосах = х, а косы ее, полураспущенные, плещут за спиной, как будто она бежит против сильного ветра. Постепенно голос ее затихает, а затем и вовсе смолкает. Тихая идет Аннушка к высокому крыльцу и молча пропадает в обширном доме.

Старинный этот домище. Стоит он на отшибе и не похож на другие дома в селе: срублен из бревен в обхват, снаружи отесан, а не обшит, и от этого стены кажутся выше, чем есть, и будто покрыты лаком - блестят, но матово, неярко. И крыльцо тоже отражает свет - оно из-под рубанка. Впечатление такое, что дом был собран давно, а потом оставлен под снег и ветер, стоял так, стоял, прошло сколько-то лет, пока жить в нем стали. Вот и получилось: дом стародавний, но с виду как новый, не обжитой, короче.

И что еще удивительней - так это крытая веранда. Вдоль всей северной стены она тянется, потом заворачивает прямо и коротким зауголком выходит на восточную сторону. Ни у кого в селе таких веранд и в помине нет. А тут она сделала все по правилам. Но, спрашивается, кому нужна эта веранда, если вся на северную сторону глядит, на мох да сырость, да на изрытый глиняный обрыв, что недалеко. На ту же холодную сторону самые красивые наличники да карнизы пришиты, туда же и фронтон одноглазый смотрит. Стекланный глаз - круглый, перечеркнутый сверху вниз калевкой. Ото всех отвернулся дом: от села, от клуба, от дороги, куда-то смотрит недреманно... Куда? В нем Аннушка живет, в комнатке со своей дверцей на веранду. Платит за постой, говорила наша хозяйка, по двадцать пять рублей, а получает в совхозе семьдесят, и то лишь потому, что она еще и киномеханик, а просто заведующей столько не положено.

Хозяин этого дома появляется ровно в шесть утра, уходит по проселку и вскоре исчезает за холмом. Регулярно через два дня на третий он выпивает после работы без суеты и тихо в глубине своего дома, без компании и без показухи, как это здесь принято, когда собираются по трое за краснухой, бутылку держат на пригорке, а сами талу-балу разводят, один другого не слушая. Он же, хозяин, в такие дни лишь вечером, уже готовый, сходит с крыльца, прямо идет к нам и пускается в рассуждения. О чем он говорит, никто из нас

понять не может. Почти ни одного словечка нельзя бывает разобрать, но если судить по лицу, то речь его имеет жалостливый смысл. Потом он уходит, вернее, уползает как-то боком - так по дну перемещаются морские звезды. Уползает сам, так как ни разу за время, что мы тут работаем, никто его не позвал, не пришел за ним. Наутро он идет мимо нас, не здороваясь и не глядя в нашу сторону, а на его гладком лице свирепо отражается солнце. На сапогах тоже - до того он их начищает, и это странно, по деревенским обычаям если...

Работает он древопильщиком - и на разуме, и на большой циркульной пиле, что возле мастерских и кузни. И мне представляется, как он, должно быть, с наслаждением, перепиливает пополам стволы сосен и берез визжащим диском с зубьями. Фамилия у него - Черепашин. Откуда такая? Вокруг все веселые фамилии - Ручьев, Ольхин, Пестерев. А ершовские - те больше с перьями: Воробьев, Галкин, Синицыны, Орловы. Как по небу плывут! А тут - приходите познакомьтесь - Черепашин!

Ежедневно, кроме воскресенья, идет из дома к пилораме, толкая тележку на четырех колесиках, и хозяйка. Маленькая, плотная женщина везет мужу обед. Она тоже никогда ни с кем не останавливалась и всегда шла по одному пути, ни разу не свернув с тропки. Даже тогда, когда трактор, случайно свернув с поля, перепахал эту тропу в одном месте, она упрямо продолжала толкать груз по рыхлой пахоте, не отклоняясь в сторону. Накормив мужа, она так же одиноко возвращалась домой.

И рос у Черепашиных сын Гриша, похожий и на мать, и на отца. Он приходил к нам зубоскалить, называл отца гадом, а мать душой. Когда Гриша начинал говорить быстро, то его тоже, как и пьяного Черепашина, трудно было понять. Но, как правило, на него мало кто обращал внимание. Прерывался он лишь затем, чтобы с силой втянуть воздух ноздрями. Гриша всегда старался попасть к обеду. Наша хозяйка Фрося одергивала его: «Не хватай, никто не отымет», - и подавала кашу. Однако тут появилась мать Гриши и уводила его, толкая перед собой молча и настойчиво, как свою тележку. Гриша зло ругался и отмахивался, но ушел. Его заставляли много работать. Делать он умел все, но если оставался без надзора, то убегал на речку, бродил где мелко, шарил под камнями и пойманную рыбешку, - Павлов сам видел, - тут же съедал живой.

Во дворе у Черепашиных повизгивала свинья. Была у них и корова с теленком, но паслись они не в стаде, а сами по себе возле дома. Вот, пожалуй, и все об этом доме, где Аннушка живет. Сейчас она тоже обедает, наверное... С горочки спускается и наша тетя Фрося с едой. А на крыльце топчется Гриша. Когда Аннушка проходила мимо, то он, присев на корточки, пугал ее, мотая головой, - быка изображал. Теперь он стоит и ждет, когда мы начнем есть.

- Драсте, работнички, дра-асти-и, - поет Фрося и начинает считать, тыча в каждого из нас пальцем. - Раз, два, три, четыре.

Мы улыбаемся. Садимся в кружок, оставляя место и для Гриши.

- Хоть бы раз Аннушку привел, дурачок, - встречает Фрося парня. Она высказывает наше общее тайное желание.

- Зачем? - Гриша зло глядит на Фросю.

- Да ведь недаром сказано - без Иванов да без Анн у нас не пообедаешь. Да-а...

Надо сказать, что в нашей бригаде сразу два Ивана: одного, учителя, который физик-математик, зовут Иваном Данилычем, второго, естественника, - Иваном Иванычем. Они мало говорят, больше наблюдают и думают. Зато мы с Павловым не отстаем друг от друга в растабарах.

Фрося дожидается, когда мы поедем немного, а там приступает к новостям. Сообщает она нам каждый день что-нибудь необычайное. Утром - одно, в обед - другое, вечером - третье. Вот и сейчас... ждем сообщений.

- Что и делаеца, что и творица, - по-обычному запевае она и вздыхает.

- Воть- воть, - зачем-то встречает Гриша. Он ест озираясь.

- Что и делаеца-а, - возвышает голос наша хозяйка. - Гришку женить надумали, - говорит она.

- Хорото-о, - Гриша мотает головой и делает скабресный жест, демонстрируя, как он понимает женитьбу. - Аннуштю - лях! - и заливаеца, сузив глаза.

Мы как один замираем. На лице математика такая растерянность, что его становится жаль.

- Врешь, - Павлов свирепо глядит на Фросю, потом кивает в сторону Гриши, - он же... Тьфу!

- Ничего не вру! Где же это я вру? Люди говорят... Черепашины такие, кого хошь при-

жмут и угораздят, да-а. Обработали девуку, нечего сказать.

Гриша неожиданно вскакивает и бежит от нас, словно мы за ним гонимся. Уже около дома он останавливается, грозит нам и нехорошо ругаться. Потом бросает в нас камнем и скрывается за дверью.

- Это же необъяснимо, товарищи! - восклицает Иван Данилыч.

- Тебе все необъяснимо, - сердится Фрося. - Чего ни скажу - необъяснимо. Говорят же русским языком - оженить хотят их, ну! Где лучше девуку найдешь?

- Да не об этом я! Я совсем о другом! - отмахивается Иван Данилыч.

Павлов бросает ложку, курит, ни на кого не глядя. Я отхожу в сторону, сажусь на бревна. Слышно, как Фрося что-то втолковывает учителям...

- Да, может быть, он хороший человек... - не могу понять, о ком выкрикивает Иван Иванович.

- Ты всю жизнь с лягухами, Иван, - вот у тебя каждый человек и хороший, - возмущается Иван Данилыч.

Павлов идет ко мне, топчется возле, затем, махнув рукой, возвращается к остальным. Я тоже подхожу к ним, потому что не знаю, куда себя деть.

- Но, товарищи, этого нельзя допустить, - говорит Иван Иванович и еще больше раздражает Фросю.

Она в сердцах выплескивает недоеденное, кое-как собирает посуду и уходит сердитая. Мы глядим ей вслед и молчим, смотрим так, словно от нее и только от нее зависит судьба Аннушки-певуни, хотя и знаем, что это не так.

- Ну уж постой! - грозит Павлов, поглядывая на ненавистный теперь дом. - Пошли работать!

О чем только мы не поговорили до вечера. Я удивился, что дома наша Фрося как бы даже забыла об Аннушке и сватовстве Черепашиных. Она встретила нас вечером ласково, как всегда, и стала рассказывать про пожар в Рябове. Начала, конечно, с «чего делаецца-а». Говорила, говорила, потом как набросилась сразу на всех:

- Чего думаете? Ученые! Человека вызволять надо! А вы знай хлебалами чавкаете. Не чужое это дело, говорю вам, не чужое!

- Да погоди, чего орешь-то! - попытался урезонить ее Павлов. - Кто тебе сказал, что чужое? Никто.

- Тут следует все тщательно взвесить, - Иван Данилыч посмотрел в мою сторону, словно ожидая от меня каких-то значительных слов.

Но я молчал, не зная, что сказать.

- Да ладно. Поговорю-ка я с родителями, - решительно заявил Павлов.

- Нет у нее родителей, - отрезала Фрося.

- Это осложняет дело еще больше, - Иван Иванович поднялся. - Поговорить надо с ней.

Оба учителя и Павлов ушли. Сегодня в клубе кино. Что-то индийское, значит, народу будет полно...

Ни один из моих добрых друзей не знал, что вчера, после танцев, когда все разошлись, я гулял с Аннушкой по дороге - до Рябова и назад. Говорили про кино, про песни. Я рассказывал о себе, острил насчет своеобразия костюмов местных кавалеров, удачно, как мне казалось, высмеивал их выговор. Аннушка смеялась, поглядывая на лучики от фонариков, которыми светили в нашу сторону парни из многочисленной компании, с визгом и хохотом удалявшейся в Рябово. Мы шли медленно, стараясь отстать от них поскорей, вернее, мне этого хотелось.

Когда вернулись и подошли к дому, я сказал: «Вот когда-нибудь приплыву по речке в лодке, и парус будет алый...» - «Знаю, такая книжка есть, я знаю. Только по этой речке не проберешься: мелко тут, да и камни... Никому никогда не доплыть сюда по речке. А тебе спасибо...» - грустно отозвалась Аннушка.

Я стал целовать ее. Лицо у Аннушки было мягкое, она отворачивалась, но потом перестала противиться, только спросила тихо: «Зачем тебе нужно это?» Я провожал ее взглядом, пока Аннушка обходила дом слева, чтобы через веранду попасть к себе в комнату. Идти за ней я не решился.

...Фрося легла спать на своей половине. А я сидел в темноте, мысли мои перескакивали с одного на другое. Потом как-то незаметно все улеглось в голове, и стало ясно, что надо делать. Я оделся и вышел в ночь. По дороге к клубу меня лениво облаивали полусонные собаки. Обычно я не обращал на них внимания, но сейчас вздрагивал от каждого звука. У крайней избы я прижался к ограде и затаился. Из клуба возвращались Павлов и оба учите-

ля. Они громко разговаривали.

- Кто же так с человеком беседует? - упрекал кого-то из спутников Иван Иванович.

- Не наше дело - лезть в чужую жизнь, - грустно ответил математик. - Мы и в своей толком не умеем разобраться. Вот у меня жена тоже учительница...

Остальное я не расслышал. Только еще отчетливо донеслось мое имя, произнесенное Павловым. Мимо проходил народ. Я узнавал некоторых по голосам - хорошие люди. «Много разных людей было в клубе, и все переживали, - думал я, - плакали, смеялись, ждали... А кому из них есть дело до Аннушки? Наконец я добрался до клуба и стал поджидать Аннушку. Слышно было, как она перематывает в аппаратной ленту. Потом огни потухли. Звякнули ключи.

Аннушка не испугалась, не удивилась, когда я поднялся в рост с камня и назвал ее.

- Устала я сегодня... Жарко там...

- Аннушка... Посмотри на меня.

- Что тебе? Что с тобой?

- Аннушка, выходи за меня замуж... Пожалуйста...

- Насмешил, - сказала она грустно, останавливаясь.

Я подошел совсем близко. Она положила руки мне на плечи, тепло поцеловала в губы.

- Спасибо за ласку... Но не пойду я за тебя. Не нужно тебе это совсем. Да.

И я понял, что это правда... Но шел за ней, как идут слепые по незнакомой дороге. Аннушка поднялась на веранду, бесшумно притворила свою дверь. А я стоял поодаль, смотрел, ждал, однако свет она так и не стала зажигать...

Тогда я побрел назад. Не заметил, как очутился возле фросиной избы, где уже все спали. Я обогнул избу, выйдя на лунную сторону, сел под стенкой на землю и прислонился к шершавым бревнам. Я глядел в желтое небо: меж облаков прорезывались мелкие северные звезды, временами их накрывало - неглубокие тучки несло на восток, луна бежала на запад, бежала, бежала, но все оставалась на месте. Я стал смотреть на заросли крапивы, потом заплакал тяжело и мучительно, слизывая с губ слезы и осматриваясь, как будто кто-нибудь мог их увидеть.

Утром сеял дождь, уже все было мокрым, и казалось, что такая сырость много дней стоит в воздухе и ждать снова солнца - безнадежное дело.

- Прояснеет, - утешила нас Фрося, - вона как полыхает в печи.

Натянули на себя плащи и пошли на работу. Изю всех труб выползали подсиненные дымы, но в небо не уходили, а текли вниз и пластались по огородам и полям. И только где-то в невидимой вышине приглушенно вызванивала монотонная струна - там, наверное, пробивались лучи восходящего солнца.

Возле клуба Иван Иваныч сказал:

- У нее голос, ей учиться надо.

Мы почему-то посмотрели на обвисшую сырую афишу, где не разобрать было, что и написано. Наискось нам шел на работу Черепашин, как всегда, в чищенных сапогах. Их покрывала крупная роса, видно оттого, что владелец сапог прошелся по траве, густо росшей возле его дома. Я смотрел на эти сапоги, и мне казалось, что они самостоятельно, независимо от хозяина ступают по дороге.

Павлов отделился от нас, остановил Черепашина.

- Ты чего девку обижаешь? - спросил он.

- Чи-во-о ? - только и произнес Черепашин, - и столько презрения было ко всем нам в его тоне.

Мы вернулись к речке и стали спускаться, скользя по глине.

- Не ваше собачье дело! - вдруг крикнул Черепашин уже издали.

Я обернулся, совершенно серьезно ожидая, что он швырнет в нас камнем.

Мы развели костерок. Огонь быстро раздуло налетевшим ветром. Тот же ветер, наверное, разогнал низкие тучи. Часам к восьми небо очистилось, появилось солнце, началась работа. Павлов послал меня за белой глиной. За домом Черепашинных был маленький карьер - тут мы срезали глину для штукатурного раствора, который делался от этого пластичней. Я перешел через дорогу. Не могу точно описать своего состояния: с утра мне все вокруг казалось и совсем чужим, и очень своим одновременно. А теперь я шагал по залитой солнцем траве, и передо мной был дом Черепашинных, и в нем Аннушка.

Я нарезал глину лопатой с белого откоса, когда раздались звуки гитар и на веранду вышла Аннушка в золотистой шали с легкими кистями. Она меня не видела, меня видел только одноглазый фронтон, и кажется, он следил за мной. Аннушка плавно прошла вдоль ве-

ранды, и движения ее были удивительно легкими и воздушными. Но вот ритм убыстрился, и они стали порывисто-короткими. Аннушка репетировала танец испанских цыган. Она готовилась к выступлению на концерте. Об этом она мне рассказывала, когда мы бродили до Рябова и обратно.

А сейчас я с замиранием в сердце смотрел, как неистово металась Аннушка от одного конца веранды к другому в бурном танце. Шаль едва поспевала за ней, как и волосы, расплескавшиеся за спиной. Я заметил, что Аннушка стралась подольше задержаться в том углу веранды, где было солнце, словно чувствовала, что танец испанских цыган просит яркого света. Бился гитарный перезвон о деревянные стены, и, как сказочная птица, в лучах солнца кружилась Аннушка, широко разведя шаль и дерзко вскинув голову. Мне чудилось, что она танцует с закрытыми глазами.

- Чего вылупися? - Гриша появился откуда-то с лопатой и ведром в руках. - Вот-вот. Из-за этого тятя вас и не пустил на постой. Подсматривать бы стали, когда Аннушка раздевается, ага-а!

Он смеялся... Нет, он скалился и холодно следил за каждым моим движением. Однако в глубине его серых глаз таилась незащищенность, готовность отбежать и кидаться издала камнями.

Музыка начала стихать и оборвалась. Аннушка устало оперлась на перила и, видимо, только сейчас увидела нас. Она не шелохнулась, пока я приближался.

- Аннушка, выходи за меня. Здравствуй!

- Здравствуй! Я хорошо плясала? - и сама же ответила: - Хорошо. Я здорово танцую. Люблю. Понравилось, да?

- Да. Неужели ты пойдешь за этого?

- Не знаю. Там видно будет.

- Но он же...

- Он вовсе не плохой, вот что, вот что, - Аннушка откинулась к стенке, плотно, до подбородка, запахнув шаль. - Душа у него, у Гриши, добрая! Прощай!

Глаза у Аннушки были как нарисованные. Я поглядел в эти глаза, и все окружающее меня пространство мгновенно опустело, мир стал однозначно скучным и молчаливо холодным. Из комнаты слышалось мерное шелканье пластинки, там вхолостую крутился диск, на котором был записан танец испанских цыган...

Мы больше не слышали пения, сколько ни ждали. Клуб не отпирался. Люди, как стоворились, сидели по домам, даже Черепашин - отец заболел. Фрося сказала, что первый раз в жизни.

Через два дня пришло известие нашему Ивану Иванычу, его срочно звали домой. У Павлова тоже пропало настроение, да и приустал он, так что мы рассчитались и собрались уезжать. Работу передали приехавшим западным белорусам. Мы уже готовы были двинуться к автобусу, когда прибежал запыхавшийся Гриша.

- Подожди маленько, ты, - и показал пальцем на меня. - Аннушка сказать хочет, - развернулся и поспешил вниз под гору за деревню.

Я побежал на край села навстречу Аннушке. Возле клуба встретились. Она обняла меня. Потом отстранилась, чтобы посмотреть в глаза.

- Оставайся на сегодня. Переночуешь у меня, а завтра уедешь. Я буду твоей первый и последний раз.

Я увидел ее побелевшие губы, широкие зрачки, потом слабую улыбку.

- Вот видишь, какая я смелая, - прошептала она, опуская безжизненно руки.

- Нет, Аннушка... Я так не хочу. Прошу тебя - выходи замуж. Уедем вместе сейчас же. Пожалуйста.

- Ты - зло-ой... - почти что прорыдала она.

Так мы и расстались...

Прошло два года с того лета. Но я так и не знаю до сих пор, что с Аннушкой. Выдали замуж? Поет ли? Уехала? Я часто думаю о ней. В такие минуты спрашиваю себя: «Как могло получиться, что ты не побывал в Аксенихе? Почему ты ничего не знаешь об Аннушке?» И крутая горечь ложится на сердце, не могу я дать ответа на свои вопросы.

Но всякий раз после воспоминаний об Аннушке я чувствую, что начинаю больше понимать окружающий меня мир, где у каждого живущего своя душа. Я задумываюсь о своей судьбе, и мне ясно, что прошлое уплыло, оно размылось до нереальности. И только танец испанских цыган я помню отчетливо, так долго помнится яркая книга, прочитанная когда-то.

Татьяна МАСС

БАБУШКИНА ДЕРЕВНЯ

Недавно наш друг, французский архитектор, пригласил нас на прогулку по историческим достопримечательностям соседнего региона - Бургундии. Свернув с авторута, мы проезжали местными автодорогами, путь наш пролегал через деревни. Нужно сказать, что французские деревни совсем не похожи на деревни в нашем понимании. Это ухоженные маленькие города с каменными домами и парками вместо привычных садов и огородов. В центре такой деревни-городка, на площади обязательно возносится металлическим крестом в небо каменная церковь. Если деревня считалась богатой, то на церковной площади, как правило мощенной камнем, горожане устанавливали фонтан.

Наша прогулка заканчивалась. Осмотрев красивую старинную церковь 11 века, мы вышли кофе в местном баре и отправились домой. В машине я навострила уши, услышав по радио одну французскую песенку, которую с моими двоюродными братьями и сестрами одним летом мы часто ловили на транзистор в вологодской деревне у бабушки. Помню, что именно в то лето стояла очень жаркая погода, горели вологодские леса, над деревней стался запах дыма, и наши родители должны были вот-вот приехать, чтоб разобрать нас по домам.

В этой красивой французской песне, переведенной на русский язык, пелось о том, как каждое лето в деревне собираются братья и сестры. Сначала они маленькие, потом вырастают, в конце собираются уже со своими детьми. Припев в этой песне был перечислением красивых французских имен Антуан, Андре, Симон, Мария, Тереза, Франсуа, Изабель и я. Музыка этих имен как-то гипнотизировала нас. Она нравилась гораздо больше, чем мелодия самой песни.

И каково же было мое изумление, когда, в машине у французского нашего друга, я услышала эту песенку в оригинале, на французском языке. Дело в том, что при том же содержании все имена в припеве были русские: «Иван, Гришка, Маша, Даша», - пела французская певица с русскими корнями Мари Лафоре (Marie Laforet) - автор и исполнительница этой песенки «Иван, Борис и я», популярной во Франции в 70-е годы.

Смешно, но после этого недавнего случая я все чаще вспоминаю бабушкину деревню.

Недавно ни с того, ни с чего набрала в интернете ее название: Порубежье Вологодская область. И вышло уж совсем неожиданное: «Деревня Порубежье Вологодской области. В 17 веке подворье Спасо-Евфимьева монастыря». Меня как жаром полыхнуло от такого известия. Бабушкина деревня была когда-то монастырским подворьем! Это для меня было совершенно неожиданно. Никогда я не знала, что жизнь глухой заброшенной деревеньки была когда-то посвящена сокровенному православному служению. Этого не знали и мои родственники - мои двоюродные братья и сестры, не знала даже мама.

В 17 веке духовная жизнь России была сконцентрирована в таких лесных скитах, подальше от политических дрязг, войн, бунтов. Может быть, та старая раскидистая липа в центре деревни, под которой от зноя спасались, овцы, помнила еще монастырские пасхальные службы или молебны за родину в годы распрей, нашествия врагов...

Вот, наверное, отчего так тянет меня и моих двоюродных братьев и сестер в это место, затерянное среди вологодских лесов. Невидимая благодать, в которой мы тогда жили и которой уже не находим в чужих и дальних странах, веет из наших детских воспоминаний, приходящих вразнобой, отдельными картинками.

Иду по маленькой деревенской улице. Меня только что привезли к бабушке, и я еще робко, по-городскому, удаляюсь от дома. Беловолосая женщина в фартуке и в сапогах несет ведро с колодца. Поравнявшись со мной, она приветливо улыбается и поет:

- Ой, а что это за деушка к нам приехала? Ты чья, милая?

- Таисьи Контантиновны.

- Ой, до чего же ты хорошая, милая!

Женщина идет дальше, а я удивляюсь сама про себя: чего это она такая добренькая? Я же ее не знаю...

Мы - дети - бегали по деревне босиком. Однажды я порезала ногу осколком бутылки.

Бабушка чуть не прибила меня сначала. (Я это чувство теперь понимаю - когда мой сын подросток поранит себя как-то нечаянно, сначала я хочу его треснуть по затылку, а потом пожалеть). А потом она обработала мне рану тройным одеколоном, служившим, по ее мнению, панацеей от всех наших детских бед - комариных укусов, порезов, синяков и проч.

И затем бабушка пошла выяснять, откуда в траве взялись осколки стекла. Меня это удивило. Ну взялись и взялись - кто-то хватил бутылкой об землю - вот оттуда и взялись осколки! Но у нее было другое понимание:

- У нас раньше в деревне щепочки не найдешь в зубах почистить. Вот ведь как чисто было. А сейчас - стекла битые! И люди поранят себя, и скотина! Кто это сделал - все равно найду!

Вспоминается мне, что нашла и отругала она того городского внука нашей соседки бабушки Христины, знаменитой на всю деревню пердуны. Дом Христины и Гришани стоял за нашим, но бабушка с ними не водилась. Здравовалась аккуратно, по деревенскому обычаю доброжелательно, но в гости к ним не ходила никогда, и к себе не приглашала. Особенно не любила она деда Гришу - невысокого старика, который умер страшной смертью в положенный час. Пришел домой навеселе из гостей и залез в печь согреться. А его жена, бабка Христина, сослепу печь-то и затопила.

Потом уже узнала я причину такой неприязни. В 1946 году старший бабушкин сын Иван, дядя Ваня, подстрелил с дружкой в лесу лося. Время было зимнее, голодное. Семья бабушки жила очень тяжело, впроголодь. Мать до сих пор иногда плачет, рассказывая нам о тех страшных временах. А по закону в то время стрелять лосей было нельзя - то ли сезонное было запрещение, то ли маразматически советское. И поэтому, когда 14-летний Иван привез часть туши домой, сосед Гришани стукнул куда следует. На следующий же день пришли милиционеры производить обыск у солдатской вдовы, матери 4 сирот, Куликовой Таисьи. Если бы не быстрый догадливый ум моей матери, тогда 9-летней девочки, при виде милиционеров на дороге утащившей мясо из дома и перепрыгавшей его в поле, не знаю, что было бы с моими дядями и тетей, моей мамой. И с нами - тоже.

Летний полдень. Я - 10-летняя девочка - валяюсь на траве и бездумно смотрю в небо. Натужно гудит шмель. С сенокосов пахнет сухой травой, а от серых, накаленных изб - пряным деревянным зноем. Мне очень хорошо так бездельничать и знать, что сейчас бабушка поставит самовар и позовет меня пить чай. Чай пить - это только так называется. Бабушка к чаю печет пироги - рыбник с рыбой, крупяник - помазанный сверху крупой, ягодник, липкие куски которого я таскаю с большого блюда в первую очередь. Жарко, время течет сквозь ветхую вологодскую деревеньку из 7 домов, как мед - значимо и густо. Когда спадет жара, пойдем с подружками за земляничкой на делянку за деревней. Радостное чувство огромного лета впереди: лето казалось мне тогда длинным, необозримым, как сама жизнь.

Самым трудным занятием во время каникул для меня было писать письма. Бабушка была неграмотной, и писать письма родным приходилось мне под ее диктовку. Когда я вижу, что она подходит к этажерке и берет двухкопеечную тетрадь в линейчку и конверт, я понимаю, что мне уж не отвертеться от ее неторопливых надиктовываний и вопросов: ну, про Шуру-то написала? Начинаются письма все одинаково.

Здравствуйте, наши дорогие родные: Валя, Анатолий и маленький Олежек! С поклоном к вам все мы: Таисья Константиновна и Таня. Живем мы хорошо, погода стоит жаркая, в лесу грибов нет - все высохли. Шура приедет в августе, когда дадут отпуск. Леня обещал приехать скоро - с Надей и Витюшкой. У Ивана болит спина, на сенокосе Тоня одна с робятишками управляется (я писала не «робятишки», а «ребятишки»). К сему остаемся с вами: Таисья Константинова и Танюшка (я писала «Таня» - не могла же я себя Танюшкой называть).

Почему мне так мучительно было писать за бабушкой такие простые предложения?

Письма были недлинные, а я ведь измаюсь вся. Хотя училась я хорошо, почерк у меня был ровненький. Бабушка гордилась тем, что я круглая отличница.

Почты и магазина (ударение на втором слоге) в деревне нет. За хлебом, который бабушка в такой зной не печет, нужно идти за два километра на поселок. Дорога идет лесом. Мне кажется, что идти на поселок за хлебом, сахаром, солью, конфетами - далеко и скучно. Для бабушки это называется «сбежать в маГАзин». Она и за пенсией «бегаёт в собес». Это 17 км в один конец, рано утром уходит и приходит к ночи, пересчитывая при керосинке на дощатом кухонном столе свою пенсию - 24 рубля.

Наконец, бабушка зовет меня пить чай. Мы сидим рядышком за столом с огромным самоваром, про который бабушка всегда скажет что-нибудь хорошее:

- Эх, ведь какой самовар-то, отродясь никакой накипи в нем не бывало!

Она почему-то всегда говорит это строго, будто не хвалит, а ругает свой медный самовар. На столе блюдечко с медом, которое бабушка принесла из другой деревни - купила на пасеке, и еще свежее варенье из черной смородины. На стене в стеклянной рамочке черно-белая фотография - бабушка и дедушка - молодые и красивые.

- Баб, а у тебя здесь прическа модная - карэ! А кто вас раньше стриг в деревне?

Бабушка прыскает от смеха и потом смеется до слез.

- Конюх, что лошадям хвосты стриг! Паликмахерских у нас тогда не было!

- А дедушка тебя очень любил?

- Хватит уж! - не выносит таких сентиментальных разговоров бабушка.

- Расскажи про сон, баушка! - она любит такое мяуканье внучат: БАУШКА!

- Потом расскажу, - не сдается бабушка.

- Ну расскажи! - целую ее в мягкие морщинистые щеки.

- Ну вот ты как пристанешь! - немного сердится бабушка, но потом замолкает ненадолго, вытирает рот платочком и начинает сдержанно, увлекаясь понемногу: - Федора на войну взяли в 41 году, осенью. Мы и сено убрать не успели, и его кто-то украл - все стожки увезли. Пришлось корову продавать мне-ка. Всю то ведь войну дети без молока! Федор был на курсах пулеметчиков в Вологде, а в январе 42 его и повезли на фронт-то. А мне ведь на Рождество сон приснился: идет на деревню перевалушка - гроза черная, страшная. Я с детьми-то - с Шурой, Ваней, Леней и мамой твоей в печку-то и спряталась. Сижу там и вдруг слышу голос Федора и шаги его по избе - громко так ходит, сапогами стучит и все почему-то говорит: граждане, граждане Советского Союза! Граждане, граждане Советского Союза! Я из печи-то выбралась, а он уж уходит - я его в окне вижу - спину его вижу в белой рубашке. Я из избы за ним! Бегу, а он так быстро под горушку-то спускается, и в лес! Я бегу и кричу: Федор! Федор! - а он не слышит и уходит. Так я его и не догнала... Я тут же и проснулась среди ночи. Детей разбудила, поставила всех перед иконами: молитесь, ваш отец погибает! А через месяц получила похоронку.

Иногда она расскажет про дедушку без слез, а тут расстроилась, всплакнула:

- Ой, Таня, иди поиграй!

У бабушки погибло на войне 10 братьев, и у дедушки всех братьев война «выкосила».

Я выхожу из кухни в прохладную горницу. Пахнет свежей травой в матрасах и тройным одеколоном. В каждой комнате свой запах. В кухне пахнет кисло - тестом, молоком, печь пахнет травами, сушеными грибами, сухой малиной - все это сушится наверху, на расстеленных старых газетах. В пустом хлеву - бабушка не держит скотину, потому что зимовать она уезжает в город, к моей тете, старшей своей дочери Шуре, - пахнет сеном и еще каким-то родным запахом деревянного дома. В каждом уголке дома - свой особый запах.

В этом доме родилась моя мама. На Троицу бабушка замесила тесто и собралась печь пироги, как вдруг охнула, согнулась и тут же у печи родила свою младшую дочь.

Из этого дома провожали дедушку на войну осенью 41 года. Дом был тогда еще недостроен, половина - там, где горница - стояла без крыши, один деревянный каркас. Всю войну бабушка прожила с 4 детьми в кухне. Достраивали дом после войны. За это леспромхоз по субботам забирал достроенную половину дома под клуб. Два года бабушка засыпала под гармошку и топанье леспромхозовской молодежи, отплясывающей в ее доме.

Однажды через год после войны, осенью в дом к бабушке пришел незнакомый мужик на деревянной ноге из дальней деревни. Как рассказала мне потом уже мама, он с моим дедушкой Федором находился в одном вагоне, когда их в январе 1942 года переправляли из Вологды на Волховский фронт. Неподалеку от линии фронта, в лесу, поезд попал под бомбы.

- Мы с Федором еще в поезде договорились держаться вместе и пообещались, если что случится с одним, другой пусть расскажет его семье. Я Федора последний раз видел, когда нас бомбили, и мы из вагонов-то побежали. Было страшно - деревья вырывало с корнями и переворачивало вот эдак, - мужик показывал черными изработавшимися руками с негнущимися пальцами. Там почти весь поезд и остался в том лесу. Помолчав, сказал: - Федорато, кажется, и накрыло.

- Чем накрыло?
- Взрывом накрыло.
- Бабушка все равно ждала деда всю жизнь. Говорила мне:
- Иных ведь и не ждали, а они пришли, вернулись, пленные-то эти.

Я выхожу из дому, сажусь на раскаленное крылечко. На улице никого нет. Овцы спрятались от зноя под старой раскидистой липой у колодца. Тихо. Слышно, как высоко в небе на ноте «до» гудит самолет.

Бабушкина деревня... Я тогда знала, что когда вырасту, уеду в другие страны, чтобы увидеть весь огромный мир - океаны, горы, жаркие пустыни. И этот мир будет гораздо красивее, чем маленькая вологодская деревня с 7 деревянными избами без электричества.

Когда лесные пожары подступили к соседней деревне Беляевское, бабушка с соседкой Марьей Лашиной взяли икону Божьей Матери и пошли вдвоем по полю вокруг деревни. Мы смотрели из окон, как две старушки - худая бабка Марья и поплнее наша бабушка - идут крестным ходом, иногда опускаясь на колени и кланяясь головой в землю. Пожары к Порубежью не пришли.

Марья Лашина - сухая старушка со строгим лицом. Она всегда носит чулки, даже в жару. Бабушка говорит, что у Марьи Лашиной по ногам «жилы-то забрелись». Куда они забрелись, я у нее не спросила, но с тех пор как-то забрезговала бабкой Марьей. К тому же о ней - Марье Лашиной - говорили, что она перепекает младенцев.

- Как это перепекает? - рассуждали мы, девочки, готовя суп из лопухов в «домике» - бане Лашиных.

- Ну вот, если родится ребенок неправильный, с кривой ногой или головой однобокой, бабушка Марья его кладет в теплый каравай хлеба и в печку, - рассказывала внучка Лашиной, Ира, приезжавшая летом в деревню из Липецкой области.

- А в печку зачем?

- Там его и перепекает.

Никто толком не понял способ перепекания младенцев Лашиной Марьи. Совсем недавно я прочитала, что у нормандских племен на севере Франции тоже «перепекали» младенцев, но не в печке, а в теплом, свежее испеченном хлебе, который позволяет без вреда поправить мягкие косточки младенцев.

Была еще до войны при деревне своя юродивая. Августина. Чем жила, где спала, как укрывалась в холода - никто не знал. Худая, с черной кожей, высушенной от ветров, мороза и солнца, Августина переходила из одного дома в другой. Приход ее считался милостью, хотя после нее овчины, домотканые коврики с лавок и пола приходилось выколачивать на улице, чтоб не подцепить блох, водившихся в многочисленных рваных юбках юродивой тучными стадами. Иногда она сидела на земле и ловила блох в своей одежде, что-то приговаривая при этом.

В марте 1941 года при первых солнечных лучах моя 7-летняя мать с подружкой, играя у колодца, подслушали слова Августины: «Радуйтесь, радуйтесь! Недолго вам еще осталось!» Другие - бабы - тоже услышали это. Даже спросили у нее ласково: «Августинушка, да что ты там говоришь-то?» Августина не слушала радио и не читала газет, но каким-то своим особым, настроенным на природу чувством ощущала уже страшную перевалуху-грозу, накатывающую на Россию.

В войну она точно предсказывала появление похоронки в доме. К бабушке она пришла в сентябре. Хотела войти в сени, но вдруг завывала: «Ой, не пойду, там страшно! Там гроб в сенях!» Бабушка в это время шла с полным подойником из хлева. Услышав эти слова, она уронила ведро, разлив все молоко.

Есть в деревне одна тайная история, которой я обещала бабушке никому не рассказывать. Но прошло время, и почти все участники этой драмы закончили земное существование.

Жила в деревне, в большом двухэтажном доме с редко посещаемой чистой горницей наверху семья. Худая, изработанная тетя Фаина, страдальца, натерпевшаяся от своего задиристого мужа алкаголика дяди Василия, их младший сын, помощник по дому, по хозяй-

ству - Коля. Старшие дочери уже повыходили замуж и разъехались по городам. Все они были рыжеволосые, высокие, очень красивые. Коля был моим деревенским дружкой. Рыжий, домовитый парнишка, помощник матери. Катал меня на телеге, впрягаясь вместо лошади, учил курить за огородами. Когда мы повзрослели, наша дружба как-то сама собой закончилась. Коля ушел в армию, затем женился в Ярославле. Еще до его службы в армии умер его отец Василий. Странно умер. Просто не проснулся после очередной пьянки. Фаина призналась моей бабушке, что это Коля, устав страдать за свою вечно избитую, изруганную мать, однажды придушил спящего пьяного отца подушкой. И его через три года сбил грузовик в Ярославле. Бабушка жалела Фаину, горевала вместе с ней, но считала, что гибель Коли - это Божья кара за отца.

- У нас в деревне ни один грех никогда не оставался безнаказанным. Кто-то захочет утаить что-то недоброе, а все равно Божья правда выйдет на свет.

Однажды мы - дети - гурьбой вышедшие в лес по ягоды, набрали на необыкновенный малинник. Таких высоких кустов со свежими шелковистыми листьями, такой крупной и сладкой малины я никогда больше не видела. Мы наперегонки стали рвать малину, потом оказалось, что ее тут много. Разбредаясь по всему малиннику, мы перекликивались набитыми и перепачканными ягодой ртами. Удивляясь недогадливости других, не нашедших такое богатое место, мы, впрочем, обратили внимание на то, что малинник тот разросся по заброшенной деревне. Сухие бревна и доски, пригорки, на которых раньше стояли дома, обваленные колодцы - все поросло малиной. И принеся домой полную корзинку, я деловито рассказала бабушке, что недалеко в лесу - километрах в 2 от Порубежья - мы нашли огромный малинник. И что завтра тоже туда пойдем. Уже договорились.

Бабушка перестала выкладывать малину на газету (она всегда запасала сухую малину на зиму) и выпросила меня, где мы нарвали ее. После моих объяснений она, как-то сжав лицо, пошла выбрасывать малину на улицу, за огород.

- ЧТО! - почувяв что-то неладное, пристала к ней я.

Когда бабушка мне рассказала, почему никто не рвет ту малину, меня чуть не стошнило от той малиновой сладости, которая все еще оставалась во рту, превращаясь в горечь. С тех пор я не ем малины. Не люблю.

В 20-е годы на том месте стояла деревня. Однажды ночью всех жителей этой деревни убили. Бабушка сказала так: «Антанта прошла». И совсем недавно я увидела карту высадки англичан в Мурманске в 20-е годы. Они действительно тайным броском шли к Москве через Вологодскую область. При своей впечатлительности я тогда ярко представляла себе картину - вот живет деревня, вот женщины ночью потушили печи, чтоб не было угара, укачали детей в люльках, привязанных к потолку, вот мужчины затушили свои последние самокрутки, серьезно разговаривая с соседями о будущих хозяйственных делах. Деревня погрузилась в сон. Ночью туда вошли военные и тихо, без выстрела, прикончили спящих людей. Неужели есть такие цели, ради которых можно убивать людей? - думала я. (Я понимаю сегодня, что серьезность размышлений у детей бывает чище и сильнее. Они могут мыслить без компромиссов, потому что еще не знакомы с политическими объяснениями преступлений).

Когда мне было лет 15, бабушка повезла меня и Наташу, мою младшую двоюродную сестру, в Вологду, в церковь. Мне до сих пор стыдно вспоминать... Я встала на колени и стала класть земные поклоны. А в сердце было пусто. А просто хотелось выпендриться. Бабушка мне не сказала ни слова. Она просто и серьезно смотрела на меня, и в глазах у нее было столько жалости ко мне - «вольнице», как она называла меня иногда. Как будто она видела мою будущую жизнь: мои метания из религии в религию, разочарования и даже эмиграцию.

Сегодня на Порубежье пусто. Там никто не живет. Деревня зарастает мелколесьем и малиной. Я разыскала в программе Гугль Земля то место, где была деревня Порубежье, и захожу туда в интернете. Иногда поплачу по бабушке, деревне, своему детству.

Даже несентиментальный мой двоюродный брат Володя, бизнесмен, который живет в Вологде, говорит мне по телефону, что есть у него одна мечта - когда вырастут его дети, вернуться на Порубежье, вырубить избушку и стареть там, где жил наш дед и родился его отец, тот самый бабушкин сын Иван, который подстрелил лося голодной зимой 1946 года.

Александр ЛОМКОВСКИЙ

САМАЯ ЛУЧШАЯ КУКЛА

Пиво закончилось быстро. Собственно говоря, с пивом завсегда так случается - это Славик знал точно. Не успеешь налить - тут же и нет его. Другое совершенно дело - водка. Ее, сразу горькую, пьешь намного дольше. И закуски она требует, и беседы обстоятельной. А пиво что? Пшик один. Нутро пивом не обманешь. Но на водку денег не было, как, впрочем, и на самый дешевый портвейн. Славик жалобно посмотрел на Серегу. Тот сразу понял просящий взгляд товарища.

- Ну, нет у меня больше, нет!

- Дак непошто тогда и начинать было. Только раззадорились, да и все.

- Да ведь на подарок дочке это у меня заначка. Дочке же... Понимаешь ты, бревно? Кукленка хочу ей купить...

Славик сглотнул слюну и мрачно начал поглядывать на верхушки деревьев парка. Он с детства, несмотря на маленький рост и тщедушное телосложение, считался коноводом в их маленькой компашке, куда помимо их двоих входил еще и Лешка. Но Лешка уехал сейчас черт-те куда - чуть ли не в Нарьян-Мар и чего-то там варит плазмой на берегу океана. И они с Серегой остались вдвоем. Обычно послушный Серега Груздев, готовый заглядывать Славик в рот, на этот раз заартачился. Зажал бабки. Видно, и действительно, сильно хочет купить эту долбаную куклу своей дочке. С семьей он сейчас не живет, но к ребенку в гости ходит постоянно. Такой «воскресный папа» - так бы его растак!

- Сколь кукла стоит? - неожиданно поинтересовался Славик.

- Две пятьсот, - недоуменно ответил Серега. - А чего?

- Чего? - от удивления славиковы глаза едва ли не выскочили из орбит. - Это же, это же... блин ядреный, сколько же это выходит-то, а? - и он начал загибать заскорузлые темные пальцы на руке. - Это же почти три ящичка водяры выходит, - перевел он чужие деньги в такую знакомую и дорогую сердцу валюту.

- Ну и что? - пожал плечами Серега. - Зато лялька шикарная. Говорит, ходит, да еще и шмоток за ней кучу дают.

Славик вскочил со скамейки и забегал вокруг нее кругами. Мысль начала работать в правильном, нужном направлении.

- А сломается ежели? Пфукнут тогда денежки-то. Не надо, Серый, такую дорогущую ляльку покупать. Нужно попроще чего.

- Да мы с Анюткой именно эту присмотрели. Давно уже. Так что - извиняй... Ждет ее дочка.

- Тогда поторгуйся! - лихорадочно перебирал варианты Славик. - Можно ведь поторгуйся-то. Глядишь, на пузырь-то и наскребем, а?

Серега неуверенно пожал плечами: по всему было видно, что сладкий яд слов товарища начинал понемногу разъедать сознание. К тому же организм, разогретый пивом, настоятельно требовал продолжения.

- Пошли давай! - торопил Славик, упорно теребя приятеля за рукав курточки.

Серега поднялся со скамьи и поспешил за Славиком. Ветер тут же набросился на пустую пластиковую бутылку из-под пива и, словно молодой резвящийся пес, подкидывая и стуча ей по асфальту, потянул по дорожке парка.

Валерий Евгеньевич понуро сидел перед неработающим телевизором. Вчера пришли двое из Коммуналэнерго и отключили в квартире электричество за неуплату. И надо сказать, что из всех электроприборов в доме только телевизор и остался. Холодильник Трещалов продал еще полгода назад. Так что дальнейшая судьба «Панасоника» вырисовывалась достаточно ясно. А дальше на очереди смутно маячил диван - последняя хорошая мебель в доме. Остальное ушло уже давно. Стенку он продал почти сразу после сокращения с завода, потом туда же отправились кровать, шифоньер, ковер со стены. В самую последнюю очередь он продал машину, своего верного Росинанта, хотя давно уже на нем и не ездил, из-за отсутствия денег на бензин. А ведь когда-то был дом - полная чаша! Все у Трещалова было: и жена-красавица, и детишки, и четырехкомнатная в элитном доме в центре... И цех под его началом на заводе-гиганте... И угораздило же его влюбиться в эту соплячку! Кто ж знал, что ей всего шестнадцать лет было? На лбу ведь не написано, а судя по вполне развившим-

ся формам - достаточно взрослая девица казалась. Как в омут с головой, нырнул Валерий Евгеньевич в эту позднюю любовь. И донырялся до суда, развода и размена. Хорошо, хоть не посадили - сумел откупиться от настырной мамыши, да и связи помогли. И вот уже почти два года он нигде не работает. Пробовал как-то сунуться грузчиком в магазин - но там пришлось пахать, будто черту. Только на два дня его и хватило. Тогда он плюнул на работу и продолжал продавать вещи. И сразу же их пропивать. Подходящая компания нашлась моментально - у ближайшего магазина. Вот только домой никого из компании Трещалов не водил - сказывался еще доперестроечный снобизм. Мой дом - моя крепость! Хотя уже трудно было назвать полноценным домом однушку с диваном и телевизором; с полчищами тараканов, шастающих туда-сюда по черной уже засалившейся раковине; со стенами, с которых кое-где неряшливыми лохмотьями свисали клочья рваных обоев.

Эх, жизнь бекова! В какие же дебри ты еще можешь завести человека? Мало ты, что ли, лупила ему по голове?.. И все тебе, ненасытной, не хватает...

Продавщица в частном магазинчике оказалась упертой до крайности. Защищала цену на куклу, как могла. Сколько Славик с Серегой ее ни уговаривали - ничего не помогало. И стали они уже склоняться к мысли, что не видать им сегодня выпивки, но на их счастье в магазинчик приехал хозяин. Узнав в чем дело, он тут же сбросил с первоначальной цены две сотни и предложил Сереге заходить почаще - такие покупатели, сказал он, им нужны. У Славика от счастья начался зуд по всему телу: такая скидка! Это же три бутылки хорошей водки и на консервы с четвертинкой черного остается. Он кружил вокруг приятеля, заходя то с одного боку, то с другого, и жадными глазами поторапливал продавщицу, которая - теперь уже сама любезность - неторопливо упаковывала куклу в коробку с прозрачной передней стенкой и перевязывала ее нарядной ленточкой.

- Сейчас сообразим «на троих!» - шумно радовался Славик, торопя слегка притормозенного от счастья Серегу. - Пошли в парк!

- Почему на троих? - недоумевал Груздев и крутил головой в поисках «третьего».

- Ну, ты баобаб-дерево! - восхищался Славик. - Третий - это лялька твоя. Заодно и обомем ее.

Сергея от выдумки Славика пришел в восторг - никогда до этого он еще не выпивал с куклами. Молодец Славка! Нет-нет, да и придумает что-нибудь «эдакое». Затарившись водкой, хлебом и консервами, они вскоре снова сидели на своей любимой скамейке в парке. Первая бутылка пролетела - как и не было: только что вроде она поблескивала в руках у Славика тугим боком и вот уже, лишившись начинки, одиноко валяется под скамьей.

- Хорошо! - блаженствовал Славик, выдыхая сигаретный дым.

- И лялька хороша! - вторил ему Сергей и любовно рассматривал куклино, словно живое, личико сквозь прозрачную крышку коробки.

В это время на дорожке парка показалась молоденькая девушка в ярко-желтом плаще. Уверенно прошла к выпивающей парочке.

- Сигареткой не угостите?

Голос у девушки оказался хриловатый и какой-то теплый. Большие синие глаза на милом, но слегка уже помятом личике жадно остановились на не откупоренной еще бутылке. Кого-то она поразительно напоминала Сереге. Но кого - он так и не мог сообразить.

- Не рановато курить-то? - Славик вальяжно развалился на скамейке и покровительственно поглядывал на девушку.

- Зажал, что ли? - огрызнулась та и метнула яростный взгляд на Славика. На миг показалось, что из ее глаз вырвалась крохотная синяя молния. - И покурить и выпить зажал?

- Ого! - с невольным восхищением хрюкнул Славик. - Раз так - тогда другое дело. Тогда и вопросов никаких нет. Присаживайся, родная. Кури и пей.

Сергея тут же понял, какого типа эта девица и почему у нее хоть и красивое, но уже помятое лицо. С такими можно быть попроще. Но все равно, словно заправский джентльмен, он уступил ей место, а сам принес к скамейке старый ящик, на который и уселся. Славик ловко налил в единственный стакан всем по очереди.

- Как звать-то тебя, залеточка? - после того как все выпили и закурили, поинтересовался он.

- Оля... - девушка с удовольствием вдыхала в себя горький вонючий дымок «Примы». - Хотя все Лелькой кличут.

- Лелька... - с удовольствием повторил Сергей. - А у нас лялька тоже есть, - и кивнул на коробку, прислоненную к спинке скамейки.

Лелька взяла коробку, перевернула прозрачным пластиком вверх и даже задохнулась

от восторга.

- Ух, ты, красивая!..

Только тут Серега наконец сообразил, кого напоминает ему девушка. Куклу! Одно и то же лицо, словно заокеанские художники срисовали для куклы лелькины черты. Девушка уже хотела было открыть коробку, чтоб взять куклу на руки и потетешкать ее, но Серега воспротивился.

- Так смотри! Это для дочки, для Анютки...

Лелька независимо дернула плечиком и поставила куклу на место. Но по глазам ее было видно, что она страсть как хотела открыть коробку. А Славик уже взялся просвещать Лельку, как они тут на скамейке «соображали на троих». Лелька визгливо похохатывала и не сводила грустных глаз с коробки. После того как все снова выпили, она неожиданно призналась:

- А у меня в детстве никогда таких лялек не бывало. Мамаша в жизнь чередную куклу не купит.

- Это плохо... - посочувствовал Славик. - Мать должна в первую голову ребенка обеспечивать, а уж тем более девчонку. Да, Серый?

- Должна... зараза!

- Это вы о чем? - насторожилась Лелька.

- Бывшую, видать, вспомнил, - с готовностью пояснил Славик. - Как его жена-то турнула, так и с дочкой запрещает встречаться. Только раз в неделю - в воскресенье - и подпускает у подъезда поторчать, да еще на день рождения подарок вручить. Ну, Серега из кожи вон и лезет. Самые шикарные подарки придумывает.

- Да ведь любит меня Анютка-то, - пригорюнился Серега. - Как встречу ее после школы - она так вся и расцветает. Папа, папа, кричит... Когда снова жить к нам придешь? Маленькая еще совсем - в первый только этой осенью пошла...

- Ага! - поддакнул Славик. - Они, маленькие, еще не понимают, какая жизнь подлая сучка.

Лелька слушала мужиков и украдкой рассматривала куклу. Чего бы только она не отдала за то, чтоб у нее в детстве было вот такое чудо! Везет этой неизвестной Анютке, что у нее такой папка. Своего отца Лелька не видела ни разу в жизни и вообще не знала - кто он, что он... Она даже подозревала, что и мамаша не могла бы с точностью сказать, кто у нее был отцом. Если вон и сейчас у нее от кобелей нет отбоя, то уж можно представить, что было у матери в молодости, когда она была помоложе и посвежее... И Лелька тоже незаметно как-то пошла проторенной дорожкой. А чего? Мамаша уже натоптала, а по натоптанному идти куда как легче!

За разговорами незаметно опустела и эта бутылка. Славик наливал часто, будто боясь куда-то не успеть. Открыли уже и третью. Сегодня хмель отчего-то не забирал - то ли водка попалась разбавленная, то ли оттого, что пили на природе, а то ли по другой какой причине. Незаметно для себя Лелька начала рассказывать случайным собутыльникам о своей жизни. Отчего-то это выходило у нее щемяще как-то и проникновенно. Серега, опустив глаза в землю, ругал всех женщин подряд, а Славик - этот миниатюрный, но важный мужичок - даже не удержался и погладил ее по голове. В другое время она бы вызверилась на такую ласку от явного бича и недотепы, каким она сразу посчитала Славика, но сейчас и такое внимание оказалось неожиданно приятно.

- Спасибо вам, мужики, - неожиданно сказала она.

- За что? - не понял Серега.

- За то, что выслушали... Эй, Славик, не спи. Наливай ежели...

Валерию Евгеньевичу приснился весьма странный сон: снился ему некто Александр Кетонов. Причем Трещалов мог с уверенностью поклясться, что до этой ночи он никакого Александра Кетонова и знать не знал. И даже в глаза ни разу не видел. А вот приснился же! Кто-то, верней, чей-то голос во сне, настойчиво уговаривал его, что вот есть такой Александр Кетонов и что именно он ему и снится. Хотя даже после этих слов этого человека ему так и не показали. Так, тень размытого силуэта - не больше.

Проснулся Валерий Евгеньевич в холодном поту. Вроде и не кошмар снился, а вот неприятный такой осадок остался. Разобрав свой сон по косточкам, ничего серьезного он не обнаружил. Ничего страшного. Только если необычное. И понял, что ему нужно срочно выпить. С тоской посмотрел на телевизор. За последние годы уже успел с ним как-то сродниться. Жалко продавать, но надо. Электричества все равно нет. Обтер его влажной тряпкой от пыли и засунул в ту самую коробку, в которой его и купил. Там еще сохранился

паспорт телевизора и все гарантийные талоны. И пятилетняя гарантия еще даже не кончилась. А чтобы дали за него побольше денег, оделся неброско, но с достоинством: снял с вешалки в ванной единственный уцелевший от прежней жизни костюм и занял у соседа галстук и шляпу. Поскоблив щеки затупившимся уже одноразовым «Жилетом», остался вполне доволен своим внешним видом. Решил отнести телевизор в ломбард другого микрорайона, где его еще не знали. Расчет оказался верным: за телевизор сразу отвалили четыре тысячи, хотя он и покупал его года три назад за восемнадцать. Еще бы! Настоящий «Панасоник» японской сборки. Один из первых жидкокристаллических телевизоров в городе. Трещалов купил в подвернувшемся по дороге магазинчике две бутылки коньяка и большую плитку шоколада. Добираться домой ему выпало через парк. Продолжая раздумывать о сегодняшнем сне, он медленно шел по дорожке, ничего не видя и не слыша. Но внезапно от скамейки, что пряталась чуть в стороне от боковой аллеи, донесся чей-то смех. Что-то в нем показалось Валерию Евгеньевичу знакомым. Он изменил направление и медленно потянулся на голоса. На скамейке, вместе с двумя алкашами, сидела... она. Ольга. Его последняя, а может быть и первая, сумасшедшая любовь. Которая и сломала ему всю жизнь. Трещалов застыл на месте и жадно пожирал Ольгу глазами, стараясь без остатка вобрать в себя ее образ. Запомнить ее нынешнюю. Ведь он ее не видел с тех самых пор, когда все и началось. Вернее, закончилось. Для него, Трещалова. Когда завершился виток осмысленной спокойной жизни... Конечно, повзрослела. Нет уж больше той застенчивости и полудетской наивности: вон как лихо пьет с мужиками водку! И лицо осунулось: исчезли все припухлости, а главное - появилась в нем какая-то усталость от жизни. Вот только глаза остались прежними - такими же голубыми-голубыми, как два кусочка неба, живущие в ней своей самостоятельной жизнью.

Первым рассматривающего их компанию подозрительного человека обнаружил Славик. Легонько ткнул кулачком в бок Сереге и одними глазами указал ему за спину. Тот медленно обернулся и недоуменно пожал плечами - ну, стоит себе мужик, да и пусть стоит. Видать, выпить на халяву хочет. Самой последней Трещалова обнаружила Лелька. Взглянув, замерла. Рука с сигаретой остановилась на полпути. Потом пальцы безвольно разжались, и сигарета выпала из них под ноги на сырую скользкую землю. Валерий Евгеньевич, повинувшись какому-то непонятному порыву, сделал несколько неуверенных шагов к скамейке. Та же неизвестная сила подбросила со своего места и Лельку. Не добежав немного до Трещалова, она внезапно остановилась, не в силах двинуться дальше. Так они и стояли, обжигая друг друга взглядами.

- Здравствуй, Оля... - наконец, выдал из себя Валерий Евгеньевич. Эти два слова дались ему с невероятным трудом. Сколько раз он представлял себе эту встречу, сколько заготовил разных умных слов и уже совершенно точно знал, что ему нужно делать. А тут вот стоит и не может связать простую фразу. - Я... - в горле внезапно пересохло, и кроме этого дурацкого «я», в голову ничего больше не пришло.

Лелька первая справилась с шоком от неожиданной встречи. Неуверенно улыбнулась и легонько потянула Трещалова за рукав пиджака.

- Водки выпьете? За встречу?

Трещалов медленно кивнул головой. Потом неожиданно опомнился.

- Почему на «вы», Оля?

Лелька как-то кривовато улыбнулась, но потом задорно тряхнула длинной белой челкой и улыбнулась уже более естественно.

- Давно не виделись! Отвыкла. Славик, Серега, познакомьтесь - это Валерий Евгеньевич.

- Можно просто - Валера, - и Трещалов с готовностью пожал протянутые к нему руки.

Славик наметанным взглядом давно уже вычленил у нового знакомого две бутылки в пакете и поэтому не стал артачиться, а тут же налил в стакан водки.

- За знакомство!

Трещалов выпил водку, словно простую воду, ничего не почувствовав. В груди бушевал такой пожар, что его было не залить любым количеством спиртного. Он робко пристроился на скамейке рядом с Лелькой. Ему было хорошо просто сидеть рядом с ней, пить из одного стакана и тянуться к хлебу, лежащему на газете, слегка задевая рукавом ее желтый плащ. Не успев начаться, бутылка уже и закончилась.

- Все выпили! - Славик многозначительно посмотрел на Валерия Евгеньевича.

- У меня есть! - с готовностью подхватился тот и поставил пакет поближе к Славику.

Славик шустро, словно белка, вытянул из пакета бутылку.

- Ого! Коньячок! Давно не пробовал. Хороший, поди...

- Хороший, - заверил Трещалов. - Я покупаю только качественный коньяк.

После дегустации коньяка языки помаленьку развязались, и Валерий Евгеньевич уже почувствовал себя с этими незнакомыми мужиками вполне своим. Тем более рядом сидела Ольга и волновала его, как никогда в жизни. Неожиданно вспомнился давешний сон.

- Мне сегодня сон необычный снился! - громко и торжественно заявил он.

Славик тут же перестал бухтеть по поводу слякотной погоды и с интересом взглянул на Трещалова. Он очень любил узнавать, кому что снилось. У него дома валялся даже потрепанный бабкин еще сонник - единственная книга в доме. Его же самого чаще всего мучили страшные и неприятные сны, которым далеко не всегда он находил объяснение в умной книжке.

- Кошмар? - со знанием дела спросил Славик.

- Нет... снился некто Александр Кетонов.

- Это Амбал, что ли? - Славик озадаченно посмотрел на Серегу.

Тот неуверенно пожал плечами.

- Да вроде Амбала Мишкой звать. А фамилия, по-моему, Кеташов или как-то так.

- А чего ж его Глист Сашкой зовет? - удивился Славик.

- А, точно! - хлопнул себя по лбу Серега. - Амбал-то он в наших дворах, а в зоне кликуха у него Сашка была. Они ж с Глистом вместе сидели.

- А-а, понятно, - Славик снова взглянул на Трещалова. - И чего хотел?

- Кто? - не понял тот.

- Ну, этот, Сашка-то.

- Не знаю... - виновато улыбнулся Трещалов и развел руками, задев при этом лелькин живот. И даже сквозь плащ ощутил сухой горячий жар ее тела. - Я его вообще первый раз в жизни увидел. Кто-то талдычит мне в ухо, что это, мол, Кетонов, а я и знать его не знаю. А ведь приснился же, собака, да и все тут!

- Во, блин, загадка природы! - Славик почесал указательным пальцем самый кончик носа. - Ладно бы кошмар еще наснился. Ну, бобер какой, или крыса. Но, блин, этот - как его?... Непонятно.

- Точно! Мне один раз крысы приснились! - неожиданно вспомнила Лелька.

- Черные? - тут же с видом знатока заинтересовался Славик.

- Черные! - с готовностью подтвердила она. - Они прямо по потолку бегали.

Славик сразу углубился в толкование этого простого и понятного ему сна. Серега, которого здорово подразвело от коньяка, тихо замурлыкал какую-то песню. Ему было в высшей степени хорошо. Валерий Евгеньевич прислушался, уловил знакомые слова и так же негромко начал подпевать. Серега прервался на секунду, подтащил ящик поближе к Трещалову, и вот они уже голова к голове сидели и бубнили что-то об Арлекино. Потом Серега неожиданно воспыал доверием к Валерию Евгеньевичу и начал показывать тому куклу, объясняя, что они «соображали на троих». А потом пришла живая лялька. То есть Лелька. Хотя все равно - разницы никакой: обе похожи, словно сестры. Трещалов бережно гладил коробку и поражался непонятному сходству. При этом он не уставал хвалить Серегу за его отношение к дочери. Лелька под шумок попыталась вновь завладеть коробкой и открыть ее. Но Серега, вовремя это заметивший, накинулся на Лельку чуть ли не с кулаками. И неизвестно, чем бы мог закончиться этот вечер, если бы Трещалов не предложил вдруг, вопреки всем его правилам, продолжить возлияния у него дома. Все с радостью согласились и дружной толпой повалили за Валерием Евгеньевичем. По дороге взяли еще коньяка и копченую курицу на закуску. И как-то уж так вышло, что вечер удался: Славик, напившись, уснул в ванной комнате, а Серега, вдоволь наоравшись песен с хозяином, мирно устроился в кухне. Лелька, тоже изрядно захмелевшая, прикорнула на диване. Валерий Евгеньевич подставил к дивану стул и не отрываясь часа два рассматривал спящую Ольгу. Воскрешал в памяти все бывшее между ними два года назад и удивлялся про себя - неужели все было правдой? С его стороны это, конечно же, была любовь, всепожирающая и всепоглощающая страсть. А вот что тогда двигало Ольгой? Зачем она, шестнадцатилетняя девица, связалась с женатым немолодым мужиком? Но все это было. Что потом стало с Ольгой, Валерий Евгеньевич не знал. Но судя по тому, как она уверенно пила водку с незнакомыми мужиками, догадывался. И было ему щемяще жалко и себя, и Ольгу, и их потерянную неуловенную в полной мере любовь.

Неожиданно ему захотелось сделать для нее что-нибудь приятное. Достал из кармана деньги, пересчитал их и тихо вышел из квартиры. Он шел по улице и улыбался, представляя себе, как удивится Ольга, когда, проснувшись, обнаружит в изголовье дивана самую лучшую куклу, которую можно только было отыскать в их городе. Самую красивую куклу.

Александр ЛОМКОВСКИЙ

ЕСЕНИН

Черёмуха заполонила собой всё небо. Кузнецов лежал на спине и никак не мог надышаться этим сладким и тягучим, ни с чем не сравнимым запахом. Белые лёгкие лепестки словно снегом обсыпали всё дерево. Метрах в десяти от Кузнецова стоял трактор. Он застыл на повороте и поразительно напоминал большого усталого зверя. Над горячим капотом плавился воздух.

- Тоже устал, - усмехнулся Костя и повернулся на бок.

Работать никак не хотелось. За ночь Костя почти допахал всё поле. Остался небольшой только клинышек, минут на двадцать. На черёмухе разорались вездесущие воробьи. Они гомонили так, словно прилетели на рынок и пытались всучить друг другу пролежавший всю зиму бесполезный товар. Над зубчатой кромкой леса нежно зарозовел самый краешек неба. Воробьи на черёмухе встретили рождение нового дня ещё большими криками. По свежеспаханной пашне шустро бегали чайки и торопливо выклёвывали червяков и разных личинок, поднятых плугом из-под слоя дёрна. Белёсый туман, ставший невысоко над полем, начал потихоньку рассеиваться - откуда-то с центральной усадьбы потянуло свежим утренником.

«И чего только нужно этой Тоньке? - в который уже раз спрашивал сам себя Кузнецов и в который раз недоумённо крутил головой. - Я расстилаюсь перед ней, как бабкин половичок - ступи, королева, вытри ножки! - а она ноль внимания. И ближе, чем на выстрел, не подпускает. Подумаешь, учителька! Видали мы таких-то!»

Но как раз таких-то в их селе до этого и не видали. Видели разных: Валерию Денисовну, сбегавшую обратно в город через год учительствования, Наталью Аркадьевну, исчезнувшую через полгода, а вот Елизавета Марковна взяла, да и вышла замуж за механика Воробья. Так и живёт здесь уже пятый год. Исправно рождает Воробью пацанов, и всё у них ладно и складно. Антонина же работает в школе три года и, похоже, ни в какой город не собирается. Но и не спешит ни за кого замуж выскочить. А уж красивая... Ни одна из прошлых учительниц с ней и рядом не стояла, даже мадам Воробей, как называют Елизавету Марковну за глаза школьники, а за ними и всё село тоже.

Кузнецов легко перевернулся на другой бок, пригладил пальцем шикарные, пшеничного цвета, усы и, прищурившись, начал смотреть в сторону села. С пригорка, где лежал под черёмухой Костя, открывался бы отличный вид на село, но из-за тумана ничего не было видно уже в двадцати шагах.

«Эх, Тоня-Антонина, что ты и творишь со мной? Какая же ты всё-таки... ненашенская! Не похожа ни на кого. И до того неприступная. Что мне, скажи, сделать, чтоб ты хоть взглянула на меня не как на всех? Я ведь и так не на последнем месте в селе: и Воробей ко мне со всей уважительностью, и директор Пахомов всегда за руку здороваются. Спрашивает: отчего, мол, не женишься? А как тут жениться, Антонина Сергеевна, когда сидишь ты у меня занозой в сердце? Да что - занозой! Словно шкворень железный вогнал кто в душу. На голове, что ли, походить перед тобой? Дак дураком ведь обзовёшь. И права будешь...»

В это время откуда-то со стороны реки донёсся женский крик. За ним ещё и ещё. Костя недоумённо прислушался. Вскочил, неуверенно потоптался под черёмухой. Крики больше походили на просьбу о помощи, чем на любовные амуры подгулявшей парочки. Хотя кто его знает... Прибежишь, да и испортишь людям гулянку. У самого так не раз бывало: только начнёшь активные действия по отношению к женскому полу, а этот самый пол так начинает кричать - что хоть святых выноси. Как будто у них под платьями схемы секретных объектов припрятаны. Крик повторился, но уже несколько тише и глуше. Костя махнул рукой и припустил к реке. Два раза оскальзывался на мокрой от росы траве, но каким-то чудом умудрился сохранить равновесие. Выскочив на берег, он начал вглядываться в туманную дымку. Заметил метрах в пятнадцати от берега слабо темнеющее пятно.

«Так это же лодка старого Антипа! - мелькнула суматошная мысль. - Да к тому же и дырватая вся. В аккурат здесь и была привязана. Отвязалась, что ли?»

В это время над лодкой показалось ещё одно тёмное пятнышко. И снова раздался

крик.

- Твою так!.. - заругался в полный голос Костя.

Скинул телогрейку и начал, лихорадочно пританцовывая на скользкой траве, сбрасывать сапоги. Но носок одного сапога бесполезно елозил по пятке другого и никак не хотел надёжно там закрепиться, с тем чтобы в одно мгновение скинуть его с ноги. Наконец один сапог был сброшен.

- Эй, держись там! - на всякий случай прокричал Кузнецов в сторону лодки.

- Помогите, пожалуйста! - тут же отозвались с реки. - Она сейчас затонет! Ой!..

Костя чертыхнулся и, как был в одном сапоге, штанах и майке, ухнул прямо с берега в обжигающе холодную майскую воду. В несколько мощных гребков нагнал полузатопленную уже лодку. В ней, судорожно вцепившись обеими руками в борта, раскачивалась женская фигурка. Небольшой волны, поднятой подплывающим Костей, хватило как раз для того, чтобы лодка черпанула противоположным бортом воду и мягко завалилась на бок.

- Ой-ё-ёй! - снова заголосила сидящая в лодке.

Костя потянул лодку за ещё возвышающийся борт, но этим только усугубил дело: дырявая плоскодонка вся исчезла под водой. Тогда Костя схватил всё ещё цепляющуюся за борта дурёху и оторвал её ладони от лодки. Потом просунул левую руку ей под мышку и сильно загребая свободной рукой и не переставая работать ногами, поплыл к берегу. Вода, казалось, прожигала насквозь. Но Костя-то хоть был в движении, а вот каково было спасаемой, даже и подумать страшно. Да в общем-то, ни о чём и не думалось в этот короткий момент. Главным было поскорее добраться до берега. Через минуту Кузнецов, стуча зубами от холода, уже вытягивал девушку из воды на берег. Только тут он её и смог разглядеть по-настоящему. Это и была Тоня, Антонина Сергеевна, о которой он думал каких-то пару минут назад. Он хотел было сорвать с неё мокрую одежду и даже сделал соответствующее движение, но потом опомнился. И хорошо же он будет выглядеть в глазах этой городской дамочки!

- Быстро джинсы снимай... И кофту тоже... Потом фуфайку оденешь.

Кинул ей под ноги фуфайку и, схватив валявшийся в траве сапог, припустил к трактору. Капот был ещё горячим. Выбивая зубами барабанную дробь, Костя скинул с себя мокрое бельё и рывком приподнял сиденье. Так и есть! Под ним, словно под заказ, валялась грязная промасленная спецовка и такая же телогрейка, которые он иногда одевал, копаясь во внутренностях двигателя. Обуви, правда, никакой не было. Ну, да ладно, один мокрый сапог - не такая уж большая трагедия. Быстро переодевшись, Костя отжал мокрую одежду и разложил на капоте. Потом кинулся к черёмухе. Отыскал на земле несколько толстых сушин, свалил их в кучу и опять побежал к трактору. Отлил в подвернувшуюся под руку какую-то калабашку солярки и прихватил из кабины коробок спичек. Через минуту под черёмухой ровно и устойчиво запылало пламя костра. Только тут Костя впервые оглянулся на реку. Антонина Сергеевна в костинной фуфайке, которая доходила ей почти до колен, и с ворохом мокрой одежды в руках, робко подходила к черёмухе. Костя отыскал в траве несколько прутков и навтыкал их вокруг костра.

- Развешивай шмотки, - приказал он учительнице. - Через час высохнут.

Антонина молча подчинилась. После этого босая, с голыми ногами, пристроилась к костру. Тут же протянула к нему руки. Её, как и Костю, тоже колотила крупная судорожная дрожь.

- Спа-сиб-бо в-вам...

Было видно, с каким трудом она справлялась с трясущимися от холода губами. Костя только махнул рукой и ничего не ответил. Минут через пять живительное тепло огня пробралось к занемевшим телам и заодно развязало языки.

- Там папиросы в фуфайке. Достань, - попросил Кузнецов.

Антонина Сергеевна автоматически запустила руку в карман, добыла оттуда мятую пачку «Беломора» и подала своему спасителю. Костя с трудом выловил всё ещё непослушными пальцами папиросу из пачки и, вытащив из костра горящую ветку, прикурил от неё. Ветку снова забросил в костёр. Несколько раз с наслаждением затянулся.

- Ку-урить вредно, - неожиданно просветила его Антонина.

- Да?.. - слегка даже опешил Костя. - Дак я это... - и вдруг захохотал в полный голос.

Антонина, не понимая, отчего он так развеселился, недоумевающее смотрела на него.

- Курить - вредно! - с ещё большим нажимом произнесла она.

- Да? - опять повторил Костя и вдруг, прекратив смеяться, твёрдо и зло начал выговаривать сидящей на корточках учительнице:

- Ты за каким лешим в лодку полезла? Не окажись я рядом - и всё. Вроде умная, детей учишь... Знаешь, вон, что курить вредно. А того не видела, что лодка дырявая. И чему вас только в институтах учили? Любой несмышлёныш обошёл бы эту лодку стороной далёкой. Антип давно уж себе новую построил. А эту давно надо было утопить или сжечь, к такой-то бабушке, так её совсем.

Антонина гневно сверкнула чёрными глазами, но потом, присты-женная, опустила голову.

- Я часто в ней сижу, - призналась она. - В ней так хорошо думается. Завтра воскресенье, уроков нет. Вот как-то незаметно я до утра и дотянула. Только мне всю ночь ваш трактор мешал. Тарахтением этим...

Она повернулась к костру другим боком.

- А она как-то уж отвязалась. И тут же течением подхватило.

Костя заметил, что с развешенной возле костра одежды сильно каплет вода. Он поднялся и, взяв с прутка джинсы, быстро отжал их. Та же участь постигла и кофточку.

«Неумёха! - подумалось ему. - Так бы они до вечера сохли...»

- Ой, зачем вы мне одежду испортили? Теперь кофточка вытянется и её не одеть будет. Шерстяные вещи нельзя отжимать. Да ещё так сильно...

Кузнецов внезапно обозлился. Всегда так - хочешь, как лучше...

- А ты до вечера тут куковать собралась? Мне ведь ещё работать надо. А так - через час уже дома будешь.

Учительница отвернула голову. Наступило неловкое молчание. Огонь мощно разгрызал сушины. Они потрескивали и разбрасывали вокруг мелкие угольки. Совсем не такой представлялась Косте эта первая их встреча. В своих мечтах, приглашая Антонину на свидание, он всегда был умным, весёлым, не лезущим за словом в карман, а учителька про себя удивлялась: даже и в деревне живут эрудированные люди... А тут - сидят, как два медведя, и дуются друг на дружку. И это вместо горячей благодарности за спасение. Он машинально потянулся за следующей папиросой.

- А вот Наталья Аркадьевна, что до вас учительствовала, курила. И никому лекций о вреде никотина не читала.

- Ну, и глупо! - отозвалась Антонина.

- Может, и глупо же, - согласился Костя. - Зато она в дырявые лодки не скакала. А уж умная была... Всё говорила мне, что если усы сбрить, то из меня вылитый Есенин будет.

- А я что, глупая по-вашему? - учительница даже чуть сгорбилась под фуфайкой. Её глаза начали метать рыжие искорки. А может, в них отражалось весёлое пламя костра.

- А сами-то как думаете? Разве умный человек в дырявую лодку полезет?

Антонина даже задохнулась от возмущения. Уже приоткрыла было рот, собираясь поильней ужалить Костю каким-нибудь метким словом, но внезапно передумала. Успокоилась и хитренько так взглянула на своего спасителя.

- Хоть сбривайте усы, хоть бороду отращивайте и её потом сбривайте... но на Есенина всё равно не будете похожи. Вот!

Костя даже подскочил на месте. Он настолько верил Наталье Аркадьевне, что вырезал из журнала «Огонёк» портрет Есенина и повесил его над своей кроватью. И даже начал пробовать писать стихи, как и его безусый двойник. Есенина над кроватью видели многие и хором признавали сходство, а стихов Костя никому ещё не показывал. Стеснялся, что ли? И первый человек, которому он собирался почитать свои творения, как раз и была Антонина Сергеевна. Он сразу хотел на первом же свидании сразить её мощью своего интеллекта. Но после таких несправедливых слов и думать об этом было нечего.

- Да? - только и сумел выдать он из себя.

- Да! - тут же с готовностью подтвердила Антонина. - И не надо верить на слово молодым учительницам, которые сбегают потом в город. Да к тому же и курят! Не знаю, зачем она вам это сказала, но сходства нет и в помине. К тому же на лице Сергея Александровича была печать ума и благородства.

Костя внезапно озлился. В горле вырос комок чего-то горячего.

- Ну, и катись отсюда! - гаркнул он. - И фуфайку отдай!

Антонина вскочила с места, словно подброшенная пружиной. Прожигая Костю испепеляющим взглядом, начала растёгивать фуфайку. Но внезапно вспомнила, что под ней ничего нет и смущённо отвернулась.

- Не смотрите, - потребовала она. - Мне переодеться надо.

Костя всем телом повернулся к трактору. В глазах стоял красноватый туман. Ишь ты,

как его эта пигалица разозлила! Внезапно послышалось негромкое урчанье, и из-за трактора, подпрыгивая на мокрой траве, выскочил воробьёвский «Козёл».

- Что это у вас за постирушки? - едва выйдя из машины, поинтересовался механик, весело поглядывая на развешанные возле костра вещи. - Тебе, Кузнецов, пахать надо, а ты...

- А что - я? - огрызнулся Костя. - Я, что ли, тонул?

- Не понял... - светлые брови Воробья недоумённо взлетели вверх.

- Да учителька, вон, в антипову лодку залезла, а та и отвяжись. Вот и пришлось купание устраивать.

- Герой, значит? - поинтересовался Воробей, игриво подталкивая Костю кулаком в бок. - Спас, значит, утопающего, а? Верней - утопающую, - поправился он, взглянув на учительницу.

- Да иди ты!.. - Костя нервно достал из пачки папиросу и начал прикуривать, ломая спички. Руки ходили ходуном. Он только сейчас понял, что на селе им с Антониной теперь не дадут прохода, едва узнают от Воробья подробности утреннего происшествия. А Воробей уж расстарается. Таких подробностей добавит, каких не было и в помине. Стоит только взглянуть на его хитрюшную, круглую, как у кота, рожу. Недаром он оценивающим взглядом уже пробегает по развешанной одежде, по костру, по примятой траве. - Ты, Валентин, это... Не подумай чего лишнего, а? - просительно взглянул Костя на механика. - Ну, вытянул дурёху, с кем не бывает...

- А я ничего и не думаю, - улыбался Воробей.

Но Косте прекрасно было видно, что тот чуть ли уже не приседает от нетерпения рассказать первому встречному-поперечному историю спасения. Которая потом плавно перетекла в сушку над костром одежды и в посылки-полежалки тракториста с учительницей. В глазах Воробья скакал целый табун бесенят, подзуживающих своего хозяина.

Костя внезапно сгрёб Воробья за грудки модной городской курточки.

- Ты, Валентин... - прошипел он, - если кому хоть слово... хоть полсловечка...

- Да ты что? Я - могила! - заверил Воробей.

- Вот там и будешь! - пообещал Костя.

- Полосу допахивай, - уже официальным тоном приказал механик. - Отоспишься, а в ночь - Пахомов сказал - на Залесье. Последнее поле осталось. И завтра на ремонт уже встанем - сам жаловался, что в моторе стучит чего-то. А вы, Антонина Сергеевна, - обратился он уже к учительнице, которую снова стала поколачивать крупная дрожь, - полезайте в машину. Мигом до дому домчу!

Антонина быстро схватила висящую у костра одежду и убежала за трактор - переодеваться. Костя проводил её тоскливым взглядом: вот и пообщались! Да ещё и вся центральная усадьба ржать будет: хорошо, мол, Кузнецов по ночам пашет! Хоть из села беги! Он подошёл к костру и начал старательно затаптывать его ногой. В сапоге больше не хлопало - и то ладно. Теперь уже на нём досохнет. Воробей уже залез в машину и зыркал оттуда на Костю своим хитрым голубым глазом. Второй глаз был сладострастно прижмурен - явно сочиняет в уме историю купания. Да и леший его понеси! Пусть треплет, ботало коровье! Костя уж переживёт как-нибудь... Вот только учительку жалко.

Сзади прошелестели лёгкие шаги. Костя нехотя обернулся.

- Константин, вот ваша одежда... - перед ним стояла Антонина Сергеевна и с робкой улыбкой протягивала ему фуфайку.

Кузнецов ожёг её грустным взглядом, молча взял телогрейку и пошёл к трактору. За спиной ревнул двигатель «Козелка». Оглянувшись, Костя увидел, как машина, действительно, словно молодой козёл, запрыгала по ненаезженной луговине. Но внезапно остановилась. Оттуда выскочила учительница и подбежала к Косте.

- Спасибо вам! - едва подбежав, выдохнула Антонина.

Он молча махнул рукой - мол, чего там... Но в груди внезапно потеплело.

- Костя, а вы и правда похожи на Есенина... - чуть ли не прошептала Антонина. Хотела ещё чего-то добавить, но смущённо улыбнулась и. слегка дотронувшись до его руки, развернулась и припустила обратно к машине.

Из окна высовывал голову Воробей и, скаля зубы, весело подмигивал Косте. В довершение ещё и показал большой палец.

- Тыфу ты, скважина худая! - ругнулся на механика Костя и полез в кабину трактора.

В душе разрастался большой комок чего-то горячего и радостного.

Александр ХАЛОВ

СТУПЕНИ

Главы из романов прошлых лет

«ЭТО - ЖИЗНЬ!»

Роман-песня

*Первая любовь, последняя встреча,
любовь...
- это жизнь!
Байка, песня, сказка, быль, жизнь*

Часть 0

«Мне надо
на кого-нибудь
молиться».
Подумайте!
Простому муравью.
Вдруг захотелось в ноженьки валиться.
Поверить.
В очарованность.
Свою.
И муравья
тогда покой
покинул.
Все показалось
будничным
Ему.
И муравей
Создал себе
Богиню -
По образу
И духу
Своему.
И в день восьмой
в какое-то
мгновенье!
...Она явилась
из ночных огней!
Вез всякого
Небесного
Знаменья.
...Пальтишко было легкое
на ней...»

Часть 1

Была поздняя осень. Тесно прижавшись друг к другу под одной, старой, шинелью, мы с тобой пили чай у костра. О кружки грели ладони, друг о друга - себя, костер освещал, накалял лица.

Мы топили свой костер во дворе. За нашими спинами высился, - мрачнел, страшнел в

сумерки, неприступный пока еще, хотя уже наш, свой - или нет: мой - дом. Я купил его. Я приобрел его лишь затем, чтобы у нас появился хоть какой-нибудь собственный уголок. И вот - новый дом. Наш дом. Мой дом.

Но новым дом являлся только для нас. Вообще же ему, со дня постройки, то есть - отроду, близилось к сотне лет. А сколько точно, уже не ведал здесь никто.

В доме не было ни тепла, ни воды, отрезано электричество, снята с петель входная дверь. Кое-где отсутствовали рамы; но что было хуже всего - не действовала ни одна печь; потому что из заброшенного вот уже с десятков лет дома местные, кто посмекалистей, жители вытащили и растащили все; в том числе и печи наполовину, и сарай - на дрова.

Мой новый дом был стар и велик - множество комнат. Нигде не закрывались двери; во всем доме - хоть бы одно целое окно!.. Внутри дома скрипело везде: под ногами битые кирпичи и стекла, под ними - пружинящие на полусгнивших переводах доски, - на ржавых петлях - двери, от ветра - что-то на чердаке.

Во многих местах обветшала кровля и текла, не стесняясь, крыша! И обещала вскоре протечь везде!.. Во многих местах от стен у потолка отмокли, отслоились и лоскутами обвисали обои. В сумерки и ночью они напоминали летучих мышей. И вкупе со всем - наваленным, отвисшим, скрипящим, скригучим и захламленным - наводили уныние, подавленность, ночью - страх. Ночами мы избегали ходить по дому.

...Что поделаешь, если кто-то надолго заброшен, в своем существовании одинок, позабыт, - хиреет, рушится год за годом без внимания, заботы, любви.

...А наша жизнь?! Наша жизнь тогда напоминала такой же ничейный, ни для чего существующий дом.

Конечно, я ничего не понимал тогда в домах. Этот мне понравился и все. Как это объяснить. А что тут объяснять?! Понравился. И точка! И все!

...Когда я подбирался к нему - именно так: подбирался, подойти было невозможно - по скользкой узенькой тропинке, местами - болотинке, ежесекундно думая, куда, как при следующем шаге поставить ногу, - чтобы не поехать ботинком в сторону, чтобы не поваляться в колючую траву, грязь, - ОН БЛЕСНУЛ МНЕ солнечно! Блеснул на солнце коричневыми столетними стенами, сверкнул так, что я мгновенно поразился ему! Меня отчего-то ошеломило! У меня не нашлось слов!.. «Вот это!.. Вот так!.. Да-а-а...» - ахнув, выдохнул я. С минуту я безоговорочно любовался им; не замечая выбитых рам, замутненных стекол, - забыв, что цаплей стою на краю болота на одной ноге.

А он смотрел на меня - он взирал на меня сверху вниз, как на что-то мелкое брэнное... Он-то ведь не стоял, как я: по колено в грязи. Нет! Нет - он жил на высоте, он стоял в небосклоне! И высокомерно сообщал мне, нет - снисходительно говорил: «Вот так вот. Стою здесь. И все». «Да-да, понимаю», - пробормотал я. «Понимает... - голосом какой-то птицы ответил мне он. - Стою здесь. И точка. И все. И никому. Ничего. Не должен. Никогда».

Я посмотрел на него внимательней и кое-что уразумел. Я понял: «Э-э-э, брат... Пропадешь ты, кажется, здесь - один...» «Ну так... - насмешливо отозвался он. - Подумаешь... Такая судьба. Ты тоже не вечен». И стал смотреть в сторону: мол, - и наплевать... Он был обижен, я понял его. И ответил: «Э, нет, друг мой. Кажется. Мне уже. Не наплевать!»

Признаться, я действительно поразился ему. Осмотрев столько всяких и всяческих - домов, домишек, дач, хибар, изб, домушек, сараек, дворцов, халуп в ближней и дальней от городка, где сейчас жил, округах, я и не думал встретить ничего подобного. У тех домов все было известно заранее, предопределено все. И благополучно определено: приобрел, поселился, подкрасил, подбил, попокрыл, подсыпал, подмыл и - дачься себе на здоровье! Тащись от природы! Ходи по травке босиком иль в носках. Гостюй с водочкой у соседей, любуйся солнышком - бла-а-а-гостно!..

А этот - о-о!.. - этот обещал многое.

Правда, он был чересчур неприступен. Я бы даже сказал: горд. Но разве это нехорошо?!

Помнится, я сказал ему - тогда, в первый свой приезд - бодро, по-офицерски, как говаривают в нашем парламенте, когда, все понимая, прикидываются «чайником» и, одновременно, хотят сбить с противника спесь - я бросил ему: «Я удивлен на Ваш вопрос». А он только насмешливо сверкнул рамами-пенсне, несколько не стесняясь разбитых стекол.

Он громыхнул вздыбленным листом кровли, мягко укорил провалившейся крышей - как и я: покачал головой. «...Мало ли, кто чему когда удивлен. Не в этом вопрос!» Но я уже шел к нему, я уже летел к нему сердцем. Вот так мы впервые поговорили.

Я остановился вблизи и смотрел. Я еще не видел, не знал, что у него внутри, а мне уже было неважно. Мне было все равно - я влюбился в него. Я влюбился в него со второго или с третьего взгляда. (И сейчас думаю: надо же! Вот какая еще бывает любовь.) Я влюбился в него, и когда понял, что не только увлекся, но уже и - всем существом своим люблю, ни о чем больше не думал. Ничего меня больше не волновало. И меня уже не беспокоило: сколько? Сколько - волнений, переживаний, здоровья, денег, лет и трудов - и себя - я на него положу.

И сегодня я точно знаю, почему не ошибся: расчет нужен уму. Любовь заглядывает вперед без ума, без расчетов на огромные расстояния!

...Я влюбился в тебя. И когда понял, что не просто загорелся, увлекся, минутно увлечен, но впервые в жизни - юности страсти не в счет - полюбил, люблю, меня уже ничего не заботило. И меня уже почти не волновал твой ответ. И то, сколько себя я на эту свою любовь положу.

Так случилось, мы оказались в ней оба. А в своем признании ты даже опередила меня. И тебе тоже - вот удивление! - не важен был мой ответ.

...Мы смотрели друг на друга - радовались, удивлялись. Мы поразились: надо же, ведь нам по столько лет! Что это? что она? Счастье упорного кладоискателя?! Случай?! Счастливым билет?! Простая находка внимательного путника, не имеющего привычки перешагивать обратившие внимание предметы? Тогда мы были точно уверены, что это просто счастливый случай: наш счастливейший случай! Но что за вопрос: тогда мы вообще мало задумывались над всем этим! Над всем, что с нами случалось, случилось. Нам хотелось любить, нам надо было жить.

Когда я привез тебя в дом, ты, мы, конечно, ужаснулись тому, сколько и чего здесь надо проделать. Ты испугалась за меня, ты пожалела меня. Ты говорила: зачем тебе это все - тебе ведь так трудно... Я же думал о том, что сейчас очень похожу на свой новый дом: крепкий фундамент, старой доброй скройки стены, крыша, выдержавшая уже все ветра, какие могут быть, - а вот все остальное, все, что внутри... Надо вынести разбитое, убрать мусор, плевки, кучки дерьма, хлам, разную неопределенную грязь, - вскрыть и перестелить полы, вставить стекла, придумать новые источники тепла... Ох, сколько работы!

Ты заметила: «Хорошо, что рядом есть колодец. Хорошо, что он чистый, глубокий. А все остальное - ты ведь сделаешь! Ты ведь сумеешь! Ну, не сразу - но ведь сделаешь? Постепенно. Потом». Ты не придавала значения разным «удобствам» (неудобствам). Сказала: «Было бы с тобой хорошо». И я сказал себе: «Ого! Это дорогого стоит». Или, может быть, я сказал не «ого» - что-либо подобное другое.

Мы начали с того, что развели костер. Да, точно: вначале - костер. И в прямом, и в переносном смысле мы развели большой костер!

И до самой поздней осени, в нашем не обогреваемом доме, у нашего костра, - вокруг нас, - всегда толклось множество разного, особенно детского, люда - народа. С нами были и все наши дети: они подружились, бегали парами; пока моих у меня не забрали, не увезли от нас.

Мы определили во дворе постоянное место, нанесли камней, выложили круглый очаг. Огонь в нем сутками не угасал; а в погасшем костре, в золе его всегда отыскивался уголек, находилась искорка бывшего пламени для возникновения нового костра. И так - без конца. И без конца мы все чего-то жгли, все время в костре чего-то сжигалось, сгорало, горело; наверное, потому, что вокруг дома, на всей территории вокруг нас, - в самих нас - и в прямом, и в переносном смысле накопилось за годы много мусора. Когда-то он приглождался нам. После - хотя бы не мешал. А теперь мы точно знали - откуда-то знали: надо по всему пройти гребнем, выгрести весь сор, снести к нашему костру и - сжечь. Так и делали.

В теплые дни мы все всегда до ночи засиживались у костра. Иногда, под гитару, пели. С нами-то все было ясно - какой сон!.. Всю бы жизнь быть так: прижавшись друг к другу, соединившись в одно у огня. Но и дети никак не уходили спать! Все эти мальчишки, девочки, - родные, двоюродные, троюродные, - седьмая вода на киселе племянники и племянки: с чего они жались к нам?! Иногда они бросали на нас незаметные, как им казалось, взгляды, - тактичные, деликатные, просветленные, - присматривались, прислушивались: что тут? Кто тут? О чем тут поют?.. И нам бы хотелось им все-все сказать! Да как нам им было сказать...

Мы спали все под общим, большим, от комаров, пологом; на тюфяках, одеялах, шине-

ляж; кроватью служила стопа свежих досок и плит ДСП. Укладываясь, мы часто шутили: вот, опять гуртом! А укрываясь, смеялись - благодарили: спасибо, армия! Любви и детям пригодилось теплое укрытие шинельного твоего сукна!

...Когда мы ночевали с детьми, мы просто лежали полночи без сна; прижимаясь, согревая друг друга, согреваясь друг другом. Думали о нашем, думали о своем. Было так много счастья, что хотелось делиться! Но с кем? И как? Было так удивительно - мы уже видели не только себя, наше, личное, свое, но и что-то гораздо большее, что-то общее, мы уже понимали что-то всеобщее, в смысле любви.

Кругом было удивительное - много удивительного. И не обязательно первыми это замечали мы. Вот, например. Это - первой заметила не ты и - точно помню: не я; и никто из взрослых. Это заметили и сообщили нам дети. Мы хором поддакнули: да-а!!!.. «Этим» было то, что старый, заброшенный, опустошенный, оскорбленный и обреченный до нас дом ни разу - ни разу! - нас не пугнул. Никогда. Ничем. Ни единого раза. И хотя мы не сразу научились распознавать его звуки - а он был точно живой - его трески, скрипы, всхлипы, удары, шорохи, шухи, мы почему-то с первой минуты, с первых ночей в нем, его не боялись. Мы точно знали: «это» - его звуки, «это» сам дом. А не нечто в нем или некто.

К концу лета мы привыкли к своему новому состоянию; утвердились в нем, уверовали. Мы узнали: когда мы в своем доме, когда мы на своей земле, нам не может угрожать ничто и никто. Здесь - наш дом, наша территория, наше пространство. Мы никогда вслух не говорили об этом, но я знаю, каждый из нас про себя мыслил: это - наша территория любви.

Я огородил все забором (забредали пьяные, забредали овцы, козы, побывала даже лиса), - мы ездили сюда, мы рвались сюда, - обживали, устраивали, оберегали, хранили свое новое, свое удивительное пространство. У нас был в нем мир.

Но так было только здесь: на нашей территории, на моей собственной земле. (Боже мой: сколько ей отдано сил, труда!..)

Вне же ее пределов наших проблем тогда хватало на железнодорожный состав. И еще - сзади - на маленькую тележку. И еще на один прицепной вагон. Да...

Наши, как мы с горечью называли их - «бывшие», никак не могли угомониться. Они почти объединились! При том, что изначально ненавидели друг друга. Это был шокирующий альянс (в стране было время всплеска политики) «коричневых» с «красными»!.. (Как если бы коммунисты объединились с фашистами.) Но что тут... Если цель одна. Пугали они нас нешуточно, травили откровенно, бешено, злобно. А мы - спасались бегством. (А как?!..) Вначале к друзьям и надежным знакомым, потом в этот - новый, восстанавливающийся, полуразрушенный, мой, наш дом.

В иное время, при иных обстоятельствах мы бы ответили им; тем же. И, вероятно, с большим, чем это выходило у них, успехом. («Бывшие» сами признавали наши способности «не шутить», ходить рискованно, смело, когда доходит до дел.) Но теперь нам было не до них. Кроме того, что-то случилось, что-то исключительное уже произошло в нас; и мы еще не презирали, но уже избегали грязных дел, «грязного белья», «мышинной возни»; то есть какого-то аналогичного ответа. Мы рассудили приблизительно так: раз мы «как только, так сразу...» все им и честно, и открыто, и откровенно объявили, то нечего и копы ломать. И враждовать. И ломать друг дружке судьбы. Раньше надо было... Что-то ломать... Или - строить, а не ломать. А не спохватываться теперь! Но в бессильной ярости, бешеных - зависти и злобе нас откровенно пытались сломать. А до этого - вначале испачкать, и обновить. И поверженных, вываленных в обычной человеческой грязи - блудничестве, любовничестве, похоти, - сброшенных с нашего, не поддающегося никакому объяснению пьедестала, хотя бы таким образом «вернуть в семью». А мы все не желали «драться», все уклонялись. Нам так не хотелось тратить время на - как нам казалось - пустое! Нас столько ожидало впереди! Хотя постепенно мы начинали видеть, что придется что-то делать, нас начинают топтать, о нас уже вытирают ноги, пошла отвратительная молва, начались вызовы в суд. Скорее всего, «бывшие» сами побаивались нас, оттого так спешили. И все равно: нам было не до них.

Наконец, эти бессмысленные пастьба и гоньба настолько доняли нас, так надоели, что даже через силу, но надо было что-то предпринимать. Как говорится, хотя бы выпустить лишний пар из котла. Как угодно, куда угодно - хоть в трубу, хоть в свисток.

Тогда, помнится, мы решили, что не будет ничего надежнее, безвреднее и действеннее, чем помочь этим «нашим» «лишним» людям самим найти выход их пресловутой энергии. Например, - это пришло нам случайно, как присказка, к слову: друг на друга. Мы

задумались над интересным присловьем, посмеялись. Друг на друга... А что это значит? Как это, в чем? Штука эта невероятна.

Нам подсказало, как поступить армянское радио. (У него вообще много хороших идей...) Мы задумались. И хотя вокруг нас в то время - да и мы сами - были одни сугубо гражданские лица, мы, не стовариваясь, обратились к военной тематике; ведь в конечном итоге важна не форма, результат. Мы разработали (я служил когда-то) и провели некую наступательную, в лучших изуверских традициях ГРУ, операцию. Она имела жизнеутверждающий общечеловеческий девиз (и нэ имела ныкакого армяскага акцента!): «Может ли женщина быть под-пол-ков-ни-ком». (Старая армейская шутка.)

Нет, в конце предложения нет ошибки: знака вопроса в нем (действительно) никогда не было; потому что - может или не может женщина быть под-полковником? - это вопрос риторический...

Некоторые поймут ответ сразу, для других впереди названия звания отделен казуистический предлог. Не станем спорить, согласны заранее: все вытворенное нами было не слишком этично; с нашей стороны. Пусть наши «бывшие» и сделали все своими собственными руками (и еще кое-чем, чем они нас во всеуслышанье хулили), да... Да, мы категорически не согласны с утверждениями типа: «добро должно быть с кулаками». Может быть, добру лучше не порождать зла?! Но в определенном месте в определенный час вы сами поймете, что приходится делать и выбор: докуда давать себя безнаказанно пинать и пачкать. Или грабить. Или убивать. Легче всего: «Опустить над крепостью флаг и ворота открыть...» Нет! По-нашему - в определенном месте, в определенный час выставь против неприятеля его же оружие! Пусть он сам напорется на него; когда сам напрашивается на провокацию, лезет на рожон.

...Успех нашей, как бы ее назвать, - каверзы, был несомненен. Наши замыслы возыме-ли действие: противная сторона, «выпустив пар», приспустила и боевые знамена. Умчавшись из города к себе, в деревню, на свою территорию, в дом, - отчаянно, на одном дыхании вместе с моим другом «Узиком» пробуравив деревенское бездорожье, - искупавшись в настоящей - природной, естественной! - грязи, вытягивая его из огромнейшей, на подъезде к дому, лужи, - голодные, мокрые, грязные и донельзя довольные, мы до упаду хохотали у нашего костра! Вот это да! Вот это успех!.. «Вот это успех!.. - возмущались мы! - Ничего себе: результат!.. Вот так свинство - во как, на самом-то деле эти люди живут!!!!.. Плотоядные... Сексуальные свиньи».

Да, мы смеялись. И дети смеялись тогда; хотя, конечно, мы ничего не объясняли им. А наши глаза (в присутствии других, посторонних, непосвященных - чем еще говорить?) - наши глаза тревожно спрашивали, безмолвно вопрошали друг друга. «И с таким человеком ты жил?! Но ведь ты не такой? Да?!» «...И с этими людьми мы до сих пор жили!.. Как мы могли?!.. Как мы опустились, как низко мы пали. Где идеалы юности?» «А наши дети?... Что - дети?... Ведь наши дети - от них...» И мы с тревогой вглядывались в наших детей! Мы пытали: что от рождения в них, в их душах? Кто они: трень-брень балалайки? Домры? Волынки? Лютни? Божественные скрипки?... Нам чаялось, чтобы они были - Скрипки! И чтобы... Но что разберешь: вот так, заранее - в смеющихся, веселящихся беззаботно восьми-десятилетних детях.

Может быть, именно тогда мы не стовариваясь решились на дитя любви: на самое лучшее в этом свете творение свое.

...После разборов, скандалов, после судов наши «бывшие» выделили нам (от щедрот своих после страстей своих) после многих разменов однокомнатную квартиру. Мы обустроили ее «в пять минут». И тебе стало где жить. (Я уже почти постоянно жил в доме, я уже так втянулся в него, что не мог оторваться от него.) Ты стала жить в квартире, дом вдруг остался - чисто мой. Я устроился поблизости на работу, я работал, по вечерам восстанавливал, ремонтировал свой дом, жил с обогревателем в закутке.

Иногда я подолгу ходил вокруг него, внутри него - все никак не мог сообразить целого. Не мог понять: за что сейчас взяться, за что дальше браться?!.. Лезть вверх? Спускаться вниз? То ли настраиваться перекрывать крышу, то ли отводить воду от фундамента и копать, копать, копать. «Слава богу, нет глубоких подвалов. Зато какой чердак! Чердачище! Второй дом можно устроить. Но все надо латать... Какие огромные бревна в стенах! Кто их клал?!.. Ведь руками все это делалось: не было подъемных кранов сто лет назад!.. Как-кие окна, двери - какие в нем повсюду простор, высь! Объем, свет, воздух - какая широта!.. Как я справлюсь?!» Но нет, вот этого я не говорил никогда. Я сразу думал о том, что надо. «Надо подвести дорогу - не собираюсь, как это привычно здесь, всю жизнь проби-

раться к своему дому по колено в грязи. Надо посадить сад. Надо привезти батареи и сделать какой-то обогрев: в доме должно быть тепло». Я не знал, как это все делается, не знал, как сделать, просто следовал тому, что требует от меня дом, просто холода все чаще увидели в дом от костра.

Но мы все еще жгли костер, - и в прямом, и в переносном смысле мы еще смотрелись в него, и многое теперь в своей жизни понимали.

У нас уже была своя небольшая история; которая так подходила под песню, под знакомые с юности слова:

«Ты помнишь, как все начиналось -
Все было впервые и вновь...»

Да, мы будто впервые строили все отношения.

«Как строились лодки, и лодки звались -
Вера, Надежда, Любовь.
Как дружно рубили канаты
И вдаль уходила земля...»

Да и да. А мы рубили не только канаты - мы нарубили таких дров из старых мачт корабля, что все в нем скрипело и качалось под ногами.

Но мы - смотрели в наш костер, в наш огонь и многое теперь понимали.

Отогретые им, прокаленные, просветленные от него, мы могли честно, откровенно говорить о многом, о всем, говорить обо всем; ведь это - жизнь! И когда дети просили рассказать им что-нибудь, то даже при романтическом полнозвездном небе, при свете пламени костра, озарявшего нашу громадную постройку, при зарницах и ярком падении звезд мы рассказывали им отнюдь не сказки. Это - песня! Какие у нас были - дни, ночи, утра, вечера.

Они встретились.

Почти сразу поняли: они - друг для друга. И влюбились друг в друга.

Никаких «треугольников», никакой безответной либо малоответной любви. Любовь одного к другому у них равнялась в силе.

Поняв это, они без промедления обрекли на слом свои старые судьбы. Этот труд неподъемен.

С помощью, посредством любви это просто, это легко.

Старые судьбы... Но ведь в них были «старые» семьи; и дети; которые не бывают ни новыми, ни старыми.

Они пошли вместе. Им мешали. С необъяснимыми - с идиотскими открытостью, откровенностью, прямоотой они прошли сквозь все, что встало против них на их пути. И, заслоня его, било их, злобилось. Они не берегли ничего. Не щадили себя. Они старались сохранить только свою любовь. И конечно - детей.

Они удивлялись себе несравненно больше, чем им удивлялись другие. Они не дали повода даже обычноуместным в подобных случаях сплетням. Только - удивлению, только - воображению. И снисходительной усмешке: вот глупцы, все у них было, чего им не хватало...

Но и изумлению: есть же люди! Есть люди, которые могут!

Впрочем, их не заботила их в общественном мнении судьба. Они теперь точно знали: ничего не бойся, никого не суди, все чувствуй, свое - бери.

Подъяв Им уроненный Знак,
Дарованный Сверху Мотив,
Пропеть они торопились.
И жили, как пели: все Ввысь!

Они были дилетанты и не знали, как профессионально - без потерь, красиво, с расчетом, на публику - петь. Они и приобретали и теряли. Но - пели!

И пели только свое. И уж какими бог наградил голосами.

Мы топили костер и готовили обед во дворе, когда услышали и увидели, что пролетают журавли. Стройный клин в недостижимой высоте махал прощально крылами. Здрав головы, все мы глядели им вслед, горячо желая сейчас долететь, а весной снова вернуться. По-моему, ты в первый раз видела осенний лет журавлей.

Потом были - возникали и таяли в воздухе - первые колючие снежинки, - все облетала, облетала и облетела, наконец, совсем - листва. Земля обнажилась, расторглось пространство.

Тогда, по-особенному ярко, вызывая всех на спор, засветились на фоне огромных великовозрастных елей затушеванные ранее рябины. Они, я думаю, когда-то сами выросли под елями, под их защитой - никто их не сажал. Я помню, невозможно было тогда пройти мимо, не остановившись, не заворожившись, не задержавшись у них хоть на миг, на минуту.

Две аллеи - елей и берез - достались мне заодно с домом. Уже в самом начале, сразу я решил: тоже оставлю после себя аллею. Но какую? И теперь, глядя каждый день на рябины!..

Если бы кто-нибудь из нас был художник, то не удержался бы написать с ними картину. А если - писатель, то непременно такой же сочный, броский, как эти оранжевые и красные на коричневом и темно-зеленом, рассказ. Ах, какой мог бы выйти рассказ!..

А может быть, надо было рассказать обо всем этом песней? Почему бы песней не рассказать про все! Такой же высоко-грустной, щемящей, венчальной, - такой, как слышанная нами когда-то и запавшая в душу, и будто исходящая теперь из самой души.

«...Тает в небе
Треугольник журавлиный.
На ветру горят рябины,
Как в последний раз!

Мы друг друга
Ни о чем опять не спросим.
Догорая в листьях осень,
Нам дает наказ!..»

И в ней - той, новой песне, все было бы только велико и лепно; потому что в ней не было бы печали и разлук; потому что жизнь должна быть обязательно красна и складна; потому что -

«...Грусть напрасна,
Потому что жизнь - прекрасна!
Если ты живешь и любишь,
Как в последний раз!
Если любишь,
Как в последний раз».

Жизнь прекрасна, если любишь, как в последний раз - мы это тогда мгновенно поняли! Не зная, не объясняя, как и почему, - поняли. И так уже дальше и жили, так и любили.

А в той - красивой, да не нашей песне - не про нас, не про наших журавлей и наши рябины, были и еще слова, там были и другие слова. Тоже трогательные, но уже очень печальные. Но они ведь были совершенно смешными! Что, мол, может, завтра суждено нам вновь расстаться, что, мол, может быть, будет продолжаться сказка не для нас!.. Мы легко их воспринимали - эти, не наши слова, мы их, легко улыбаясь, легко проговаривали - их, эти ничего не значащие тогда слова. Потому что... Потому что - мы встретились, и это главное! И это - определенно навсегда. Разве может быть, разве имеет право любовь быть не навсегда? Нет же, конечно нет - этого не бывает! Хотя мы позволяли себе думать и говорить, не таясь, обо всем. И об этом - этом «не навсегда» мы тоже говорили. Но что оно тогда для нас значило, - оно мизерно мало для нас значило.

Мы считали: любовь - она всегда! И навсегда!

...Да-а, чего только мы друг другу из своей предыдущей, ДО нашей встречи, и нашей любви жизни не рассказывали, о чем только не вспоминали, чего только не говорили!..

НАСТРОИВШИЕСЯ И НАМЕРЕНИЯ

Роман

1. Преддверие

Они для нее - класс! Их привезла мне одна постоянная пациентка. Кокетка, хотела понравится всем: им - показать диковинку, меня, мне - заодно удружить, указав на них, - продемонстрировав их, прекрасно зная, как я падох до всего характерного человеческого, любопытного.

Она не ошиблась: я пришел в восторг! Я смотрел на них в «широко закрытые глаза»!

Нет, вначале я все-таки прикрывался как-нибудь, ведь, право... Но скоро бросил - даже если бы я открыл рот, с их Зрением они все равно бы ни черта не обнаружили.

Она, привезшая, хохотала. Ей было и жгуче любопытно от Совершающегося на ее глазах, и, одновременно, прельстительно, смешно. Из ее глаз сыпались непроизвольные знаки, - мне, им, - когда она космически то сощуривала, то распахивала глаза. Она напоминала мне зрителя - отставного шулера за карточной игрой, которому разрешено ходить кругом стола и свободно заглядывать через плечо в карты всех играющих, - а затем испытывать другое волнение, задержавшись за плечом одного игрока, тщательно обдумывающего ход, и из тени, из-за границы круга плеч, круга игры и света выжидательно-напряженно зря в лицо его противника, карты которого ему тоже известны... И вот, она ходит, и заглядывает, и видит все с тыла, и знает все карты, знает карты всех, и ей жгуче интересны уже не карты, а сами игроки! Их тайнства, их психология, - психика, мимика, обманные движения мышц лица, демонстративно-расстроенный взгляд, тяжкий отчаянный вздох и - ловкий, неожиданный ход.

Мне приходилось осаживать ее иногда длинным пристальным прилипшим взглядом, но - вот бессовестная! - она умело вспархивала ресничками - «Ой, а в чем дело? Ой, я не понимаю, ведь я так наивна!..» - и в первый час встречи с нескрываемым удовольствием наблюдала меня. (Занимательно иногда наблюдать за наблюдающим.) Когда я неподдельно сердился - «Мешаешь! Не устраивай цирк!..» - она тайком показывала мне язык: «Я тоже доктор». Тогда я посылаю ей пилюлю: «Здесь ты только врач-терапевт, не более того». Это помогало, она на минуту прекращала «бегать по кругу», втискиваясь между нами, - так, что приходилось смотреть через нее, - поджимала губки: так сердилась. (Как я люблю ее.)

Они!.. Они, приехавшая зачем-то, - за чем, я не догадывался пока, - пара решили, что между нами идет любовная игра и вначале, стараясь поймать ее, щурились.

Они вообще вначале лишь щурились. Терялись, спрашивались о каждом шаге, осведомлялись, общались, были робки; вдыхая, нюхали новую атмосферу, пробовали, есть ли почва для ног. Затем, - затем, а ведь, собственно, никто ни с кем ни во что не играл, и не намеревался «объехать на вороних», и стоило им спросить!.. (но надо ж найти сам вопрос!) - на любой вопрос им было б отвечено! - затем чуть вздохнули. А собственно, что!? А выехали Любана с Валериком на природу, на шашлыки! «А отдохнуть а ат города...» - подышать свежим воздухом, сменить обстановку, забыть о работе... Ну - к странному человеку, пусть, но, говорят, к полезному, не вредному... Подружку вот заодно ему подвезли... Все - жизнь, все по природе.

Все быстро наладилось. Устроились в отдельно стоящей веранде под крышей берез, накрыли стол. После второй рюмки перешли на «ты», после третьей сближающим огоньком в глазах у всех пробежало удовлетворение - приятно сидеть с приятными, - да вообще с любимыми, которые без выпендрежа, людьми. После четвертой все начали оживленно, одновременно говорить.

...После четвертой, чтобы не напиться и не сорвать предполагаемую Работу, я взял баян. Он, я - мы огласили близкий луг, близкий сумеречный лес все трогаящими звуками. Выслушав нас, Валера с Любой похлопали (решили: ну, - концерт...) что ж, - с удовольствием хлопнули еще по одной, закусили, закурили и!..

И начали говорить Самостоятельно. Всерьез, уверенно! они пеняли мне - даже упрекали и сердито корили! - отстал от жизни, отста-а-ал!.. Ладно, да - пусть «старый русский». Но надо же, не поздно - настроиться! Даже понасмехались: считая, жить, как я, юродством. (Считали, не замечу.)

Привезшая их заготовала. Пришлось вновь браться за баян, чтобы незаметно пригрозить ей пальцем, чтобы незаметно подать знак. Вскрикнул: «Арина!!!..» Мол, ну-ка уймись! И этих - приведи в чувство! Осади свою подружку. А то вишь: разошлись...

А они действительно разошлись: водка - раскрепощает!.. Они цепко поводили сметливым глазом, вычислили, вычленили, что я могу, какие возможности у меня есть и, исходя из этого, как я должен жить. (Читай: делать деньги и тратить деньги.) Оказалось, а и неплохо ж таки я могу жить!!!.. Если настроиться.

Все ЭТО уже тысячи раз на белом свете было, и я отшучивался, отбрыкивался, - жаловался на могущую происходить у некоторых (Чаек) от такого устройства жизни головную боль, однако вынужденно поддакивал совершенно уверенным во всем, поддерживал темп, направлял стезю разговора, - переглядывался, перемигивался иногда с ней, Ариной, отмечал Черты, указывал ей на Новенькое, кивал - благодарил ее, размышляя: зачем они мне, - вставлял, что я тоже - тоже настроился, уже настроился, - что? - ах, как? - а, вот, помните «Чайку»: Чайку по имени Джонатан Ливингстон? - вот и настроился по нему, сейчас все-речь подумываю про Вертикальный Полет. «Чаво!?!..» (Арина со слезами, с завыванием в судорогах смеха упала в траву. Так, будешь должна мне рублей триста за театр, подумал я.) Обдумывал, куда завернуть нить разговора. Кажется, я Включался.

Она... - радостно посмеивалась, наблюдая Это, наблюдала меня. Но я уже не обращал внимания ни на что - Работа!.. (Однако, скоро же я ей и сказал: «Очень любопытно, очень. Но мне их не написать: это не мои люди. У меня не получится - я их не чувствую, и я ими не увлечен». Она настаивала: «Давай-давай, работай... Мне интересно, что Это такое, как Это выглядит, и как у тебя выйдет». Ну как милой женщине отказать? К тому же...)

Мне нравится моя Работа. Пусть сейчас за нее я получаю лишь пени, и даже не пени, и поэтому вынужден зарабатывать на жизнь другим, я ценю свой господень дар. И хоть он - тяжкий, чаще всего едва носимый груз, еще ни разу - ни разу! - я не роптал на него. Слава богу, какой-то есть. Пусть такой. Что он? Он - странный талант. Кроме всего, он странен еще и тем, что я завишу от него полностью. Но он - прелесть!.. Из-за него я могу вытворять что угодно, жить, как захочу, все сойдет с рук - летанье в рай, нырянье в ад. Ненарушимое условие единственно: я должен писать - пропускать через себя, переваривать, писать то, что чувствовал, видел, узнал. Хоть как - в виде дневников, рассказов, романов... На форму Им наплевать. Есть иная строгость (и, кстати, в логике Им не откажешь, все в русле): я должен строго подчиняться Судьбе. То Долг. (Так что я Должник дважды.)

Что ж, долг есть долг, некуда деваться, от судьбы, как мы говорим, не уйдешь. Кроме того, меня, ранее, муштровали одиннадцать лет, и вот так, таким способом и путем, до того, как дать руководить, научили служить и подчиняться. Надо Служить, надо Работать, надо следовать законам своего таланта, надо подчиниться, - подчиниться своему Предназначению. (В конце концов, так даже практичней, рациональней: гораздо меньше проблем имеешь Здесь.)

У каждого есть свой талант. Открыть его не трудно, открыть - даже легко, по сравнению с теми трудностями, которые начнутся дальше, какие ждут тебя впереди при его исполнении. Дело в том, что один раз открыв, и понимая, и воспринимая его сознательно, ты автоматически становишься его должником, всю свою жизнь тебе придется перенастраивать под него. (Женщинам в этом смысле намного легче.)

Что такое Талант, Предназначение? Это не моя Тема, и я не знаю ответ. Это то, что Дано.

Кто-то придумывает машины, кто-то одежду, кто-то поет, кто-то ворует, кто-то делает деньги, кто-то кирпичи, кто-то организует людей, кто-то сам лезет без страховки на скалы... Он все стремится в ледяной заоблачный верх и то уже странно. Но мой совсем странный, много лет, десятки лет я не понимал: куда - куда!?! - применить его. К чему, как? Как в соответствии с ним выстроить свою земную жизнь. Может, еще и поэтому меня привели в столь искренний, столь детски-полный восторг эти двое, сегодняшние, с которыми я, уже «тепленький», продолжал пить водку и которые, несомненно Что-то имея, вовсе не утруждали себя головоломкой что-либо открывать. Они поступили отчаянно просто: хлебнув глотка ЖИЗНИ, откусив от края ее пирога, сообразили, что уже все поняли и - взяли да настроились.

И я подумывал (алкоголь способствует безалаберности), глядя на них: может, и мне?.. Спрашивал себя: как ты, а? Блин, как надоело Вкальывать за двоих и троих - давай последуем их советам! Давай? Но, прикидывая, отвечал себе: да нет, нет-нет, это опасно. Во-первых, сам испытал: с Должниками не церемонятся - первый звонок, не понял - легкий удар, не понял - средний удар. Что дальше? Бр-р-р... Дальше я не пошел, не дурак. Теперь знаю,

кара порой страшно близка. И взглядывал, трезвея до состояния первой рюмки, на свои обрубленные пальцы. Кара, как сторожевая собака чистых кровей, все время, не мешая никому, невидимая никому, бродит рядом. Бродит вокруг, как страж-наблюдатель: все Делом заняты? Ах, вот один уклоняется от Пути! И... Во-вторых, - думал я, глядя на них, - жизнь коротка. Жизнь Здесь и без того коротка. А этак - настроившись - запросто проживешь не свою, спохватишься потом, в конце, когда в миг просветленья перед смертью помудреешь, ах нет: поздно уже, в пору успеть долги раздать, да поплакать, и все... Поэтому - нет, нет, и нет, и не мечтай.

Ну - нет, так нет, как говорила одна жена, - бога ради, я ведь только размышляю, не жалуясь. Все бы ничего (ах, вот и жалоба) - платилось бы хоть сколько-нибудь. Им, Вверху - что, а здесь не проживешь без хлеба насущного. А чтобы понимать жизнь Здесь, надо к тому же его - и с маслом, и с красной икрой, и с водочкой... Даже земная медицина поняла: человек есть то, что он ест. Не пьющему, не курящему, не увлекающемуся - лучше не трогать писать жизнь: у постно живущего и описание ублюдочно-постное выйдет. Вот и приходится выкручиваться: то одним второстепенным талантом на жизнь зарабатываю, то вторым, то третьим, то ещенибудь-каким. Люди от этого уже запутались! - кем они считают меня!?! Сейчас, кажется, мастером по дереву, по мебели. (Доработался до того, что создал мастерскую, приобрел здание, станки, инструменты. Рабочих, правда, нет - хватило, слава богу, ума - набрать, да разогнать. Да и терпеть не могу известные русские качества, без каких почему-то никакой наемный работник в «глубинке» не обходится: холопство, несуетная лень, воровство, пьянство, и еще замечательное русское качество, формулируемое в народе так: пусть моя корова сдохнет, лишь бы твоя не отелилась. Работать с таким коллективом, ничего не скажешь, - весело... Ну уж нет, как-нибудь сам.) Но даже доработался до того, что многие начали обращаться, не опускаясь до имени-отчества-фамилии: Мастер.

Се льстит древесному самолюбию и дальше гонит к деревянному совершенству. Но все не то, и иногда нестерпимо хочется закричать (вариант: забрюзжать): «Да что вы, ей богу! Слепые? Мастер... Мастер, мастер!.. Да только не тот, кто лепит столы и подсвечники! Мастер - да, Мастер, да другой. Тот, что ищет свои Слова, равные многим, и уже Сказанным! Чему, каким? Вот, например. «Счастье мое, ускакавшее, - здравствуй! Дай, об мою твои копыта...» Или: «...И никто не услышал, как на широкий лист лопуха теряя свою свинцовую тяжесть бухнулись две соленые слезы». Или еще - «Во-вторых, потому что в нем разыгралась бешеная тоска по России. В-третьих, наконец...» И еще - эти, самые для меня главные: «...В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана...» Вот - Творения Мастеров из моей Колеи. В пору завидовать. Я завидую им. Но только в том и тому, что они занимались своим Делом.

«...В белом плаще с кровавым подбоем...» - я теперь тоже спешу Так. Но я мастер следующий, а значит, иной (хотя все мы пашем все одно и одно поле), и мне можно только оглядываться, нам никогда не поравняться. «...Четырнадцатого числа светлого месяца нисана...»

А у меня на дворе правил светлый июнь, был июньский вечер. На всем лежало тепло, листва бестрепетно покрывала руки лип, берез. Правда, досаждали комары, - да, они были несноснее головной боли Понтия Пилата, но мы не шли в дом, мы не хотели пойти в дом, что там, - сейчас в четырех стенах, неинтересно. Вечер был шикарен именно березами, липами, елями вокруг тебя. Мы покинули даже уютную полянку под крышей берез и на приволье жгли теперь небольшой костер. Прервавшись выпивать и закусывать, искупались и гоняли чай.

Я уже бросил Все. Да, часто, очень часто я могу бросить все и как бы быть обычным человеком, и, как другие на отдыхе, ничего не делать; потому что... потому что Включившись, я уже - автомат. Это еще одно, мое странное наградное свойство. Я - сахар, вбирающий любое амбрэ, вода, принимающая все формы, губка, впитывающая те жидкости, в которые по очереди опускают и где сжимают и разжимают ее. Мне нет необходимости что-либо вообще специально делать, как-то вообще, как приходится на любой работе, напрягаться, - расслабленно ем, пью, треплюсь, болтаюсь, слушаю, толстею, худею, пьянею, трезвею... - равно. В мой странный, в мой дарованный аппарат - компьютерный? голографический? - все нужно пишется автоматически, само собой. Только следуй Судьбе! Только живи, только внемли! И выемли. Я Червь, улучшающий Гумус и для этого пропускающий через себя Землю, а еще - разбирающий Письмена Почтальон.

...После, если требуется, если надо что-то использовать, и для этого достать, - мне дол-

жно не забыть поставить себе задачу, напряженно думать о ней день, и вечером, четко математически и электрически напряженно, сформулировать конкретно, определив цель. Задать нужные вопросы и спокойно, помолвившись, лечь спать. Утром - либо через утро, два утра - будет готов ответ. Беру Черпак и Разливаю Сваренное по Тарелкам - вся Работа. Дальше, только обыденный технический труд.

...Я подкладывал дров в костер, приносил и подкладывал: работал. Я знал, мне не написать этих людей. Аринку - пожалуйста, ее - да, это человек Свой. А они - Чужие. Я думал, все равно это не мое, и решал: Отключиться? Я думал, все равно мне их не писать, материал рельефен, объемен - нет слов: хорош. Но не мой, мне не справиться, так чего суетиться. Сюда бы Веллера с его тонко-скальпельной язвительностью. Или Зощенко. А может, дядю Гиляя? ... А Михал Афанастич? Нн-ет, он бы тоже не справился: бытописать для него простовато.

Я сообщил, что отлучусь по нужде, и ушел. Вот когда - в одиночестве! - меня осенило! Мне пришло в голову, - и все - мгновенно! - что Миром правит Хаос и каждый из Нас рисует человеческий мир и Мир вообще по заложенным в него индивидуальным гранкам. И это здорово! Но есть простое общее, то, до чего мы сообща смогли дотянуться: есть самые простые схемы выделения Понятного человеку Мира из Всеобщего Хаоса - наша математика! А в ней - аксиомы и правила! И вот: для человека всегда прекрасна симметрия.

Я понял, что ось симметрии для первого тома давно задуманной книги у меня уже была, правая часть - недавно намечена, значит!.. Не хватало левой! Что за ерунда, как я раньше не догадался! От открытия я обалдел и протрезвел совершенно (даже обидно: что, снова пить?) Но решение уже висело, мне стало понятно: не-от-вя-зат-ся. Что ж, вперед!

С некоторым опозданием я бросился Набирать. Воля тут не моя, вполне отдаю отчет, что (Чужих) срисую коряво, лишь в меру отпущенного в Этой области таланта. Так не судите строго. До настоящих встреч на Моей Территории - на пространстве мечтателей - пока!

...»Заговор созрел и упал, как камень». Ах, Филипп Филиппович, - и я в который раз вслед за Вами!.. Нормальные люди уже давно «попадают» только «на деньги», а мы - все на «шариковых», которые «настроились».

Они для нее - класс! (Помните, их привезла одна пациентка.) Теперь расскажу о них, я же думаю, они: класс. И, знаете, я не кокетка.

2.

Мы сидели вокруг костра на широких приземистых кряжах, служивших сиденьями, - я, слева от меня Люба, справа Валера, напротив, через костер, через жадно живущее пламя, - Арина. Горел костер, горели дрова, горели глаза, горели на небе звезды.

Валера уже в десятый раз, наверное, потянулся с хрустом, с вкусом, удовольствием, - и все с одной фразой:

- Н-ну, з-здорово! П-просто з-здорово!.. - он заикался. - Н-ну давай еще по одной, а? К-как х-хорошо, н-не н-надо сегодня т-т-трахаться с м-машиной, - и каждый раз после этой виниловой фразы смотрел на меня: что, здесь можно вот так говорить? здесь так говорят? И мне приходилось, преодолевая в себе кислое, изображать разгул. Широкий жест рукой: да, мол, какой базар!.. После третьей же... можно. Но все-таки Валера, стесняясь Ари-ну, матерился или вульгарно выражался осторожно.

Люба была живой. (Арина чаще всего обращалась к ней: Любня.) После валериных слов о машине (с которой не надо сегодня заниматься жестокой любовью), Люба изображала из себя недовольную жену и ворчала (через меня, так как в его сторону. Я оказывался под обстрелом.):

- Да так и скажи: ты ее больше любишь, чем меня! - начинался короткий семейный вздор.

- Л-л-люб! Ну ты чо! О-о-о-на ж-же н-н-нас к-кормит! А н-ну о-о-тмотай д-двести к-к-кэмэ, а! Ч-ч-т-то с-с т-то-о-бой б-будет!?

- Это я отмотай!!!.. Я!!!!..

-...П-п-пятнадцать л-лет м-машине...

- ...Купи новую...

-...В-вот п-подожди, в-встанем где п-посередь леса, з-запр-рыгаешь... тогда. Х-хорошо - л-лето! А-а зи-има? - и Валера взглядывал на меня, вопрошая поддержки, ища мужской

солидарности против бабьего непонимания, бабского неповиновения. В смысле машины я его всегда бы горячо поддержал.

Люба начинала кипятиться (но то явно была игра, и Арина тут же усмехалась мне: ты слушай, слушай):

- Да ты вообще!.. Вернулись, пожрал, намылился. Куда!? Один ответ: в гараж. И все в гараж, да в гараж. А я что, должна бегать смотреть: на бабе ты или под машиной! А я? А Ленка? Нет, ему надо под машину. И ушел... до самой ночи. А жену приласкать?

- А я, что - н-не прилас-с-киваю, что ли?

Они пересекались взглядами, - летели искры, от костра вспыхивало, - ужаливало, они начинали щуриться друг на друга, устанавливалась стиснутозубая многозначительность; усмирялись. Я же кощунствовал, интерполирую. (И ошибался! Забыв: это не мое поле.) Один раз я даже заметил Валере вполголоса:

- Валера, ближайшие кусты близко... Да и гостевая комната свободна...

Ответила Люба (вот ушки!):

- Да ну его на...

Как одинокая береза отчетливо видится со всех точек поля, так и это, последнее высказывание, настолько ясно, явственно нарисовалось на тишине вечера, среди лип, воздуха, нас, звезд, что мы все вчетвером дружно заржали.

После разговоров «за жизнь» речь пошла только о работе. (Из чего мы так же дружно сделали вывод: слава богу, мы все здесь русские, так как только наш человек может при пьянке говорить о работе.) Началось все с Любани - с ее закупок, ее торговли - о «шмотках», продолжилось Ариной, когда Валера закашлялся. Арина тут же участливо спросила: что с ним? Здоров? Валера оказался здоров. А вот ей за неделю пришлось отправить с приема на отделение троих с диагнозом «пневмония».

- Удивляюсь я - лето! И идут, и идут с воспалением легких.

Я тут же вспомнил (как вылетает?), как одного моего знакомого, руководителя, с рабочего места, из-за рабочего стола врач отправила на «Скорой» тоже летом.

- Двусторонняя пневмония...

Арина покачала головой:

- Это может быть очень серьезно.

- В баню надо х-ходить, - изрек Валера.

Насчет бани все согласились.

-...А баня у тебя не топлена? Я бы счас сходил, - помечтал Валера.

- А что, давайте? - завелась Любани. - Мне бы, дак, как раз. У меня поясница, схватило дня два тому. Пропарить бы, да массаж. Массаж нельзя? Ты ведь делаешь.

Я изумился: это она мне. Кивнул на Арину:

- Так вот же сидит врач.

- А она говорила, у тебя руки хорошие. Все снимает, все проблемы.

Я сердито посмотрел на Арину. Та сидела, прикусив в досаде на себя губу. Зачем болтала?!.. Надо выкручиваться.

- Люб, у меня ведь не массаж, другое. Физически, у меня, как растирание. И мне надо, во-первых, очень хорошо знать человека, чтобы реально ему помочь - мне надо чувствовать его. А я тебя в первый раз вижу. Так что, не знаю...

- О, господи, сложности-то какие, - попросту вздохнула Любани. - Ну баню-то можно?

Я поднялся.

- Сидите, - сказал я. - Баня сегодня топлена уже. Так что, сейчас схожу, затоплю, через час пар могучий будет.

Когда я вернулся, у костра говорили о торговле, поездках - выездах на торговлю: о Любы с Валерой работе. Арина спросила меня:

- Ты не написал?

- Э-э-э... - что?

- То, что просила.

Я снова ушел - сходил в дом за рукописью. Она просила меня написать себя. Ей было интересно, ее занимало, как я себя вижу.

Я принес уже отпечатанные три листа и остановился: где сесть? кому читать? И вообще: читать? Я не понимал. Весь мой опыт строго предупреждал: никто не из своих слушать не будет. Первое. Второе: только перенервничает. Из своих здесь была одна Арина.

Компания постановила: читать. Сел к костру, сел рядом с Ариной, подозревая, что читать придется лишь для нее. Начал.

Читая, я ухожу в написанную действительность, живу в ней, переживаю чувства, настроения, обстоятельства ее. Я «ухожу». Однако обширная временная полоса учителя в моей родословной наградила меня специфическими способностями, например, одна из них называется: «видеть весь класс». И если только я не участвую в поэтическом чтении, где весь ты - одна звенящая струна, одно горящее в горниле, в топке чувство, я вижу «весь класс», кто чем занят: «кто ковыряет в носу, кто смотрит в окно, кто вместе со мной рассматривает решение теоремы, а кто, опустив руку с карманным зеркальцем под стул, рассматривает, что под юбочкой у девочки, сидящей за следующей партой. При этом могу поворачиваться спиной, на время выходить по просьбе завуча в коридор, вызывать к доске, записывать в журнал» - бесполезно: «весь класс», как мой собственный организм, в динамике фиксируется в моем мозгу.

...Действительно, после первых двух абзацев Валера, полулежащий на локте, сделался сонным. Любана начала ходить вокруг широкого кряжа, служившего нам здесь столом, прибирать, сортировать - тарелки, закуски, стопки, стаканы...

- Ну и развлечения у вас... - хмыкнула она осуждающе-соболезнующе (как врач-венеролог). - Сходили бы лучше, повалялись. Ай стесняетесь? А и чего нас стесняться? Все свои!

- Т-точно... Аг-г-га... - подтвердил сквозь сон ее благоверный.

- Люба! Может, все-таки мы дочитаем! - вынудила ведь оторваться.

- Читай-читай, - покровительственно махнула рукой Любана. - Послушаю, пока прибираюсь. Не вытошнит. О бане не забудь.

- ЛЮБА! - внушительно сказал я. - Позволь мне самому!.. А в бане, в печи, - сейчас горят головешки в полполена. Минут десять у меня есть.

Вот это Любу по-настоящему заинтересовало. (Кстати, и Арину.)

- Откуда ты знаешь?

На меня уставился недоверчивый вороний любанин глаз: врешь ты все, только мы, вороны, все знаем.

- Я не знаю, я чувствую, - требовалось пояснять. Вздохнул (скучно это и длинно, так как словами) и начал. - Я знаю свою печку, знаю, как она топится. И знаю, какие поленья сейчас горят, какой толщины, какие - осина, береза, ольха, какая погода - то есть какая тяга в печи, топлена или не топлена печь вчера, первая закладка дров сейчас горит или вторая. Ну и так далее. По всему по этому я ее чувствую.

Люба заинтриговалась:

- Ой, пойду, посмотрю.

Я рассмеялся.

- Люб.

- Ай?

- Ты мне положительно нравишься.

- Ну так!.. - стрельнула мне глазками сорока-ворона.

- Читай, - попросила Арина. - Пусть Люба идет, а Валера поспит.

- Н-ничего - н-ничего... - отозвался Валера и еще слаще устроился на подвернутой руке. Люба ушла.

Все, что сбивало, отвлекало, делало меня стеснительным, ушло, улеглось, вдруг создавалась иная обстановка - идеальная обстановка: родная душа, сидящая подле меня, простор и воздушность, огонь в окружении лип, - Люба появилась, показала нам большой палец, поднятый вверх, махнула рукой в направлении бани и с сигаретой исчезла. Я сказал:

- Давай сначала, - и приготовился заново читать. - Слушай, Арина.

Арина смотрела в костер, чувствовалась замороженной.

3.

Слушай, Арина.

Как описать себя - кто я?

Мастер. Здесь - все, мне странно к этому что-либо прибавлять.

Язык туманного Альбиона раскрывает бутон этого слова не так сухо, напряженно и схематично, как нашего языка толковые словари. Так, там я - дОлжный, при этом - хозяин, учитель, магистр, большой художник. Прибавив к этому соцветию - руководитель отдельного производства, высококвалифицированный работник из современного ледащего русского, начинаешь с улыбкой себя узнавать. Но это - лишь что-то общее, - но в этом много лишь общего. Но раз она просила, - как еси туманно, неиндивидуально, - если хо-

чется пощупать что-то осязаемое, материальное, конечно, я могу - и это даже самому интересно - поискать способ рисовки индивидуального портрета. Портрета конкретного Мастера. Можно попробовать также рисунки - фас, профиль, фигуру по пояс, в полный рост, фигуру в движении.

...Поразительно, - мне стало самому уже интересно! Я загорелся! Что ж, не трогая дел, попробую разогреть, расковать, поработать на обозрение со слитком-словом. Мастер

И вот первое: пусть смысл его, всем известный поверхностный, будет глазами, которыми я смотрю на мир. Мастер. Это - глаза. Через них взгляд на мир. И обратное, отражение через них в меня: вот в центре белого листа, на котором мы собрались рисовать, первое главное.

Далее, вкруг, как и положено - влево-право, вниз-верх - простой славянской словесной вязью строим лицо. Курносый архангельский нос с характерной вологодской горбинкой, обычно чуть впалые щеки, - бритые, - меж тем, как окраины их повышаясь к великоватым - предмет насмешек сверстников в детстве - ушам, пушатся рыжей, короткостриженной бородой. При каштановых волосах головы она именно желтая, рыжая - откуда она, из какой тьмы веков? Теперь уже неизвестно, загадка, не понять, когда русичи в роду ходят гурьбой до седьмого колена. Может, суровые норвежские шкиперы занесли мне ее, приплывая по северным морям за пенькой в Архангельск, - а может, пригнали с юга крикливые волжские татары, набегая на Вологду.

Бородка, сглаживая скулы, окаймляет все лицо. Прикрывает чувственность: губы. Обредя все, вкупе с щеками вытягивает лицо, намекает на его продолговатость, а в соединении с густой, толстого шелка шевелюрой, в которую так приятно запустить пальцы, - часто излишне пышной на зависть другому полу, - вдруг явит его вытянутым, в серьезности, печали схожим с теми иконописными ликами, что в мягкой суровости, скорбно рекущей нам, напоминающей об ответственности за мир, за нас, взирают на нас со стен церквей.

Отступив от меня далее, можно увидеть фигуру человека среднего роста, худощавого, - средней худобы, - когда без рубашки, видно, что - жилистого без выступающей рельефной мускулатуры. Также - без малейших намеков на жирок, обрюзглость и животик при сорока с лишним годах. Вот человек.

Сравнение с обликом служителей Бога и церкви, - и прикованными к крестам, - было бы подходящим физически и аллегорически уместным, ибо человек сей имеет крест на теле и сам несет (свой) крест, но да он таков, что никогда не обручится с священнической одеждой, так как при всей своей богоустроенности, богоустремленности и богобоязненности, - вот не боюсь перегрузить Слово этим словом, - обожает всю жизнь, данную Богом человеку на Земле, це-ли-ком. Не превознося никакие ее отдельные части.

В его движениях - и характере - вы увидите фигуру подвижную, гибкую. Характер от тяжелого до невесомо-легкого, нрав - от холодности до кипящего азарта. Вы также обнаружите натуру деятельную, трудолюбивую, склонную лететь, бежать; при усталости мечтающую о нескончаемом отдыхе - на диванчике, вытянув ноги, в халате, с сигареткой, перед телевизором, с чашечкой кофе, ах... Но склонную скорее в удовольствие посозерцать свою обломовскую лень, чем с удовольствием обниматься и целоваться с нею. (Нет, тут обниматься и... любят с иным.)

С внутренней сущностью его всего прямее стыкуется слово «кураж»; конечно, если вчистую убрать из него все злые тона.

Его походка обычно упруго-свободна, обычно он куда-то спешит, редко не торопится. Его осанку, как и умения повиноваться и повелевать, когда-то десять лет равняли в армии.

В движении совместном с попутчиком хоть чем-то себе подобным он не будет загорячиться; либо наоборот - прицепляться и виснуть. И если только он не исполняет своих дел, легко подберет ногу, подстроит шаг; так как все-таки характер его - воздух.

Он прозрачен, он легок в общении; с ним - дышать. Он как вода для питья. И также, как вода, принимает и обтекает любые предметы и формы. При этом, как и воду, совершенно неумно, бесполезно пытаться его сжимать или сдавливать.

Сила горного ветра чувствуется в его легких прикосновениях. Любовь к жизни сквозит изо всех щелей.

Любовь - вообще что-то стержневое. Созидательность - главное. Полное неприятие зла во всех того изошренно-изменчивых формах: третья основная черта. Далее - конструктивность, обязательность и чистота.

Его мир, во-первых: мир. И напрасно искушать его на отдачливое коварство. При своем неважном зрении подобные вещи - земное пижонство - он чувствует энергетически, изда-лека. Впрочем, без очков, если автоинспектор не заглянет в права, обходится и за рулем

на дороге.

Так вот, Дорога (тут надо читать: жизнь). Что для него жизнь. Жизнь - это всегда пути-дороги. Что нам требуется в долгом, трудном пути.

И друг, и подруга... И крепкий утренний чай, - а желательно, разный, разнообразный, потому что утреннее настроение разное, - то желается бьющей терпкости черной заварки красного крупнолистового «Ахмада», то достаточно легкого желтого, - с привкусом мяты или жасмина, - после, завтрак и - чем бог послал, обед, - и просторный, крепкий стенами дом (а не только ночлег) - дом с уютными уголками, теплой постелью, баней от, после-пыли, жары, мороза, - а будут приятные встречи - застолье! непременно застолье, - а где застолье, там стол - круглый, овальный, большой, - за которым все льются рекой и гостеприимство, и хлебосольство, - и речи, и - тосты, вино, истории, байки, - где речи и слова изысканны, как царские блюда, и к месту крепки иногда, как красный кайенский перец, либо - яблоковидный желтый, что манит отведать, вкусить отливающим солнцеподобным боком, да вмиг впивается в губы, бросая в жар, как жар стыда, - но как обойтись без него!? - но как без крепкого слова обойтись, но оно же не пища в речах - приправа, закуска, никто не станет питаться одними закусками - нет-нет, терпкий вкус грузинского красного, равно как и глоток водки, заедаются и расцветиваются чуть посоленной нежной красной рыбой, кому - ветчиной, и свежим хлебом - вот еда! - вот, - а розовый вкус домашнего «рябинового» дополняется какой-нибудь шоколадной изюминкой. Но - полно, неразумно увлекаться в еде-питье. Пище, блюдам сердца, души - вот чему пусть не будет свержений!

Как при описании лица физического мы не забыли о чувственном - губы, так и лицо душевное этого сухощавого человека имеет канал своего выраженья, отождествленья, свою материализованную суть: музыка. О, музыка! - исчезни она, что останется!? Бог мой... - беззвучная нервная ткань. Ни губ, ни рук, ни жестов у ней - все чувствует, но чем ей сказать? Но - музыка: вот этой именно души выраженье! Гитара у ней для компании и визави, баян - для рвений и выплескивания русской тоски, скрипка для пронзаний, мандолина для романсов, пианино на каждый день, и для вечера при свечах, и пения на два голоса вдвоем. Да-да, мир воспринимается и выражается им именно так: душой.

Мир - творение. Во всем - через труд - гармония, музыка. Сердце - любовь. Им дни и часы.

Им Дни и Часы, материальному - остаток: Минуты. И их часто жаль, но да и они - Здесь жизнь. И он не забывает о них никогда, ни на минуту. Да-да, - ибо в мире земном кесарю - кесарево, и те самые поспеу этот человек упорно зарабатывает, считает, так просто никому не отдаст.

Они зарабатываются самым трудным способом: руками. Их приходится уважать; нет различия один рубль в руках или их десять тысяч.

Пожалуй, хватит о себе от третьего лица, пора на -ты-. Слушай, Арина. Пожалуй, я поступил тут изысканно просто: надо служить своему делу, надо делать его, а каков в нем мой талант, сколько сил вкладываю в него, как его оценивают люди, такова будет и денежная отдача. Решившись однажды, махнул рукой на борьбу за достаток и преспокойно поступаю по-своему. Главное, найти свой главный талант.

Как в густом тумане скрыты очертания предметов, - и изогнутый зимой куст можно принять за коня, - так и человек при рождении не знает: кто он, в чем, каков его талант. Я брался за все, что приходило в руки по судьбе. Выкристаллизовалось: талант мой во всем, что живое - что от живой природы, энергетической природы, и что подвержено душе, сердцу, рукам. Хлеб, вино, дерево, музыка... слово. Через двадцать лет войны - именно: войны - с собой за себя выбрали дерево и слово. Что первое? Невозможно сказать. Мне ближе литература, люди считают, нельзя бросать дерево...

Из дерева могу создать все. Все от солонки до дома (вопрос, сколько это будет стоить?). В последние годы суживаю и суживаю поле: хочется закрепить найденное - приемы, формы, оставить после себя свое.

Из тканей словесных сейчас... Скажем так: могу пока некоторое, не все; полет, искусство в этом только начинаются.

Интрига - ведь правда? - что «ноги» оказалось две, - две ноги для ходьбы, для полета два крыла.

Смутно предоощаю - и содрогаюсь от собственной наглости и азарта - боюсь, кажется, где-то внутри, на уровне, недоступном даже собственному подсознанию, я (но КТО?) поставил мне задачу: от Мастера - к МАСТЕРУ.

Кто я, как себя описать.

4.

-...Хорошо, - после долгого молчания произнесла Арина. - Хорошо... Как-то неожиданно! Я думала, будет совсем по-другому... Да - неожиданно...Дай, пожалуйста, перечитать. Я быстро, - и попросила: - Напиши меня.

Попросила, уже углубляясь в чтение. Я потер лоб - тоже неожиданно.

- Ну что тебе сказать...

-...А и не говори ничего. Просто напиши.

Я скосил глаза: она с вниманием читала.

-...И меня! - вскинулась Любана. Я вздрогнул, оказывается, она давно стояла тут.

- Н-ну тогда уж и м-меня... - прибавил Валера.

У меня полезли на лоб глаза. Арина все слышала, и, подумалось мне, мы сейчас расхожемся, ведь, право... Но она только подняла на меня глаза, пожала плечами, сказала мимикой: мол, что ж, конечно, конечно. Я зачесал затылок: да... Даже не знаю, как теперь себя и вести. Как? Начал ерничать:

-...Ладно... А детей ваших? А собак? Тоже писать?

Люба, кажется, решила не отвечать. Валера выкинул простачковое:

- Н-ну!.. - мол, как уж хочешь, тебе видней. Арина подняла на меня глаза, укоризненно поджала губы: хватит!..

Я перебрался на свое место - напротив нее, через костер - закурил. Этот маленький инцидент - смешной, он не в счет. Я закурил оттого, что у меня всегда обостряются нервы, их чувствительность, когда читаю вслух, и особенно, когда написанное свое.

Нервы освежаются, счищается усталость, налет. Как медная вещь, они начинают сверкать, переливаться, в них все отражается. Они готовы к работе, к труду, они - мой рабочий инструмент. Сейчас есть пластмассовые карандаши с тонюсеньким грифелем, исписываешь его, нажатием кнопочки можешь тут же удлинять. Это не то - оттачивание карандаша чертежником на мелкой шлифовальной, наждачной бумаге: вот что такое чтение мной же, моими нервами, написанного.

Я смотрел на Арину, совершенно ушедшую в мои листы и в себя, мгновенно вспоминал все, что было связано с ней, что было между нами до этого.

ИГРАЕМ В ЛЮДЕЙ

Роман

1. ПРОЛОГ

Вступление

На моем письменном столе в пластиковой баночке из-под какой-то рыбы, - возможно, в ней были засолены под маринадом кусочки филе горбуши или сельди, - зеленеют три младенца - дубка. Слева от них цветные карандаши, небольшой набор, 10 штук, в точеном ольховом стакане, еще левее, стопка книг. Ричард Бах, Дипак Чопра, Луиза Хей, «Геометрия», журнал «Живой поток» Александра Сопроненкова. Еще левее - стопа листов бумаги для рукописей (для черновика). Слева от стола у меня - диван. Над диваном, на стене - гитара, скрипка, фотографии, картины. Вдоль стены пианино. Сзади меня, за креслом, выход, впереди меня, передо мной - окно.

Справа от баночки с дубками на письменном столе поблескивает стеклом фотография в рамке. Я называю ее «Осень в Усадьбе Архангельское. Аллея «Отрада». Правее фотографии, точеный рябиновый стакан с четырьмя шариковыми ручками: синей, черной, красной, зеленой. И стопа толстых книг: словари. В числе них, «Словарь русского языка С.И.Ожегова». Вид, что в комнате правее стола столь мил и разнообразен, что мне трудно в нескольких словах его описать - потом.

Справа, слева, впереди меня, сзади - моя реальность: то, что непрерывно, каждый день и час, воздействует на меня, и то, на что непрерывно воздействую я.

Я смотрю за окно на заснеженный сад, перевожу взгляд на линию берез. В зеленом и желтом убранстве они действительно действуют на любую душу, как отрада. Смотрю на крыши деревенских домов, угадывающихся вдали - деревенька за бутром. Я знаю, изучил все, что здесь есть, и не задумываюсь: все реально. Каждый день, наверно, по тысяче раз

я вижу, слышу, осязаю все это. Вопросов не возникает. Но вот эти дубки!..

Я не биолог и, жаль, не могу с уверенностью решить: норма это? Что-то исключительное из правил? По-моему, как какой-то другой мир: январь, февраль, март - дубки ростком 11, 13 и 22 сантиметра, зеленеющие на моем столе.

Иной раз (пожалуй, часто), когда я с каким-то хозяйственным делом прохожу мимо письменного стола, а не сижу за ним, не смотрю, то в книгу, то на дубки, то в сад и даль через стекло, я ловлю себя на трезвой мысли: так не может быть. Я не ставлю знака восклицания, просто - этого не бывает: зима, морозы, заснеженные глухие уголки вологодской земли... И дубки. 4 плюс 4 плюс 6 листков; зеленеющие среди зимы; пусть - в доме. Как так - не бывает зеленых листьев на деревьях зимой?! Когда-то в детстве я даже читал целый грустный рассказ. Березку пересадили в кадку с землей и убрали на зиму в дом: очень хотелось любоваться на зеленую березку зимой! Она пожелтела, она облетела всего на три дня позже своих озябших подруг. А мои дубки!..

Но мало того: вся эта моя, сбивающая мне представления о мире природы троица, - она еще и из Питера! Они питерские. Они из Летнего сада!..

Когда мне их дарили, - а это произошло в доме номер 47 по «Набережной реки Фонтанки», - моя знакомая сообщила: «Я гуляла в Летнем саду осенью и подобрала три желудя. Посадила, выросли. Возьми их! Раз у тебя посажены уже дубки, значит, приживутся и эти. А мне здесь некуда их весной будет посадить». С величайшей радостью, с эмоциями, хлынувшими через край, я согласился, принял их. Я вез их в кожаном чемоданчике, они избежали мороза. Когда я высажу их здесь, у себя, местечко назову: «Три дубка. Летний сад».

Однако, когда я прохожу, - нет, скорее: пробегаю, - по дому, озабоченный сугубо хозяйственным, иной раз ловлю себя на мысли: это нереально. Это почти розыгрыш! Январь, февраль, март, зеленая дубравка, мой настольный Летний сад.

А еще иногда я думаю: да нет, все в норме, это я мало смыслю в природных законах. И раз есть листва, раз 14 живых листиков существуют, значит, все реально, просто раньше я никогда не встречался ни с чем подобным, и не мог про эти явления знать.

...Этот овальный рукотворный стол, это кресло-качалка возле него, - эти дубки, - эти мысли, эта атмосфера, - этот дом, эта творческая мастерская человека, - эта Усадьба, - этот их общий объем - целый мир, удивляют, а иной раз - ошеломляют, повергают, вызывают шок у случайно попавших в него, них людей. И иным кажется, что они нежданно-негаданно попали в другую реальность, в иной, существующий независимо параллельный мир! Мир, со своими законами, правилами, даже целью, смыслом и способом жизни.

Я всегда затрудняюсь, проводив гостей, как их чувства, состояние после пребывания в моем мире, в этой реальности, назвать.

Пролог

Повесть эта (а я все еще сомневаюсь, что это: повесть или роман?) - сей мой изящный розыгрыш, - это игрушечное, да не игровое волшебство, - зародившееся, по-видимому, давным-давно и подаренное новогодними праздниками, - с равным основанием, или - нет, даже скорее всего! - могла бы называться: «АХ! Эти несколько сказочных дней...» Или «АХ и АЯ». Или (что мне более всего по душе): «АС и Ая». А также (перечисляю варианты): «АС, Ас и Ая», «АС и Ая, с участием Анастасии и ее отца. И его отца», «АС, Ая, Андрей, Антон, Архангельское. И Санкт-Петербург, бывший Ленинград», «АС, Ая и Питер - Ленинград», «АС, Ая, Андрей, Василий, Ольга, Римма, Ванда, Елена и другие», «АС, Ая, и их друзья, президент Путин, древний город Вологда, старинный тракт «Москва - Архангельск», приведший всех в Санкт-Петербург - Ленинград». (Но только не по-радищевски: «Путешествие из Санкт-Петербурга в Ленинград»).

Все возможно! Я уже не говорю о том, что возможно - Все!

И потому из великого множества перечисленных (и не упомянутых вариантов, и наименований) моего, и нашего, будущего, по своему желанию - моя легкомысленная рука по своему произволу, мои друзья могли вытянуть жребий любой. Лю-бой! Из тех бесчисленных комбинаций нашего общего, совместного Действа, возможность которого, поняв нашу Готовность, в те незабываемые дни столь мгновенно предложил нам МИР (БОГ).

(И двое Первых, два первых героя сей повести Свое мгновенно взяли. Вот ничего или почти ничего не знаю про остальных.)

Но я пока о названии.

Лично мне оно видится таким: «АС и Ая». (Поймите, здесь очень много личного...) Да,

таким и только таким. Но. Но нет - а!

А имей я писательские амбиции, пожалуй (склоняюсь к тому), я назвал бы свой труд и все происшедшее, более броско, как-то эзотерически-эпохально. И с полным правом! Ведь мы сотворили эпоху!.. Оттого я придумал бы ей в качестве титула что-то громкое; сродное тому старинному «Анна и король». Вот, например: «Крон-принц и Анна». Ведь была же Анна!.. И была - выходила у меня до «Того» (то есть в прежние - Предыдущие - времена) отдельной книгой повесть (современный сказ) «Принцесса Анна». Значит, Теперь (когда Апп подросла) пусть будет: «Крон-принц и королева Анна».

Однако я назвал то, что запечатлено во мне, как на киноплёнке кино, и что хочу теперь для себя, для Анны - и для всех - оттуда списать так, как назвал, потому что Мы (да-да, именно: «Мы») и живем, и действуем по Законам. Законам намерения, предназначения и смысла. Нам известны Вселенские Правила и от этих Правил Мы не можем отрываться даже в тайных мыслях... Даже в грезах! Даже в рассказываемых друг другу наедине сказках. Тем паче, в повествуемых и свершившихся - наших мечтах!

Оттого - при всем моем желании! Как бы лично я того ни хотел! Как бы мне, как автору, ни было от этого неудобно - я не могу, не имею Права для прикрытия реальной истории и реальных людей назвать Васю Петей, Олю Викой, Вику - Валею, свою маму - Лидией, а не Софией, город Грязовец переименовать в Роговец или Грязи. Нет. Зная Правила, Представляя, как действует Вселенная, я даже под дулом пистолета воздержусь превращать реальное в вымышленное. (Обобщение и обобщенный литературный образ - совсем иное.) Почему? Потому, что прекрасно знаю: будучи Свободным, поступая Так, я меняю Все. (Простит ли Все за Это меня? Не уверен.) Изменяя Все, я изменю мир. Зачем мне это? ЗАЧЕМ??? Разве я могу предвидеть, предусмотреть все близкие и дальние последствия своего Вмешательства? Нет. Я только МАСТЕР. Я только что достиг Состояния АВТОР - МАСТЕР. Но не ТВОРЕЦ (БОГ). Я - не «Управляющее ядро Вселенной» и никогда им не буду, - все, чего я хочу - наивысший предел мечтаний моих - закрепить Состояние «МИРОСОТРУДНИК», затем достичь Состояния «бог Земли». (Понятно, для чего: для того, чтобы После уже не Возвращаться, а (поскорее) получить возможность более масштабных дел. Я обожаю: создавать, творить, строить! Я творил в Отрезке, в Плоскости, вот уже год творю в Объем! Я хочу получить в распоряжение для своего творчества - Свой Мир: звездочку! (Я даже знаю уже, как я ее назову - «Ая».) Жажду - звезду, планеты, спутники - то есть свою мини-Вселенную... Все так.)

Поэтому все мои люди, города, события, описываемые здесь, реальны. И до сих пор реально существуют. Пусть они (те, кто - люди), узнав себя, немного сконфузятся, что ж... (Но. Кто не творил «всякого», тот и не прочтет здесь всякого о себе...) Что ж, зато я, как «Ответственное за свой Объем лицо», как Сущность, как автор - и как АВТОР - при Отчете перед ТВОРЦОМ смогу сказать: пусть я ошибался, пусть заблуждался, но не врал.

Да, Мы не можем отрываться от реальности, сути, смысла. Также, Мы не можем играть в обычные человеческие игры - мужчин и женщин, жен и мужей, любовников и любовниц, бизнесменов, банкиров, политиков, бандитов, торговцев, священников и так даль... Мы прекрасно знаем: Что мы все делаем Здесь. Оттого, те, кто осознал Себя, встал на этот Путь, должны «не мыслить как человек». Должны быть открытыми, - незащищенными, уязвимыми - прозрачными. (Те, кто Уже Свободен, конечно, тоже.) Все вместе мы влияем на реальность, события, обстоятельства, - и не только Здесь, в небольшом Объем Солнечной Галактики и маленькой - живой! - голубой планеты, но и - в Общем Пространстве Вселенной; которое Мы условно называем: МИР.

Те, кто осознал Себя, свой Путь, те, кто идет по нему, - и особенно те, кто Свободен - впрямую влияют на МИР; следовательно (без всяких больших букв, просто по-человечески, по-земному), ответственны за НЕГО.

Потому - ох, вынужден - невыгодное название... Только так и не иначе: «Играем в людей»!

Собственно, название «романа» родилось «до романа»; то есть до того дня и момента, в которые я замыслил его писать. И, насколько помню, его, ничуть не задумываясь, как это легко и непринужденно, с изяществом грации делают все земные женщины (именно так: вообще не задумываясь!), - 7 января, в линейном измерении - 2006 года, в 14.25 на проспекте Майорова, в «городе на Неве» подарила мне Ая. (Анна, Аня, Ая, Анка, Анечка... Мой раболепный, мой преданный друг, и переменчивая любовь, и несостоявшаяся младая жена моя.)

Она обронила его, как серебряный рубль, когда одевшись (а я еще и аккуратно сложив и упрятав во внутренний карман моего respectable длиннополого пальто, что

гляделось ужасающим диссонансом рядом с ее студенческой курточкой, кассовый чек - счет), мы вышли из ресторана.

Я сохранил этот счет. Как по архаичной, но, право - безвредной безобидной человеческой привычке, храню в своем архиве всякие бумаги и бумажки, - как сохраняю в дневниках и памяти все года, дни, часы; бывает - и минуты. Вот он, обозначивший нам нашу Очередную Точку отсчета кассовый чек. «Санкт-Петербург. 7.01.2006. 14:11. Кассир Канарейкина Александра. Ресторан «1913». «Сок морковный ... сельдь под «шубой» ... водка «Русский стандарт»... водка «Рус.Станд.ПЛАТИНУМ». Сумма, итого. «Сервис не включен». «Мы рады видеть Вас снова, Господа!»

«Да-а-а... Сейчас мы с Анечкой господа, господа положения...» Блаженно улыбаясь - «Чудесное времечко! Два часа, как минутка! Какие мы нераздельные с Анной! Уж неделю - как ни на час не разрываясь, а все не скучно вдвоем! Какая благодать!» - я вынашивал легкомысленный треп. (Анна, та намного меня серьезней.) «Да-а... Люблю грешным делом по старинной русской привычке «хорошо посидеть!»! Поесть, поговорить, выпить... Трапеза, застолье - это мое, мое, этого у меня не отберешь, не отнимешь!.. Салат - фирменный салат у них хоро-ош... Нет слов, как хорош. Bravo, ребята! Bravo, bravo, bravo. Но еще лучше - просто верх совершенства, верх! - у вас селедка под «шубой»! Вот уж в чем-чем, а в селедке под «шубой» я знаю толк! (Ну и прихвастну, так!..) Возможно, в селедке под «шубой» я лучший специалист, знаток на всем российском Северо-Западе. Я пробовал ее в Вологде, ел в Череповце, уплетал в Соколе, Грязовце, Устье-Кубенском, Кириллове, Тотьме, отведывал в Москве, Ленинграде, Минске, Могилеве, Свердловске, Новосибирске, Улан-Удэ, Иркутске, Архангельске, Казани... (Пропустил: во Владимире, Костроме.) В селедке под «шубой» меня не проведешь: «собаку съел»! Да-с! Как и во много другом. Можно «навесить мне лапши на уши» - в соусах, подливках, японских блюдах, французских супах и испанских винах, но - в водочке! Но - в горячих и холодных закусках к ней!.. Не-ет. Нет, нет и нет, тут, брат, - шалишь! В этом меня не проведешь. Враз покосточкам разберу!

Я обернулся, прищурился. «Отныне за селедкой под «шубой» буду ходить в «Ресторан «1913».

Анна рассмеялась:

- Что - вертаемся?

- Да нет, - отозвался я, - так... Любуюсь, знаешь.

...Все хорошо! Ань - ну все хорошо! Но вот водочка... Водочка у них... Эх... Жаль. Тут надо!.. - я поднял вверх указательный палец в черной кожаной перчатке. - Тут надо строго соответствовать! Уровню. Жаль, жаль... Какое место! Какая атмосфера! Обслуживание, блюда! - ах, все ах и ах. Просто молчу. А вот водочка... Подкачала. Вот тут они не правы. Нет и нет: так нельзя, нужно держать и что-нибудь получше. «Эх, водочка... Как поговорить: как трудно пьются первые сто грамм...» А так - все хорошо! Тебе понравилось?

- Да. - Анна улыбалась. - Да.

Расплываясь в ответной улыбке ей, с удовольствием отдаваясь в ее руки, которые заботливо оправляли мне небрежно брошенное мной на шею под пальто кашне (его даровал Андрей), оправляли пальто (его заставили приобрести Саша с Тасей), которые перенасаживали мне норковую шапку (покупала Галинка), ухарски вздетую, - ну мы же гусары!.. - я, все веселясь, заметил:

- Ань. Мы за два часа. Грохнули почти тысячу. На наш, так сказать, завтрак. Из тех семидесяти пяти, что на этот год уже Даны мне. А может и на двоих - нам. А впереди еще целый год. А?... (В смысле: мы не перебарщиваем? правы?)

- Играем в людей, - нисколько не встревожась, философски заметила Анна.

Я галантно подал ей согнутую в локте руку, она, в рукавике, взялась своей за мою, бездельно прогуливающейся парочкой мы двинулись вперед по проспекту, по чистому асфальту.

- Вперед Идем?

- Да, конечно.

- Ну!.. Идем.

Вперед для нас сейчас было: дойти до каких-нибудь трамвайных путей, сесть в первый подошедший трамвай и просто махнуть куда-нибудь. Куда? Мне было все равно. Единственно, я бы хотел в сторону Финляндского, за Неву. В остальном - лишь бы: Питер, я, Анечка.

Прокатив до конечной, я бы хотел там выйти, оставить грохотун-трамвай, снова, как мы делали все это утро, пойти пешком - куда глаза глядят... Заблудиться в улицах, улочках,

переулках, идти, идти... Когда еще я выберусь снова в Питер?! Когда еще буду вот так свободен и при деньгах?! И будет ли со мной всегда Анна.

Потому - заблудиться, затеряться в городе и все идти. Потом, когда насытимся, когда пресытимся и надоест, снова посидим в кафе, - как вечером вчера на Староневском, на Суворовском, - потом спросить, как добраться до метро, - добраться, вернуться в радужную квартиру Ванды на Фонтанке, - а вечером поезд, вечером нам на вокзал и домой. Мне - в Вологду, Анне в Ярославль.

Но это потом, - после, зачем думать об этом - а сейчас...

С той самой минуты, как мы вышли из ресторана, мы что-то уже подспудно Понимали. Что-то висело уже на эфирных ветвях Вселенной вокруг нас. Я бы даже сказал: мы точно знали! Мы чувствовали: весь наш путь, все наши встречи, - люди, их слова, номера трамваев, названия, вывески, бросившиеся в глаза, номера машин - все, что мы сможем выхватить, объять! - все будет не просто так! Что-то будет. Но что?! Мы переглянулись и раз, и другой, и не поняли. Волной набежало на меня: «ты творишь Путь». Но - и - стерев все следы за собой, отошло. И вот, мы уже шагали вперед, уже вгрызались каждый в свою судьбу, - но все по наитию, все неосознанно, но не поняли. Мы еще не Совершенны.

...Это потом, спустя несколько дней, кажется, - кажется через неделю, - скучая и переживая по своей Анечке, и оттого еще сильнее обычного свивая и пронизывая Все мыслью, - кажется, через неделю, - я осознал: мы шли творить нашу потенциально возможную совместную судьбу! В вечер и утро Войдя в Санкт-Петербург, любимый мой Ленинград, с которым я связан как будто даже корнями, мы подготовились к Творению - мы же и ехали, собственно, для него! Какие глупцы - пошутили и забыли!.. В вечер и утро Связавшись в пару и Войдя в Санкт-Петербург - Ленинград, сейчас мы Начинали.

Мы Обозначали ее, нашу Судьбу, отсюда, от ресторана «1913», потому что мы, каждый по-своему, пользуемся числом «13» (мне, например, оно вообще Дано в Пользовании), а ресторан оказался сегодня первой Вводной Точкой. И мы интуитивно Вошли в Нее, инстинктивно Воспользовались ею. А теперь - теперь мы, что бы мы ни делали, идя, до возвращения на Фонтанку, а если брать шире - до возвращения каждый к себе домой, мы Обозначали ее Точки каждым своим шагом.

Но тогда мы еще не знали об этом.

Трудно, а человеку и невозможно, ВСЕ знать. Человек сконцентрирован и уже поэтому ограничен. События кажутся ему случайностями, счастливыми или несчастливыми совпадениями, случаями, тогда как они просто вершинки лежащего под водой огромного горного хребта; в коем все связано; и ни одна вершина, ни один пик, провал, отрог не являются случайными. Все связано: все происходящее, произошедшее и готовое произойти - одна крепкая логическая цепь. У МИРА случайностей не бывает.

Мы это знали и просто делали все, как всегда - по нашей, и каждого отдельной, и обще уже вырабатываемой, парной привычке, обычной привычке: все осознанно. Либо - стараясь наполнить смыслом, стараясь осознать все.

- ...С тобой, - продолжила Ая, - это выходит особенно прикольно!

(Ох не люблю я эти, современной молодежи слэнговые слова. Я их не понимаю, они для меня пусты: в чем их смысл?)

- С тобой это выглядит так здорово, будто мы действительно люди. Все так естественно! Я одна так не могу.

- Да перестань...

- Особенно когда ты пьешь водку и ешь за двоих.

- Да не ем я за двоих!.. - хотел возмутиться я. Но рассмеялся. - Впрочем... Поесть... - (Будь я в мужской компании, я бы выразился определеннее: пожрать.) - Поесть, - сказал я, - я люблю.

- Я умирала со смеху.

- Это когда?!

- Когда ты на полном серьезе высказывал официантке свои претензии к водке. Сначала я подумала, ты прикалываешься. Но потом поняла: нет. Ну - супер! Стопудово!.. Но когда ты попросил принести что-нибудь получше!.. И она, несколько раз пожав плечами и не понимая, что от нее требуют, принесла... И ты выпил... При ней. И мне снова не понравилось. Я поняла, что ты в самом деле недоволен.

- Конечно!.. Да ты что! Садизм: к такой седедке под «шубой», которая - пальчики оближешь! - эту непутевую «Русский стандарт». Кто придумал такое название?!.. Я что, похож на сумасшедшего?!.. Я в жизни никогда не покупаю водку «Русский стандарт»! Равно как и прочие - местного и вновь возникшего провинциального пошиба.

Ая прыснула.

- Нет, на сумасшедшего, особенно в этом пальто...

- А-а-а, что - в куртке бы я...

- На сумасшедшего ты не похож.

- Так вот. Скажем, ваша, ярославская водка, уступает «кристалловской», она так себе.

Но пить можно. Ну - при случае. А вот наша, вологодская - причем, в продуктах, ты уже поняла, я - абсолютно не патриот, - вологодская, - ну, я не беру районные «ликерки», типа Кадуя, Устюга, не беру даже Череповец - все не то, - а вот водки «Вагрона» и «Завода сортовых водок», те вполне отрабатывают свою стоимость. Ты знаешь, у меня есть такое понятие: связка стоимость - качество. Или стоимость - вкус. Конечно, если у меня есть выбор, я возьму только «кристалловскую»! Не нужны никакие - «Вальс Бостон», «Кузьмич», «Смирнофф»... Но вот как-то раз залетели ко мне ребята из Нижнего Новгорода и привезли, среди прочего угощенья, бутылочку водки. Я посмотрел на этикетку: «Керженская». Местный розлив, конечно... Кисло, но - дай попробую. Оказалось - вещь!!! Жаль, всего одну захватили!

- Смотри - вон трамвай промелькнул.

- Подожди, дай доскажу. Ань.

Я еще замедлил шаги.

- Что?

- Кто сейчас Ведет?

- Ты.

Я заглянул ей в глаза, чтобы она точно меня поняла.

- Ну ты же видишь: я треплюсь только потому, что никак не могу Определиться!.. Нам некуда спешить... Ой, все-таки хорошо посидели! Ты права: как обычные люди. Зашла приезжая парочка - посидеть, передохнуть, выпить, поесть... Кстати, ты заметила, что мы были первыми?

- Гардеробщик сразу сказал! Я сразу отметила. Это важно.

- А, ну да... Как твой морковный сок? Кстати, он почти в два раза дороже моей водки.

- Да, это интересно. Я не предполагала!

- Как ты думаешь: что подумала про нас официантка?

Анна взглянула на меня и не ответила. Кажется, она уже (пока я болтал) начала Что-то Нашупывать, ощущать и оттого думала: что у нас сейчас за Шаги. И сосредоточенно смотрела вдаль.

- Ань.

- Да?

- Хочу тебе заметить: тебе надо научиться мыслить в нескольких областях и уровнях одновременно.

- Я умею.

Я покачал головой. «Ну - не знаю, не знаю, не вижу...» А еще подумал: «Самое лучшее, конечно, научиться мыслить глазами. В некоторых случаях мысли мешают самому себе. А иногда - на них просто нет сил. А иной раз - находятся люди, которые умеют читать мысли. И без спроса читают чужие мысли. Вот Сволочи. В таких случаях я настоящий либо «ухожу» на третий уровень - а на первом «запускаю» похабщину, на втором - рок-н-ролл или рэп, пусть, шакалы, слушают и потеют, либо - дабы не опускаться до них - начинаю мыслить глазами. И наблюдаю, как они начинают шизеть... Они не могут свести концы с концами: я говорю, я действую, а - ни одной мысли не-ет!.. Абсолютная тишина! Будто с ними общается робот. Или покойник».

Я покачал головой:

- Не знаю - не знаю... Ты не можешь даже одновременно говорить о достоинствах и недостатках напитков и смотреть Вдаль.

- Могу. Но тонкости водки мне неинтересны.

Я удрученно вздохнул: ох, эта молодежь... Они не понимают...

Они никак не хотят понять, что выйти за пределы Объема «Человеческое» можно только одним путем: вобрав в себя, скопив в себе все человеческое! Они уверены, что это им не нужно, что они все знают, что им все уже известно и известно не хуже, чем нам, а лучше... (Впрочем - проблема поколений. Даже здесь. Все, как всегда, даже смешно.)

У нас уже были с Анной мелкие стычки по этому поводу. Поэтому она и не ответила. Но она права: не сейчас.

С каждым новым вместе прожитым днем у меня возникало все более четкое ощущение: она гораздо старше меня! Будто ей шестьдесят. Потому что порой она бывала на по-

рядок мудрее меня. Наверное, оттого я так крепко и зацепился за нее, совсем не подходящую мне по земным меркам, земным понятиям, земным годам. Я вот уже лет десять не встречал никого - ни из женщин, ни из мужчин - хотя б более-менее мне равных. Для сотрудничества, для взаимодействия - для тандема. Или для пары. И вдруг она!.. А вот что ее заставляет держаться за меня? Как и большинство мужчин в подобных случаях, я ни в чем не мог быть уверен. Но это к слову «порой». А - не порой... С каждым совместно прожитым днем все более я распознавал в ней Сущность более высокого Уровня. Мой-то пиково высок - он предельно для человека (он Пограничный, и мне пора «в лес»): сейчас я перешагиваю за «Пятый». Но я Пришел к нему сорокалетним упорным Трудом. (Я сам только сейчас начинаю понимать ЧТО удалось мне! Какой титанический человеческий ТРУД исполнил я.) А она, эта девятнадцатилетняя девчонка, откуда она все понимаемое мной понимает, все знаемое - знает?! Как ей ЭТО удалось?... Я Отработал свою Карму и вот уже год, как от Нее Свободен - потому: Свободен. Исполнив свое Мастером, сейчас я замахиваюсь быть АВТОРОМ - МАСТЕРОМ!.. А она - она, как теперь кажется мне, - Свободна уже сейчас. Кажется, она уже родилась Такой. Ее уже (!) тошнит от умных полемических разговоров про устройство мира, человека, - силы, духов, жрецов, - от терминов «духовный рост, духовное развитие»! Как и меня, меня - давно: я практик. Я сложен для того, чтобы делать. И - Делать. Я даже читаю только то, что можно сразу применять. Исползовать в жизни, в практике, реальных делах.

Я думаю, мы с Анной так быстро сошлись и такой мертвой хваткой вцепились друг в друга именно потому, что нам интересно только одно: Растить и создавать. И мы - Жадные. И мы - одиноки, потому что нам нет Равных. Что ее, что - меня, - даже наши единомышленники давно не понимают нас. Я знаю все человеческое, меня не интересует из человеческого ничего.

Мне не интересны ни деньги, ни слава, ни власть, ни женщины, ни машины. Можно упрекнуть: все это у тебя было. Но - у многих было. И было, и есть. И все продолжает быть необходимым, желанным, вожаемым. Было, надо, есть, и все больше, все больше, больше! Я же - прошел это, нужное вожаемое, как... Как в школе проходят темы, как проходят уроки. Мне не нужен миллион, так как - «А что я Сделаю на миллион?» Я завершаю Круг материальных занятий и далее «изделием» буду сам я. Смысл и деятельности, и жизни теперь заключается в том, чтобы творить Себя (свое Высшее «Я» - свою Сущность). Какие новые Энергии могут добавить в мою Сферу - деньги, власть, слава, женщины?!.. А автомашины?... Прирост моей Сферы, прирост моих Энергий - вот что интересует меня. Все - Средство. Ая - такая же.

Мы «чужие среди своих»! И «свои среди чужих»: нас лучше понимают и принимают самые обычные, самые заурядные люди.

Я поражался: даже в таких смешных мелочах, как пристрастия в книгах и фильмах, мы с Анной одинаковы. Например, никто из моих образованных, начитанных, «духовных» друзей не любит «Ширли-мырли» Меньшова. «Что ты там находишь...» - с удивлением и сожалением (за меня) говорят они мне. Я же - обожаю этот фильм! Этот фарс, этот сборник, свод советских и русских свойств: эту энциклопедию человеческого! Как Меньшову удалось такое? Как?! Потрясающая своей гениальностью вещь!.. Анька, приехав ко мне, в первый же вечер (я попросил выбрать видеокассету, за ужином посидеть, посмотреть) выцепила: «Давай, на выбор: или «Укрощение строптивого», или «Ширли-мырли». Я (восхитившись в душе) скромно ответил: «No problem». Конечно, даже такие пристрастия о многом говорят.

...Я сразу, при второй встрече распознал в Анне Уровень не меньший своего. А теперь вижу и больший. Если так - у нее последнее Воплощение на Земле. А дальше... (Но мы же не знаем.) Дальше ей, наверное - строить свои Миры, Галактики. А здесь ее перспектива: Наш Последний Путь. Я завидовал ей. Я сам, в планах, через пять лет замахивался на Такое. Мне будет тогда - пятьдесят, - я Приду (если приду) к Этому только в свои пятьдесят. А она - она уже Подошла! В девятнадцать.

Два дня назад, когда мы были еще у меня и, не желая вылезать из дома на мороз и снег, ощущениями бродили вдвоем по зимнему лесу, я сказал ей: «Аня. Анечка - в любом случае, если ты... Ну ты понимаешь, о чем я. Я в твоём полном распоряжении». Она кивнула. Я все-таки прибавил: «Ты поняла? Мой дом, мои возможности - деньги и так далее - все. Все, что только захочешь. Я же огражу тебя от всех проблем. С государством, с властью, - даже с бандитами». Я посмеялся. «Все, что тебе потребуется, будет исполнено. В своей области я везде вхож. Ты поняла?» Она подумала, согласилась взмахом ресниц. «Я поняла».

...Она поняла. А я смеялся, - да мы вместе смеялись, сидя в ресторане и глядя друг другу в глаза, - как дать понять нашей любезной официантке, которая очень недовольна тем, что мы мало заказали, (то есть мало заплатим, так как мало выпьем и мало съедим), что одного того пакетика сушеных яблок, из которого Анка так мило насыпала на свой краешек стола (яблоки с яблонь моего сада, и засушены мной), нам на двоих при случае хватит на неделю. Я их и взял на случай проблем с питанием, как нашу основную еду.

А вообще, я могу не есть, я думаю, дней двадцать-тридцать. А когда воздерживаюсь от еды три-четыре дня, то не только не теряю, но набираю: и энергию, и настроение, и здоровье!

Одного листочка салата, какие в обилии украшали мое вожаженное блюдо «сеledку под «шубой», мне хватило бы, в качестве пищи, на целый день. Все остальное, - как я, ерничая или шутя, называю: «мертвяк» или еще - наполнитель, «балласт». Но вот - люблю, люблю, черт побери, по старинной окаянной привычке все-таки сытно поесть. Сытно, с размахом, - трапезно, застольно, с громкой беседой, гульбой!.. Ая - та только в меру, та - нет. И уже перешла на сыроедение. Мне до нее еще далеко.

- ...Смотри: вон пути. Трамвай только что прошел.

- Вижу. Так - стоп, замри. С минуту стоим.

Да-а... Что могли подумать гардеробщик, официанта, кассир - мы были первыми и единственными в эти часы в ресторане, и оттого, как на возвышении, на виду - мы... Нашу пару, где бы мы ни появлялись, всегда встречал хотя бы один, хоть чей-нибудь ошарашенный взгляд.

Ему... Я выглядел старше, чем обычно в те дни: сказались бешеный мой декабрь и бессонница последних напряженнейших дней. Я бы дал себе около 50-ти. Но никто бы не дал мне меньше 40-а. Средний рост, худощав, даже худ, коротко стрижен, усы, борода. Это он, то есть я. АХ.

Она. Моя бесценная и любимая. Средний рост (как у меня), худенькая (но полнее, круглее меня), забранные в пучок или рассыпанные по плечам пышные волосы. Брючки, куртка, какие носят даже не студентки еще, а выпустившиеся школьницы, ботиночки, вязаная шапочка. Студенческий рюкзачок. (Ей так удобно, а мне?!..) Мне показалось, гардеробщик (молодой парень, лет тридцать) долго о чем-то соображал, когда она (в роскошной обстановке ресторана) сняла куртку и осталась в кофтенке. А я подал ему наши «пальто». Больше двадцати ей не даст никто. Вот АЯ. (Она вчера сама заплатила в трамвае за билет, после чего кондуктор одарила меня взглядом: «Вы что, мужчина, не в состоянии в трамвае заплатить за дочь?!..» АЯ и АХ.)

Мы как-то сразу, независимо друг от друга, параллельно и одновременно придумали друг другу краткие интимные (а на самом деле - Сушностные) имена (как «ники» в интернете), которыми подписывались при обмене эсэмэсками; и потом, встретившись, уже не меняли их.

...Я в который раз усмехнулся: что могли думать в ресторане об этой странной несопоставимой парочке, у которой, судя по их движениям, взглядам, манере вести разговор, явно не дружеские, а какие-то (какие?) более близкие отношения.

- ...Она как-то неестественно улыбалась. Как-то натянуто, неискренне. Когда приносила нам блюда, - вдруг проговорила Аня.

- Да, я заметил. Я думаю, у нее - прости за грубость - плавилась мозги. Бедная...

Анна строго посмотрела на меня. Я во второй раз не выдержал.

- Ань!

- Что?

- Тебя точно не смущает мой возраст?

- Вначале... Вначале было.

(«О, она не сказала: «Смушчал»!.. Она ответила: «Было». И это - совсем не тоже! Спасибо».)

- А теперь?

- Теперь - нет.

- Точно?

- Да.

Когда она уверена, она ни за что не прибавит лишнего слова, у нее такая манера. Я уже знал ее и от коротких ответов бывал совершенно спокоен.

- ...Ну да - какая разница. Все равно Возрастом ты мне кажешься Старше меня.

- Трудно поверить. Но что-то уже начинаю чувствовать, как - будто действительно что-то такое есть. Когда я была одна, такого не было. Сейчас, с каждым часом с тобой,

нарастает. Круто.

Живя первые дни у меня, мы рассуждали о возрасте - том возрасте, который называется физическим возрастом человека. Лично для меня эта «штука» давно не имеет никакого значения: я - стрела, летящая из бесконечности в бесконечность «Стрела». Я понимаю себя только так. Разве у стрелы есть возраст? Разве в бесконечности есть время полета? Длина пути? Длина стрелы? Много ли разницы в числах 5045 и 5019? Сущая безделица при одинаковой базе: 5 тысяч лет...

- ...Кстати. Ты заметила: сегодня утром точно уже «поменялись ложки»? Второй раз тебе досталась главная»... Второй раз тебе досталась серебряная, а мне мельхиоровая.

- Заметила. Но думала, что в первый.

Я поморщился. Причем так, чтобы она видела: ТАКИЕ вещи надо замечать!

- ...Нет, во второй!.. А еще вчера вечером, - даже не так, - еще ночью, то есть уже сегодня, но до того, как мы легли спать, было наоборот.

Мы переглянулись. Мы долго смотрели друг другу в глаза, не отводя взгляд. Да... Меняются Значимости. Это!.. Для нас значило страшно много. (Надо знать все обстоятельства, чтобы ТАКОЕ понимать.)

(Вот одно.) С час назад, когда мы с Фонтанки выходили на Невский, я посвящал Аю дальше в свою Деятельность и завел разговор о значимости и иерархии в МИРЕ: значимости, иерархии Сущностей. Мне пришлось об этом говорить: надо было полностью обозначить себя и научить ее. Я рассказывал ей, как мне Показывают в разные моменты - по-видимому, когда я совершаю какие-то важные шаги, действия - Показывают, кто я.

Года назад, в декабре, после Перевода, я знал, что Я - Новичок. Это - в трансляции на человеческий язык. Новичок, новенький, вновь прибывший. В мир самостоятельно действующих Сущностей. Только-только заявившая о себе, как о самостоятельной единице, Сущность. Я (помню) «стоял» «в сторонке», как малыш наблюдал, какая в МИРЕ идет борьба. Но то не борьба. Это движение не противостояние, не война, не драка. Что-то вроде опережения. Но чего? Я не знал. Смотрел. Я смотрел-смотрел и... Тоже вступил. Сам, помню, удивился своей наглости! Мои первые движения были похожи на шаги малыша. Но как я набирал!.. Вспоминая об этом, все еще не перестаю восхищаться. Горжусь собой! (Ах, не изжито еще эго.) Если у меня был учитель, я его не подвел! Моя «звездочка» двигалась, действовала уверенно, привычно!

То был первый настоящий Показ мне без известного оформления: маскирования в аллегорические образы.

Мой Рост был быстрым. Сейчас (теперь я говорю о значимости) Уровень мой таков, что «президент России - мальчишка на моих руках». Я понимаю подобную форму Показов так: значимость в земном мире, земными категориями и для по-земному устроенного разума иначе не продемонстрировать ничем иным. Пока я только писал, стремился стать писателем, быть писателем, я был просто: начинающий писатель. После романа «...Это - жизнь!» и книги «Первые» президент нового государства «Россия, Российская Федерация» - первый ее президент Б.Н.Ельцин - неожиданно «понес мои книги в своих руках». После «Принцессы Анны», «Пробы пера» (помню, с какими трудностями я прописывал «Изменника», «Злодея», как три месяца по восемь-девять часов в день каждый день делал «Судью»), после написания отрывков для «Man @ human» и основных текстов книги «Знание игра воображения» президент Путин, сменивший «Б.Н.», начал регулярно Определяться в сравнении со мной. Иногда он тоже нес мои книги. Когда я вышел на уровень своей Сущности, когда начал творить в Объем, книги исчезли, показываться стало соотношение. Сам МИР настолько велик, что все наши земные единицы - страны, их главы, объединения стран - в масштабах МИРА, как копейка в масштабе миллиардов рублей. И «рядовой сотрудник» МИРА управляет таким Объемом в НЕМ, что президент, или премьер-министр, или король - в сравнении с ним «школьный мальчик».

Но в МИРЕ нет главенствования. Нет ни начальников, ни подчиненных, - нет ни приказов, ни выговоров - подчиненности, исполнения, страха. Каждое малое столько же важно, как каждое среднее и каждое большое. Есть иерархия взаимодействия, взаимных действий. Каждый влияет на все.

Говоря по-земному, последний горький пьяница столь же важен, как царь, как президент.

Иерархия взаимодействия - может ли человечески устроенное сознание такое принять.

Я рассказывал Ае о том, что Путин, вероятно, тоже Свободен и тоже «из Наших». По-человечески нелегко ему: трудно управлять целой страной. Почему меня Сравнивали с

ним? Разве я ведаю? Вероятно, сопоставим Объем; тот Объем, на который каждый из нас Влияет. Твой Объем больше, выше уровня России? - могла бы спросить Ая. - А почему именно России? Не Индии, не Франции?.. Я Связан с Россией и с Англией, - тогда бы ответил я.

...»Президент Путин для МИРА - это мальчик в сравнении со взрослым, в сравнении со мной, - улыбаясь, при этом старательно направляя свою усмешку на себя, все-таки слова мои были не о рядовых вещах, говорил я. - Из этого можешь представить: КАКОВА моя Ответственность. За свои Шаги. Ты часто видишь, как я беззаботно болтаю, шучу, смеюсь, треплюсь. Это - поверхность. Пусть люди думают, что хотят. Я люблю пока все человеческое. Ну а раз я могу - «курить, говорить и ходить по комнате одновременно», почему бы мне не вести себя так, как мне уютно и привычно?! Да: я совершенно легкомысленный человек!.. Что за глупость - на самом деле все время, как сапер. Как художник! Как шкипер. Как микрохирург во время операции. Просматриваю и перепроверяю каждое свое Движение! Каждый «взмах руки»! Каждый Шаг... Скоро научусь и буду Просматривать и проверять каждое слово. Потому что мои слова уже тоже начали влиять на МИР. Значимость, это да: это степень влияния. И можно бы важничать, гордиться. Если бы это не была одна сплошная ответственность. Серьезность и ответственность, ответственность и ответственность, больше ничего. - Я посмотрел на Аю. - Ты слушаешь меня?» Она вперилась взглядом в листок, который всунул в мою правую руку мальчишка-разносчик, каких во множестве всегда на Невском, особенно возле больших магазинов. Но мы были еще очень далеко от них, откуда он взялся?! «Ты, кажется, не слушаешь, Аня?» Ая показала мне взглядом: посмотри вниз! «Что?!» - не понял я. Но повел свой взгляд вслед за ее: на тот рекламный листок, что взял, когда мне подали, бездумно, не глядя. (Странно, обычно мне их не подают. Или я не беру их. А тут - взял.)

...Не могу сказать, что я замедлил шаги или что-нибудь в этом роде - нет: но внутри себя я точно остановился, как вкопанный. Встал столбом!.. Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин серьезно смотрел на меня с листка со своего портрета.

Этот микрослучай (какие в тот день на нас сыпались градом, лились крупным дождем) так тряхнул нас, что мы оглянулись. Мальчишки уже не было. Я внушительно проговорил: «Знаешь, Аня, «ложка» - все-таки: «больше»... Мы сплотились еще крепче, и довольные, и радостные еще быстрее зашагали по распахнутому (мы знали теперь) нам Питеру, по малящему угреннему Невскому проспекту.

Теперь мы шли вперед по «Майорова».

- ...Бедная, я думаю, у нее двоилось в мозгах. Впрочем, в ресторанах всякое видывают! Вот так завершил я.

Я не стал больше об этом говорить, хотя ресторан еще «благодарил во мне», - я не стал ни о чем говорить, поскольку наши слова имеют вес, - я не стал даже думать (то есть мыслить). Поскольку, мы уже Творили. По инерции (есть такая привычка у меня) я пробежался нейтральным взглядом по тем последним встречам, что случились у нас за последние дни. Так... Скользнул бессловно, довершая привычно свои цепочки, - скользнул безэмоционально, нейтрально, как скользит кинокамера, либо задумчивый пассажир. Когда из купе, из окна поезда вместе с поездом, вагоном и окном купе пробегает вдоль всего. Вот семафор, вот старая водонапорная башня, - милиционер, дежурная по станции, люди, здание, перрон...

Ас. (Ник - сумма: Андрей - сын, Андрей Саныч, малый АС.) «Ну ты - гурман», - резюмировал тет-а-тет мне Ас, когда прожил два дня при Ае, наблюдая ее, у меня. И когда на второе утро нечаянно заметил, как Анка вылезла заспанной из моей спальни (то бишь из моей постели?)

Риа. (Шутливо - серьезное. Тоже сумма.) В тот вечер, когда мы впервые завалились к ней втроем, и она, вполне естественно, подумала, что я - это я, а Андрей - он с Аней (моему Асу - двадцать один), - «У нее дрогнули руки...»: поведала мне потом Ая, когда мы с ней уединились на заднем сидении машины Андрея, а он вез нас из Вологды домой. «Ты что, не заметил?» - удивилась Ая, уже привыкшая к тому, что я замечаю все. Я смутился: «Да. Не заметил». («Проваривая» после этот свой промах, вкупе с подобными другими, я сделал вывод: да нет, все нормально. Все естественно, ведь я сам распределил наши с Аей роли. Когда мы оба поняли, что мы в паре, мы - пара, я сказал: «Так, Аня. Я творю и держу в руках все. Ты все просматриваешь, чтобы я чего-то не проморгал: просматриваешь и фиксируешь. Особенно мелочи. То есть я - Все, ты - внутри Всего». Вот так мы распределились.) «...Когда Андрей сел на стул во главе стола, сказав, что ему будет приятно поси-

дети за таким шикарным столом на таком шикарном хозяйском стуле. А мы с тобой остались вдвоем на скамье у стены - там уютней - и ты демонстративно придвинулся ко мне...» «Я знаю...» «Она вдруг поняла, что я не жена Андрея, а я с тобой. И у нее сильно дрогнули руки. И опустились. И она, как ни старалась, не могла с этим справиться». «Вау!.. Ай да Римма...» «У вас что-то было?» Я ответил взглядом, который называется «Ты что, ревнуешь?» и промолчал. «Она намного старше тебя». Вот об этом я сказал: «На тринадцать лет». «Вау...» - девчоночьим изумлением и восторгом обозначилась Анка.

Ну - ничего, саму Анну мы с Асом разыграли так, что у нее!.. Она у нас, как филин среди бела дня: лупала глазами и крутила головой. (Расскажу самый конец. «...Заодно внучку посмотрим. Я ведь ее еще не видел. И бабка тоже не видела. А, бабка Аня - поедем в Питер внучку смотреть? А ты что думала, мой друг Андрей из Питера мне кто?») «Вау!.. Ай да Римма...» «У вас что-то было?» Я ответил взглядом, который называется «Ты что, ревнуешь?» и промолчал. «Она намного старше тебя». Вот об этом я сказал: «На тринадцать лет». «Вау...» - девчоночьим изумлением и восторгом обозначилась Анка.

Ванда. Но, сперва - Елена. (Все-таки Ванде уже за пятьдесят и она более мудра, а Елене лет тридцать пять - тридцать.) Она от шока нашего появления сделалась такой разговорчивой, что, кажется, была сама не своя! Ее (бывает с людьми такое от сильного впечатления) пробрал словесный понос: все о чем-то говорила, говорила, говорила... Наверное, с час. Хорошо, мы изголодались по чаю и хлебали с Анькой чай. Ванда пришла и влилась в компанию, постаравшись смягчить обстановку.

Но даже Ванде, думаю, пришлось туговато, когда приблизилась ночь, и они с Еленой не знали, как быть, что делать, и нужно было ложиться спать, а они все не могли решить: кто мы?.. Кто мы друг другу?..

Кто они друг другу: этот (то есть я) известный в нашей общей российской среде человек из-под Вологды, - который уже с 1991 года живет так, как сейчас, в 2006-м, «наши» мечтают жить, - которого с удовольствием везде примут, - по первому звонку, в любом городе, - которого везде ждут, суждения которого имеют силу и вес, которого... (Остановлюсь.) Уважают. И эта девчонка. (Впервые слышим и видим!) И он оказывает ей отнюдь не только любовные знаки внимания! Он как - будто советует с ней!.. И, одновременно, у них как будто - любовь?!..

...Ая согласилась: «Ты Веди». Поэтому я все решал, все устраивал по-своему и не церемонился. Бедная Ванда... «Нет-нет - зачем? Зачем - мы не будем вас стеснять! Нам на двоих одной кровати хватит. У нас с собой спальная, как я называю, одежда - я взял, чтобы вам после одной ночи после нас не стирать, нам только - подушку, одеяло и все». «Ну... Я могу нам постелить на кухне... Или вам. У нас ночевала недавно пара молодоженов...» Мы с Анкой переглянулись, я многозначительно задержал ее взгляд - то была моя мечта! Как это восхитительно прозвучало! Бальзамом! Мне на душу. Мо-ло-до-же-нов... Я уже отчетливо видел все основные черты аиной конструкции, мне не надо было даже мечтать - вот! Вот мне наилучшая и жена, и Спутница! «...Да ну еще!..» - заявил я. Мы взяли одно одеяло, одну подушку, - улеглись в одну постель, крепко обнялись и мгновенно крепко уснули.

Присуждая места, надо рассудить так. Самым мудрым - 3-е место! - из всех людей (всех наших друзей, приятелей, знакомых, - всех 60, 50, 40, 30, 20-летних, - всех наших - умных, начитанных, продвинутых, раскрепощенных, духовных и т.д.) оказался Ас. Ас! Нет, не зря я назвал для себя его так! Я не ошибся в нем уже в который раз! Когда в первый раз я писал Анне, приглашая ее приехать ко мне, то писал: «Приезжай. Хочу тебя видеть. С собой никого не бери, будет интересная встреча. Должна подъехать (кроме нас) еще молодая пара. Из Питера. Правда, Насте всего 3 месяца. Так что, возможно, Андрей приедет и один. Ему 21 год. Я видел его всего раз: год назад. Он приезжал ко мне. Я им восхищаюсь». На самом деле, я видел его назад - 1 год и 13 лет. Мы не виделись тринадцать плюс один - лет... И в прошлый раз он не только не обманул - превзошел! Все. Любые мои ожидания! Теперь я пробаивался, что он не смо... Он не обманул мои ожидания и на этот раз. Он посидел, отошел от дороги, осмотрел Все и... Раз не смог понять умом, просто принял. Он не стал, как другие д у м а т ь. Не могу понять, доверяю - что ж, принимаю. И все. (Хотя с денек помучался, было видно.)

Еще более мудрым (2 место!!) (из всех духовно-развитых, умственно-продвинутых) (о! что я замечаю! Я вижу - сарказм ерепенится во мне!) - мудрее мудрого Аса оказался... Мой спутник двух последних лет: тигровый боксер Рэй! (Недаром он еще в щенках был чемпионом Вологды, недаром.)

Рэй (вдруг) появился у меня в доме в январе 2004-го года. На следующий день после того, как я сознательно сформулировал ЦЕЛИ. (Цели своей жизнедеятельности.) Подспудно сменив их с человеческих на Сущностные. Мгновенно (я осознал Это только через несколько месяцев) МИР приставил ко мне Отвод. Мне предстояло с год, наверное, пробыть Воином, а «собака воина берет на себя нежданный удар». Тигровый боксер в пять

лет - могучий боец и двужилная собака; но даже он иногда хромал или не мог подняться... Что такое он Брал на себя?! Что Отводил?! Я так никогда и не узнаю. Ну - ничего: мы с ним выжили. И теперь моему Руше стало легче: я «Подрос». И «загибаю обратно» любой «удар».

...Рэй подошел, осматрел, обнюхал Аню, пристально посмотрел ей в глаза (морда у Руши моего, надо сказать, - ой... Страшная...). И все. Больше он не терся у моих ног при ней, не ходил следом за нами, не приставал, не мешался - в общем: не Смотрел. Позволял Ане себя трогать, гладить, даже ласкать. (Я обалдел, когда узнал, что у нее дома подобная по свойствам породы собака, пока щенок.)

Теперь о первом месте.

Вот что удивительно... Что дает мне возможность и право делать Выводы! Быть Мужчиной! То есть - творить, создавать, вести (а это и есть Мужское главное), - заботиться о нашем росте, и так дальше: самой мудрой из всех (нас) стала Ая. Моя Ая.

Она не просто приняла, она пошла навстречу всему, что (внезапно ведь, наверное) Пошло на нее. Она «тормозила» (слэнг нынешней молодежи) тогда, когда я спешил - спешил или не мог разобраться. Но. Она. Прилетела по первому зову, как только поняла, КТО зовет. Она приняла мою руку - сразу, как только я показал: я здесь - Все, я буду все устраивать в нашей паре, и устраивать, и вести, и определять. Она приняла мою руку и тогда, когда я, осознав нашу действительную Близость, «протянул руки» и по-мужски. И, в один прекрасный момент, посадил ее, девчонку, к себе на колени. Возможно, в ней все задрожало. Но я тихо ответил на дрожь: «Ты мне доверяешь. Так доверься мне!» И с тех секунд мы не расставались.

1 МЕСТО!

Глядя на нее после нескольких дней, после того, как узнал ее всю, я начал прозревать: Она Старше Меня.

Я настолько ргіір к ней, что часто умственно, душевно, чувственно мы составляли одно.

И с каждым новым днем я открывал в ней новое - нет, не даром я еще заочно, еще не знакомясь близко, а всего проведя в компании один день, сразу назвал ее: «АЯ». Точно так! Она не только Анна Я...ва, она для меня: от «А» до «Я». Она для меня - все! С каждым новым днем я все больше и большее открывал в ней. С изумлением (и тихим, упоительным восторгом, счастьем в душе) открывал, узнавал в ней свои - мои собственные! - Способности. Узнал, что в ней есть моя - просто чудовищных размеров! - восприимчивость, - затем проявился мой феномен «Перенимать состояния»... (О, женщина - тебя никому не открыть! Ни сразу, ни до конца!..) Мои Способности мгновенно Набирать, перенимать у Большого, быстро, безостановочно, не уставая Растить!..

Я знаю свой размер, как человека, знаю свою Значимость, как Сущности, - свой Уровень, масштаб своих дел и Дел, но иногда я слабовольно думал, глядя на нее, любуясь ею: мне посчастливилось... Мне посчастливилось и да просто повезло. Повезло, как везет редко кому из смертных. (Во мне говорит человек? Ну и пусть! Пусть... Простите же за человеческую слабость меня.)

Мне, как счастливится редко кому, не только довелось увидеть, найти, быть вместе - мне удалось пожить в идеальной паре! С той идеальной спутницей жизни, - идеальной: душой, умом, телом - о которой можно только мечтать! Обычно - безрезультатно. Обычно - всю жизнь.

Мне же, мне удалось найти ее! Ту идею, ту реальность. Найти, притянуть к себе. Больше того! Сделать хоть на мгновение жизни: своей женой, своей спутницей. И - Спутницей. Что вовсе невероятно.

Больше того. Мне довелось - мне Доверили! - учить, наполнять, вести Того, кто воплотился на этой планете в последний раз. (!) Кто Наполнится через меня, и, далее Повзрослев, самостоятельно пройдет Наш Последний путь, чтобы затем уйти из «вуза» Земли в МИР навсегда.

В ноябре 2004 (в линейном измерении) года я стал Свободным. (И из Уровня «4» был Переведен в Уровень «5».)

В декабре 2004-го достиг, затем перевалил «отметку» Высоты: «человеческое счастье».

В мае 2005-го убрал из своих ЦЕЛЕЙ последние человеческие интересы; в ноябре-декабре понял: завершаю Круг материальных занятий на Земле.

...Я никогда даже не представлял! что можно вот так безупречно счастливо по-человечески жить! Казалось: что еще???!!

...В январе 2006-го несколько дней я был счастлив по не-, по сверх-человечески.

Я знаю: пределов нет. Я заинтригован до высшей степени: Что. Будет. Дальше. Ах!..
Однако, раз это роман, все по порядку.

2. ДНЕВНИК

ВСТУПЛЕНИЕ

Есть поговорка: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты».
Великолепный способ узнавания.

...Но уж очень простой: чистый холст. Я же говорю так: дайте мне год человека, и я скажу - кто он, каков он, какова (была, будет и есть) вся его жизнь. (Не судьба!)

Как цыганка все определит вам по протянутой руке, так я: дайте мне, - расскажите всего один ваш год! Дела, события, удачи, неприятности, болезни, сны, намерения, планы, несостоявшееся... Чем больше подробностей, тем лучше. (Объемнее будет свод.) Можно просто сидеть за чаем и болтать.

И когда вы «наболтаете» мне свой год, я преподнесу вам ВСЮ вашу жизнь. Как цыганка. Только точнее. Как в другой поговорке Земли: на ладошке.

Как на ладони, я преподнесу вам вас. Уверю: все так и будет, как расскажу. Отклонения от «схемы» «Год» будут минимальными. Почему?

Потому, что года, как такового - того, что представляете, привыкли представлять вы, - нет. В действительности, года нет. Есть информационный Поток; сечение которого в плоскости - или: виток которого в плоскости - и составляет двенадцать так называемых месяцев. То есть, так называемый год.

Сам Поток непрерывен. Мало того, что он просекает (как просека лес) всю вашу жизнь (смыкая прошлое с будущим в настоящем), я уже всерьез подозреваю: он проходит и через жизнь всех наших Воплощений на Земле! (Вот и карма.)

Это и прекрасно, и ужасно. (Выбирайте, кому что.) Например, в N + 1 Воплощении вы дарите незнакомому писателю компьютер (тонкий намек), а (в строгом соответствии с Законами МИРА) в корень 5-й степени из N-1 Воплощении вам совершенно неожиданно (для вас) преподносят новый каменный топор. (И радость переполняет вашу грудь: грудь и сердце мохнатого кроманьонца!)

Будьте Бдительны: не упускайте Возможностей.

...Но вы резонно можете заметить: баш на баш!.. Сначала вы мне свой год, потом я - вам.

Совершенно справедливо.
Пожалуйста!

Литературизированный дневник, или Выписки из «Ежедневного дневника»

2005-й год или - «ГОД 45-й»

Главы: 2.1 Январь - 2.12 Декабрь

... ..

3. ЭПИЛОГ 2008-2009 год

Сказка ДЛЯ... или - «...бог»

0

...Да-да, все именно так. Как в настоящей сказке...

И прежде представь: я, как старая раньше бабушка, затопляю потемневшую от времени русскую печь, окидываю взором все свое немудреное домашнее хозяйство - все ли приделано у меня?! Не упущено ничего? Тогда опускаюсь в глубокое мягкое кресло ус-

тью печи напротив, - то самое, непостижимым образом сохранившееся в доме и будто возникшее теперь по чудесному мановению из тьмы веков: кресло напротив, с выцветшей - с вытертой - обивкой, прорванной, как любимый свитер всегда, на локтях, угвозданной множеством поколений живших при разных хозяевах и точивших о него когти кошек, - потому покрытое теперь мною коричневой с бахромой накидкой, - беру со стола, он рядом, свой бессменный серебряный подстаканник с тонким стаканом и серебряной ложечкой, подаренные еще дедом отцу, а деду отцом деда, - наливаю чай, снимаю крышку с тремя пчелами с расписного ольхового бочонка с медом, задумываюсь, загораюсь...

А ты - ты устраиваешься в подобном, под старину, кресле рядом, - что также устью печи напротив, - придвигаешь к себе серебряную чашечку (я приобрел ее недавно именно для тебя и этого дома), рассматриваешь, как всякую новинку ее...

И когда огонь в горниле печи раздухаряется, в задумчивости и я начинаю. Так, будто припоминаю: жил - был бог...

1

Мне именно об этом сегодня поскорее хочется повествовать.

Однако, скоро, сердце мое - только сказочные сказки складываются. А все проявленное и Духом наполненное - и теперь вещественное - сложно. ВСЕ - столь трудоемко, сложно устроено, что длительно, нелегко делается. Замысливается, Проявляется, создается, творится - делается. С тщанием, прилежанием, скрупулезно. Так и начнем.

А еще - хочется говорить Своим языком. На котором мыслю, действую. Ты скоро поймешь его: Верхний.

- Слова, набранные строчными буквами, а начинающиеся с заглавной, являются терминами, относящимися к Духу, Сущности

- Слова, полностью набранные заглавными буквами, являются терминами, относящимися к ТВОРЦУ

- Слова, набранные латинским шрифтом, либо попеременно - латинским и русским, являются терминами нематериального Круга занятий / терминами Ведения ВСЕГО, волхва

Так и пойдем. (Мы по святой Руси пойдем сегодня.)

Жил да был на матушке-земле - бог.

Он был самый рядовой, обычный.

И по вселенским меркам - из самой простой категории: «боги планет».

Вот он и был - бог своей: голубой с зелеными, коричневыми прожилками из космоса, - чудной, - созданной ВСЕМ (МИРОМ - ТВОРЦОМ) для оживления СЕБЯ - БЫТИЯ специально, - густонаселенной и Сейчас обитаемой, - названной после возникновения на ней Общего сознания ее обитателей, - небольшой планетки. Она - (о, вспомни из романов крик души потерявшихся в океане!) - Земля!..

...О, нет. Нет - и точка! Нет, нет и нет! Не-е-ет!.. Даже замышлять думать не смей так! Я запрещаю тебе это: все эти глупые, человечески-малышковые мысли: какие молитвы!?! Ты что! Любимый ребенок у нас, едва встав на ноги, едва научившись сам - шагать, говорить, есть-пить - знает, как надо вести себя с богами: наивно.

Будь наивной! Представь себя - маленькой.

И все тут же узнаешь сама. Мгновенно поймешь сама: как обращаться с богами.

...Как - в тебе все еще есть вопрос? То есть ты все еще спрашиваешь.

Как... Смотреть на них. Тянуться за ними. Боготворить. Идти, куда ведут.

...Я поведу тебя: протягивай руку!

Пойдем снова. Теперь вместе от самого края: «Жил - был бог».

...Теперь ты видишь его?

Представь, я видел его, как тебя, когда-то.

И теперь: как в старой поговорке Земли - «Вижу его, как сейчас». Как тебя сейчас.

Да... Жил - был бог.

Когда-то, он, как все, был маленьким. И, конечно - нелепым, смешным и очень наивным.

Да - да, он доверял (принимал на веру, относился с доверием) всему, что ему преподносили (показывали, говорили, объясняли). Солнце - тепло, солнце - спит. Трава зеленая, подушка мягка, щенок - гав-гав, собака - р-р-р-... Вода мокрая, баян - мелодия, песня. Сталь - режет, блестит, Пушкин - поэзия, стихи, карандаш - рисовать, дед - газета, бабушка - пироги.

Земля - круглая, все так просто.

Но если б!..

О чем это? Если б все - так!

Все - бывают и маленькими, и наивными! Все-е!!! И что с того?!.. Он же (вот, наверное, с чего начались, пошли отличия) - любил не защищенно смотреть на мир. Узнавать мир, думать о нем.

И загадывать несбыточные желания. (Мечтать, наверное.)

Так последовательно он побыл: кошкой, точащей когти о кресло, и мечтательно зрящей на дерево с птичкой за окном, - птичкой, перепархивающей с ветки на ветку, - журчащей водичкой веселого ручейка, - кашей, которая, когда без присмотра варится - и прыскает, и ухаает, и убагает, - деревцем, которое росло и которое вдруг грубо сломали... Папиной стамеской и папиным кошельком, мамиными мокрыми щеками и полотенцем, дедушкиными - ворчанием, медом и очками, бабушкиными - говорком, вареньем, творогом, пирожком.

И бесконечной массой других явлений, взаимоотношений, вещей. (Его родственные воспитатели никаких его воображений ему не возбраняли.)

Следующее. Освоив такие непростые (для только что воплощенного) земные умения, как правильно самостоятельно - смотреть, слышать, осязать, брать, издавать звуки, говорить, думать, сидеть, ходить, стоять, он захотел освоить: делать. Он все время хотел что-нибудь делать! Унять этого маленького создателя было не-воз-мож-но.

Да, хочу заметить тебе: будет твоей грубой ошибкой, если считаешь, что я мог бы назвать его - шалуном, проказником. Конечно, стоит признать (и не стоит скрывать) того, что в пять лет он (нечаянно, как каляса, когда осознал, что натворил) разобрал на самые маленькие запчасти - по винтику! - новый дедушкин радиоприемник!.. В семь - попробовал курить!.. А в двенадцать... Ох, даже не понимаю, как это аллегорически назвать... В двенадцать - пожелал узнать в чем разница между то, что «брюки», и то, что «юбка»...

Но... Но!.. Но спешу заметить тебе: то были все-таки делательные все - и деяния, и намерения, и мысли.

Следующее. Это важно!

Его всегда - все время! Тянуло к тем, кто больше его!

(Ты заметишь многосмысленность в моем «больше»? Оно - больше или Больше? Либо их сразу два? Так и есть, да.

...Нет, не стану растолковывать его. Знаешь ли, не Маленькая: 6-я Ступень. Равное мне Воплощение!.. Как сможешь, так и понимай.)

Папа и мама, тети и дяди, бабушки и дедушки - все, с кем он виделся, все, кто с момента рождения окружали его, были ему... Как учителя.

И он свято верил всему тому, что говорят - и как говорят - Большие, за всяким из них, кто открывал ему что-либо новое, он готов был ходить, как теленочек на веревочке! Смотреть во все глаза! Слушать, открыв рот.

А вот необыкновенно важное! (Как бы ты выразилась, будь тебе сейчас лет двадцать, - как нынче выражаются двадцатилетние - «стопудово»! Поправлю: тогда уж - стопудовое!)

Его первые главные воспитатели - мать, затем - отец и мать (родители всегда любящие, требовательные, прощающие, строгие) - б о г о т в о р и л и его.

(Ты потом поймешь, насколько это важно.)

Возможно, на человеческом плане это выглядело так. «Сын, ты это можешь». Обычно с строгостью замечал ему на все его детские сомнения, недоумения, растерянность отец.

Либо он говорил: «Ты можешь все». «Да-да - все, чего только сильно пожелаешь, все - все! Чего очень захочешь!» (Обычно с улыбкой.) Обычно с силой прибавляла мать.

Был и такой эпизод. (Такая Ступень.)

«А почему тогда у меня не выходит сейчас?!» - однажды сердито спросил он. «И не получится. Ни за что и никогда», - расмешливо ответствовали ему его родители. «Но почему??!» - уже с гневом воскликнул он! «Ну что я могу ответить... - вздохнул отец. - Ну неужели ты не чувствуешь». «Бог ты мой... - сокрушенно ответила мать. - Любить надо! То, что делаешь...» И муж с женой понимающе переглянулись. (Вторым тайным взглядом сойдясь на нем...)

Как и все живое, возникающее на этой земле, он рос. И он вырос.

Да, может быть, и не стоило специально этого отмечать, но все же хочу тебе заметить, ибо мне кажется, ты можешь столь немаловажное пропустить: в Этом Воплощении в соответствии с ЗАМЫСЛОМ он проявился на планете Земля. И, значит, имел все то, все то же - все те человеческие атрибуты - что непременно имеет любой нормальный человек на этой самой планете под этим самым названием.

У него были руки и ноги, - ключицы, предплечья, локти, ладони, пальцы, - колени, голени, ступни, - сердце, легкие, печень, желудок, почки, - кровеносная система, нервная, лимфатическая, - мышцы и связки, кости, щитовидка, поджелудочная, селезенка (и обычная слепая кишка - аппендикс) - рот, нос, уши, глаза, ресницы, брови, волосы. Была, наконец, голова! А так как он родился мужчиной, то затем (кроме прочего) выросли борода и усы.

Его не раз (как и подавляющее большинство людей) осматривала, простукивала, просвечивала, обмеряла, лечила (и раз даже врезалась внутрь) земная медицина. И никогда ни в чем не находила существенных отклонений. От своих отраслевых правил, от нормы. Либо каких-нибудь необъяснимых отличий. Обыден, здоров, годен ко всему.

В разное время сыскивались какие-либо не крупные проблемы с зубами, желудком, - несколько раз он получал советы не перегружать позвоночник и зрение. Но - здоров! «В целом и общем» - здоров. Бывает и хуже. Или - намного хуже. Так что совершенно точно можно констатировать, всей медициной всегда признавалось: это обычный, средне здоровый человек.

(В детстве и юности он имел простудные заболевания.)

бог Земли - ипостась ТВОРЦА (БОГА) на планете Земля; Слово БОГА, одетое плотью
 - человек, набравший Объем «человеческое», преодолевший свои страсти
 - человек, который имеет доступ, может обращаться со всеми своими Телами
 - часть ТВОРЦА во плоти, осознающая ЕГО, осознающая Себя, осуществляющая Себя;
 все время создающая себя заново в следующей высочайшей версии своих величайших представлений о том, Кто Она Есть - на планете Земля

Как уже объяснено, у него были и отец, и мать. Плюс обычный брат, обычная сестра. (Я считаю, ему повезло.)

В чем ему еще повезло (и, знаешь, пусть это будет мой - чисто мой личный субъективный, я не обижусь, даже если ты назовешь его необъективным - взгляд! Даже пусть - мой узколичностный взгляд! Но я настаиваю на нем. Да! Да, да и да).

Уверен, доверяя мне, ты поступишь просто: просто возьмешь и согласишься со мной. Ты же видишь: в этом я непреклонен. Но это - ты. А все?

Но я буду настаивать на этом своем мнении до конца! В конце - концов, могу же я, как автор, хотя б иногда не стараться быть педантично объективным, а иметь - и отстаивать - хоть когда-то свое собственное мнение!

К чему столь крепкие слова? А вот - ему невероятно Здесь повезло: у его отца и матери были братья и сестры. Но что еще важнее, у него были (он застал их, пока был маленьким) бабушки и дедушки с той и другой стороны!

...Ну и что, что мало кто столь же горячо и категорично поддержит меня! Поверь мне - просто поверь, я знаю: обстоятельство это столь же важно, как Базовое - «есть и отец, и

мать». Оно - богатство, присутствие всех Гармоник в личности!

К сожалению, он не успел вступить в пору зрелости, когда все они Ушли. (Здесь принято выражаться: «ушли из жизни» - умерли.)

Итак, он рос. И он вырос. И вступил в жизнь.

...Это что-то новенькое, - промолвишь ты, когда после недавнего «у него были руки и ноги...» я выражусь:

У него была жизнь.

И, конечно - единственная.

У него была жизнь. Которой он очень и очень дорожил. Так как, как и у всех на Земле, жизнь у него была одна. Одна-единственная.

Да-да! И я давно (мысленно, дабы не стать навязчивым) прошу тебя: не слушай ты умных людей! Не- слу- шай. Жизнь у нас у каждого на Земле - кем бы он ни был: отпетым мошенником, убийцей Варраваном, прости Господи, или пришедшим спасти мир Иешуа - е- дин- ст- вен- на- я. Что бы тебе ни говорили знающие все (что такое «ВСЕ», до этого мы еще дойдем) умные люди, ты, со своими лишь тебе свойственными привычками, - твоим носиком, твоими бровями, ножками, - ланитами, персями, - твоим личным шелком волос, - неподражаемой манерой держать чашечку, привычкой бросать в рот виноград целиком, а огурец нарезать поперечными ломтиками, - а сыр - тонкими, - боязнью мышей и неумеренностями в голове, ты - единственная! Такой - никогда не было и никогда больше не будет! Ты никогда больше не повторишься - ни-ког-да! Знай это. И не верь никому... Ни-ког-да.

Конечно, есть Воплощения. И есть Перевоплощения. Но давай спросим себя: чьи? Кого?

Теперь на этот вопрос ответит даже школьник: наших душ, нашей души.

Но не нас. И когда мы Уходим, мы делаем это на-всег-да.

Возможно, твою душу потом будут звать Кэтти. А может - Сарой. Чарльзом, Руби, Оцелой (вождем краснокожих), - могу допустить - даже снова: Аней, Александрой, Оксаной!.. Но знаешь, ты не встретишь в ней себя. Вы не узнаете друг друга.

Я тоже, как все неглупые люди, дошел когда-то до понимания бессмертности душ. Но дальше (пути - мой и умных людей разошлись) - дошел до понимания смертности конкретной личности. И теперь знаю: жизнь у меня, у нас всех, у людей - одна.

Но у всех людей она - одна, все понимают, что она одна.

А он знал: единственная.

(Ведь он был - бог?!)

В чем существенная разница? А вот: может, потому он все время хотел ЖИТЬ!

(И знаешь, здесь, именно здесь, в этом, одном-единственном месте я допускаю отступление от своих правил: это не «Верхний» термин. Так я хочу выразить то, что называю: жить полно, полнокровно, богато! Во всю мощь, во всю свою ширь! Во все свои способности! То есть - ЖИТЬ! С большой буквы, большими буквами! По-крупному! Давайте ЖИТЬ! Как я этого хочу!)

А что для этого нужно? Что требуется?! Что - главное?!?

Спроси у ста людей, получишь ответов сто. Но разложи их по группам и узнаешь: семья - здоровье - деньги - друзья - интересная работа - любовь - счастье - собственная квартира - мир во всем мире - обеспеченная старость... своя земля, свой дом. Ответов не так уж и много.

Всего лучше - счастье. Так как в нем - сразу все! (-семья-деньги-друзья-любовь-...) И до (божественного) счастья мы с тобой дойдем, конечно! Однако давай - пусть широкими шагами, но все ж очередными, по порядку. Так проще мне.

...Любя тебя, я бы отдал все, что имею сейчас, сразу!

...А ты - выдержишь?

...А я - не упусти ничего?!)

Огонь в печи все горит, наше время не меряно, давай продолжать. Нет, давай просто посидим молча. Попьем чаю, подумаем.

...Что такое - двадцать? Двадцать лет.
В эти года сплошные вопросы. Что делать? Как делать? С кем? Когда? Где жить? Чем?
Как? Что есть, что пить, с кем дружить, куда ходить - чем дышать.

Ну да, это сейчас я задаю их. (Потому что их вижу.) Такие вопросы. А когда нам «двадцать» (двадцать, двадцать два, двадцать пять, даже - двадцать восемь), мы их не задаем: мы вообще их не знаем! Что за профанация жизни - мудрствовать, вчиняя себе философские вопросы!.. Слава богу, мы не задумываемся, мы просто живем. Так и надо жить!

И нам недосуг знать, что как раз этим (своими жизнями, то есть стремительно приобретаемым Опытом) мы отвечаем на них. Сразу! Автоматически! Вообще не задумываясь! Но ведь он-то был - бог!..

Я не считаю, что он Это знал, или обдумывал. Я думаю, он также не догадывался об Этом. Зачем?!.. Зачем ему что-то выстраивать одной своей головой: ведь он - из богов!.. А у них слито: сознание, мысли, чувства... (и дальше).

Я догадываюсь теперь, как живут боги: они живут сердцем.

...Как: «ты знала»? Ты знала?! Уже знаешь?! И все молчишь!..

О, сейчас я тебе вскричу, как тот Отелло своей Дездемоне!..

...Что ты... Будь уверена: я не пожелаю тебе этого никогда.

Наш с тобой диалог, кажется, не исчерпался. Но печь пора закрывать - огонь все дрова сжег, шает, совсем не горит.

Давай, я перейду теперь за свой обычный письменный стол, в свое писательское кресло. А ты - устраивайся поудобнее где-нибудь рядышком. И слушай.

Вдвоем чудесно!

У меня уже готов следующий вопрос для ответа на него - «Для Чего мы живем городах? Что мы Делаем в городах?» - но давай отвлечемся. (Я же обещал все - и ВСЕ тоже! - делать тщательно.)

В прошлом году после головокружительных событий самого-самого конца декабря, затем - января, февраля и начала марта, я начал писать свою первую вещь «божественной литературы». * Роман «Играем в людей». (Как все мои романы, это роман в том числе и о паре. АС и Ая! Это красивая пара. Редкая пара. Умопомрачительная.)

...Да-да, так как ты очень внимательно читала повесть «Хлеб», ты обязательно возразишь мне: не первая!.. Конечно. И спорить не буду: первая - «Хлеб»! Однако в той повести еще нет событий, мой «Хлеб» - скорее картина - поэтический портрет действительности, ее нервная ткань. Тогда как «Играем в людей» при всей его художественности, литературности - голые факты. Действия, события, обстоятельства, и - факты, факты, факты. В романе не наберешь десяти йот вымышленного. Он - художественный список реальной действительности.

Он о пути. (В боги.) Поэтому первый.

Я уже начисто сделал его Пролог и Эпилог. Осталось нетрудное: Дневник. (Средина романа.) (Техническая работа. В черновиках уже все есть.)

Те, кто читал заготовку романа особенно (почему-то) отмечают, как удачу, самую первую (а мне все думалось: простенько!..) его страницу. Страничку! Перед Прологом есть еще «Вступление». Помнится, мне пришлось - был просто вынужден! - писать его: нельзя ж вталкивать читателя в иной мир, надо хоть как-нибудь подготовить. И вот я сел и написал «Вступление». Я прочитаю тебе сейчас его.

* - художественная литература о богах

«На моем письменном столе в пластиковой баночке из-под какой-то рыбы, - возможно, в ней были засолены под маринадом кусочки филе горбуши или сельди, - зеленеют три младенца - дубка. Слева от них цветные карандаши, небольшой набор, 10 штук, в точеном ольховом стакане, еще левее, стопка книг. Ричард Бах, Дипак Чопра, Луиза Хей, «Геометрия», журнал «Живой поток» Александра Сопроненкова. Еще левее - стопа листов бумаги для рукописей (для черновика). Слева от стола у меня - диван. Над диваном, на

стене - гитара, скрипка, фотографии, картины. Вдоль стены пианино. Сзади меня, за креслом, выход, впереди меня, передо мной - окно.

Справа от баночки с дубками на письменном столе поблескивает стеклом фотография в рамке. Я называю ее «Осень в Усадьбе Архангельское. Аллея «Отрада». Правее фотографии, точеный рябиновый стакан с четырьмя шариковыми ручками: синей, черной, красной, зеленой. И стопа толстых книг: словари. В числе них, «Словарь русского языка С.И. Ожегова». Вид, что в комнате правее стола столь мил и разнообразен, что мне трудно в нескольких словах его описать - потом.

Справа, слева, впереди меня, сзади - моя реальность: то, что непрерывно, каждый день и час, воздействует на меня, и то, на что непрерывно действую я.

Я смотрю за окно на заснеженный сад, перевожу взгляд на линию берез. В зеленом и желтом убранстве они действительно действуют на любую душу, как отрада. Смотрю на крыши деревенских домов, угадывающихся вдаль - деревенька за бугром. Я знаю, изучил все, что здесь есть, и не задумываюсь: все реально. Каждый день, наверное, по тысяче раз я вижу, слышу, осязаю все это. Вопросов не возникает. Но вот эти дубки!..

Я не биолог и, жаль, не могу с уверенностью решить: норма это? Что-то исключительное из правил? По-моему, как какой-то другой мир: январь, февраль, март - дубки ростаком 11, 13 и 22 сантиметра, зеленеющие на моем столе.

Иной раз (пожалуй, часто), когда я с каким-то хозяйственным делом прохожу мимо письменного стола, а не сижу за ним, не смотрю, то в книгу, то на дубки, то в сад и даль через стекло, я ловлю себя на трезвой мысли: так не может быть. Я не ставлю знака восклицания, просто - этого не бывает: зима, морозы, заснеженные глухие уголки вологодской земли... И дубки. 4 плюс 4 плюс 6 листов; зеленеющие среди зимы; пусть - в доме. Как так - не бывает зеленых листьев на деревьях зимой?! Когда-то в детстве я даже читал целый грустный рассказ. Березку пересадили в кадку с землей и убрали на зиму в дом: очень хотелось любоваться на зеленую березку зимой! Она пожелтела, она облетела всего на три дня позже своих озябших подруг. А мои дубки!..

Но мало того: вся эта моя, сбивающая мне представления о мире природы троица, - она еще и из Питера! Они питерские. Они из Летнего сада!..

Когда мне их дарили, - а это произошло в доме номер 47 по «Набережной реки Фонтанки», - моя знакомая сообщила: «Я гуляла в Летнем саду осенью и подобрала три желудя. Посадила, выросли. Возьми их! Раз у тебя посажены уже дубки, значит, приживутся и эти. А мне здесь некуда их весной будет посадить». С величайшей радостью, с эмоциями, хлынувшими через край, я согласился, принял их. Я вез их в кожаном чемоданчике, они избежали мороза. Когда я высажу их здесь, у себя, местечко назову: «Три дубка. Летний сад».

Однако, когда я прохожу, - нет, скорее: пробегаю, - по дому, озабоченный сугубо хозяйственным, иной раз ловлю себя на мысли: это нереально. Это почти розыгрыш! Январь, февраль, март, зеленая дубравка, мой настольный Летний сад.

А еще иногда я думаю: да нет, все в норме, это я мало смысла в природных законах. И раз есть листва, раз 14 живых листиков существуют, значит, все реально, просто раньше я никогда не встречался ни с чем подобным, и не мог про эти явления знать.

...Этот овальный рукотворный стол, это кресло-качалка возле него, - эти дубки, - эти мысли, эта атмосфера, - этот дом, эта творческая мастерская человека, - эта Усадьба, - этот их общий объем - целый мир, удивляют, а иной раз - ошеломляют, повергают, вызывают шок у случайно попавших в него, них людей. И иным кажется, что они неожиданно-негаданно попали в другую реальность, в иной, существующий независимо параллельный мир! Мир, со своими законами, правилами, даже целью, смыслом и способом жизни.

Я всегда затрудняюсь, проводив гостей, как их чувства, состояние после пребывания в моем мире, в этой реальности, назвать».

...Так что. Ты. На мой странный вопрос: «для Чего мы живем в городах?» - будешь мне отвечать?

Не надо... Трудный то вопрос, не странный. Заметь, я не спросил: «Почему мы живем в городах?» Или - «Отчего?» На них легко ответить, на них сотня ответов. Почему? - бытовой вопрос. Нет, именно: Для- Че- го. Для Чего, Что.

Для ответа на него я задаюсь им уже который день. И - как мучаешься, когда достаешь заготовленные в большой банке с длинным узким горлышком соленые помидоры или огур-

цы - также мучительно, по одному слову Составляющей, выуживаю ответ. Он просто необходим мне!

Что мы Делаем в городах?

Я не уверен, что он знал Ответ. Хотя был - бог!.. Я даже не думаю, что в то время он Проявлял себя богом. Это сейчас он - «играет в людей». А тогда был стопроцентный человек!

О, сколько планов! Сколько задач, - целей, задумок! Амбиций! Страстей!.. Страсти - в нем, как и во всех, бушевали страсти! Целый человеческий атлантический океан был скрыт в нем! Моря страстей!

Заработать все деньги! Сорвать все венки славы! Выпить все вино! (По)иметь всех женщин мира!..

...Не стучи своим кулачком мне по спине, я сейчас всего лишь смеюсь.

Однако, это я сейчас от души смеюсь, только сейчас. Открою тебе, скажу тебе точно без смеха: кто не жил этим, не горел этим хоть сколько-нибудь, хотя бы раз! Тот не мужчина.

Я читаю укор? Упрек? Сожаление в твоих глазах? Ты бы не хотела такого мужа? Этакое - не божественно? Да... Конечно, кто бы спорил.

Да, не божественно. Здесь, сейчас. Вот здесь, и вот в сей знатный Наш с тобой час

ОТВЕЧАЮ:

...В городах мы создаем свой собственный (не БОЖЕСТВЕННЫЙ), искусственный - и в смысле Вселенной - узко человеческий мир (Объем).

И Приобретаем (Набираем) Его Энергии*. Это - НЕОБХОДИМО.

* - духовные свойства: свойства, качества своей Сущности

...Ты знаешь, я два с половиной года «возился» с «анастасийцами», провел в их среде. И что же? За два с половиной года не нашел ни одного реального человека - ни одного мужчины, ни одной женщины - готовых жить «в природе» (как говорят они), в мире, естественном природном мире, созданном Богом (ТВОРЦОМ). Ни-од-но-го. А ведь «анастасийцы» - это огромная среда! Да что - огромная: она гигантска! Для такой идеи. (Жить в естественной природной среде.) Я думаю, в России их не один миллион. Прибавь к этому теперь группы их единомышленников, возникшие уже по всему миру (всей Земле)!

Что сие явление означает? О Чем оно тебе говорит?

Мне - во-первых, о том, что в действительности у человечества (даже среди людей, страстно мечтающих о жизни по-божески и в божественном мире! - и конкретно желающих этого, и конкретно стремящихся к этому!) НЕТ людей, набравших нужный Объем чисто человеческих («чч») Энергий. Таких людей мизерно мало! По-видимому, во все века их было... Э-э-э - немноговато. Они - наперечет!

Потому, например для «анастасийцев», каждый шаг «в природу», «в природе» космически тяжел.

Это нам с тобой легко! Увлечена моим и мной, ты непроизвольно растворяешься, растворена во мне. При доверии и общей деятельности час за часом у нас создается, у нас выстраивается Общее Сознание!.. В нем ты, даже не будучи Готова, берешь, перенимаешь, когда нужно, мои качества, новые общие Свойства... И все Обстоятельства - и обстоятельства - выстраиваются легко.

Ты со мной и трудностей нет.

А тем ребятам здесь еще не пожить: все время ломка себя, все время (почему-то! Что за черт - думается им?.. А он в них!) им трудно. Почему? Им еще - жить по городам!

Нашу (человеческой цивилизации) историю в одной из Духовных плоскостей я вижу сейчас так. (Конечно, очень образно, и очень условно.)

Помнишь, было время, когда не было городов. Недавно созданные «божественный творения», оперяясь в уме и воле, жили в дикой (естественной) природе. Она давала им

все.

Наконец, человек смог «стоять на ногах» сам. Тогда его тело** Повело его.
А так как Создатель (наш ТВОРЕЦ) после первого своего ОПЫТА зарекался...

...Что? Какого? Отвлекаешь. Не сбивай - об ЭТОМ после расскажу.

Итак - зарекался от хирургических операций - вмешательства потопами в дела Земли, то человек получил в неограничиваемое распоряжение все. («Царь» природы...) А так как он - в теле, то во-первых, все Движения человеческой цивилизации определило тело.

** - свойства и потребности физического тела

Сергий Радонежский мог есть гнилой хлеб. Серафим Саровский 1000 дней молился на камне. Симеон Столпник, говорят, сорок семь лет простоял на камнях - 47!!! лет...

...Ты это о чем?!.. Побойся бога - я только 21 день простою. (У меня хотя тоже неплохой Уровень Духа - 6-я Ступень - однако...) Я чересчур люблю, знаешь, все земное!.. Чересчур - чересчур... Ох уж это земное!..

Всегда есть исключения из правил. (При этом подозреваю, что все трое вышеназванные пришли к состоянию «бог Земли». Они «Коллеги».) Всегда есть исключения! И надо быть полностью на Службе у МИРА (ТВОРЦА, БОГА) (то есть полностью принимать и исполнять с твердой волей, спокойно, самоотреченно все, что Идет из тебя и на тебя), чтобы подобно Серафиму Саровскому позволить опустить оружие самообороны и дать себя убивать. Нет - нет, никто не докажет мне, что после первого же удара топором по его телу, у него со страшной силой не возопиет, не возобладает тело.

Вот оно и Возобладало!

Именно «телесное» (материальное человеческое) мышление, я предполагаю, и сотворило на Земле города.

Ты посмотри, как в городах удобно жить! Ведь так?

Постепенно эта наша цивилизация выработала, создала себе полнейший телесный, материальный комфорт. Улицы, дома, квартиры, подъезды, лифты, телефоны, холодильники, пылесосы, стиральные машины, ванны, водопровод, канализация, - питание, образование, одежда, транспорт... В чем мы знаем отказ?!

(Ты бы знала, как я обожаю ноябрьским промозглым днем сидеть у окна в кафе «Хауз» на Австрийской площади на Каменноостровском проспекте!.. А от мартовской слякоти укрыться на несколько часов в «Третьяковке»!.. Во мне пропадает певец городам!..)

В городах мы ни в чем не знаем отказа.

В городах (городами) мы выработали, создали тот чисто человеческий мир, в котором «телу», телом удобно жить. И в городах, городами мы ежечасно, ежедневно воссоздаем удобный человеческий мир.

Это Первое, Что мы делаем в городах.

Что, что, что еще...

...Прости, твой взгляд становится столь пронизательно-любопытен, что я... Им тыводишь чрезмерную ответственность на меня! Я не пишу сейчас БОГА! (О ЗАМЫСЛЕ будет «3-я ЧАСТЬ».) Сейчас пишу о просто божии (боги планет). Не смотри, как Кира на Румату на меня - никто на Земле не обладает ИСТИНОЙ. Так что знай: любой мой вывод - так и знай, так и знай! - не безупречен.

Вот Что второе! В городах - человек Учится (приобретает Опыт) «двигаться» среди людей.

То есть - жить среди людей, быть среди людей, взаимодействовать с другими людьми и так дальше.

В городе человек становится действительно человеком!

Можешь осуждать меня (я же знаю, как ты любишь природу!), но я убежден: но этой

человечности (цивилизации) не появилось б без городов! Ей просто требовались (!!!) города! Вот они и возникли!..

Что дальше?

Я уверен, он не думал ни о чем этом, просто жил. Как все мы живем. Просто шел, куда направляет сердце. (Ведь боги живут... Мы с тобой уже говорили об этом.) А он был - бог?!..

Нет-нет, видя уже веру в твоих глазах, я поправлю тебя: он тогда не был богом. И даже запросто мог им не стать. Не Пройдя Весь Курс Школы. Это Аксиома.

...Как - вы в школе такой не проходили?!..

Все человеческие движения в городах направлены на (и обеспечивают) удовлетворение «тела» и «страстей».

Город - это Средняя Школа. (Человечности.)

И это великолепно поставленная, великолепно отлаженная школа! Учиться надо уметь!!!

Ты думаешь - ты как считаешь: он умел? (Ведь он был - бог?!)

Я знаю, он родился в маленьком (малом) городе. Учился (в вузе) в среднем. Работал и жил - в по-настоящему большом.

Отчего эта - Схема? У малых городов не разорвана связь с природой. И родившийся там все-таки чувствует ее. А вот у больших... Увы.

Кстати (просто к слову, кстати) - настоящих больших (то есть обладающих свойствами крупных, то есть таких, в которых приобретаются и шлифуются самые-самые высокие чч-Энергии) не так уж и много. Их и на всей-то матушке Земле не многовато, а в России - по пальцам перечесть. Я назову тебе, пожалуй, безошибочно все. Вот, слушай.

Категории:

1: Санкт-Петербург, Москва.

11: Казань, Новосибирск, Екатеринбург, Волгоград, Нижний Новгород.

111: Ярославль, Ростов-на-Дону, Пермь, Челябинск, Омск, Красноярск. С натяжкой - Владивосток.

Мое условное деление - система его - пусть останется при мне. И пусть также то будет моим узко-субъективным мнением, я бы придерживался всего 4-х: Питер - Москва - Казань - Новосибирск. Причем самым Способным рекомендовал в качестве базового - Питер.

Ты хочешь сказать что... Нет-нет, областные города здесь ни при чем. Вернее, ни при чем областное деление и возглавление. (И я никакой ни с каким не сравниваю.) Разделение на области служит другим (чч-) целям, наша Сказка о иной Ревизии.

...Ну-ну!.. Ну же давай: вспоминай!.. Вспоминай быстрее. Да конечно: «ревизские сказки». Не столь в давнем времени их и проводили.

Так что: мы - разобрались?

Если - так, не буду вовсе писать сейчас его жизнь в городах. Скажу так, скажу сразу: он Взял в Том Периоде почти Все. Что следовало, что требовалось Взять! П о ч т и В с е. (Я думаю, никто! Не Возьмет Всего! Ведь то Набирание производится неразумно, инстинктивно.) (В То время ты даже не подзреваешь, что МИР есть, что ОН реален, что все события и обстоятельства, что все люди - не случайны, не мистика, не прихоти судьбы.)

Знания, опыт жизни, слава, деньги, вино, власть, женщины, богатство... (Я пишу сейчас Воплощение «Мужчина».) Он (слава богу) окунался в них все. Он прошел - науку, производство, воинское беззаветное служение, корыстный частный бизнес, спорт, политику, любовь и любовничанье... Последовательно, это все у него было.

Знаешь, самыми трудными (и Самыми важными) (и думаю, здесь почти нет субъективного влияния, нет моего личного) я считаю насыщения (Опыты):

- «деньги»

- «власть», «политика»

- «слава»

- «женщины»
- «знания»/наука
- «спорт»

И еще. Во всей городской жизнедеятельности растворено, объемно - во всем присутствует еще один важнейший Урок (Опыт): элемент «деятельность»! (Ставлю даже к нему знак восклицания!)

В городе - только в городе! - можно научиться действовать, быть деятельным! (Вот что я чуть-чуть не упустил, позабыл! И теперь дополняю: есть Первое, есть Второе, есть Третье. Комплексный обед. Отведаешь его - пройдет твоя шашка в дамки, съешь его - станет твоя проходная пешка ферзем!)

Что, солнце мое - мы с тобой закрываем тему «чч-»? (Городская жизнь - жизнедеятельность в городе, город - то есть все чисто человеческое.)

(Вот главка: одно всего предложение. А заключена в нем для кого-то - от рождения до самой смерти - вся человеческая жизнь! О, «город»...)

Как он сумел вырваться из тенет - благ «цивилизации» и, преуспевая, как всякий настоящий мужчина - во всем, вдруг оказаться «в деревне», одному Богу известно.

Оторваться от «тела», от благ цивилизации, от великолепно отлаженной устроенной жизни - не-воз-мож-но.

Он сделал это. Ведь он (послушай, я его как будто уже люблю?!..) был бог!

...Скажи мне, «сестра во Христе», подруга, - ответь: какая самая распространенная болезнь «в городах»?

Думаю, даже не имея медицинской статистики, определю точно, не ошибусь: простуда, насморк. Простуженность - все, что связано с дыхательными путями! Насморк, простуда, ангина, грипп, бронхит, воспаление легких... Что это?! Вопрос серьезный: Что Это?

Не знаешь? Да Это невозможность выразить Себя! И базовая причина: невозможность самореализации, самовыражения. Теперь я говорю в общем о всем Объем «человек».

Обычно в городе люди (вынужденно) заняты чем-то одним. Обычно, это профессиональная их деятельность. При этом способный человек все-таки занимает деятельностью многие свои Грани, развит многогранно.

При этом Составляющая «Естественной жизни» все равно отсутствует. То есть затруднено, почти нереально Принятие Того, Что Идет на тебя. А следовательно, затруднена реализация Себя, проявление Себя! Так устроилось! И вот... Повальные мелкие простудные болезни! Насморк, от которого нет спасения! Эпидемии гриппа, разящие наповал полстраны! Далее - гриппы, оставляющие последствия, дающие осложнения на сердце, почки, железы, легкие!.. Послушай Это. Слышишь? Ты Слышишь? На - Сердце, Почки, Легкие... Тут уж прочь шутки: Развившемуся человеку Нечего Делать, не для Чего жить в городах! Ему - прочь из города, прочь!

...А тебе ко мне? Не пора? Давай, а?!

..А-а... Ждешь на свою головушку гриппа...

Знаешь, мне перестал - перестал абсолютно - нравиться мой тон. Что в нем за наукообразность? В нем появилась какая-то даже академичность!..

А начиналось все так просто и хорошо: сказочно - Сказкой.

Давай я сменю его, пусть снова будет сказка.

А те листы, которые навеют тебе научную скуку, ты просто переверни. Захочешь, захочется - потом прочитай.

Повторюсь. И знаешь, больше для себя: мы с тобой все правильно уяснили?

Да, сердце - в городах (городами, - селениями, оторванными от ЕСТЕСТВА, - городской жизнью) мы создаем чисто человеческий мир. Учимся в нем жить, приобретаем Этот Опыт. В городах человек набирается человечности, становится человеком. И Третье: учится действовать, становится деятельным.

...Как интересно! Чем дальше пишешь, тем все глубже вникаешь; и я уже осознаю, - бы уже прибавил, - Четвертое: из-за сутолоки, сует, скученности, из-за перемешивания и нагроможденности всего на все, одного на другое при городской жизни все явления, все обстоятельства жизни кажутся человеку случайными. Он не имеет возможности осознать мир и себя.

Представь! Ты только представь Это! Он не имеет возможности осознать МИР и Себя! (Какой кошмар... Я боюсь даже представить для себя это... Это страшно. Прости за субъективность.)

Он, живущий на Земле человек, - задуманный быть ипостасью ТВОРЦА и сотворенный «по образу и подобию бога» житель Земли! - не имеет возможности осознать БОГА. И Себя. Соответственно, он никогда не узнает, не ощутит в действительности (читающих теорию очень много), что его мир - это он сам. Да-да, мир человека - он сам! Он сам - это его ВСЕ.

Мир выстраивается им, зависит от него. «Действительность собой определять необходимо» - считала АНАСТАСИЯ.

...Но попробуй узнать Это и попробуй воспользоваться Этим Законом в городе... В городе человек не имеет открытой дороги к БОГУ.

Итак, он ушел из «чч-мира». Ведь он всегда знал, что ему следует делать! Ведь он был... «Человек Растущий»! (Какой термин нам к нему применить?) Будущий бог!

Он искал себя, он не понимал себя - чего хочет, действовал наобум, шел наугад... Он Выработал Себя в городе и его жестко Повело. Конечно, безусловно - он Двинулся по Ветру, иного и быть не могло. То просто. (Но видишь ли, человеку заключенному в рамки homo sapiens, се трудно воспринять. Еще труднее так жить. Существует Закон МИРА: «Если ты Готов к Следующему Шагу, ты должен делать Его. Если же - ты Готов, но не делаешь Его, тебя Толкают».

...Он искал домик под дачу; и впервые оказался в деревне.

Он отнесся к ней, конечно же, так, как городской человек относится к деревне: по-деловому, без лирики, ни на что лишнее не размениваясь, не заглядываясь, не отвлекаясь - Городской человек!..

Городской человек - как он ведет себя? Он присматривает себе симпатичное местечко: чтобы был подъезд, - чтобы было недалеко от города, - чтобы была речка, - и за умеренную цену дом.

Все это так. Но вот загадка: но те, кто слушает свое Сердце, вопреки себе действуют по-иному; и его Привело.

...Ни речки, ни дороги, - невзрачное место, - тусклое, серое (на вид! На первый взгляд, на взгляд! Но не на - Взгляд!) разбитый дом. Вековой дом. Большой дом. Огромный!

Всем, кто приезжал купить его, осмотреть его, дом был не по «Размеру». Дом был Предназначен для «Своего» человека; и дождался.

А в общем-то - слушай ты меня... (Так говорится.) Вернее, не слушай: говоря по-человечески, дело не в этом. Просто каждый человек выбирает все по себе. По себе, по душе, - и, конечно же, избирает себе то, что может осилить. Однозначно! Если же он чувствует, что не сможет осилить, он не берется за то, даже за то, что ему безумно нравится.

И только тот, в ком живет бог, выбирает всегда то, что нравится: что п о д у ш е. Ведь для него не существует невозможного! Ведь он - бог!

(Укорачиваю повествование.) И ВСЕ сложилось так, что он сделал своим этот дом. Теперь у него был дом.

...Ты воскликнешь в сердцах: ну вот - «у него была жизнь, у него был дом. И опять - все единственное?!»

Ну, знаешь - не прерывай автора.

Что он? Он много трудился. Много! Очень!

(Для того, чтобы устроено жить, человек должен много трудиться. Даже если он потом - бог.) (Открою тебе ЗАКОН: «Для того чтобы на твоём человеческом пути, в твоей человеческой жизни было все - и ВСЕ - ладно (гладко, удобно, хорошо), ты должен постоянно делать то, что в данный момент превышает твои человеческие силы»).

И вот!..

Теперь у него был дом. Который служил ему уютным жилищем. И за которым он ухаживал.

(Я часто повторяюсь, но -) так как он был - бог, он занял большой дом. Очень большой. Очень - очень.

Поэтому некоторые люди ему сильно завидовали - размеры собственного дома на планете считались признаками богатства.

(Тут подумай о том, что такое богатство, и подумай о том, что только материальное богатство является одной из основных чч-целей. На планете Земля.)

Так вот, иметь собственный дом являлось признаком зажиточности, богатства, было престижно, а иметь большой собственный дом - престижно вдвойне.

Однако люди, имеющие большие дома (а значит - богатые, имеющие чч-богатство) нанимали других людей: большой дом требует больших ежедневных хлопот. Тем более, если он стар. Тем более, если стоит на краю леса, почти в лесу.

А бог со всеми хлопотами/заботами справляется сам.

А вот бог со всеми заботами справлялся сам. (Это важно.)

И конечно, он не понимал завидующих ему - он знал: ни один человек не смог бы более недели в одиночку справиться со всеми заботами о такой территории, о таком доме; люди не имеют столько сил, люди имеют конечное количество сил. Только тот, в ком живет бог... (Огромный дом и огромный, соответственный жизненным интересам, объем забот заменяют базовую энергетику на большую. Когда постоянно трудиться. АКСИОМА: «Силы - это любовь и стремления, направленные изнутри наружу».)

Далее. Как и у многих «в деревне» (а лучше сказать: у живущих близко к естественной природе, у живущих в естественной природе), у него был свой участок земли.

Только, у него был - большой участок земли. Ведь он был бог!

Если бы кто-нибудь из людей имел такой же участок (кусочек Земли), то, - если бы это был человек богатый, - кроме большого дома, он (наняв массу других людей) устроил бы: теннисный корт, бассейн, клумбы, сад, парк... Дорожки сада были бы выложены специальной плиткой, их края проложены бетонными поребриками, нанятый садовник подрезал кусты, поливал цветы; и так дальше. Так - считается красиво.

...А если бы такой «кусман Земли» имел человек небогатый, бедный конечно же, он устроил на нем гряды: огород.

Он трудился бы «в поте лица своего», «добывая хлеб свой», «хлеб насущный свой». Он трудился бы день и ночь! И жена, и дети его трудились бы тоже с ним. До потери сил.

Они выбивались бы из сил, лезли вон из кожи (поговорки Земли) для того, чтобы получить хороший урожай. На гряды они бы привозили навоз, разбрасывали его, перепахивали, перемешивали с землей. Это называется у огородников: повышать плодородие, урожайность, улучшать почву.

И, конечно, никто из людей (ни богатых, ни бедных) не стал бы заботиться о ближнем лесе, и уж, конечно же - превращать свой «кусочек Земли» в лес. Зачем?! Какие тому причины? Для чего? (...Да - для Чего?)

А он - стал. Для Чего? Да ведь он был - бог.

И все они, люди ходящие и ездящие мимо его территории, недоумевали: «Что он делает?!» Они дивились: «Он посадил маленький сад, а теперь сажает большой лес. Он сажает лес!.. Так шел бы жить в лес!» А еще - судачили: «Почему его не остановят? Кто дал ему

право на земле сажать лес? Пусть делает гряды. Где у него парники, теплицы? Где у него гряды?.. Если ему не нравится заниматься огородом, пусть занимается животноводством! У него есть где косить, где пасти скот - вон сколько земли у него: гектар! А может, и два!»

И они, проходящие мимо, были кое в чем правы: прежде, чем заниматься настоящей природой (естественной, то есть - божественной), - прежде, чем заниматься «лесом», нужно (как в городе! Как в городе!) здесь, «в деревне», «на земле» также научиться чисто человеческому всему! Огород, домашние животные, сад, - «лес» только потом!

Но они, проходящие мимо, не заметили: он уже попробовал все, занимался всем, научился всему.

По какому-то влечению (но мы-то знаем, ЧТО оно!) он, едва поселившись здесь, завел - овец, коз, кур, кроликов, Начал - косить, доить, стричь (шерсть), забивать (на мясо, на мясо - на мясо, господа вегетарианцы)... Ему пришлось узнать, что такое и как - отбивать косы, разбрасывать навоз, чистить стойла, ставить стога, а еще - ездить на тракторе, пить с мужиками водку, валить деревья, таскать хлысты, - их кряжевать, - колоть, укладывать дрова, топить печи... И еще бесчисленное множество тех занятий, навыков, умений, которые «с молодых ногтей» «с молоком матери» вливаются, становятся частью человека, частью человеческого существа, родившегося и выросшего в деревне.

И живущего «в деревне». В деревне все зависит от тебя.

А в нашей повести отсель звучат новые звуки.

(Ты слышишь? ВСЕ - зависит от тебя. Это важно.)

...Все зависит от тебя, и хороший хозяин здесь живет в достатке, избытке. Плохой - в холоде и грязи. Все зависит от тебя! Умей! Думай. Не сиди! Трудись.

Но вот в Чем дело! Никто здесь, в деревне, не Поднимается Более Того! (Более хозяйственности. А она - свойство «чч».) И надо вначале «Пройти город», чтобы затем освоить все (и ВСЕ) здесь; чтобы затем понять: ВСЕ - это ты.

ВСЕ - это ты. И ты - это ВСЕ.

Где? Что - где? Там, где: ВСЕ - это ты и ты - это ВСЕ?

На Земле!.. В природе Земли.

И статья (да, конечно же - оставаясь в человеческом Объем, оставаясь человеком) частью природы ВСЕГО.

Вот он и начал устраивать лес! Потому что без этого Далее ему было невозможно. (Последнее Наполняющее Обыденный, существующий ОБЪЕМ человеческого занятие.) Без Этого невозможно. Потому что, фактически, он устраивал инообразного себя. Ведь он был бог?

Лес... То был не лес. То только по виду казался: лес. Тот лес был необыкновенный! (Ведь устраивал его бог?)

Нельзя получить его, купив у других людей, и потом пользоваться. (Например, как дачным участком.) Нельзя устроить его, наняв других людей, заплатив им.

Можно получить его в наследство от родителей; либо посадить своими руками. (Можно - с друзьями; или одному, самому.)

То вообще не лес, а - связанная с человеком часть Земли, с которой он устанавливает информационно-энергетическое взаимодействие. Теперь, здесь - он: сама природа!

Закрепив за собой (когда купил дом) (закрепив в собственность, как это принято, как это называется у людей; а на самом деле это - в ответственность, в заботу, как - у богов) данную ему местной сельской администрацией площадь земли (Земли), он ничего не менял на ней (только огородил) целый год. Почти год.

Он устраивал дом, дорогу, чистил близлежащий лес; а за своей землей только наблюдал. Жил наблюдая ее, ей внимал.

Он стал хозяином своего дома летом и ездил в него лето. (Что растет здесь, как.)

Он был в нем, когда льют дожди; когда по земле сочится вода и земля раскисает. (Куда течет вода, как. Вопросы, вопросы... Пока только вопросы без ответов.) Ветер срывает, кружит, роняет и расшвыривает листву. Уж уходит осень... (Какие, когда здесь ветра.)

Он был в нем, на ней, когда земля замерзла и выпал снег. Птицы оставляли первые следы, зайцы не знали, как теперь спрятаться, а молодые собаки взвизгивали от удивления. Снег падал, падал, - закружился метелями, свалился в сугробы. (В каком месте больше, в каком меньше снега, какие сугробы. А чьи следы на снегу?) Зима была здесь длинна, сугробы в иной год наносило выше человеческого роста, деревья в лесу в морозные ночи трещали от лютого мороза. (Какие ветра, откуда - зимой. Какие морозы.) Тут трудно.

Конечно, он мог бы выбрать... (Гм-м! Выбрать... Случайная, да свежая мысль. Послушай, возможно, я ошибаюсь, возможно ОН избрал это уже при составлении Плана СВОЕГО Воплощения. Но возможно, он сделал это потом, как знать.)

Я думаю, он мог бы выбрать себе другие места; где весь год - тепло, лето, - и зелено! И цветет все, и круглый год благоухает. Однако, зная не понаслышке Землю, он решил: чем больше времен года, тем разнообразнее твоя (человека) натура. И тот, кто живет в краю, где 4 времени года, самой природой края автоматически делается внутренне богаче того, кто живет в краю, где только одно. Поэтому, оттого он ни разу не сожалел, что поселился там, где с декабря по март настоящая зима. Да, от этого в материальной, бытовой жизни множество затруднений, но - но! - при этом всем имеется ярко выраженное, четко очерченное каждое время года.

Осень подводит итоги; каждый год раз в год дает пожинать плоды твоих трудов, урожай. Зима замораживает, заносит снегом. Очерчивает, рисует, преподносит черным и белым с малой растушевкой - все смотрится, как графика. Вода зимой замерзает - вода стряхивает зимой с себя всю прежнюю информацию! Резко очерчивает, как в графике, подает себя вся природа. Смотри! Видь! Что? То, что никогда не поймешь, не увидишь в листве летом. После зимы приходит весна: пробуждается все! Все радуется солнцу, стряхивает оцепенение, смывает прежнюю прошлолетнюю грязь. Резвятся воды, шалют ветра. Лето - труд. Набирание, насаждение. Возращивание всего, нового всего. И когда лето - труд, тогда урожай - осень.

Годичный Виток из 4-х гораздо богаче равного круга из 1, из 2-х.

И он пришел жить сюда. Ведь был всеволен! Ведь - бог!

И вот он прошел целый Информационный Виток (то есть - год) со своей территорией. И через Виток приблизительно понимал ее всю.

Как ложатся снега, - с какой стороны, и когда, - и как, и с какой силой обычно, - дуют ветры, - где верхняя точка, куда склон, куда скатывается, а где всегда застаивается вода, - а где она никогда не держится, утекает. Куда утекает.

На самом деле этих вопросов ровно миллион.

И у тех, кто не захочет их - не захочет их задавать, не захочет разрешать - а порешит создавать свой мир тем же чч-порядком и подходом, как это делают люди городами, в городах, проблемы будут лезть... Как злые рыжие кусачие муравьи у севшего по незнанию на кучу. (Которая на самом деле - муравьиный дом.)

Он стал устраивать свою территорию и прошел еще Информационный Виток (год). Теперь он жил здесь уже постоянно, и знал о своей земле и главное, и второстепенное все.

...Что такое: Виток? Информационный Виток? Ах да, я не упомянул, а ты Этого еще не знаешь. Ах, да, ты же еще ничего не знаешь о том, что такое на самом деле время. Времени - нет.

...Нет, у нас с тобой оно еще есть, на нас двоих лет сто еще осталось. А вот категории, параметра ВСЕГО - свойства БЫТИЯ / БОГА: «время» - нет. Просто нет. Оно, время, в том виде, в котором мы его знаем, было создано специально для Земли, Солнечной галактики. Для чего? Для нашей биологии. Наше тело - и все наше земно-живое - не может существо-

вать вне, без линейно текущего так называемого времени. Без линейного времени невозможны биологические процессы: би о лог и я.

...Тебе и это интересно?! Ну ты даешь!..

Тут интересно другое, вот что: на самом деле есть только одно настоящее! И ВСЕ существует в нем. И нам с тобой надо научиться мыслить и жить одним настоящим! Наше все - в нем. Надо понимать: все наши мысли, движения, души, поступки - все!!! - возвращается к нам же по кругу. (На самом деле чуть сложнее.) На самом деле они сразу создают все наше состояние: состояние нашего ВСЕГО! Вот фокус. Понимаешь? Проще говоря, они мгновенно влияют сразу на всю нашу жизнь! Понимая это, ты имеешь иную нравственность-мораль. Да нет, тут - ответственность! Какая к черту мораль!..

А для КОСМОСА ты можешь представить время - прозрачной сферой. Где БОГ находится в центре. Находящемуся в центре такой сферы все, что происходит на ее поверхностях (а там линии нашего времени), в любой момент видно. И прошлое, и настоящее, и будущее.

...Знал ли он это? Да, знал.

Следуем дальше. Из материальных занятий он выбрал себе одно из тех, что называются «вечные» (глина, дерево, музыка, живопись, растениеводство, животноводство, ткачество...) и стал осваивать его. Оно, занятие - это ремесло (перешедшее у него в мастерство! ведь он был бог) стало его здесь профессией.

Знаешь, и вот тут я хочу остановиться в рассказе про него. Я хочу сказать о мастерстве!

Знаешь, есть множество путей в боги, к БОГУ.

Я ведаю, каждый - настолько тернист, что пройти им дается лишь людям от рождения исключительным! (Таким, как, например, Сергей Радонежский.) И никаким боле. Ворота в «Царство Божие» открываются еще тем, кто, как Иисус, родился избранным!

А еще - тем, кто путем своей жизни избавился от страстей. (От чч-страстных Энергий.) Этот - последний - путь: путь жутких трудностей. Жутких!.. Путь невероятных познаний, чудовищных сознательных испытаний, страданий! Кто Смелый - вперед, Вперед!.. Но - зачем?! Зачем? Попробуй ответить на этот вопрос. «Fruere vita, dum vivis»: наслаждайся жизнью, пока живешь! Еще древние чч-мудрецы говорили! Так что, так что...

Смелые, Мудрые - Вперед!..

...Они рождаются раз в полтысячелетия.

А вот путь (Путь) «мастер» открыт, доступен (выражусь чуточку вольно) - всем!!!

...Тот, кто, занимаясь, например, «глиной» (гончарным делом), за зарабатыванием «на хлеб» не теряет (не упускает, не затуманивает, не забывает) - Смысла занятия (хотя при начале он не знает Его), - кто, лепя горшки все время, как Данила-мастер, упорно ищет свой - пропорции, формы!.. Задаётся вопросами! Ломает голову! «Чешет репу»!.. Что такое «горшок»? Каков должен быть горшок? (Прости, что я словом «горшок» как бы невольно и утрирую.) Каким он должен быть для каши? Каким для молока? Каким - для гречневой, а каким для рисовой каши? Каким для парного, каким для топленого молока?.. Кто не останавливается даже и на этом, а сыскав, затем снова ищет - домогается себя! А каков должен быть из себя горшок из красной глины?? А каковым из синей?? А - из белой?? А вот каким он должен быть для севера??? А - для юга??? И так без конца...

Кто вот так без конца ищет свое в своих изделиях, тот непременно становится своего дела мастером. Затем - Мастером.

...Знаешь, что он делает? Он ищет С/себя.

...Знаешь, он Ищет Себя!

И непременно найдет!

Поверь.

Знаю.

А еще он: ДЕЛАЕТ себя. И Себя.

...Откуда знаю?

Не так давно проходил...

Знаешь, в понятии - и содержании - «Мастер» (когда так обозначают мастера с боль-

шой буквы) удивительнейшим образом совместились образный чисто человеческий и духовный Верхний термины, Планы! Удивительнейше!!!.. И как это произошло?!..

...Ладно. Так и быть. (Лишь для тебя... Вожу допрадел Сказки. Описание Пути помещаю в Приложение.) Смеешься... Сказочное Приложение?..

Дело в том, что Мастер - это, одновременно с мастерством с большой буквы в материальной культуре: Ступенька, Уровень. Это Уровень души, при котором Распахиваются Запертые для всех Иных душ Двери. А то - важные Двери! То двери прямого, сознательно-осознанного (осознаваемого самим человеком!) Пути Вверх.

И если только человек, ставший на путь мастерства, хотя бы иногда задумывается - о жизни, о ее смысле, об устройстве мира, о боге, человеке, Земле, Вселенной, он непременно поймет, когда станет Мастером: Что Идет ему в руки! Однажды он поймет, что его Ведут, однажды он с ошеломлением обнаружит у себя новые - нематериальные - способности, однажды поймет, что существует Мировой Разум / МИР; что реагирует на его движения, отзывается словам. И - проморгавшись, и поверив, и уяснив, что это такое - узнав, что он, Далее он Пойдет сам.

Если хотя бы иногда при материальных занятиях задумывается о душе, духовном. Если хотя бы... иногда... о не «телесном»...

...Но мало того!! Знаешь, я видел, как те же Двери распахивались, - как такие же свойства - способности давались и людям, просто искренне следующим за Мастером! Трудящимся с ним, работающим прилежно под его руководством, - живущим просто, не мучающимся, как он! Людям обычным! Совершенно обычным. Живущим сугубо материальным, на первое место ставящим достаток, не читающим книг, не задумывающимся над духовным.

Это настолько меня всегда восхищало, что теперь, в этой нашей повести, я даже делаю скоропалительный вывод: путь Наверх через состояние/Уровень «Мастер» открыт, доступен всем!

Надо Трудиться.

«Надо трудиться» - кто это сказал: ты или я?

...Неважно.

...Нет, важно.

...Нет, не - какая разница, я этого (какая разница) не говорил.

...И вот. Пожив на своей земле, обустроивая ее, он начал приобретать уже все.

Все человеческие занятия теперь были доступны ему. Посмотрев раз, как кто-либо работает, или разок попробовав, он далее мог без инструкций иль руководства все новое делать сам.

Набранное простое количество умений с какого-то их числа переходит в новое качество: недоступного нет, все могу.

...Когда ему требовалось сменить кровлю, он покупал кровельный материал, забирался на крышу и менял ее; когда требовалось скосить траву, насаживал косу, отбивал, точил, и косил (ага - иронизируй. Не умея попробуй - заплачешь! Драйвер принтера и «ап-пендикс» супервизора установить легче!..); когда требовалось устроить туалет - делал; сложить печь - клал; когда требовалось сменить угол наведения спутниковой антенны, ввиду того, что спутник «Hot Bird» перестал устраивать количеством программ, он поднимался к антенне и находил новый наклон; когда отчего-то сходился с человеком, у которого внутри был уже нарыв, гнойник от нерешенных проблем, он находил путь действия человеку, путь мудрого совета, и эту человеческую жизнь облегчал/поправлял.

Он мог бы сказать каждому из людей, что тому тоже доступно все - и ВСЕ - ведь!.. Но кто ж будет жить по не человечески. (К тому же редко кто из людей осмеливался быть открытым! («Прозрачным», как говорил бог.) А Мастер - открыт! Ведь он - почти бог!)

Мастер Уже поступает не нор маль но.

...Большинство только дивилось.

Как на лес.

Так вот - лес.
Конечно (вернусь), то не был обыкновенный лес! Ведь его устраивал будущий бог!
И...
Уф-ф... (Так выдыхают в конце длинного пути, когда завидят околицу, когда приблизятся к порогу.)
Вот мы и «дома»! Слава богу. Вот они:

Территория бога

- земля бога, - дом бога, - жизнь и деятельность бога,
- мысли бога, - ощущения бога,
- планы бога, - цели бога

2

Дома... Вот как только произнес «дома» - нет, даже еще до того, как то произнес, - в сию секунду, в какую мелькнула эта мысль, обозначившая мое состояние «я - дома», так понял: устал.

Это странно, невероятно: я знаю, ты не поверишь! Но - «ты не поверишь»: у с т а л. Мыслить логически.

Трудно через лабиринт незнания идти факелом Данко, собой вия Ариаднину нить. Трудно. Устал, выдохся. Да и засиделся. И ты тоже.

Бросим логику, выйдем из дома. Идем - походим по дорожкам, тропинкам, - а может, просто пойдём: без дорог: наугад.

...Дверь скрипнула, нас тронуло ветром. Утром был иней, и хрустела трава: шаг с крыльца, шаг, еще шаг - и ломается, и шуршит под ногами.

Почти голо. Взгляду не за что зацепиться. Так и просится вскрикнуть: в саду ни души!.. Да-да, вот и скворушки улетели. Никого. Ни-ко-го... Но нет же - вот жизнь! - гроздьями висит черноплодка. Есть жизнь, не пропала жизнь: вот сливы, вот - терн, а на во-о-н той яблоне, что трепыхает листьями, я оставил четыре яблока. Интересно: сколь провисят? До морозов? До весны?

Одной весной, когда почти сошел снег и только бело-серые островки да полоски его оставались, будто заснули, обходя сад, я с удивлением, но и досадой, обнаружил зеленый бок с хвостиком и жухлым листком, выглядывающий из снега. Видимо, осенью не уследил, яблоко свалилось, ушло под снег. Зимовало там. Ах - сгнило... - шевельнулась досада. Из любопытства и хозяйственности я все-таки расковырял снежный плен, достал яблоко. Батюшки - как свежее! И мыши не поели! Не веря глазам (а что всегда делает человек, нет - ребенок? Тянет в рот, пробует на зуб.), надкусил.

...В то утро был Праздник! Я ел свежее яблоко из своего сада в начале апреля! Ах. Ой. Верь глазам, верь ошибкам своим.

С тех пор всегда оставляю до зимы на ветках несколько яблок: мечтаю найти их свеженькими весной. А еще: прекрасно до самой зимы брать живые, рвать свежие яблоки с ветки.

Да, в саду ни души. Ни души? Так есть - яблоки, сливы, кисти рябины. В огороде убрано, но - репа, мята, хрен, горчичная трава. А вот на всей нашей территории - и во всей усадьбе - действительно: ни души, кроме нас. Тихо, пустынно. До вечера еще далеко, замаявшись, можно гулять, гулять... В какой древнегреческой школе философов мыслили во время ходьбы?

Какая-то мысль - помнишь, я выдохнул: слава богу, мы у околицы, подходим к порогу! - с той минуты, как слетела с небес, не покидает меня. Каким образом она связана со словом «территория»?! Почему она остановилась, уперлась, как в стенку, в него?! Какие-то образы, обороты речи лезут в голову, просятся на язык, готовы сорваться с языка. «Лезть не в свое дело», «проникать на запретную территорию». Что-то в этом есть. Но что??? Одно голое ощущение - ни хруста яблок, ни запаха мяты, ни упругости репы. Ни вкуса, ни запаха: мысль не ясна.

Все это время я не мог осознать: что она? И вот когда вышли из дома, переступили свой порог - шагнули через него! Когда вдохнули студеного воздуха, настоящего на летящей листве, кликах улетевших стай, кликах журавлей, мне пришло: нет. Нет, рано.

Что? Я о чем? Сейчас бы я должен описывать жизнь его. (Да-да: жизнь бога.) Но - как

описать «сейчас»?

...Не смотри так, будто я заартачился.

Я думаю, мне следовало бы тогда начать писать весь его ОБЪЕМ: день, занятия, питание, мысли, устройство дома, участка земли, возможно - его жизнь за неделю, месяц. Может быть - обрисовать территорию вокруг его земли, назвать - профессию, сказать - чем он занимался, что являлось самым главным, что занимало большую часть времени его и сил. Да?

Да, кстати - какова (как у всех других людей) его профессия, что - он делает профессионально? Сказать? Чего я боюсь? Да так...

Все-таки хочешь. Ну так узнай!

Профессия: «человек».

Профессиональная деятельность: устройство на Земле своего Духа.

...Чего ты испугалась?

Проявление и устройство своего Духа (то же - своей Сущности, своего Верхнего «Я») - вот единственно божественное занятие на Земле.

Проявление и устройство своего Духа. И на земле тоже, и на Земле.

И «человек играющий», не «homo sapiens» знает это.

...Не сомневайся: точно, точно.

Его осознанность так велика, что МИР он читает, словно открытую, будто написанную именно для него, книгу. В отличие от «человека», от умных людей, он видит не Знаки - непрерывную движущуюся Картину. Что Она? Отражение и проявление в материальном мире Земли его намерений, мыслей, поступков. И Реакций МИРА на них.

Будучи Свободным (от кармы, от кармы - он выработал (то есть отработал, про-работал ее)) он замысливает и проявляет, осознает, планирует и материализует. ВСЕ является для него Средством. (ВСЕ: явное и не явное, проявленное и не-)

...Не понял тебя. Ах - средством чего?

ВСЕ является для него Средством: взаимного действия с МИРОМ (с БЫТИЕМ), воздействия на себя, Себя, на тела своего Духа, свое Верхнее «Я». И было бы интересно, было бы познавательно...

Однако.

Рано.

Об Этом.

Писать.

...Ты... В твоих глазах недоумение: почему-у?!.. Что за препятствие?! В чем вопрос?!..

... Не знаю.

Знаю.

Рано.

Не хочу.

Мне не все известно.

Как писать: «сейчас»?

То настоящие знания

Людям нельзя давать настоящие ЗНАНИЯ.

Позже, об этом - позже.

Опасаюсь задеть Сейчас.

Выбери любой ответ.

Любой из моих ответов тебе правдив. Любой верен. Если же я постараюсь свести их все в один, выйдет вот что.

...Нет, надо подождать: что-то пока не сводится, не могу осознать. Дай подумая. Пройдись пока одна, когда вернешься, скажу.

...Как трудно быть автором бога.

...Ошибок нет, оценок нет.

...Мысль равняется: действие. Мысль - кисть художника, долото скульптора. Удар, штрих, точка, мазок... Морщина на щеке, складки на лбу. Какие? Длина шага, пропорциональность стопы и кисти - каковы? Написать вымысел либо выписать реальность. Пора-

зять либо создать. В сфере, где адекватность не является критерием, что есть вымысел?? А что реально? Нет истины; потому что она здесь еще не создана. Пока. Пока... Пока здесь не создано ВСЕ. Нет ничего. (Или: есть НИЧЕГО?!). Ничего нет, и ВСЕ ждет.

...Нет-нет, все-таки не начну этого делать (писать сейчас его). По го жу. Ведь я стану рассказывать о нем, а он живет. И тут же изменится его СЕЙЧАС. Вот что выходит: он живет в данное время, в сей час; поэтому...

Ах, что за прекрасная чушь! Как удивительно: вместе - точно, адекватно и туманно, завуалированно, - как непонятно я сейчас сказал! Удивительно всеместеточно. Сейчас! Он живет в настоящее время: в только что прошедший, в сутки назад минувший, и в этот, одновременный с моим, час. То есть одновременно со мной. Оттого меня затрудняет - меня затрудняет его писать, - вообще что-либо о нем писать: как писать, как рисовать то, что происходит?

Можно рассказать, что произошло, можно - что происходило; что было, что будет. Но как: что идет? Оно, происходящее, течет, идет, я непрерывно слеую за ним - шагаю, бегу... (Возможно ль вообще на ходу писать?!). Когда оно завершится, когда закончится, элементарно его опишу. Но сейчас?!?..

...Солнце мое! Солнышко!.. Боюсь заморозить тебя: ты не яблочко - долежать свежим в снегу до весны! Возвращайся!

Да-да: возвращаемся в дом. В дом! Кажется, в скором времени меня неодолимо потянет чертить, рисовать, - потребуются: стол, ручка, линейка, угольник, цветные карандаши, ластик, листы. Теперь говорю тебе точно: боюсь, не смогу сейчас описать тебе жизнь бога Земли.

Что же мне делать? А вот что. (И не хуже ничем!) Здесь, в сегодняшней сказке своей, нарисую тебе тот ее период, ту часть, что закончились. Уже произошли.

Что это, что они? Жизнь его в то (совсем недавнее) время, когда из Состояния «Мастер» он переходил в Состояние «мастер ВСЕГО». Опишу МАСТЕРА.

(А Состояние «мастер ВСЕГО» - оно же - «V-мастер», «МАСТЕР» - как нам известно, непосредственно предваряет Состояние «бог Земли». Кстати, оно же соответствует идеальному, максимально возможному в это линейное время человечества состоянию «человек»).

Итак, сыскалась нам тропа пути дальше!

Входим в дом, ставим кашу в печь (как раз печь равномерно прогрелась) - и... Так, погоди - а какую кашу сегодня сварим?

...Если не знаешь, предлагаю сегодня «классику»: пшенную. Пшенная каша, да на коровьем молоке, со сливочным маслом, в русской печи!.. Обье!.. Обь-е-день-е.

Я готовлю ее в чугунной эмалированной кастрюле, либо глиняных мисках ручной работы; как хозяйка, я не люблю так называемые чугунки: их неловко ставить в печь (ухват, каток...) и мыть потом неудобно; чугунок - экзотика, эксклюзив для почитателей «деревни». Я современный человек; и живя в деревне (вернее, в сельской местности) нисколько не увлекаюсь бытом, духом - бытием? - старины. Не ношу косоворотки, не одеваю сапогов. Также не упиваюсь ни образом жизни, ни мыслями «а ля рус» - глупость. Татарство. Возврат в «пещеры».

...Возврат в пещеры, к «костру, каменному топору» не был предусмотрен ЗАМЫСЛОМ! Не б ы л. ТВОРЦУ это не нужно. ОН нуждается в нас: нас, современных людей, пра- уже известны ЕМУ! Зачем ЭТО? Они уже были.

...Давай сюда курточку, шарф, снимай туфли. Пока собираю кашу, включи музыкальный центр. А где мой сотовый телефон? Кажется, я клал его в карман, когда выходили из дома.

...Пойми (простая же Вещь) - так же, как отдельная Сущность/Дух при Воплощении набирает новые Энергии, проходит Опыты, так и ВСЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО целиком запрограммировано «идти тем же путем». Как Сущность, будучи человеком на Земле, проходит путь от Низших Энергий к Высшим, так - и ВСЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО (как одно объединение, одна душа) идет похоже. Это как подъем по лестнице, по ступеням Снизу Вверх. Последовательно.

...Да-да-да-да-да - помню.

...Нет, того, на что ты намекаешь, не происходит! Ай-я-яй - я же просил тебя: не верь умным людям, не слушай умных людей. Не происходит «падения души» - се термин священнослужителей и неразвитых человеков! Не про ис хо дит. Никто у Души ничего не отбирает! Набирание Энергий, это как запись в книгу. И когда слово, строчка, абзац, глава - роман! - написаны, они УЖЕ записаны, и УЖЕ СУЩЕСТВУЮТ. Кто бы что бы ни говорил!

Я думаю, Сущностью Вначале набираются Низшие Энергии. Они же соответствуют «телу» - свойствам материальным, телесным. Они же - Фундамент, базовая площадка Следующим: Средним. Они - все эти звериные, животные, - с маленькой буквы: мужские, женские, - частнособственнические, плотоядные, рваческие, «своя рубашка ближе к телу» - человеку (и его Сущности) просто необходимы! Низшие. Раз их проявление возможно, они должны быть! ТАК ЕСТЬ. (И в Этом ЗАМЫСЕЛ.)

А для нас, для людей...

...Представь - ты только представь на минутку - у человека творящего, - у человека обладающего уже - интуицией, образным мышлением, острой мыслью, знанием всех наук на Земле не было Опыта «Средневековье». (Не участвовал в войнах, схватках, дуэлях - ага - поножовщине...) Шучу. (Не нападал, не воровал. Да шучу я.) А если серьезно - не было Опыта проявления тех Энергий, которые инициирует плотное тело.

Представь, Они отсутствуют. Не Энергии - Их Опыты!. Он не убивал врагов, не разорял деревень, не... э-э-э - спал (насильственно, против их воли) с чужими женами. Когда-то. Раньше. А получил в дар, а обладает - интуицией, образным мышлением, острой мыслью и - не надо отмахиваться от меня, не надо - неистребимым желанием «иметь все от жизни» на Земле. (Ой, мамма мия, я такого забоюсь.) Потому что этот творец, кипящий энергией деятельности, способный все придумать и все свершить (при этом не живущий при коммунизме), вдруг замечает банк... Недоступную блондинку... Высокий пост... Чьи-то Мальдивские острова... К о ш м а р. Никто и ничто не спасется! (Шучу.)

Не шучу: Его Пустоты мгновенно ринутся заполняться, с помощью, - и мощью, - высоких творческих энергий он начнет проходить низкие опыты. Лично мне такие высокие интеллектуалы омерзительны. «Молчание ягнят», оба доктора. Они встречаются.

Возможно, вот Такое может быть названо: падшая душа.

Итак, я думаю: Набирание идет от Низших к Высшим, Снизу Вверх.

Боюсь запутать тебя: мое писание перестает быть последовательным. Ветвлюсь, растекаюсь; как в дельте река, как при росте дерево. От основного ствола повести отрастает все больше ветвей, от них - в стороны, кружево веточек, на них узор из листьев, цветов, сережек... Не знаешь, на что смотреть, что, - как баеся в иных местностях Руси - имать. Ветви, ветки, веточки, - дорожки, тропинки, следочки, - реченьки, ручейки... Все живое непременно плодится, размножается - расширяет себя в этом мире. В этом красота! Это для нас красиво! Нам привычна гармония сложноплетенной кроны, одинокий, бесплодно стремящийся ввысь главный ствол скорее пугает, чем радует.

...Боюсь запутать тебя, однако я совсем не уверен, что Путь этот - Набирание Энергий/Свойств от Низших к Высшим, Снизу Вверх для отдельной Сущности - последователен! Видишь ли, время (а лучше говорить так: линейное время) было создано специально для Земли, и специально для человека! Для обеспечения ему возможности жить, для его биологии, для протекания его биологических и других жизненных процессов. И для Опытов. На самом деле того, что мы называем временем, - нет. Отсюда допускаю: душа может воплощаться попеременно то в минус 10-м, то в 18, 19, 20-м веках. И если после Воплощения в 20-м Ей чего-то не хватило (оказался недостаток, пробел) неких Энергий, Она может (и это чрезвычайно разумно) «сходить» за ними в минус 8-й. (Запросто, как «нечего делать!»)

А вот все человечество - НЕТ.

(Кстати: чем является на Земле единая Сущность «Человечество»?)

Человечество, оно Идет последовательно. По Ступенечкам! По Опытам! От Низших к Высшим. К росту своей единой «Сущности». (А может - и к выработке Ее.)

С этой точки зрения любопытно хотя б вкратце попытаться рассмотреть историю человечества. Пусть у нас возникнет невидимая глава: «Одна История».

Я сказал тебе: если отдельная Сущность может набираться Свойств, проходить Опыты - подозревается мне - нелинейно: меня личности, Воплощения, интегрируя Себя, челноком скользя из века в век (XX-й - Y-й до н.э. - «костры Средневековья» - «каменный топор» - эпоха НТР...), то все Человечество целиком, думаю (ох, как крепко - как репка - думаю), идет последовательно. От века к веку, от эры к эре, никогда не совершая «прыжков» - переходов туда-обратно.

Оно движется Вперед, как проходят путь, как поднимаются по лестнице. Нельзя попасть на 6-й этаж, не пройдя последовательно этажи: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й. Даже если ты поднимаешься не пешком, а скользишь в вертикальном лифте - даже на вертолете! - ты все равно совершенно последовательно неизменно проходишь высоты: 1-го этажа, 2-го, 3-го, четвертого, пятого. Так оказываешься на шестом.

Объединенная Сущность «Человечество» набирает Свойства и Энергии последовательно, от Низших к Высшим. Так идет рост Его Сущности.

Оно идет к росту своей единой Сущности - так я сказал. И вдруг добавил: а может - к выработке Ее. И меня осенило! К выработке Ее - меня только сейчас осенило! Вот зачем нужно «кружево», литературное, мыслительное кружево: рисуя ВСЕ картиной, не идя, не торя свою повесть узкой доступной твоему уму линейной тропой, ты машинально пишешь неизвестные знания - элементы. И сейчас я уверен точно: к выработке Ее!

Теперь, для того, чтобы двигаться нам дальше, выскажу утвердительно одну спорную мысль. И стану придерживать ее. В математике это называется: сделать допущение.

В математике есть такой метод исследования/решения задач: делать допущение и, отталкиваясь от него, строить цепочку рассуждений, делать выводы. Что замечательно, от высказанной мысли - допущения - вовсе не требуется истинности! То, что мы допускаем, может быть неверным, спорным, ложным - пусть!.. Пусть. Важно, что оно позволит нам найти дорожку к верному, истинному, важно, что позволит раскрыть суть.

Сделаю допущения:

1. если посредством земного воплощения отдельных Своих частичек, - отдельных Сущностей, - жизнью каждого человека, - жизнью! Их взаимоотношениями! - БОГ-ТВОРЕЦ себя ПОЗНАЕТ (о, да - и расширяет, и создает), то

2. историей (то есть жизнью) Человечества ОН СЕБЯ СОЗДАЕТ. Порождает, зачинает и порождает. Все время.

Мы все - ОДНО. И мы на Земле есть и бог, и БОГ. (Не знаю, как писать теперь: бог или БОГ. И так, и так верно.)

Человечество на Земле собой являет бога, и собой творит БОГА.

Зачем ЕМУ это? А нет такого вопроса. Почему? Просто: нет.

...Знаешь, человек все время задается вопросами: зачем? для чего? почему? отчего? Не решив - зачем, в чем смысл - он не станет ничего делать, не сможет жить. Он даже не захочет жить!.. Зачем? Если не понятно: для чего?

(А на нашей безоглядной Родине есть еще два «вечных вопроса» (поговорка): «Кто виноват?» и «Что делать?» Чисто российские чч-вопросы.)

Так вот, человек все время задается вопросами, ставит перед собой вопросы, ищет ответы. Не ответив на них, он не может существовать. Жизнь кажется ему бессмысленной, бытие - несчастным, ужасным.

...А у БЫТИЯ (ОНО же - СУЩЕЕ, ТВОРЕЦ, БОГ) нет вопросов. У НЕГО нет вопросов к СЕБЕ, к своему бытию! ОНО, ОН просто ЕСТЬ. БЫТИЕ просто СУЩЕСТВУЕТ.

Давай и мы поучимся - а? - не задавать вопросы. Давай опустим их, исключим из нашей жизни.

Раньше ты спрашивала себя: зачем, для чего я живу? Теперь говори: я живу. Ты говорила: в чем смысл (жизни)? Теперь говори: жизнь.

Вместо: куда течет река? Река течет. (Разве важно для твоего бытия/жизни - куда?) Вместо: о чем поет птица? Поет птица. (Слушай, слушай! ее.)

Видя что-либо, ты задавалась вопросом: зачем оно, в чем его глубокий смысл? Говори теперь: это есть.

Совсем недавно, может быть с год, я начал жить так, просто жить. Не спрашивая у своего бытия: зачем? Для чего? В чем смысл? Где цель? Просто живу.

Просто живу?! Ну да... Это совсем непросто! Те же вопросы, если теперь не от себя, то от людей, лезут иногда, как комары. И пытаются помешать спокойно жить отчаянно.

И все-таки, я просто живу. У меня есть (свои собственные) ЦЕЛИ, есть намерения, планы. И нет вопросов. Может быть, я просто ЗНАЮ. Может быть, беру пример с СУЩЕГО, и также не имею к себе никаких вопросов. ОНО ЕСТЬ. И все тут. (И я - есть, и все.) И ты ни с какого боку не сможешь подкопаться к НЕМУ, не задашь этот вопрос.

Так когда-то клались стены, строились крепости: лезвия ножа нельзя вставить между камней! Ходишь, ищешь щели, а ее нет! Ничего не воткнуть, чтобы уязвить, никак не подобраться.

Мы наверное смешны КОСМОСУ нашим человеческим сознанием.

Я думаю, ТВОРЕЦ просто запустил программу развития БЫТИЯ на Земле, СЕБЯ в нашей материи. БЫТИЯ в биологии, БЫТИЯ - в сознании, БЫТИЯ в ощущениях, эмоциях. И ВСЕ связано - увязано. ОН ВСЕ УВЯЗАЛ.

И все - Земля, человек, Человечество - весь Объем материальной и нематериальной сфер Земли - есть способ, есть путь развития, расширения себя самым всеобъемлющего СУЩЕГО. БОГА, ТВОРЦА, СОЗДАТЕЛЯ - БЫТИЯ.

Просто быть. ТАК ЖИВЕТ БОГ. В ЭТОМ смысл ЕГО.

А мы - это БОГ, познающий себя/СЕБЯ.

Мы живем по ЕГО - не по нашим, о - заблуждение! - ЗАКОНАМ. И ВОЛЕ. Мы приходим сюда, мы возникаем здесь только для того, чтобы пройти (и исчерпать) свое бытие. (Это называется: пожить.) Страшно трудно быть человеком! Страшно трудно, трудно невероятно. Ибо ответ ему на его внутренний постоянный вопрос - зачем я? Цель жизни моей? - недоступен.

Пройти, исчерпать бытие (свою единственную жизнь)... Человеческому уму такого не понять; и не принять! Однако нас никто не спрашивает, ТАК ЕСТЬ. Так устроено ВСЕ. Оттого «с человеком» (разобраться в его существовании) - просто.

Человечество. С этим сложнее. Оно... Настолько много факторов складывается в един при его жизнедеятельности, что!.. Сам ТВОРЕЦ однажды отчаялся! Можешь такое представить??!

Да... Хочется говорить об этом еще и еще раз... Представляешь, весь Смысл жизни человека: появиться на Земле, пройти через свое бытие... То есть просто здесь побывать... Отчаянно недостает в этом человечности, чч-смысла!.. Но вот ведь бог-то... Как это будет по-русски? Доволен всем.

Вот жизнь: просто быть!.. Как БОГ.

В принципе, решением всех вопросов, всех проблем было бы - жить, как БОГ.

(..Но проблема в том, что на Земле теперь, сейчас почти невозможно жить т а к : «вольны гасят ветер», жизнь среди людей не позволяет, перебивает. «Сбивает с ног» весь чч-Объем! Он мощен! Он создан миллиардами жизней/миллиардами сознаний! Он втягивает в Себя, как «черная дыра», Он, как диктатор, все узурпирует, все определяет! Внутри Него уже установлено ВСЕ. И - ни-ку-да... И все.

«...Крутые ровные края-а-а...

Имеет эта колея-а-а...

Я клянусь - проложивших ее.

Скоро лопнет - терпенье мое.

И склоняю, как школьник плохой:

Колею, в колею, с колеями...»

Недавно случилась удивительная оказия: в Ярославле наткнулся (и конечно, не удержался) и приобрел собрание сочинений Владимира Высоцкого. Четыре прелестные книжки в картонной красной обложке. Радуют и душу, и дом. Пишущий, поющий о человеческом - поэт на все времена. Я собираю именно такие книги.

...Итак: Иного - другого, Нового - Объема на Земле пока просто нет.

...О, Спорщица. Нет! Нет - нет - нет и нет: бесконечно малые величины в нашей сегодняшней «математике» мы с тобой не учитываем. Все это иллюзии: новое мышление. (И Новый человеческий Объем.) Пока. Если на 100000 людей и есть 1 мыслящий (и живущий) инакообразно, это - да: создает иное Мысленное пространство! Да, создает! Но не - Человечества! Оттого, что один - он не доминирует. Один - он: заявляет, являет, - что-то показывает, становится образцом, но...

1 муравей никогда не сумеет создать муравейник. Запомни: ни-ког-да. Даже если он «на все руки мастер» (поговорка Земли), даже если он «с руками», «у него золотые руки». Ни-ког-да. Этот исключительный муравей творчески доживет «до седых волос», однако, не имея Общего сознания тысяч таких, как он - их Общего мысленного пространства, которое одно только и позволяет, которое одно только и запускает, и доводит до конца процесс творения муравейника, - 1 одиночка муравей, - одно одиночное, не связанное с другими в коллективное - сознание сложного общего дома коллективно-бытующих на Земле не создает.

Так что, сколь ни пиши, ни говори, ни рассуждай, - все враки, вранье: о новом человеке, о новом человечестве! Пустое, до тех пор, пока «умный в одиночестве гуляет кругами и ценит одиночество превыше всего». (Читай: себя! Свой вумный ум.) У м н ы е л ю д и все пишут, полемизируют, говорят, спорят, - все разрабатывают программы, их утверждают... Нет-нет - пустое. Иного, не чч-страстного Объема на Земле нет, и не было. И не будет.

Точка. И не спорь.

...Кто я такой, чтобы ЭТО знать?!

...Итак, СУЩЕЕ (БОГ) создает себя жизнью - историей порожденного ИМ Человечества. И история эта последовательна: от неандертальцев до современных племен. От первобытно-общинного строя до мечтаемой «эры милосердия». От Бояна до князя Владимира Красно Солнышко, от князя Владимира до «Б.Н.» и «ВВП». (А теперь вот и «адам», и «медведь» взошел на Русь править.) Все замечательно. Посмотрим.

СУЩЕЕ - что поток. Поток течет. Он даже не правит себя. Как бы и что бы ни происходило. ОН только ТЕЧЕТ.

Что с НИМ (на Земле, только на Земле!) будет? О, если еще потерпишь меня - такого меня: не нравлюсь уже даже себе - заумного - расскажу. Расскажу, что се Человечество (и мы с тобой с ним) NE VITALITUS категорически. Так что, так что...

...Я категоричен? Неправ? Отнюдь. Потому - отстань.

...Отстань - все мы не правы, я уже сто раз оговорил: любой человеческий вывод, знание н е и с т и н н ы.

Вернемся к Истории. Хочу заинтриговать тебя: только что утверждал - ПОТОК только ТЕЧЕТ, даже не поправляет СЕБЯ. А сейчас стану рассказывать о том, как однажды БЫТИЕ кромсало (!!!) СЕБЯ. На Земле, на Земле... Оттого на Земле было по меньшей мере два подобных сегодняшнему Человечества. И до «одной истории» случилась история допотопна.

Итак - еще часть, еще одно «кружево» повествования: праистория. Чуть-чуть из нее. Итак,

«В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...»

«И СЛОВО БЫЛО БОГ. И...» О, то высокая поэзия: первые главы/строфы книги «БЫТИЯ» в «Ветхом Завете»! «...Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над волнами...» И мне было тогда двадцать пять лет, я писал стихи (в свободное время) и компьютерные программы (в рабочее), трудясь инженером-программистом на ВЦ (вычислительном центре). Вот в какую пору своей жизни впервые взял в руки Библию. В тот месяц я делал задачу (писал компьютерную программу) «Расчет обеспечения горючим фронтовой наступательной операции» для одного военного управления, так познакомился с чудеснейшим человеком. Мы беседовали на самые разные темы. Подполковник-инженер Изидорюс Бальсис был литовец. Он и подал мне «Пятикнижие». (Пути Господни неисповедимы!) «Полюбопытствуйте, есть довольно интересные мысли. Между прочим, дореволюционная, тысяча восемьсот девяносто седьмой год». Подал, как редкость, как раритет. Не как учение, либо религиозную книгу.

Но! Книга, яко исследовательский труд и учебное пособие, захватила меня!

...Ты удивляешься? Почему? Отчего?

Я удивлен был сам. Ведь набожности во мне было - зего, нуль.

Да все просто. (Все простое обычно как раз внутри очень сложно.) Я увлеклся тогда здоровым образом жизни, - не выпивал, не курил, бегал по утрам в парк на пробежку, зарядку, вовремя завтракал, обедал, ужинал, вовремя ложился спать, - раскатывал на спортивном велосипеде (даже жене купил такой), с азартом гонял мяч - любил волейбол, футбол. И, конечно, много читал об этом (здоровом образе жизни). И конечно (ведь без этого никуда), серьезно занимался своим питанием.

Именно взгляды Господа на питание человека, - и на вообще человека!.. - так сильно «зацепили» меня! Настолько сильно, что я не только прочитал «Пятикнижие», изучил его! Изучив, штудировал, отлично знал. В конце концов написал работу в 35 печатных листов!

Называлась она (мудрено): «О ВОПРОСАХ ПИТАНИЯ В «ПЯТИКНИЖИИ» «ВЕТХОГО ЗАВЕТА». Установления, заветы, заповеди, чувства, эмоции ГОСПОДА и - наблюдения, размышления, сопоставления, выводы из них».

Почему в религиозной книге, - почему в книге, описывающей сотворение мира, так много места уделено обыденному: питанию? Давай поглядим.

...Так - с т о о п.

Не недоумевай, не обижайся. Я вовремя увидел твои горящие новым любопытством глаза. Все понял. Пора закруглиться. Пошла не та сказка. Я-то знаю, насколько интересна она! Мы засядем в ней не на один день, давай в другой раз. Сейчас же - прекоротко.

Господь «Пятикнижия» создал так Человечество, устроил ТАК свой ЗАМЫСЕЛ, что «...Земля растлилась пред лицом Божиим, и наполнилась Земля злодеяниями. И воззрел Господь Бог на Землю, и вот: она растленна; ибо всякая плоть извратила путь свой на Земле». «...всякая плоть извратила путь свой...» Никакая нравственность (может ли птица - а зверь? а трава?! - иметь мораль?) здесь ни при чем! Ибо - «...всякая плоть... на Земле...» Каково, а? Плохо быть неопытным создателем! Горько. Было горчайшее прозрение Господа! (Но был Енох!.. И был Ной.)

... (Пропускаю.) И было то, что едва Ной окончил потоп, стершего с лица Земли все живое, вышел из ковчега, Ной тут же - обрати внимание: тут же! В Библии нет лишнего описаний, это не художественная литература! - устроил жертвенник и принес мясное на всеожжение! «...И обонял Господь приятное благоухание...» Вот в чем (в одном из Пунктов) состояла ошибка: в пищу людям для начала было дано только травное, растительное. НЕ мясное!

«...И обонял Господь приятное благоухание, и сказал Господь Бог в сердце своем: не буду больше проклинать Землю за человека, потому что помышление сердца человеческого - зло от юности его...» И обещал (кстати!): «Впредь во все дни Земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся». Впредь. Во все дни. Земли.

...Ура-а-а!!!.. Живем!!!..

...Ты знаешь, чему я - уже не мальчишка, уже инженер, уже математик, алгоритмизатор - тогда научился? Работе по-божески. Вот какой, помню его по сей день, был потряс!.. Озарение! Прозрение.

Дело в том, что заметив систему, повторяемость в действиях Господа в первые дни творения, я вычленил основные движения, скрупулезно проанализировал их, прошел не один раз, оформил в алгоритм. Который и сразил меня. Напрочь!

Зри картину!

@

- решил, что делать (определил цель, проект)

- сделал

- назвал сделанное

- оценил, удовлетворился достигнутым

@

Господь никогда не бросал запланированного и всегда завершал начатое, Он всегда завершал свой труд УДОВЛЕТВОРЕНИЕМ своим трудом.

Вот уж воистину: работать по-божески!

...Мы - сумеем? Ну так бежим бегом дальше.

Вперед - за Человечеством! За новым человеческим - Вперед!..

...Теперь ты останься, а я пройду. Пройду, не все домыслено. Хотя - накружил, набросал мазков, составил целый букет, занялся экибаной, запутал себя и всех... Построил переход. Да-да: построил переход.

...Не хочешь? Пойдешь со мной? Скучно без меня?

...Ты меня совсем запутала - вас не понять, безумные женщины.

Нет-нет, вся моя «путаница» здесь, в этой главе, имела целью - той целью, о которой я сам не подозревал, - одно: создать кружево мысли. И уже им, кружевом, в нем, кружеве, увидеть образную картину: вот тоже бог.

И я опять передумал: не буду рассказывать здесь Состояние «МАСТЕР». Почему? Потому что любое, что выйдет, выйдет заумно.

А мы порешили, - мы твердо решили: сказка. У нас здесь только сказка! Все преумное - в Приложения. Захотим, посмотрим, когда хотим, тогда и полистаем.

Здесь - только бог!

И здесь наш бог - мы, человечество.
 Что мы о себе знаем?
 Практически, ничего. И Ничего. Мы даже не задумываемся о себе. Так... От нечего
 Делать живем...

Давай спросим себя...

...Нет-нет, не зови к нам сюда всех людей. Пока только мы вдвоем.

Что мы Делаем на Земле?

Как мы живем? Для чего мы? Вообще, Что - мы?

А я бы, собрав сразу все вместе, спросил так: ЧТО - МЫ?

Странная-престранная мне пришла сейчас мысль: кажется, я хочу упрекнуть себя в том, что необразован! Мало читал, невежественен. Странно.

Знаешь, вся моя биография, весь опыт моего общения (с другими людьми - их мнение обо мне, сам их круг) говорит обратное: очень много читал, образован. Два «высших», несколько «специальных». Инженер, гуманитарий (и «физик», и «лирик»), музыкант; та добрая сотня занятий, в которые я окунался, которые пробовал, приобретал профессии, есть разнообразнейшее проявление человеческого. И нигде ни разу не встречалось мне мысли-вопроса: Человеческое, Человечество - зачем оно?

Бог мой, неужели никто никогда так не думал?!

...Да-да-да - «Ну, это вряд ли...» - ответил бы Федор Сухов.

Отдельный, индивидуальный человек все-таки думает о себе: смысле своей жизни, своем предназначении, цели, - думая об этом, в поисках себя он смотрит кругом, вокруг себя он находит ориентиры, благодаря которым осознает себя, пыгается строить свою жизнь.

И для отдельного человека - так сложилось - ориентиров-указателей, «указательных знаков» пути много. Что они? Они говорят ему, они наводят его на мысли: как жить. Континент, страна, область, - географическая зона, где родился, рос, - век/время, - семья, общество, традиции, принятые взгляды, нормы поведения, - постулаты наук, система образования, профессии... Разные стремления: здоровье, жилье, достаток... Все это, как векторы. Как пастухи. Ориентировщики - пастыри.

...Да, растекаюсь, стоп.

Я растекаюсь, потому что ищу и ищу путь; потому что ищу, как вода на плоскости, путь. Руслище. И ведь до сих пор его, определенного, выраженного не могу найти.

...Нет, все-таки - нет: нигде не встречается вопроса: ЗАЧЕМ мы? ЧТО делает Человечество? Для ЧЕГО оно на Земле?

Оттого за путеводную нить беру всего одно допущение: историей, то есть жизнью человечества - жизнью созданного ИМ человечества, - БОГ/БЫТИЕ СЕБЯ СОЗДАЕТ.

Породило, порождает, и порождает. Все время.

Человечество на Земле являет собой БОГА, и собой творит БОГА.

...Да, верно: должны быть Ориентиры.

И Они есть. И Они просты - ВСЕ! ВСЕ: дух, материя, ЗАКОНЫ.

Непроявленный мир,

проявленный мир,

ЗАКОНЫ.

Это системные факторы - могу так сказать?

И тогда перо, - и тогда кисть, - рисующие КАРТИНУ «ЧТО делает человечество на Земле? Для ЧЕГО оно?» обретают законы письма; из рисования туманных неопределенных далей переходят к прорисовке фигур ближней перспективы.

...Да-да, ты должна простить мне мой язык, он...

...Нет, он не неуклюж. Он затерт. Старой реальностью, имеющейся реальностью. Вот уже несколько месяцев не знаю, как им писать. Я бы сказал: он Стар.

...Да, милая, я должен найти Новый.

Да, но ты хотя бы задумайся: сколько ДОЛЖЕН я... СКОЛЬКОЕ должен я... Пожалуй, для одного чересчур. Чересчур, но и не думаю уклоняться - ЗАДАЧА, Предназначение МАСТЕРА: создавать жизнь.

СОЗДАВАТЬ ЖИЗНЬ!

Как это прекрасно! Мне думается, нет более интересной жизни деятельности!

Вчера привез в нашу Мастерскую образ Архистратига Архангела Михаила. А в свой второй дом в новой деревне образы православных святых. Преподобного Сергия (Радонежского), святого благоверного князя Александра Невского. Отче Серафим (преподобный Серафим Саровский) в доме уже стоял. Икона Серафима оказалась других побольше - ее в центр. И вот, трое духовных отцов.

Сан Саныча не хватает. (Александра Александровича Любищева. Где бы взять портрет?)

Расставил их в ряд, принес старинный медный подсвечник, вставил, зажег свечу.

Нужно было топить русскую печь. Затопил, хожу «по хозяйству». Строгие лики зрят... На меня? Нет - на ВСЕ. Я присел, собрался с мыслями, с духом... «Что ж, - говорю, - отцы, помогайте».

Отчего я так? Все они в свое время СОСТОЯНИЕМ своим вышли за чч-Объем. Вот тебе и маленькое новое Человечество! Представишь? Давай его представим: трое и мы. Кого еще возьмем? Истовых тружеников? Мечтателей? Сказочников? Поэтов?

Давай, показывай, кого ты знаешь.

...Грин, Андерсен, Циолковский, Экзюпери, Бажов... А помнишь?... Ах, нет, ты его не застала. Да и я-то тоже. Но вспомним: ах как! Ах какие песни пел Марк Бернес!!.. «Когда поет. Далекий друг. Теплей и радостней. Становится вокруг! И сокращаются. Большие расстоянья. Когда поет. Далекий друг».

Эти люди, они движениями своей души, тысячекратными действиями своих душ творили новое человеческое! Новое Человечество. Оно - в духе их! В созданном ими духе! Как оплодотворенная, и развивающаяся клетка. Дух есть, и оно в зародыше.

...Что, нас уже больше? Не пятеро? Отнюдь, отнюдь... Если вспомнить, каким я был легко вспыхивающим... Если подумать, какой ты бываешь эгоистичной... А ты знаешь, каким гадким бывал в повседневной, не песенной, жизни, во взаимоотношениях с людьми, в поступках Бернес? ... Нет? Да, лучше не знать!..

Нет, не набирается у нас компании даже заполнить места вокруг обеденного стола, сервированного стандартно «на шесть персон». «Выдавив из себя раба», избавившись от страстей, Привязок, пройдя Путь от человека до МАСТЕРА, я не решусь (пока) назвать себя «иным человеком». Поэтому не хочу забегать вперед и принимать, и записывать себя, тебя, и их, кого мы с тобой приглядели, - и даже тех, перед кем я ставил свечу! - в другое: новое Человечество. Не то СОСТОЯНИЕ.

...Да, твое подозрение точно: дух (у нас, у них) - уже тот. Тот! (И се нам огромная радость, се наш УСПЕХ!) Дух в нас уже тот, а вот Проекция его... Подкачала. Не позволяет.

...Когда тормозишь на скользкой дороге и после выводишь автомобиль из заноса вправо, не думая, выворачивая руль вправо... Когда подхватываешь падающую со стола чашку... Когда в троллейбусе поднимаешься уступить место женщине в положении или с маленьким ребенком... Когда останавливаешься перед плачущими детьми... Входя в дом, говоришь всем: «Здравствуйте!»... Замираешь перед брызгами солнца в каплях дождя на паутине!.. Столбенеешь от радуги! Восхода солнца! Лика Богородицы! Привидевшейся при хмуром сердце в разрывах небесных туч!.. Тобой руководит не сознание. Так? Так?!? В тебе говорят твои буквально физические: плоть и кровь!!!

Твои реакции на мир, твои действия в нем, твои мысли, образы - все твои машинальные мысли, чувства и поступки есть проявление тебя истинного! Тебя - СОСТОЯНИЯ. Вот когда ты настоящий.

По этой первой причине, и еще по второй - той, что человечество, это общность, а общее, общность может быть создана только в результате действий сообща, нового человеческого, нового Человечества мы сейчас не имеем.

Слава БОГУ, - нет: слава богу, мы (уже) имеем его дух.

Так буду опираться на ДУХ...

На - дух, на материю, на ЗАКОНЫ. И моя теперешняя попытка нарисовать новый ч-Объем будет успешна!

Итак, а теперь мы просто забываем о том, что что-то уже есть на нашей Земле («старое», наше человечество), и пишем то - ТО, ЧТО должно быть на Земле.

Это - сказка! И ЧУДО и СКАЗКА!

И, знаешь, не смотри на меня так, как на Румату Кира.

И знаешь, не зная еще ничего совершенно, что напишу, подспудно чувствую: очень

МНОГОЕ уже мне известно!

БОГ всегда открыт. Представь! Ты уже видишь ЕГО? «Блаженны чистые сердцем»...
 Через ЭТО, через ТРУД я добился соединенности с НИМ, и, как ОН и обещал: узрел ЕГО
 когда-то.

3

Окончание (ЭПИЛОГ)

«...Что же произошло - ну в конце-то концов!.. - наконец сердясь, скажешь ты автору
 нового бога, - С нашим главным героем!»

С каким из описанных двух: конкретным или человечеством? А - с конкретным, имен-
 ным.

Он отыскал Спутницу, подругу Пути и жизни на Земле себе.

И вот какой был сказочный конец.

...Однажды, когда они... Когда они уже много месяцев были вдвоем, были вместе, - в
 один из дней, а именно: в вечер - в вечер, который они проводили вдвоем, - который они
 проводили вдвоем (а точнее, уже почти втроем) в новом доме, - совсем еще новом, вот
 только законченном им, - сотворенном им для человеческой жизни на Земле идеально, -
 когда, затопив камин, он разыгрывал дом и играл ей и себе на рояле, - и ему, им внимала
 Всеобъемлющая Тишина... Тогда - слушая, видя, ощущая его уже долго, она не удержа-
 лась. Воскликнув - «Ты!!!» - устремясь к нему, и обняв, она прильнула к его спине, целуя
 в волосы, щеки, шею, обняв с нежностью, прижавшись с ласковостью - жены, сестры,
 матери, друга одновременно, - и...

И!.. Здесь она прошептала ему - и всему МИРУ вслух! - то слово! то торжественно
 ясное краткое! которое я без всяких колебаний! заранее! как по ЗАМЫСЛУ и Положено!
 - большими буквами! и без странного многоточия впереди! - вынес до написания еще все-
 го! в сказочный заголовок.

...Правда, чисто по-женски

она предупредила его тем ласковым притяжательным малым,
 которое внезапно...

... Которое вдруг
 резко перевернуло,
 (кто-то решит: сломало...)
 и уж наверняка - заземлило
 всю мою столь долго,
 трудно
 и тщательно
 выстраиваемую схему.

И я, недоволен, ворча что-то извечное - «...и вечно из-за прихотей ребра праотца на-
 шего ВСЕ меняй... Вот почему ее нельзя было сотворить не из ребра, а из ума Адама?!..»

Вынужденно сменил:

во-первых, вообще заголовок,
 во-вторых, твердую крупнобокую с выступом прописную в нем
 на округлую малую гладкую.

Ибо, обнимая и целуя с в о е г о невероятного мужа, она своей земной женской не-
 жностью перевернула все, к чему я столь выверено-логически вел, все, что столь трудно -
 как новый аккорд! - долго готовил. Все!

(она прошептала ему: «Ты мой ...»)*

* - ибо на планете Земля в целующих женских устах это звучит, как просто:
 мой единственный
 любимый
 мужчина.

Ираида МЕТЛЯЕВА

ДИАЛЕКТИКА ОДИНОЧЕСТВА

Новогоднее

Когда бедлам компаний надоест,
Среди зимы, еще на год старея,
Ты забредешь в какой-нибудь подъезд,
Где из живого - только батарея.

Садись, и ты научишься добру.
Прижмешься, как последний бедолага,
Спиной к ее надежному ребру
И ощутишь, какое это благо.

Что мимо домочадцы не спешат
(Твое соседство, право, будет ново),
Но с батареей пить на брудершафт
Нельзя, увы, поскольку нет спиртного.

И денег нет. Но полно, мой дружок,
Ты справишь много праздников хороших.
А там за дверью падает снежок
На головы подвыпивших прохожих.

Им предстоит еще свалиться с ног
В двух метрах от расправленной кровати.
А ты, дружок мой, как ты одинок,
Как ты далек сегодня от объятий.

Не надо, успокойся, не спеши,
Повремени, еще найдется случай.
Еще найдется рана для души.
Все будет, а пока себя не мучай.

Уж скоро рассветет. Вставай, пора.
Вот дворник бодро чистит мостовые.
Вот твой порог, за ним твоя нора.
«Ну, вот и я. Привет, мои родные».

Закончились раздоры, и любовь
не мучит больше. Так присядь, закурим.
Не стоит, обретя ночлег и кров,
вздыхать и плакать о бездомной шкуре.

Не стоит, друг мой, доблесть соловья
приобретать с упорством Дон Кихота
или спешить в далекие края,
где исчезает рай с твоим приходом.

Просить у Бога щедрости, чтоб розг
не пожалеть для бедных спин собачьих.
Не спать ночей, свивать в спирали мозг
над истинно духовною задачей.

Бездействовать, боясь продешевить.
Но взмах бесстрастных крыл рождает беды,
затем смывает их. Лишь говорить
мы можем и сейчас, и напоследок.

Забуть о людях, возлюбив предметы,
вкус книжной пыли, знаки букв и нот.
Присядь, закурим. Нынче сигарета
милей, чем райский звук, чем нежный рот.

Посиделки КСП в клубе туристов

Вот комната с надеждой «на потом».
Сейчас в ней пыль, казенная убогость,
скелет байдарки на полу, рядом
четыре кресла и ласкает голос

облупленные стены. Этот дом
был дом как дом: с раздорами, уютом,
старухами. Детьми. Теперь не то.
Теперь все изменилось почему-то.

Осыпалось известкой с потолка
и утекло водою между пальцев.
Так, остудив горячие бока,
обитель поменяла обитальцев.

Вот комната, и в ней сейчас поют,
в ней пьют чай, ведут беседы, курят.
И заполняют смыслом уют
в почти непроницаемой лазури.

Компания прекрасных болтунов -
в подарок обездоленному дому.
И эта песня, осень, грусть, любовь -
на миг. Потом все будет по-другому.

Прощайте, друг. На будущей неделе,
Зашив свои дырявые карманы,
Я вас оставлю. Слишком надоели
Повадки ваши Дон Жуана.

Да, я проснулась и на свежий ветер
Я выползаю после долгой спячки.
Скучнее вещи не было на свете
Амуров честолюбца и горячки.

Рок надо мной озлобленный и хмурый.
Напрасны были все мои старанья.
Но будьте мудры - не зовите дурой
Ту, что достойна этого названья.

Вам верить - непростительная глупость.
И вот вам на прощание романс:
«Желаю я, чтоб счастье улыбнулось
Всем вашим доннам....» (Низкий реверанс).

Ночной этюд

Гуляй, тебя ничто не приютит,
Тоска моя, в одеждах тополиных.
Среди ночей, необъяснимо длинных,
в чьих чутких темных кронах - твой мотив.

Их нежной песни Ветер не услышит,
срывая кровлю с маленькой веранды,
в чужом краю, в любви по олеандрам
и облаку над черепичной крышей.

Гуляй, родная! Как ты одинока...
А где твой Дождь? Возьми его в супруги.
Где спутницы твои, твои подруги
Любовь, Гитара? Как тебе немного

надо. Посмотри - стена,
и тень твоя на голубой эмали,
которую так нежно обласкали
две немощных руки в те времена,

когда совсем другие очертанья
имела ты. Не то чтоб лоб, колени -
помимо этого. Прости, из лени,
из неохоты сочинять названья,

я умолкаю. Вот Гроза и Дождь.
Тоска моя, возьми его в супруги.
Теперь ты не одна - друзья, подруги.
Гуляй и пой. Ты хорошо поешь.

Сидеть бы дома, но чужая смерть
покою не дает, и ты хлопочешь.
И вот, случайно заглянул на почту
погреться и востребовал конверт.

Ты ходишь, ищешь нужные дома,
минуя бесконечные кварталы.
И капли превращаются в кристаллы,
и нос краснеет - на носу зима.

Ботиночки скользят по мостовой,
внизу канал несет гнилые воды.
И магазин провинциальной моды
хранит ему несвойственный покой.

Ты вскроешь пачку с надписью «Стрела».
А что в конверте, так ли это важно.
Все плохо, и любимая продажна.
Ты это знал. Бог с ней. Она мила.

Она в письме так трогательно врет.
О, кем ты стал бы, если бы поверил.
Ведь ты же сосчитал свои потери
уже, наверно, на сто лет вперед.

И просчитался. Та же панорама:
вороньи гнезда, памятники, даты,
и рамошек овалы и квадраты,
в них - лица. Не хватает только храма.

Но ты сюда не будешь приходить,
как некий деловитый завсегда
по праздникам с цветами и лопатой,
кладбищенский устраивая быт.

Ты не торопишься платить долги,
плюешь на уговоры и угрозы...
Что ж, дорогой.... Однако же, морозит.
Пора перебираться в сапоги.

Что же это? Мне кажется, я уснула,
и кругом все спят.
И я вижу во сне твои конопатые скулы
и зеленый взгляд.
Как же так, за этой медной рекою,
где нас уже нет.
Нашлось, кому махнуть мне рукою
и улыбнуться вслед.
Эти губы касались моей щеки,
и бровей, и рта.
Улыбнись еще, я запомню тебя таким,
чтобы думать там.
Там, куда я, даст Бог, приеду,
где есть муж и сын.
Где я как-нибудь буду в среду
среди осин.
Но сегодня ты - спокойный и очень взрослый
в двух шагах стоишь.
Ты пока еще здесь, но что будет после -
Ленинград? Париж?
И мне предстоит дорога до начала дня
и полжизни потом.
И хочется, чтобы ты вспоминал меня,
несмотря ни на что.

С гвоздикой, приколотой на лацкан,
слегка посеребрянной головой,
он будет непременно возвращаться,
как звуки в пустоту, к себе домой.

Где мрак и пыль, - огромный проем
для света - глух, завешен покрывалом.
Где некогда он в вист играл вдвоем
с бродягой из соседнего квартала.

Где вечерами он читал романы,
где ночью ноги голые свисали
с роскошного старинного дивана,
потертого, однако же, местами.

Был обитаем дом, но пыль и мрак
царили здесь всегда, укрыв собою
бюро, свечу, корзину для бумаг -
весь изыск вперемешку с нищетою.

Порой, любовно двигая предметы,
сутулые, угрюмые, седые,
бесшумно, как ожившие портреты
по комнатам бродили домовые...

Хозяин не был жалок или глуп.
Но был уверен - нужно для блаженства
просторную постель, горячий суп
и дом, что знает доблесть ручек женских.

Он спал сейчас и видел образ нежный
какой-нибудь прелестной эвридики.
А добрый, верный стул хранил прилежно
помятый фрак с увядшею гвоздикой.

Остановись. Постои и подыши
на снятые очки. Купи газету.
Взгляни: увозит тень родной души
и жест ее прощального привета
троллейбус на забрызганном стекле.
Подумай между прочим: этой связью
вещей, событий в мокром феврале,
небесной чистотой, дорожной грязью,
всем тем, что именуют словом БЫТЬ
и где посредник Синеглазый Мальчик,
ты ничего не сможешь искупить.
Он полукабардинец. Едет в Нальчик.
Но это после. А сейчас - в Москву.
Как говорится - скатертью дорога,
как говорится - разогнать тоску...

Подумай, между прочим, что немного
ты можешь подобрать достойных слов
(хоть расстарайся - будет ли иначе?)
Так улыбнись и нищий свой улов,
пересчитав, отдай котам бродячим.
Да, им бы легче зимовать в Крыму,
Но нынешний февраль наш без картинок,
и милосерден, в общем, ко всему,
за исключением, разве что, ботинок,
и может быть, - тебя, - ты опоздал
обнять его, махнуть вослед газетой.
Вокзал, колесный стук, опять вокзал.
И все... И дым потухшей сигареты.

Старость

Весь дом этот, некогда прочный, под знаком старенья.
Все звуки, его наполнявшие, прочь отлетели.
Молочное небо сосет ненасытное время.
И неба все меньше и меньше над кровлей, над садом,
над пледом согретым, усталым пергаментным телом.
Ему лишь седины, да всепониманье в награду.

Он молча положит худые, дрожащие пальцы
на темные веки, которые старые сны позабыли
и новых не видят; сознанием, уставшим цепляться
за дерн и ушедшим корнями в глубины
немыслимых недр, отрешившись от солнечной пыли
поющих медовых стволов и крон голубиных.

Знаменье забвенья - ночью, вечером, утром, -
Жест это длинный, как плат, долгий и смуглый.
Заплачено щедро за смерть, за сиротство и мудрость,
за времени листья, за слезы в каминные углы.

На отъезд из Архангельска

Вероломная молодость в белых снегах схоронена
(не знаю даже - умерла или заживо).
Прощайте, родные мои - мои посторонние,
Видите, я налегке по перрону расхаживаю.

Унесет меня поезд без багажа и попутчиков.
Я заставлю душу работать ритмично, как маятник.
Сотрясаясь от плача или смеха беззвучного,
Обещаю, не стану поперек вашей памяти.

Обещаю учиться быть женой и женщиной.
Обещаю учиться любить мою зыбкую родину.
Так и случилось, мы юностью мертвой обвенчаны.
О родные мои - мои посторонние.

Вечер в ресторане «Мишкольц»

В этой бедной церкви, там, где сейчас кабак,
Я сидела, не знаю, зачем и пила коньяк.
Были красные фрески на стенах и каменный пол.
И большое собрание: все слушали рок-н-ролл.

Оглушающих песен (здесь когда-то звучал орган)
я не слышала, вспоминая про твой обман.
После многих амбиций, оказываясь внизу,
не находишь жилетки, чтоб уронить слезу.
Ибо то, чего очень хочешь, ускользает из рук
в первую очередь, мой ненадежный друг.

Как бы я ни старалась, я делала все не так.
И теперь вот этот оркестр и этот кабак...
А внутри было пусто и холодно, как зимой.
И опять мотылек тоски порхал надо мной.

Скажу: не надо, милый мой,
сходить с ума от этой смуты.
Я думала - часы, минуты...
Мы столько лет идем домой!
Идем домой, мой дорогой.
Идем! Сейчас займемся делом.
Я не права, я проглядела
тебя, и ты уже другой.
Но все равно, давай забудем,

давай откупорим вина.
Ведь жизнь и скучна и длинна.
А впрочем, коротка. И люди
все врут. А может, я сама
не та, не то, не так, не кстати.
Но я хочу твоих объятий,
иначе я сойду с ума.

Август, мне скоро тридцать. За занавеской дождь,
а может быть, шум в голове или капель из крана.
Я зову тебя целую жизнь, но ты не идешь.
Ты говоришь: нет, дорогая, еще слишком рано.

Но я стара, как пирамиды, или еще старей.
Никого не люблю, никому не даюсь в лапы.
Меня понимал когда-то один еврей,
но потом он уехал и стал молодым папой.

Что же мне еще пожелать, какую веревку свить
из оставшейся жизни, в какую свалиться бездну?
Сделаться шлюхой, а потом, может быть,
опять - честной женщиной или совсем исчезнуть...

Тем не менее, Август, годы свое берут.
Скоро и ты, дорогой, разменяешь шестой десяток.
Интересно, какой ты теперь... Все тот же шут
с дипломатом и заходишь всюду без взяток?

Я тебя уже не ревную, милый. Твои мечты
и твои любовники - все позади, не так ли?
Или может, что-то осталось. Наверное, ты
Все тот же несносный любитель играть спектакли.

Одиннадцать лет прошло с того сентябрьского дня.
А ты все играешь или оставил сцену?
Но, в общем, это не важно. Зайди взглянуть на меня.
Я стала лучше, клянусь. Ты удвоишь мне цену.

Зимняя оттепель

Зима начинается. Оттепель. Птичий галдеж,
графичность окрестных лесов.
Линялые краски кварталов. Непрошенный дождь
на чашке базарных весов.
Бедняга-торговец (грузин, осетин ли) - усат,
забрел под соседний навес.
Плоды, те, что летом принес его солнечный сад,
кропаются с холодных небес.
Не горд, не спесив его облик, и сумрачный взгляд
подернут смиренной тоской.
Но - дальше - знакомой дорогой, туда, где парят -
где птицы парят над рекой.
Где птицы сидят на ажурных крестах куполов
и в зарослях ив берега.
Там сумрак в колонии белых и черных стволов -
не Леший, не Баба Яга.
Им было бы сыро сегодня, а может быть (кто разберет),
они здесь рассыпали бусы,

теперь собирают. И дух вологодских болот
им мог оказаться по вкусу.

Так вышло - теперь мы соседи. И башенный звон
знаком мне. Знакомы тропинки.
Внимание можно возвысить до кровель, до крон,
до тонкой скрипучей жердинки,
где сломанный флюгер (как будто сошедший с ума -
столь шумный) вращается даже
в безветрие. В черных монашеских рясах дома
дремучей, безадресной стражей,
постятся и ждут откровения, коему имя ЗИМА.

Войти в пустынный дом и потрясти
закрытую и ветхую до дрожи
дверь, чтоб воспоминанье обрести,
не целое, увы, обрывок. Все же

там за окном кирпичная стена
и ивовая ветвь, почти что древо
(сейчас уже на уровне окна,
тогда - гораздо ниже), а налево

забор совсем гнилой, покрытый мхом,
страж никому не нужного участка
земли в осколках кирпича, на нем
ни травки, ни куста. Довольно часто

он был обласкан, но не солнцем, нет -
глазами, псевдофилософской мыслью,
которой все равно, какой предмет
взять в жертву. Здесь удобно. Листья

желтеют, облетают, как в лета,
когда весь этот дом был обитаем.
Теперь не то, не то. И немота
здесь поселилась. Иногда влетает

заблудший голубь на пустой чердак.
И странно - воркотня невинной птицы
покажется зловещей. Это так,
детали. Надо бы проститься

с верандой пыльной и сойти назад,
и кнопку выключателя потрогать.
Свет не зажжется. Осень. Листопад.
Темнеет рано. Сухо, слава Богу.

Сергей СЕРКОВ

Из недописанной поэмы

Прими, читатель мой, собрание
Веселых ветреных стихов,
Плодов приятного мечтанья,
Неясных дум, кошмарных снов.
Я их значение укрою
Миров туманных пеленою,
Волной таинственных морей,
Речами ангелов, чертей,
Немыслимых наукой строгой.
И если дальнюю дорогу
Тебе однажды скоротят,
И тем сердечно буду рад,
Пусть прослывят они на воле
Забавной сказкою, не боле.

Ученье свет, долой сомненья!
И мы глядим без удивленья
На карапуза лет шести,
Который папы впереди
Шагает с книжкой в детский садик,
Забыв про куколок и мячик,
И по не нашему поет,
Чего и сам не разберет.
Как тут друзья не улыбнуться,
А если в прошлое вернуться,
Чему учили нас, а тут!?
Как быстро знания растут.
Как рано головы светлеют.
В семь лет уж многие умеют
Читать, считать, стихи писать,
Играть на скрипке, танцевать,
А в десять спорят о науках,
О творчества заветных муках
И просят папу объяснить,
Что значит женщину любить,
Его премного затрудняя,
И папа чадо отсылает,
Не мысля выхода найти:
Иди у бабушки спроси.

Шумит, бурлит река познания,
Шатая мощно основанья
Всех устоявшихся наук,
И тысячи нестойких рук
С мольбою о пощаде просят.
Их волны к берегу выносят
И забывают на песке,
В том заповедном уголке,
Что тут квартирою зовется,
Где вся их жизнь неспешно льется
Пред телевизором и нет

Иных занятий. Лишь газет
Порой нестройное шуршанье
В антракте оторвет вниманье
От телесна, и даже здесь
Они привыкли пить и есть.

Вкушают все программы сразу:
И для детей, и по заказу,
И в черно-белом и в цветном,
Глотая все открытым ртом,
Не все, однако, понимая,
А между тем стена глухая
Перед познанием встает
И год от года в высь растет
Средь мнений, что с экрана вышли,
Душа их собственные мысли
Купаньем в пестрой чешуе,
И остаются в голове
Мультсказки, выстрелы, стенанья
И фильмов яркие названья.
Иных поток выносит к цели.
Проходят годы еле-еле,
Все изменяется, течет.
Итак, начнем: родился черт!
Я не скажу, чтоб в этом свете,
Скорее на другой планете,
Каких в галактике полно,
И нам известно всем давно,
Что жизнь и там вполне возможна,
Что доказать довольно сложно,
Пока заветная ракета
Не посягнет на скорость света.
И там вот, близко иль далеко,
Как жаль, что слабо наше око,
И жил наш черт среди чертей,
И их отличие от людей
В хвосте с рогами состояло,
Что жить отнюдь им не мешало,
Поскольку знаем с малых лет,
На вкус и цвет согласья нет.
На счет хвоста судить не смею,
Рога же, мнение имею,
Небесполезны и для нас.
И если б люди в ранний час
Земли рогами обладали,
Творить оружия б не стали,
И громы ядерной войны
Им были б нынче не страшны.
Рогами можно защититься,
С рогами легче вверх пробиться
Под солнце иль в Парнас вступить

И дерзким критикам грозить
С небес оружием суровым,
И, заодно замечу к слову,
Случалось каждому из нас
На фотографиях не раз
Друзей в рогах увековечить,
И то отнюдь их не калечит,
И даже смею утверждать:
Их любят женщины ласкать.
Не зря мужьям порою снятся
Рога, хотя в том грех признаться.

Продолжим, я остановился
На месте, где наш черт родился,
Где крики первые его
Слыхали город или село.
И, право, многим интересно
Узнать, что мне о том известно.
Но здесь хочу вас огорчить,
Всю правду сразу не открыть,
Не потому, что суть ужасна,
А для того, чтобы напрасно
Вы не искали среди друзей
Героев повести моей.

Я дверь слегка лишь приоткрою,
Скажу вам: нашему герою
Иль предкам, может быть, его,
Хоть это было и давно,
Случалось землю посетить.
Черты их можно различить
В пещерах древних. Не секрет,
Что без огня и дыма нет.
Вот почему признаюсь я:
В чертей я верую друзья!
Я знаю, может так случиться,
Что большинство не согласится
Со мною в этом. Как-никак
Для нас невидим их очаг.
К тому ж мы проходили в школе,
Что черта нет, чего же боле?
На что мне трудно возразить,
Но я вас все же убедить
Берусь в противном: даже в нас
Косматый черт сидит подчас,
На перепутье поджидает
И вечно под руку толкает.

Уверен, многим этот взгляд
Предстанет странным, кто же рад
Здесь без привычных нам уверток
Признать в себе пороки черта?
Но без пристрастия взглянитесь,
И вы, наверно, согласитесь,
Что и у нас его черты
Весьма наглядны. Пустоты
Природа никогда не терпит
И, как захочет, так и вертит
Людскими душами. Когда
Достоинств разных, вот беда,

Ей почему-то не хватает,
Чертами черта наделяет
Нас с вами, и такой букет
Частенько видит белый свет.
Характер наш порою сложен,
И внешность иногда похожа,
Есть даже что-то от хвоста -
Не в этом ль наша красота?!

К чему все это, боже правый?
Но подскажите, как управу
Найти на дерзкое перо,
Что даже автору назло
На род людской, как пес, бранится
И, видно, хочет убедится,
Что все-таки не полный вздор
Все то, о чем тут разговор.
А вы, я вижу, приуныли,
Ну что же, знать, не в нашей силе
Занять ваш ум, хотел бы, но...
Но вы, наверно, уж давно
Устали с этой чертовщины,
Ну что ж, достойная причина
Чтоб книжку навсегда закрыть
И тотчас обо всем забыть
Но если все ж такой найдется,
В ком любознательность проснется
Узнать, что скажет наш герой,
Тогда доволен быть собой
Могу я и взамен медали
Вас попрошу продолжить дале.
Заранее благодарю,
Уж там-то я вас усыплю!

Он был не то чтоб кибернетик,
Но электронщик уж вполне
И, что приятно нам вдвойне,
К тому ж был радиолюбитель,
А это, как вы не вертите,
В соединении с институтом
Прекрасным служит атрибутом
Хороших знаний. Не случайно
Был шеф доволен чрезвычайно
Героем нашим и не раз
Не замечал его проказ,
Считая мудро, что с годами
Все шалости исчезнут сами.
Ах да, ну что б мне раньше вспомнить,
Что я забыл вас познакомить
С героем нашим! Вот те раз!
Ну что ж, не поздно и сейчас.
Итак, героя звали Адам,
И в этом слове звуки ада,
Не правда ль, слышатся, друзья.
И далее скрывать нельзя:
Работал он не в сфере рая
(Знать, подвела немного харя),
Пусть из других он выделялся:
И в меру спортом занимался,
И был какой-то там группорг,

И в отзывах о нем восторг
Вполне понятен. Хоть обычно
В характеристиках привычно
Нам лишь хорошее писать,
Но, право, можно полагать,
Что Адам был достоин рая,
Но нынче тех туда пускают,
Кто не одной душой хорош,
А и лицом еще пригож,
Но Адама, как мы сказали,
Здесь за красавца не считали, -
Другой причины не найду
Того, что он служил в аду,
Где множество котлов ужасных
И жарят грешников несчастных.
Точнее, варят: жир коптит,
Да и к тому же дефицит!

Ну что еще поведать вам?
Добавлю только, что и там,
Работая по мере сил,

Он уваженье заслужил
Своих товарищей, чей опыт
Он перенял без лишних хлопот
И даже кой в чем преуспел:
В котлах поддерживать умел
Температуру и давленье
И мимоходом настроенье
У грешных душ он проверял,
О чем пометки оставлял
В дежурной книге из тетрадок -
Такой был заведен порядок.

Но о работе все, довольно!
Итак, мы, кажется, невольно
От темы в сторону ушли.
И что тут странного нашли?
Ведь ежели судить нестрого,
Работаем мы все неплохо!
И, право, лучше перед сном
Мы о любви рассказ начнем.

Мечта

Приласкался к роще ветерок заблудший,
Над полями хлеба разлилась заря.
Что быть может проще, в то же время лучше:
Под покровом неба только ты и я.

Брагой трав хмельною опьяняет души,
Ничего не значит слов пустой трезвон.
Лишь б сидеть с тобою и, обнявшись, слушать:
Как тихонько плачет одинокий клен.

Поделись приятель, почему не весел,
Отчего скучаешь, как тебе помочь?
Может, неприятен звон вечерних песен,
Или не желаешь, чтоб настала ночь?

«Окажи услугу, - тихо клен ответил. -
Помоги мне поле к роще перейти.
Я б себе подругу там по сердцу встретил, -
Не по силам доля: Одному расти».

И с тех слов невольно наклонился к речке.
Впился жадным взглядом, охладил уста.
Мне же тоже больно, на душе не легче,
И со мною рядом лишь одна мечта.

Валерий СИНИЦЫН

СТРАННЫЕ СТИХИ

*Не из обычных людей
Тот, которого манит
Дерево без цветов.
Оницура*

Зима. Ах, сколько простоты в звенящих контурах деревьев.
И с приближеньем темноты - что было рядом, что вдали -
Все видится в двух измереньях первосозданной чистоты.

Начало жизни, ты, не так ли изначально просто -
Образование звезды, рождение белка живого,
Союз двух клеток по любви и эволюции плоды.

Но сколько нужно теплоты, чтобы они, покинув лоно материнства,
Поднялись на ноги, тянулись к свету и цвели
По всем законам красоты, венчаясь совершенством.

*Заплатила дань
Земному и затихла,
Как море в летний день.
Кикаку*

Твои загадочные плечи, необнаженные мечи
Послушных рук в короткой жизни печать отчаянья несли.
Неизъяснимые желанья неуправляемой души
Остались только привиденьем зажженной поутру свечи.

Распятью (ради воскрешенья и искупления грехов),
Дозированным искушеньям - ты предпочла своих богов.
Ушла, как будто дверь закрыла, себе одной воздвигнув храм -
Где потаенные молитвы к задрапированным стенам

Под купола возвысит время и, может быть, поможет нам,
Когда обрыдой жизни стремя нас приведет к твоим стопам.

Загрустила душа - заказала судьбе до родного крыльца завернуть належке.
Постою, помолюсь, поклонюсь вдалеке позабытой мечте и покаюсь в грехе.

Я туда не вернусь. Блудных лет горький вкус и ревнивая грусть мне идти не дают.
Ну зачем же пугать эту робкую рябь детских страхов и грез, что ступени хранят.

Мне они не простят тех несбывшихся снов. Тяжесть ровных шагов мне они не простят.

Не приходи, пока храню воспоминанье о желаньях,
 Что повисали на краю вершин блаженства и сознания.
 Пока еще в твоём плену ночные бродят привиденья.
 Пока блистательная ню дня затмевает пробужденье.
 Пока неясно, почему внезапно гибли и рождались
 Там, на вакхическом пиру, слепые хриплые октавы.
 Не приходи. Пока. Храню.

*Мудрость подобна зеркалу - откликается и не хранит.
 Хуайнань Цзы*

Ты устала, дорогая, отдохни, я раскрою над тобой шатер любви,
 Отодвину все заботы и труды, фиолетовую тяжесть уберу
 С век любимых и мелодию зурны под аккомпанемент дудука подберу,
 Над альпийскими лугами твоих снов пусть парит их нескончаемый покров,

Как терпенье барбарисовых плодов, незабвенность зимних вишенных цветов,
 Будто вязкая хурмяность гроз сухих на громоотводах рук моих,
 Как молитва ко всевышнему за твой вечной памяти священный непокой.

*Небо и земля не обладают человеколюбием.
 Дао дэ Цзин*

Взор в небо обращаем в конце пути, но кто там был в плену ветров
 Среди безжалостных лучей, разящих сквозь разреженный воздух,
 Докуда не доходит даже ни звон колоколов, ни песня муэдзина,
 Мечтают только об одном, как бы продлить пускай никчемную,

Пускай растительную, навзрыд мучительную в плену космического
 Холода и полумрака, но божьим промыслом единственную,
 Неповторимую и до последнего дыхания с надеждой на полет свою
 В кругу избранных неистребимую, наверно, жизнь.

*Зачем от гор и мимо башен
 Летит орел, тяжел и страшен,
 На чахлый пенёк?
 Пушкин*

Жить или не жить, вопрос в младенчестве решен,
 Когда был избран путь: каким-то провиденьем
 Зачем-то отказаться от наследства и узкою тропой
 Вдали от грохота повозки предков, как изгой,

К большой семье прибиться людей простых и грубых,
 Незатейливой душой. Но королевский ужин их,
 Чужих, своих, всех собирающий за стол,
 Так был мне нужен, как оперение птенцу.

Пусть ветры злобятся и кружат - сапсан встал на крыло.
 И как бы ни взлетел он высоко, в какой-то миг,
 Известный лишь ему, - вдруг возвращается к кресту,
 Забытому людьми, который, его завидя, мироточит.

Зима кончается, и ветер, чуть отогревшись на бутру
И на проплешинах проталин, прет буром. И я за ним
Пью запах тающего снега. Как ошалевшая сорока,
Готов взлететь над чешуею наста и расчехлить потемков кобуру.

Я узнаю тебя, любимый, в блеске молний и в отблесках ее в воде,
В объятьях, шепоте и гневе ветра, и в грозном громе,
В белом и пурпурном, в касании прохладном шелка,
И в колыханьи злаковых полей, и в возвышеньи шпилей пагод храмов,

В росистой свежести, журчащем роднике,
В смиренном танце ивы с позолотой и в щедрой шелковицы синеве,
Но как же мне вернуть тебя, родимый,
Если вчера свирели на подносах печально пронесли вслед за тобой.

Россия! Матушка! О, наконец-то, родная речь, благословенный дождь
На раны рваные разлуки, на длительный молчанья заговор.
Приеду в Вологду. Никто не встретит. Сказать по правде - и не провожал.
Залезу с наглецом в беременный автобус. Толкну кого-нибудь. Заговорю.

И так легко, спокойно станет сердцу в протяжном говоре,
В дремотной тишине проулков речки, множества церквушек,
В валах прилуцких и монастыре, где теплится огонь монашских келий
И слышится молитва обо мне.

Дитя мое любимое, прости
За то, что и тебе пришлось пройти
По этой окаянной жизни.

Нежнее звука нет твоей челесты,
Нет голоса нежнее на земле,
Никто среди живых не танцевал милее.

Дитя мое смятения и мрака,
Часов ночных любимец и певец,
Поддунных звездных всполохов стрелец,

Дитя мое любимое, прости,
Что версты превратились в блокпосты,
Контуженные солнечным ударом.

Дитя мое любимое, прости,
Что не преминал караван войны
Пройти мои молитвы и заставы.

Дитя мое любимое, прости
За то, что слишком ранние кресты
Воздвигнуты над нашим волхвованьем.

Умер день. В этом сумраке чутком затихает гвалт сытых ворон.
Дня следы на проталинах холод заковал. Темень сизым крылом
Налегла. На нее тусклым светом огрызнулись глазницы окон.
Ветер сник. Наши два силуэта тишине отдаются в полон.

Чей-то взгляд под вуалью прозрачной, как щемящая тяжесть росы,
Приютившая ветер и солнце на дрожащих листьях,
Как цветы, искупившие ночи затменье перламутровым светом своим, -
Наблюдает за нами повсюду сквозь подрагивание ресниц.

Сначала был соблазн, и любопытство, и кожи нецелованной дурман.
На празднике у паперти стоглавой упал на нас двоих один туман.

Затем решимости влечение; доверчивых движений храм,
Где гасит маятник теченья опустошающий изъян;

Непредсказуемым желаньям послушанье и слезы по распущенным губам;
Колоколов осипших откровенье; блаженства тройственный обман.

Чем оплачу рожденье голубого индиго волн и бирюсу снегов,
Чем заплачу за ласковое слово, раскаты грома, рев слонов,

За теплоту сближенья, ласк скольженья, изъян пещерный и лестничный взлет,
За запах устрицы медовый среди ракушечника плит.

Наверно, мерою и верой в дыхания земного мимолет
И в тайный схрон смешливо-озорного под острием рождений и забот.

Не в зеркале холодном, не в живой воде, ты отражена на мертвом полотне,
И как не тщила рука художника, оно обкрало, твое дыханье твою грусть.
Так время фульминантно обкрадывает торнадо силу.
Так с возрастом теряет силу страх и больше на пародию походит.

Когда любовники уснут, цветы поникнут,
Окрашивает лунный свет в багрянец зелень.

В предчувствии росы лицо мое пылает ало,
Чернеет кипарис, ореха старого серебряные руки

Берут с балкона и несут меня над кроной миндаля
В дворец лавровый. Снежинки звезд, сплетая нить сердец,

Соткут прозрачные одежды. И мне уже возврата нет
Из мира, в котором день за тыщу и розовеют хризантемы.

Я голодал, я верил, ждал, неутомимый странник,
Что звездной россыпи обвал, моей мечты напарник,
За воздержания мои дорогу в храм укажет,
И будут таинства любви витать в ажиотаже.

Пока не взорвалась заря на мелкие осколки,
Пусть будет праздник у меня, как яблоки на полке.
Тот праздник все мы тайно ждем, он смерть возводит на престол
Без гнева, слез и боли, зато по божьей воле.

«Скажи, что больше - былое или будущее?» - спросил младенец мудреца.
«Вопрос твой дерзок. Отвечу так. Да, для меня былое,
Поскольку тянет груз вопросов без ответов.
Куда летит из дула пуля? Зачем мы отдыхаем в день седьмой?

Зачем, чем старше, тем слаще запретный плод?
Путь постижения - оковы. Возможно, времена другие ждут тебя,
Где нет вопросов, нет ответов.
Но будешь ли ты нужен жизни той?»

Я с детства изучал путь древних, сырого пепла путь
И путь печали сердца, все девять областей прошел,
Шесть полюсов, глубины океана, зияние небес, безмерность чисел,
Искреннюю связь и пребывая в сокровенном!

На путь недеяния встал под ритуальный гимн гармоний
И понял, необозримо бытие и не имеет образа его пределов полнота.
Так, окажись я наверху платана или в надире, в глубине колодца,
Пища и радость со мной всегда. Собака, стань бараном.

Расслабься - жизнь прошла. Уже набат стучит в ушах,
И звон на башне - будто отходняк. Уже на лицах молодых
Единую ты видишь маску - самовлюбленности парад.

А стариков потухший взгляд среди рытвин, буераков -
Как холод блиндажей пустых, послевоенных.
И даже завидовать нет сил. Лишь только страх за самых близких
Сбоит сердечный ритм. Но тянет лысая резина. И когда...

Когда вдруг остановится случайно на тебе взгляд из толпы,
Задумчиво приветлив, то хочется поверить
В тот анекдот, где внуку, а не деду девяносто.

Жаль мне книг, лежащих навзничь, жаль покинутых углов,
И тепла своих ночлежек, и невысказанных слов.

Жаль мне сверстников любимых, уж навеки молодых,
Древних стариков былинных, будто бы еще живых.

Слепощарую жаль память, что, наездников любя,

Снова в заросли несется бузины и репея.

И чем далее живу я, тем себя все меньше жаль,
Так как нет такой причины, чтоб не высекла печаль.

Не говорите батю, что меня убили. Пропал, скажите, без вести сынок.
Его я не жалел по малолетству - пусть без меня спокойно поживет.
Повисла моя жизнь безлунной ночью в каком-то пьяном дележе,
Разбитым фонарем, бескрылой гроздьёю на одиноком обесточенном столбе.

Наступит день. Все так же рано поднимется, наверно, он,
Помолится, вздохнет, нечаянно взгрустнет, припомнив то,
Как мы вдвоем весенним утром тащили на реку ковер, и грязь веков
И прошлых поколений с водой проточной капала с мостков.

Чувьркал соловей, и плыл над нами сирени запах, пасся конь
Янтарный на прибрежных травах, кося цыганским оком, и вздыхал.
Пускай всегда надеется на встречу, до дней своих последних ждет
И за меня в день моего рожденья за здравие стопарик замахнет.

Увидят все его походочку лихую и связь времен во взгляде огневом.
И скажут - счастлив по недоразуменью. Вдвойне ж - кто счастья такого оберег.

Превозношенья ниспровергни, преизбыточность распни.
Дар Его неизреченный пребывания расточи.

В малом будет пусть достаток, лишнего не восполняй.
Досточтима разномерность, послушание в чести.

Уделяй по воле сердца, сей не скудно и поженшь.
Нищетою обогащайся, поощрения умножь.

Утешайся утишеньем, помыслом благоговей.
Огорчайся принуждением, не воинствуй во плоти.

Помню детство среди стрекоз, ящериц лугов заливных,
Криков петухов боевых, стройных поленниц, зимних пленниц.
Помню захватывающее дух путешествие на плоту

Из нашей канавы в соседнюю, полную головастиков и тритонов
Среди желтых кувшинок, и ныряние в черную реку пузом
С натужно проплывающих мимо грузов. Помню сову,

Случайно во двор залетевшую и ослепшую от криков вороньих,
И себя, полусироту, заплутавшего в сугробах предновогодних
И в клубах горячих поселковой бани.

Сегодня снегопад, вороны рано на ночлег уселись. Невзрачный день.
Ночь, кажется, застыла. Легло на реки ознобление безропотною сенью.
И, кажется, навеки безрадостно унылые застрехи заплетают космы в косы.
Вдруг вызвездило. Холод. Наст, как кокосовый матрац,
Поутру понесет салазки, девичий визг, ужимки, поземкою вертя. Потеха.

Любое движение бесценно бесцельно.
Любой совет бесценно бесполезен.
Любая система бесценно нестабильна.
Ценно только раскаянье сердца,
Пока оно кается. Цены стоят на коленях.

Магнитной бурей контужен, вдруг со стихиями стал дружен,
С дождями породнился, то мою золото в Сибири, то янтари в Балтии,
То выганцовываю по вершинам, то вниз качусь со всхлипом,
То виноградник Таврии питаю, то паруса кромсаю,

Глотаю пыль пустынь, лесных пожаров пыл,
Вонзаюсь в женственность мидии, в жертвенность ирги,
Знаком мне запахов подвох, вулканов полох
И девственных планет ухабы, что дремлют в ожидании осанны.

Рождение и смерть - вот два греха, а остальное все - огрехи.
Счастлив, кто на себя со стороны смотреть способен.
Таким не страшен наваждений порочный круг и тягостных воспоминаний.
Но частое дыханье зеркала времен пророчит новое кочевье.

Гнев, горе утрат, замочных скважин пересуды,
Оскал болезней и причуд и торжество гниенья над гореньем.
Все пережил сон. Что остается свету?
Лишь отвращенье к плоти да раболепие ее.

Здесь, на обочине, поговорим, дружище, о тумане.
Безветрие материализует пар, энергия молчанья рассеивает свет.
Отрубленные руки ожиданья преобразуют окна в тьму,

Не ту, что под ногами, а в ту, что светится за образами
И дарит ощущение полета на невесомых крыльях в пустоту.
Не плач, дружище, я там тебя найду.

Как нежен сон, в котором ты и я. Там воздух светел и весом,
В нем бездыханные слова по-детски счастливо легки парят.
В ажурном аромате грез на бижутерию волос ложится дымка теплых рос.
Разряды гроз в ущелии ложбин вздымают эхо,
Чертят платиной на золотом. Не исчезай, любовь, постой.

Ну чем нам мил тот пруд с зелеными глазами,
Велосипед, которому сто лет, с зеленой рамой?
Зачем скучаем по зеленому ковру, что на стене висел в отцовском доме
И вспоминаем зеленую ботву, неровными рядами шагающую в общем строе?

Зачем же снится он, заросший омут тот за оврагом,
Который так светился той весной, когда нас детство провожало?
И дождь стеной слепой тяжелый.

В этом доме поселилась старость. На пике одиночества
Стоячий затхлый воздух ухает. В темноте шкафов истлевшее тряпье.
Приборов тусклых столовых перезвон. Еще висят ковры, картины,
Но и они не могут заглушить тягучие ночные стоны.
И все ленивей и ленивей просачивается в окна свет.

Спасибо вам за слезы, спасибо вам за память,
Спасибо за надгробье, спасибо за цветы.
Цветы умрут, надгробие ветшает.
И выпцветает воспоминаний трафарет, но слезы,
Сокровищница горя, слезы с нами. И чист его сосуд.

Свой оберег ищи на бреге диком.
Сомнений груз настигнет, набег ли пленительной волны,
Капризам следуй изменчивой канвы. Ее каприз
Падение и взлет уравнивает, желания и участь примирит.

Одинокие старики
Последним куском
И с мухой готовы делиться.

В гости к детям иду.
Почему же ноги
Свинцовыми стали?

Книги - как хурма
На голых ветках
Зимнею порой.

Смотри - валерьяны зонтик,
Как по небу струится
Косынка птиц.

Старец с сердцем холодным
Плачет так часто,
Будто вчера родился.

Залетела оса.
По углам полетала И прочь.
Тишина... Ждать ли кого?

С умным поспорь,
С дураком не надо -
Скормит свиньям.

Легкий дымок
От росы на свету.
Выскочил гриб на поляну.

Пляшу всю ночь
Под аккомпанемент дождя -
Пусть разольется аромат цветов.

Падают, падают весла.
Уключины стонут.
По теням деревьев плыву.

Гуляли стадом,
Потом на шубу
Пошиты вместе.

Купаемся в море.
Кому ты нужен,
Снег на вершине горы?

Заползает туман
В приоткрытую дверь -
Самоцветной радуги вестник.

Хлещет дождь.
Каково тебе, аист, в гнезде,
Хоть ты и с подругой?

Из яшмы белой
Бусами росы
Покрылась паутина.

Упал паук.
Завис и ждет...
Ах! Не меня ли?

Сбитый каплями дождя,
Рухнул лист кленовый,
Золоченым оперением гремя.

Проснулся от стука...
Ну, слава богу -
Еще сердце живо.

Зарастает в лесу колея.
Стайки грибов совсем
К ней вплотную.

Как вытаявшие лужайки,
Опережают время
Юные красавицы.

Всемирной катастрофы
Ждем. Боимся. К чему?
Кому же горевать о нас?

Вновь удивляет
Морковный на зеленом
Цвет предрассветный.

Хожу на вокзал
В надежде узнать,
Не ищут ли меня.

Проснулся в слезах.
Кто-то грех мой
Взял на себя.

Пора уходить.
Оставил записку на видном месте.
Себе?

Обидел человека.
Обидели меня.
Но это уже не важно.

Жить нечем -
Ни учителей,
Ни учеников.

Инжир не спешит.
Бойтся холодов.
И весна не спешит.

Ожил кизил
Желтком первородным
В черных горах.

Стареют молодые - становятся
зрячи.
Юные радуются своей слепоте.
Но каково все это видеть?

За тыщу верст от дома.
И здесь одиночество нашло меня.
Вдвоем веселей.

Из кизила купил
Трость у хромого
Среди дороги.

Ночной голод -
Вот все,
Что осталось от жизни.

Долго, тщательно
Выметаю лестницу.
Пасмурный день.

Похолодало. Пора
И тебя выгулять,
Старый теплый плащ.

Жив ли ты, друг мой,
Не знаю, но панегирик
Уже написал.

Обещать легко -
Всегда есть надежда,
Что завтра не наступит.

Дайте мне крылья -
Не полечу. Некуда.
Везде люди.

Бутылка вина
Полгода стоит. Ждет.
А друга все нет.

Снова дата. Новый юбилей.
Странно. Прошлое за нами
Или мы за ним?

Виктор ЭЛЛИ

ЗАПАХ ХЛЕБА

Тоска по Родине - на Родине: парадокс какой ужасный!
Так не к добру осыпалась смородина очень рано в день ненастный.

И жизнь - как осень, словно крики журавлиные о чем-то очень грустном.
На лужах солнечные блики, а на душе так пусто... пусто...

Вот уж лес стал заметней: почернел и промок.
Бродит сумрак не летний у обочин дорог.
Чем-то очень знакомым и далеким таким
Пахнет в поле солома: может, детством моим?

Этот запах вдыхаю, и на сердце теплей.
Далеко где-то тают голоса журавлей.
Ах, куда вы летите косяком журавли?
Что сказать вы хотите, плача в серой дали?

Так и годы промчатся: улетят, улетят.
Журавли возвратятся непременно назад.
Только лет моих прошлых уж ничто не вернет:
Их багряной порошей заметет, заметет...

Ах, выйди скорей на крылечко, открой же ревнивую дверь;
Луны золотое колечко на тоненький пальчик примерь.

Пойдем, погуляем немножко: взгляни, как округа мила.
Луна тебе прямо в окошко янтарную грусть пролила.

Бесконечные зимние ночи, снег колючий, да песня ветров.
Ты смыкаешь, любимая, очи в гипнотическом шепоте снов.
Нам с тобой не везло. Приходилось, стиснув зубы, по жизни идти:
Слишком много шипов находилось и рогаток на нашем пути.

Образумилось все. Повзрослели наши дети: не хуже других
Мы с тобой их обули, одели, и теперь мы спокойны за них.
За окном и морозно, и снежно: стыннут клены, метет и метет.
Ты устала, плыви безмятежно от дневной суеты и забот.

Цветочная одворина

Опять знакомым с детства чем-то опажнуло:
Я часто это чувствовал, названья лишь не знал.
И странная тоска зачем-то в лес тянула:
Чего я там забыл, кого я там искал?

Я шел туда, там есть одна поляна -
«Цветочная одворина». Не помнится, кто дал
Название ей такое, но бурьяном
Сегодня путь к ней сплошь позарастал.

Я там любил мечтать: со всех сторон цветами
Так пахло здорово, вдали паслись стада.
И первой рифмой, первыми стихами
Я чуть не захлебнулся там тогда.

А нынче что? Встаю, иду к окошку.
Куда уж там, куда теперь идти?
В такую даль - знакомую дорожку
И днем с огнем, пожалуй, не найти.

Теперь уж я не тот и, лежа на диване,
Пишу о чем-то (черт меня побрал!)
«Цветочная одворина» - волшебная поляна...
И кто ж ее так все-таки назвал?

Сергей РОМАНОВ

БАБУШКИНО ОКНО

Ты, помню, бабушка, любила стоять у этого окна.
Смотреть на город, на березку, на деревянные дома.
Тебе напоминало это твой Лукоянов, дом родной.
Где родилась и вышла замуж. С отцом где жили и со мной.

Там так же печки все топили и свечкой дым шел из трубы.
Смотреть на это все — красиво, как в сказку попадаешь ты.
Тебе старались обеспечить твое спокойное житье.
И в магазин ходить не надо, в квартире чисто и тепло.

Живем все вместе, как хотела, чтоб внуков видеть ты могла.
Недолго ты в окно смотрела, взяла под утро и ушла.
Стою у твоего окошка, но, как в былые вечера,
Не скажешь ты: «Спокойной ночи, иди ложись, тебе с утра».

Галина ПЕРЕВЕРЗЕВА

ВЕНЕЦИЯ, ГОД 1592

Пьеса в трех картинах

Действующие лица:

Джордано Бруно - философ, поэт; 44 года.

Трибунал Венецианской инквизиции:

Лауренцио Приули - патриарх Венеции

Лодовико Таберна - нунций папы римского Климента VIII

Габриэле Салюцци - магистр инквизитор

Алоизи Фускари - сенатор, председатель следственной комиссии

Венецианское общество:

Дожд Венеции

Лючия Мулкади - знатная синьора, жена синьора Мулкади, 25 лет

Августино - великородный синьор, 24 года

Джованни Мочениго - знатный синьор

Контарини - прокуратор Венеции

Синьор №1 - член Совета Мудрых

Синьор №2 - член Совета Мудрых

Кларисса - служанка синьоры Лючии

Моника - дочь Лючии

Франческо Вайя Неаполетанец - крестьянин

Челестино - монах

Грациано - торговец

Папа римский Климент VIII

Гость

КАРТИНА 1

Действие 1

26 мая 1592г., Венеция. Следственная комната трибунала венецианской инквизиции. Мрачное сводчатое помещение. Свет проникает через единственное полукруглое окно под потолком, падая в центр помещения поверх голов сидящих за длинным столом представителей вельмож. За столиком поменьше в отдалении сидит писарь. Алоизи Фускари прохаживается вдоль стола. Обращаясь к писцу, говорит.

Алоизи Фускари. Пиши! Присутствовали: Лауренцио Приули - патриарх Венеции, Лодовико Таберна - апостолический нунций, Габриэле Салюцци - магистр-инквизитор. Председатель - Алоизи Фускари.

Лодовико Таберна. Хочу напомнить уважаемым синьорам, что дело это непростое, и сам папа заинтересован в нем.

Алоизи Фускари. Разумеется, монсиньор, разумеется... (Усаживается за стол.)

Приули (высокомерно). Мы чтим интересы нашей общей святой инквизиции, к чему эти подозрения в нерадении?

Лодовико Таберна. Это не подозрения, пресветлый патриарх, а привлечение вашего внимания к особой ответственности при рассмотрении дела означенного еретика. Это злейших ересиарх, враг папской митры и всему католическому миру. Хочу напомнить, что он шестнадцать лет в розыске, шестнадцать лет ему удавалось избежать правосудия веры.

Алоизи Фускари (примирительно). Может, приступим? Отец Габриэле, начинайте, пожалуй...

Габриэле Салюцци. Введите еретика!

Два стражника вводят в помещение человека среднего роста лет сорока с каштановой бородой и оставляют его в центре, в яркой освещенной зоне. Человек морщится

С а л ю ц ц и. Прежде чем подвергнешься допросу, святой трибунал желает знать, клянешься ли ты пред лицом святой инквизиции говорить правду о содеянных преступлениях? *(В руках держит Евангелие).*

Б р у н о *(положа руку на Евангелие).* Я буду говорить правду. Много раз угрожали предать меня суду этой святой службы. Я всегда считал это шуткой, ибо готов дать отчет о себе.

Члены трибунала переглядываются. Лодовико Таберна надменно усмехается.

С а л ю ц ц и. Какое имя дано тебе при крещении? Из какого сословия ты?

Б р у н о. Мое имя Джордано, я из рода Бруни, родился в Ноле, что в двенадцати милях от Неаполя. Имя моего отца - Джованни, матери - Фраулисса Саволина. Отец по своему занятию был военным. Он уже умер, как и моя мать.

С а л ю ц ц и. Каков характер твоих занятий?

Б р у н о. Литература и все науки. Я - философ.

С а л ю ц ц и. Отрицаешь ли ты, Бруно Ноланец, что выступал против святой церкви, распространяя еретическое учение?

Б р у н о. Непосредственно я не учил тому, что противоречит христианской религии, хотя косвенным образом выступал против. В отдельных своих книгах я излагал философски вопросы, относящиеся к могуществу, мудрости и благодати Бога согласно христианской вере, но основывал свое учение на чувствах и разуме, а не на вере.

Т а б е р н а *(нетерпеливо).* Поведай святому трибуналу, каких взглядов придерживался!

Салюцци недовольно морщится, Приули высокомерно вскидывает голову.

Б р у н о. В целом мои взгляды следующие. Существует бесконечная Вселенная, созданная бесконечным божественным могуществом. Ибо я считаю недостойным благодати и могущества божества мнение, будто оно, обладая способностью создать, кроме этого мира, другие миры, создало конечный и единственный мир.

Я провозглашаю существование бесчисленных отдельных миров, подобных миру этой Земли. Вместе с Пифагором, я считаю ее светилом, подобным Луне, другим планетам, другим звездам, число которых бесконечно. Все эти небесные тела составляют бесчисленные миры, движущиеся в бесконечном пустом пространстве.

Таким образом, есть двоякого рода бесконечность - бесконечная величина Вселенной и бесконечное множество миров. Отсюда косвенным образом вытекает отрицание истины, основанной на вере.

Фускари достает носовой платок и в волнении вытирает вспотевший лоб.

На лицах прочих дознавателей оторопь.

Б р у н о. В этой вселенной я предполагаю универсальное Провидение, в силу которого все существующее живет, развивается и движется.

Я считаю, что этот мир и миры и совокупность миров рождаются и уничтожаются. Все они рождаются и умирают, как живые существа.

Я считаю допустимым для себя мнение, что в этих мирах имеются разумные существа, живые и бессмертные, которых вследствие этого следует скорее назвать ангелами, чем людьми.

Мир по существу своему является одушевленным Телом.

Воздух, который окружает Землю, Луну, Солнце и другие бесконечные созвездия, является общим универсальным Местом, бесконечное и обширное лоно которого содержит в себе всю бесконечную Вселенную.

Это бесконечное и безмерное Тело есть живое существо.

Действие 2

Будуар Лючии. Лючия сидит перед зеркалом и прихорашивается.

Рядом стоит Алоизи Фускари.

Л ю ч и я. Алоизи, и почему это все мужчины так несносны? Вчера синьор Мулкади упрекнул меня в том, что я большая транжира. Он не хочет на меня тратить! Между тем он хочет, чтобы я повлияла на вас и вы замолвили свое словечко о нем в Совете Мудрых. И все это я должна в старом платье? Ну, скажите мне, смогу ли я очаровать вас в уже виденном наряде?

Ф у с к а р и. По правде сказать, дорогая, вы мне больше нравитесь вообще без нарядов...

Л ю ч и я *(встает)*. Фу, Фускари, все же вы лицемер... Наедине говорите совсем не то, что в Совете Мудрых.

Ф у с к а р и *(подхватывая ее под попку)*. Кто же станет в Совете десяти говорить то, что думает?

Л ю ч и я *(кокетливо)*. Действительно, кто, кто?

Ф у с к а р и. Впрочем, вчера я столкнулся с таким ненормальным. И это было не в Совете десяти. Это было в трибунале святой инквизиции! Вы же увлекаетесь философией, моя дорогая, может быть, слышали имя Бруно Ноланца?

Л ю ч и я. Еще бы!

Ф у с к а р и. Ничего более необычного не встречал в своей жизни. Такое впечатление, что он не показания давал трибуналу святой инквизиции, а читал лекцию в Оксфорде!

Л ю ч и я. О чем же он говорил?

Ф у с к а р и. О, это не для ваших нежных ушек, милейшая синьора! Такую крамолу! Такую ересь! *(Начинает возбужденно ходить по комнате.)* О множестве миров, помимо нашего. И будто бы они живые... наверное, он болен головой. Хотя когда он говорит, это кажется правдой.

Л ю ч и я. Как интересно!

Ф у с к а р и *(хмурясь)*. Забудьте о том, что я сказал. Эта персона слишком важна, чтобы быть на языке. *(Тут же на лице его возникает любезное выражение.)* Как жаль вас покидать, но коллегия в Совете Мудрых, увы, призывает... *(Лючия протягивает ему ручку, он касается ее губами.)* Ах, как вкусно вы пахнете... Какая нежная кожа...

Целует снова руку и уходит. Лючия, оставшись одна, кидается к книжному шкафу и начинает поспешно перебирать книги. Из глубины, прикрытой другими, вытаскивает нужную...

Л ю ч и я. Ах, вот она! «Подсвечник», комедия Бруно Ноланца... *(Забирается с ногами в пышном платье на диван... Читает с экзальтацией вслух выдержку из комедии.)*

«Сей век - печальный век, в котором я живу:

Лишен высокого и полон он гордыни».

Входит служанка.

К л а р и с с а. Синьора, к вам синьор Августино.

Л ю ч и я. Скажи ему, что я не принимаю, что занята...

К л а р и с с а. Как так, синьора, это же великородный вельможа!

Л ю ч и я *(с раздражением)*. Тогда скажи, что я занемогла... Да-да, что очень сожалею, но головная боль не позволяет встать с постели...

К л а р и с с а *(неодобрительно поджав губки)*. Дело ваше синьора, но лучше бы его принять...

Л ю ч и я. Ступай, сказала, учить меня еще тут будешь!

Действие 3

Камера тюрьмы венецианской инквизиции. Это небольшое помещение с крошечным окошком наверху, забранном в решетку. В камере трое: Франческо, Грациано, Челестино. Входит Бруно и останавливается у входа, погруженный в раздумье.

Ф р а н ч е с к о. Ну, как там у тебя?

Бруно смотрит на него, не видя, затем взгляд его перемещается на окно, секунду задерживается там, потом возвращается к сокамернику.

Б р у н о. Как? Сейчас скажу... Ну-ка встань под окно!

Ф р а н ч е с к о. Это зачем?

Б р у н о. Хочешь узнать - вставай!

Франческо подходит к окну.

Б р у н о. Нагнись, чтобы я мог встать на тебя.

Ф р а н ч е с к о. Ну вот еще! Зри - не зри - все равно не сбежишь! Чего узреть-то отсюда можно?

Б р у н о. Встань и узнаешь!

Г р а ц и а н о *(лениво)*. Да встань ты, раз синьор просит, что, от тебя убудет!

Ф р а н ч е с к о. Сам вставай! *(Чешет затылок.)* Ну да ладно, все одно - скука...

Наклоняется. Бруно встает ему на спину, хватается за решетку руками и с жадностью вглядывается в небо. Остальные с интересом наблюдают за происходящим.

Ф р а н ч е с к о *(с натугой)*. Ну, чего там видно-то, а?

Бруно не торопится с ответом. Брат Челестино дергает его за рукав.

Ч е л е с т и н о. Ну говори-говори, что видишь...

Б р у н о. Звезды...

Ч е л е с т и н о. А еще чего?

Б р у н о. Снова звезды...

Челестино. Ну, а кроме звезд?
Бруно. А кроме звезд, ничего больше...

Грациано громко хохочет.

Франческо (злбно шипит). Слезай!
Бруно слезает с Франческо. Тот, красный, громко дышит и негодующе смотрит в лицо Бруно.

Бруно. Не сердись. Вот что я тебе скажу: ты думаешь звезды - это просто? Стеклышки бликующие? Нет, каждая звезда - это целый мир, такой же как мир у нас... А их - множество! Понимаешь, множество звезд и множество миров... И все эти миры - огромные, бесконечные, все они - живые! Да-да, они рождаются, как живые организмы... Как мать тебя родила через утробу, знаешь? Так вот и миры рождаются...

Франческо отшатывается от него. Челестино крестится.

Челестино. Узрев бездну непостижимого, ты, наверное, тронулся умом...

Бруно. Я рассуждаю как философ...

Грациано (скептически). Что-то от других философов ничего подобного я не слышал, а парочку их знавал, частенько пили вместе...

Бруно. Кроме меня, нет других философов!

Челестино. Гордыня тебя обуяла, вот что я тебе скажу!

Бруно. Вот дурачьё! Говорю же вам, в Германии признают только мою философию. Вся прочая - чушь!

Челестино с Франческо шепчутся в сторонке.

Франческо. Он точно больной на голову... У нас на соседней улице живет тоже один с придурью, Нико Отрепье, но он так, больше кривляется...

Челестино. Это дьявол в него вселился!

Грациано. Интересно, а почему дьявол избрал его, а не другого, тебя, скажем?..

Челестино отшатывается уже от Грациано и начинает усиленно креститься.

Действие 4

Приемная зала во дворце дожа. Великосветский прием. Дож восседает в кресле на возвышении. Группками стоят вельможи, в стороне - несколько дам. Среди присутствующих Аллоизи Фускари, Августино.

Фускари. Турки требуют за динар по цехину...

Синьор №2. А король Генрих запрашивает полтора цехина за экию...

Синьор №1. Необходимо жестче проводить свой курс!

Дама №1. Представляете, на этот наряд ушло пять метров кружев и четыре тафты...

Дама №2. А я к маскараду заказала платье из китайского шелка и тончайших бельгийских кружев.

Мимо дам проходит Августино.

Дама №1. Синьор Августино, синьор Лоренцио хотел справиться у вас по одному деликатному вопросу...

Августино. Где же сам синьор Лоренцио?

Дама №1. Он в Пизе... Но вечером ожидается... Может, вы почтите своим присутствием наш дом?

В дверях появляется Лючия. Внимание Августино приковывается к ней.

Августино (машинально). Всегда к услугам вашим, синьора, непременно почту...

Августино оставляет дам и идет навстречу Лючии, нарушая церемониал.

Дама №2. А разве синьор Лоренцио не пробудет в Пизе еще неделю?

Дама №1 (отслеживая взглядом Августино). Так что из того, что пробудет?..

Августино подходит к Лючии.

Августино. Синьора Лючия, вам уже лучше?

Лючия смотрит недоуменно.

Августино. Ваша мигрень прошла?

Лючия. О, да... синьор Августино, совсем прошла...

Дож. А вот и наша прелестница, синьора Лючия!

Лючия быстро подходит к дожу и приседает в реверансе.

Д о ж (*любуясь Люцией*). Как здоровье почтенного синьора Мулкади?
 Л ю ч и я. Синьор Мулкади в отменном здравии, сегодня он попросил свое рукоделие и теперь занят вышиванием...

На лицах присутствующих - улыбки...

Д о ж. Какой вздор! Сие не подобает мужчине, тем более высокородному! (*Снисходительно*). Впрочем, в таком возрасте каких только причуд не бывает...

Все смеются.

Л ю ч и я. Ах, ваша светлость, прошу снисхождения к синьору Мулкади... Причуд всегда хватает. И я вся в причудах... Иногда, например, мне кажется, что я мужчина... Настолько воинствен мой дух.... Да, и в такие моменты я готова драться на шпагах...

Дождь встает с кресла, подходит к Люции и целует кончики ее пальцев.

Д о ж. Как восхитительны вы, синьора! С вами наше общество просто оживает! Как повезло синьору Мулкади! Чем вы развлечете нас на этот раз, несравненная?

Л ю ч и я. Если позволите, ваша светлость, я прочту стихи...

Д о ж. Не позволим, а просим, просим...

Л ю ч и я (*читает стихи*):

Увы, увы! Неистовая кровь
 Приказывает мне считать опорой
 Ту муку неизбывную, которой,
 Как счастьем, дарит меня любовь.
 Душа моя! Иль ты забыла время,
 Когда иным речам внимала ты?
 Зачем же ныне тирании время,
 Держащее в оковах маеты,
 Я больше, чем стремленье к воле, славою
 Довольно! Я свой парус ветру ставлю,
 Дабы, презрев и гавань и лазурь,
 В желанную нестись опасность бурь.

Д о ж. Прелестно, прелестно... Как вам удается слагать такие вирши? Ведь муза редко касается женских уст, возможно, потому, что сама женщина... и тянется к мужским... (*Смотрит на реакцию присутствующих. Кто-то одобрительно хлопает в ладоши. На лице дождя - удовольствие*). Но ваше вдохновение - редчайшее исключение... Какая статья строки, словно ваш стройный стан...

Л ю ч и я. Сколь лестны мне ваши слова, высокочтимый дождь, непередаваемо... (*Приседает в реверансе*.) Но я не вправе вводить вас в заблуждение... Увы, эти великолепные вирши принадлежат не мне... Их написал так называемый Бруно Ноланец, поэт и философ...

К дождю подходит синьор №1 и шепчет.

С и н ь о р №1. В прошлый четверг Бруно Ноланец был взят под стражу службой святой венецианской инквизиции.

Дождь хмурится. Фускари приближается к Люции.

Ф у с к а р и (*шипит*). Что вы делаете, синьора?

Люция отвечает ему невинной милой гримаской.

Действие 5

Та же приемная зала, но уже без гостей; в ней находятся только дождь и патриарх Венеции. Приули сидит в том кресле на возвышении, где сидел дождь во время приема.

Д о ж. Сегодня во время приема одна синьора прочла стихи некого Бруно Ноланца...

П р и у л и. Вот как? Любопытно... Думаю, не ошибусь, если скажу, что имя этой синьоры - Люция Мулкади...

Д о ж. Вам уже донесли?

П р и у л и. Это очевидно и без доноса... Кто из дам в Венеции сочиняет вирши? Только синьора Мулкади... Кто столь эксцентричен? Синьора Люция... Но совпадение... Прочсть стихи Ноланца, когда он под следствием инквизиции!..

Д о ж. Синьора Люция - алмаз в венецианском обществе, а алмазы надо беречь, это выгодный торговый мен...

П р и у л и. Да, алмазу надлежит сверкать...

Д о ж (*расхаживая по зале*). А как этот Ноланец попал в святую службу Венеции?

П р и у л и. На него донес высокочтимый синьор Джованни Мочениго, верный сын на-

шей церкви. Он нанял Бруно для обучения мнемонике. Ведь Ноланец прославился непревзойденным искусством памяти. Еще будучи послушником Доминиканского монастыря в Неаполе, был удостоен аудиенцией у папы Павла V. Ему был зачитан незнакомый древнееврейский псалом, и представляете, он воспроизвел его слово в слово! Уже находясь в бегах, этот еретик разработал целую систему и написал трактат по мнемонике, который в мгновение ока разошелся в Париже... Говорят, король Генрих спросил его, каким образом он приобрел столь удивительную память - естественным путем или магическим искусством? На что Бруно якобы ответил: «Это результат науки, сир. Я всю жизнь занимаюсь разработкой механизмов совершенствования памяти, логики, теории познания. Если вашему величеству будет угодно, вы могли бы сами убедиться, сколь обширны человеческие возможности при устремленности». После чего король стал брать у него уроки...

Д о ж. Да, не вовремя Мочениго донес на него... Теперь, пожалуй, уж не воспользуешься его талантами...

П р и у л и. Ноланец собирался оставить Мочениго, поскольку посчитал свои обязательства выполненными... А синьор испугался, что тот примется обучать искусству памяти других...

Д о ж. И донес... Ну, и как идет расследование?

П р и у л и. Он рассказывает такие вещи, от которых краснеют не то что наши уши, а даже стены службы святой инквизиции... Будто бы Бог только и делает, что создает миры... Мир множество, и все они живые. Рождаются, как живые существа... И все они населены разумами, но столь отличными от нашего, человеческого, что скорее их можно назвать ангелами, нежели людьми... Его дерзость безгранична: он заявляет, будто Бог столько же нуждается в мирах, как миры в нем...

Д о ж. Действительно дерзко... Даже очень дерзко! Если каждому подданному позволить подобное свободомыслие, то как сделается возможным управление ими?

П р и у л и. Вот именно! Так что попал он туда, куда надо!

Действие 6

По завершении приема... Проходная зала... Идет Лючия, за ней Фускари.

А л о и з и Ф у с к а р и. Я не думал, синьора, что вы так болтливы!

Л ю ч и я *(холодно, на ходу, стремясь уйти от Фускари)*. Я не понимаю, о чем вы...

Ф у с к а р и *(злясь)*. Зачем вы читали стихи Бруно?

Л ю ч и я. Ах, вы об этом, так в чем беда? Это же стихи, и ничего более...

Ф у с к а р и. Синьора, не увливайтесь! Это стихи опасного вольнодумца, который сейчас находится под следствием святой службы...

Л ю ч и я. Так откуда мне знать это! Я - поэтесса, Алоизи, я увлекаюсь виршами и просто прочитала стихи... Кстати, они очень понравились дожу...

Ф у с к а р и. Да, но до того, как он узнал имя стихотворца...

Л ю ч и я *(с улыбочкой)*. Все же как к нам, поэтам, несправедливы всемогущие мира сего!..

Ф у с к а р и. Нет, вы не хотите меня слышать!

Л ю ч и я. Да, не хочу! Я сделала то, что сделала и не желаю - слышите Алоизи? - не желаю держать в том отчет! Слава Богу, я вышла затем замуж, чтобы быть свободной, и лишь один синьор Мулкади мне указ!

Ф у с к а р и. Вот как вы заговорили, синьора!

К ним подходит Августино.

А в г у с т и н о. Очаровательная синьора, отчего у вас такое сердитое лицо?

Л ю ч и я. Сердитое? Вот как?.. Всею виной спор с синьором Фускари.

А в г у с т и н о. Спорить... с вами?.. О, я сразу бы уступил... Но какова же тема спора?

Л ю ч и я. Мы разошлись с синьором во взглядах на поэзию... Я так трепетно отношусь к поэзии... Ах, Августино, как бы я хотела быть женщиной! Мужчине дозволено все, женщине - ничего!

А в г у с т и н о *(пылко)*. Но разве женщина не владычица мужчины?

Лючия в ответ начинает сочинять экспромт.

Л ю ч и я. Владеть мужчиной - это скучно...

Хотелось миром бы владеть!

Хотелось стать такую бы иметь,

Чтоб неподвластной быть суду людскому...

А в г у с т и н о. Bravo! Bravo! *(Изящно хлопает в ладоши)*.

Л ю ч и я. Да, я хотела бы быть женщиной! Тогда бы я издала другие законы и женщинам позволила бы наравне с собой управлять республикой... Я могла бы посещать все то, в чем

нам, бедным, отказано...

А в г у с т и н о. А я бы этого не желал! Что мне от того, если бы вы были мужчиной? А так... у меня есть надежда завоевать ваше сердце и ваше восхитительное тело... А управлять Республикой... Ха-ха-ха... Но как вы очаровательны в своем порыве!

Целует ручку и отходит. Все это время Фускари был как бы тесним Августино и молча присутствовал при разговоре, но как только тот отошел, заговорил с пылом молодого Августино.

Ф у с к а р и. Дорогая, простите ли вы меня? Я был так слеп! Конечно, вы в первую очередь поэтесса - великолепная, божественная поэтесса... И этим все сказано... *(Берет ее руку и целует кончики пальцев.)* Вы простили меня?

Л ю ч и я. Ваши слова были очень резкими, синьор, однако я прощаю вас, потому что знаю: вы не хотели меня обидеть.

Ф у с к а р и. Так я могу рассчитывать, что сегодня ночью вы примете меня?

Л ю ч и я *(колеблясь)*. Ну, если только синьор Мулкади не окажется препятствием...

Ф у с к а р и *(со смехом)*. Синьор Мулкади не сегодня завтра сошествует благополучно в гроб... Куда ему чинить препятствия? Так, значит, решено, синьора: сегодня ночью я собираюсь доказать вам свою страсть!

Целует ручку и решительно уходит.

Л ю ч и я. Нет, быть женщиной - это всегда потакать мужским желаниям!

Действие 7

Приемная зала во дворце дожа. Коллегия Совета десяти. Присутствуют дож, патриарх Венеции, несколько вельмож. Идет заседание Совета Мудрых.

С и н ь о р №1. Опять Рим вмешивается в дела Венеции!

С и н ь о р №2. Венеция - республика. Она не подотчетна Риму!

Д о ж *(недовольно)*. По какому поводу нунций его святейшества беспокоит нас в этот раз?

П р и у л и *(утрюмо)*. По делу неаполитанского еретика Джордано Бруно.

Д о ж. В таком случае не станем заставлять ждать монсиньора нунция... Пригласите его!

Входит Лодовико Таберна. Не удосуживаясь на приветствие, требовательно переходит к делу.

Л о д о в и к о Т а б е р н а. Ваша светлость и почтеннейшие синьоры! Некоторое время назад был задержан и ныне находится в тюрьме Венеции переданный в распоряжение святой службы Джордано Бруно Ноланец, обвиненный как ересиарх, написавший различные книги, в которых усиленно восхвалял королеву Англии и других государей еретиков. В книгах содержатся возмутительные вещи, касаемые религии, хотя и изложенные философски. Верховный инквизитор Рима светлейший кардинал Беллармино настаивает на передаче этого опаснейшего преступника трибуналу святой службы Рима. С этой целью достопочтенный кардинал повелевает отправить его в Анкону, губернатор которой позаботится затем о доставке преступника в Рим.

Возникает гнетущая пауза.

Д о ж В е н е ц и и *(надменно)*. Что ж, изложенное уяснено. Я буду иметь с синьорами надлежащее суждение, о котором господин нунций будет уведомлен.

Таберна медлит с уходом. На лицах Мудрых холодная вежливость.

Таберна подчеркнуто любезно откланивается и уходит.

П р и у л и *(глядя на дожа)*. Установление порядка выдачи заключенных, которые по всем законам должны быть судимы трибуналом, задержавшим их и ведущим их дело, серьезнейшим образом нарушает права и колеблет авторитет трибунала. Пример с одним преступником будет распространяться в дальнейшем и на другие случаи и причинит огромный ущерб правам ваших подданных...

Действие 8

Высвечивается персона Папы Римского Климента VIII в парадном облачении.

П а п а К л и м е н т VIII *(говорит вслух, будто дает инструктаж или диктует письмо)*. Синьория не проявляет достаточной строгости в случаях ереси, обнаруженных в Венеции. Необходимо проявить больше суровости и применить лучшие лекарственные средства, чем до сих пор. Государство находится в непосредственной близости с еретическими странами.

Надлежит принять меры предосторожности, чтобы эта чума не проникла через границы. Обнаружимая ересь должна быть беспощадно караема. Обо всем, что происходит, надлежит представлять особые сообщения трибуналу Рима...

КАРТИНА 2

Действие 1

Будуар Лючии. Полураздетая Лючия сидит на постели, рядом с ней в одних панталонах лежит Аллоизи Фускари.

Люч и я. Скажите, Фускари, а хорош ли собой Ноланец?

Фускари молчит. Лючия припадает к нему и начинает ласкаться.

Люч и я. Аллоизи, я доказала вам свою любовь, проявите и вы мне свое доверие... Расскажите поэту о поэте... Разве я так много желаю знать?

Ф у с к а р и *(после паузы резко садится, не реагируя на ласки Лючии)*. Судить о нем можно только в превосходной степени, синьора... Он красив мужской красотой, но, сказав это, значит ничего не сказать...

Фускари начинает одеваться: натягивает рубашку, камзол...

Ф у с к а р и. Он силен духом! Он сильнее всех нас! Он сильнее любого из тех, кого я знал! Люч и я *(взволнованно шепчет)*. Настоящий мужчина...

Ф у с к а р и. Адопрашивать его - сущий ад: он мыслью быстр и всегда повернет туда, куда не ждешь! А затем открывается такое...

Люч и я. Что открывается, Аллоизи?

Ф у с к а р и. Нет, дорогая, даже не спрашивайте...

Люч и я *(надув обиженно губки)*. Ну, хотя бы то, как он попал в вашу святую службу, это вы можете сказать?

Ф у с к а р и. На него донес синьор Джованни Мочениго, которого Ноланец обучал искусству памяти.

Люч и я. Какой мерзавец! А ведь как уважаемый входил в Совет десяти...

Ф у с к а р и. Милейшая Лючия, где же взять других? Все Божьи ставленники с пороками...

Люч и я *(кокетливо)*. Не все! Вы же не таков...

Фускари расплывается в довольной улыбке, но тут же она гаснет.

Ф у с к а р и. Но я прошу вас, дорогая, не проявлять осведомленности в разговорах...

Целует Лючию и уходит. Лючия звонит в колокольчик, появляется Кларисса.

Люч и я. Приготовь мне розовое платье!

Кларисса выходит.

Люч и я *(громко восклицает)*. Ну где же я была, когда Ноланец обучал этого мерзавца Мочениго искусству мнемоники!

Входит Кларисса с платьем. Начинает одевать госпожу и, любясь той, приговаривает.

К л а р и с с а. Не пойму, синьора, и зачем вы вышли замуж за синьора Мулкади? Вас бы почел за счастье повести к венцу любой вельможа Венеции...

Люч и я. Кларисса, неужели ты не понимаешь?

К л а р и с с а. Нет, госпожа, хоть убей... За вами ухаживает столько знатных синьоров... Чего только стоит синьор Августино - красавец, молод и пылко в вас влюблен... Вы же не замечаете его, а дарите свою благосклонность уважаемому синьору Фускари... И это, надо заметить, греховная связь... Все же он женат на почтенной синьоре!

Люч и я *(грубо)*. Ну, не тебе меня судить!

К л а р и с с а *(испуганно)*. Простите, синьора! Я не то, видно, сболтнула... Это все мой язык глупый... Я ведь хотела только сказать, что если бы у меня был выбор, то я непременно из высокородных синьоров выбрала бы красавца, а уж не синьора Фускари, хоть он и сенатор, и тем более синьора Мулкади...

Люч и я. Как ты забавна, Кларисса! Меж тем это так просто... Как в наше время женщина может обрести свободу? Только через брак! Молоденькой девушке общество возбраняет все, считая своим долгом блюсти ее нравственность, а вот замужней дамой не так-то просто управлять... Управление ею передоверено мужу... А если муж слаб, немощен, то какая у него узда? Нет, дорогая Кларисса, я ни за что не променяю своего брюзгу Мулкади на племенного красавца. Красавец хорош лишь в постели... А что потом? Потом он требует верности себе... Но верность - что! Это еще пустяк! Ведь он начинает указывать во всем и не дает дышать! Нет

уж, уволь... Поверь, козлорогий старый пень намного удобней в мужьях...

Действие 2

Высвечивается в парадной мантии Климент VIII.

Климент VIII (*произносит вслух, как при инструктаже*). Венецианцы ненавидят трибунал инквизиции. Они заявляют притязания властвовать над церковью, а это не согласуется с порядками и статутами инквизиции. Кроме того, они любят разнузданную свободу, которая чрезвычайно велика в этом городе Венеции, и относятся с пренебрежением к учению религии и догматам. Многие живут не так, как подобает христианам. Но будет весьма печально, если порвется слишком натянутая нить; как бы это не явилось причиной каких-нибудь малых или даже больших осложнений...

Действие 3

Трибунал Венецианской инквизиции. За столом прежние дознаватели:

Алоизи Фускари, Лодовико Таберна, Приули, Габриэле Салюцци.

Все так же свет падает поверх их голов, туда, в центр помещения, где стоит Бруно.

Но свет так ярок, что Бруно практически засвечен. Гулко звучат слова Салюцци.

Салюцци. Что требуется для спасения?

Из засвеченного пространства раздается бесцветный голос Бруно.

Бруно. Вера, надежда, любовь.

Таберна. Убежден ли ты, что души бессмертны? У нас есть свидетели, которые утверждают, что ты говорил о том, будто души переходят из одного тела в другое. Так ли это?

Фигура Бруно становится более явственной, в голосе начинают пробуждаться оттенки.

Бруно. Я держался и держусь мнения, что души бессмертны, представляют собой подлинныя существа, самостоятельные субстанции. Говоря по-католически, они не переходят из одного тела в другое, но идут в рай, чистилище или ад. Однако я обдумывал это учение с точки зрения философии и защищал тот взгляд, что если душа может существовать без тела или находиться в одном теле, то она может находиться в другом теле так же, как в этом, и переходить из одного тела в другое. Если это неверно, то, во всяком случае, весьма правдоподобно и соответствует взгляду Пифагора.

Салюцци. Какого мнения держался о Христе? Сомневался ли в воплощении Слова?

Фигура Бруно обретаает окончательную отчетливость. Голос набирает силу.

Бруно. Я полагал, что Божественное Слово присутствовало в человеческой сущности Христа личным образом, поскольку между бесконечной божественной сущностью и конечной человеческой нет такого соотношения, как между душой и телом. Из моих сомнений в воплощении вытекает, что я колебался относительно его непостижимого характера. Говоря богословски, мне казалось неподобающим утверждение, будто божество могло соединиться с человеческой сущностью иначе, как в форме соприсутствия. Отсюда, однако, не вытекает взгляда, противного божественности Христа, и той божественной ипостаси, которая называется Христом.

Салюцци. Помнишь ли ты все книги, которые печатал и писал?

Бруно. Я составил список всех своих напечатанных книг, а также написанных, но еще не изданных работ, которые собирался издать во Франкфурте или другом городе. Вот этот перечень.

Протягивает сложенный лист. Члены трибунала переглядываются. Лодовико Таберна поспешно встает и, подойдя к Бруно, выдергивает лист из его рук.

Таберна (*читает вслух*). «Различные наши книги, напечатанные в разных странах: «О бесконечности, вселенной и мирах», «О причине, начале и едином», «Пир на пепле», «О героическом энтузиазме», «Изгнание торжествующего зверя» и пр.

Салюцци. Приложите список к делу!

Таберна кладет список на стол. Его пробегает глазами Приули, хмурится.

Приули. Действительно ли напечатанные книги изданы в обозначенных на них городах и странах или в иных местах?

Бруно (*спокойно*). Все книги, кои содержат указание, что напечатаны в Венеции, на самом деле изданы в Англии. Если бы значилось, что они сделаны в Англии, продавать их здесь оказалось бы гораздо труднее.

Затемнение.

Действие 4

Высвечивается прежнее пространство - следственное помещение.

За столом в молчании сидят те же персоны: Приули, Таберна, Салюцци, Фускари.

Приули. Ну, что скажете, синьоры?

Лодовико Таберна. Что можно сказать, ваше святейшество, кроме одного: все ясно, как стакан воды, как вера Христова! Изворотливейший еретик! Его необходимо направить в Рим!

Салюцци. Я согласен с тем, что не просто доказывать его вину...

Таберна. Рим сумеет заставить Ноланца отказаться от своих взглядов... Отречется, еще как отречется! Рим...

Приули (*вскипая*). Монсиньор нунций, венецианская инквизиция свое дело знает не хуже римской!

Таберна пытается сдержать негодование.

Фускари. Хорошо бы ознакомиться с его сочинениями... Понять, с чего это у него началось, ведь, говорят, сам папа к нему благоволил... Он мог бы сделать прекрасную карьеру...

Действие 5

Тюремная камера. Бруно стоит, опираясь спиной о стену.

Руки сложены на груди. Насмешливое выражение лица.

На полу сидят Грациано и брат Челестино. Франческо лежит.

Грациано. Все философы - алхимики! Ты, наверное, тоже алхимик?

Челестино (*возбужденно вскакивает*). Ну да, конечно! Ты нашел философский камень и не хочешь выдать секрет нашей славной церкви! Где твое золото? Отдай церкви, и тебя отпустят с миром. А на остаток откупи нас и тебе зачтется богоугодное дело...

Франческо (*садится*). И меня, меня выкупи! Вспомни, как я тебе подставлял спину...

Бруно. Мне и без вас зачтется, ибо я провозглашаю истину.

Челестино. Какую истину? (*Кривляется*.) Что звезды живые?

Бруно (*спокойно*). Я верю в человеческий разум! А ваш разум - это насмешка над природой! Вам бы только жрать, да размножаться...

Челестино. Но пока что в темнице сидишь ты сам, и сгниешь здесь...

Бруно. Все же все наши монахи - ослы. Жадные и тупоголовые. Надо отнять у них доходы, ибо они позорят мир.

Челестино в негодовании поворачивается к Бруно спиной.

Несколько мгновений все молчат. Затем Грациано, явно забавляясь, произносит.

Грациано. Франческо, может, и мне подставишь спину, я тоже не прочь взглянуть на звезды...

Франческо. Ну уж дудки!

Бруно с интересом смотрит на Грациано.

Бруно. А ведь и вправду, Грациано, Земля и другие мировые тела являются живыми существами не в меньшей степени, чем те, которые мы обычно считаем таковыми... Что ж, если хочешь взглянуть на звезды, то вот тебе моя спина...

Бруно подходит к окну и опускается на колени. Улыбка сползает с лица Грациано.

У Франческо от удивления открывается рот.

Челестино подносит руку к крестному знамени, но начинает икать...

Бруно. Ну же...

Грациано с минуту колеблется. Затем решительно подходит к Бруно и влезает к нему на спину. Хватается за решетку и приникает к окну.

Грациано (*восхищенно*). Действительно, звезды...

Действие 6

Приемная зала во дворце дожа. Идет заседание коллегии Мудрых с теми же персонами, исключая Приули. Перед членами стоит Таберна.

Таберна. Вновь обращаюсь в превосходнейшую коллегию относительно брата Джордано Бруно Ноланца из Неаполя, задержанного и заключенного в тюрьму инквизицией. Это

отступник, писавший и издававший еретические книги, причем на некоторых из них стоит, что они напечатаны в Венеции, тогда как на самом деле они изданы в еретических странах. Будучи преследуем, он бежал из Неаполя. Проживал в Женеве, Франции и Англии, находился в постоянном общении с еретиками и открыто защищал свои взгляды. Это заведомый ересиарх и не только по менее важным вопросам, но и относительно воплощения Спасителя нашего и святейшей Троицы. Его святейшеству угодно, чтобы он был направлен в Рим для доведения до конца судебного преследования. Он просит, чтобы его светлость выразил согласие и разрешил отправить указанное лицо в Рим, ибо там обитает правосудие.

С и н ь о р №1. Соблюдая полное уважение к святому трибуналу, установленному судить преступников здесь же, на месте, и осуществлять истинное правосудие, нельзя считать правильным, чтобы преступники отсылались отсюда в Рим. В данном вопросе можно сделать много ссылок на определенные для этой цели установления святой службы.

Т а б е р н а. Указанное лицо - неаполетанец, а не подданный Венеции. Кроме того, преступники уже выдавались Риму в двух дюжинах случаев, столь же исключительных, как этот, ибо трибунал Рима есть глава и высшая инстанция для всех остальных трибуналов.

С и н ь о р №1. Превосходительнейшие синьоры совместно обсудят дело, воодушевленные желанием всегда оказывать его святейшеству всяческое возможное удовлетворение...

Действие 7

*Великосветский прием в апартаментах дожа в честь иностранного гостя.
Те же синьоры и те же дамы, а также Джованни Мочениго. Члены трибунала отсутствуют. Дож стоит рядом с иностранным гостем, Лючия - вместе с дамами.*

Г о с т ь. Я поражен Венецией! Это чудо! Жемчужина среди городов! А сколь демократично правление! Совет десяти! Какой возвышенный строй мысли! Здесь даже по-особому дышится!

Д о ж. О, да! Мы неустанно печемся о благе наших подданных, и вот результат - республика процветает: с нами ведут торговлю самые крупные королевства, а венецианское стекло высоко ценится в мире...

Г о с т ь. Да, ваши стеклодувы достигли совершенства в мастерстве и ревностно хранят свои тайны... И книгопечатанье процветает. Я приобрел несколько книг, где указано, что они отпечатаны в Венеции... Стихи Петрарки в исключительном сафьяновом переплете...

Д о ж. О, да. Венеция живет торговлей, искусством и любовью... А как вам наши венецианки?

Г о с т ь (*окидывая взглядом дам*). Выше всяческих похвал!

Дож подводит его к дамам

Д о ж. Позвольте вам представить синьору Лючию, она управляется со стихами с той легкостью, с какой прочая венецианка ведет свой дом. (*Лючия*). Продемонстрируйте, прекрасная, свое искусство.

Лючия делает шаг им навстречу, оставляя дам за собой.

Л ю ч и я. Поэт, которого посетила муза, стих рождает прямо на ходу!

Г о с т ь. Вы пишете стихи?

Л ю ч и я. Да, я сочиняю вирши!

В поэзии мои уста...
И муза так легка,
Так пламенна,
Так простодушна,
Что будто бы не я
Вершу свой стих...
А кто-то за меня его творит...
Спускает с неба,
С той звезды,
Которая сюда глядит,
Склонив свой лик
К земле радушной...
И вот уже в слова облачены
Дыханье трепетной души...

Г о с т ь (*аплодирует*). Прелестно, прелестно...

Вельможи вторят ему. Дамы неприязненно молчат.

На лице дожа - удовлетворение. Гость целует ручку Лючии.

Г о с т ь. Вы поразили меня в самое сердце! Я был во многих королевствах, но нигде не

имел удовольствия свести знакомства с дамой, сочиняющей вирши... Нет, Венеция неподражаема! Прекрасная синьора, позвольте нанести вам визит?

Л ю ч и я. Почту за честь, синьор... *(приседает в реверансе).*

Дождь увлекает гостя в сторону.

Д о ж. Могли бы мы с вами договориться вот по какому вопросу...

Вельможи также подходят к Лючии для поцелуя руки. Лючия принимает эти поцелуи, как королева. Одним из последних подходит Мочениго. Наклоняется к поцелую, но Лючия отдергивает руку. Мочениго смотрит недоуменно.

Л ю ч и я. Иуде руку подавать
Не тянется душа...
Поэта инквизиции предать -
Страшнее нет греха!

Мочениго бледнеет и удаляется оскорбленный. К Лючии подходит Августино.

Л ю ч и я *(резко)*. На что бы вы решились ради обладания мною?

А в г у с т и н о *(взволнованно)*. На все, что прикажете!

Лючия пристально смотрит на него.

Л ю ч и я. А если я потребую денег для побега заключенного, вы поможете мне?

А в г у с т и н о *(хрипло)*. Да.

Л ю ч и я. Это опасный еретик... Вы готовы к такому риску?

А в г у с т и н о. Иначе ведь мне не заполучить вас?

Л ю ч и я. Вы правильно понимаете, синьор.

А в г у с т и н о. Я хочу обладать вами немедленно!

Л ю ч и я *(насмешливо)*. Прямо здесь, в этой зале, при всех этих свидетелях?..

А в г у с т и н о *(серьезно, не принимая ее игривого тона)*. Нет, через час, в гроте святой Анны...

Л ю ч и я *(так же серьезно)*. Хорошо, синьор.

А в г у с т и н о. Но это еще не все! Вы выйдете за меня замуж...

Л ю ч и я *(резко)*. Вы забываете, синьор, у меня есть муж - синьор Мулкади!

А в г у с т и н о. Этой рухляди осталось совсем немного утруждать своей персоной белый свет. Так вот, божественная, я требую, чтобы сразу после его кончины мы повенчались...

Видно, что Лючия колеблется.

Л ю ч и я *(зло)*. Вы требуете от меня слишком многого!

А в г у с т и н о. А вы? *(Расслабляясь.)* Назовите имя своего еретика!

Л ю ч и я *(после внутренней борьбы)*. Хорошо, я согласна...

Августино хищно припадает к ее руке.

А в г у с т и н о *(победно)*. Итак, я удаляюсь и жду вас в гроте святой Анны...

Августино уходит, вслед за ним уходит и Лючия.

Стоящие в отдалении дамы начинают переговариваться между собой.

Д а м а №1. Лючия Мулкади невыносима! Когда она появляется, других дам словно и не существует! Если бы не покровительство дожа...

Д а м а №2. Если бы она не писала стихи...

Д а м а №1. Подумаешь стихи! Не все же их любят!.. Нет, синьоры увиваются за ней не из-за ее виршей! Им нужно ее тело...

Д а м а №2. Мне показалось, что гость был очарован ее виршами...

Д а м а №1. Нет, вирши у нее только приманка... Ловкая сеть для мужчин... И гость туда легко угодил! Вы слышали? Он собирается нанести ей визит.

Д а м а №2. Еще как слышала!

Д а м а №1. А что в ней особенного? Наши достоинства не хуже!

Д а м а №2. Да, не хуже... А синьор Августино нанес вам визит?

Д а м а №1 *(мрачно)*. Нет.

Д а м а №2. А синьор Лоренцо уже вернулся из Пизы?

Д а м а №1. Нет, пока еще пребывает в Пизе...

Д а м а №2. Да, синьор Августино достойнейшая внимания персона... *(Со вздохом)*. Как жаль, что он не замечает дам! Но вы не расстраивайтесь, быть может, он еще засвидетельствует вам свое почтение... А там, глядишь, и нам...

Д а м а №1. О нет, смотрите правде в глаза: пока Лючия Мулкади будет пребывать в нашем обществе, этому не бывать! А чтоб ей пропасть!

Действие 8

*На фоне декорации следственного помещения... На авансцене появляется Салюцци.
Его останавливает неожиданно возникший Мочениго.*

М о ч е н и г о. Ваше преосвященство! Высокочтимый магистр-инквизитор! Охраняя интересы нашей святой инквизиции, считаю своим долгом переговорить с вами об очень щекотливом деле...

С а л ю ц ц и (*с интересом*). Я весь во внимании, сын мой...

М о ч е н и г о. Есть все основания полагать, что синьор Алоизи Фускари не хранит тайны следствия святой инквизиции и разглашает их своей любовнице Лючии Мулкади...

С а л ю ц ц и (*сурово*). Сколь доподлинно сие?

М о ч е н и г о. Доподлинней не бывает... Синьора недвусмысленно дала мне это понять, высказав свое презрение из-за этого еретика Бруно...

С а л ю ц ц и. Ваши заслуги перед лицом церкви несомненны и растут с каждым часом, но это дело столь тонкое, что не советую вам разглашать сие еще кому-либо: когда колесо крутится, от усердия легко угодить под него самому...

Мочениго бледнеет и, отвесив поклон, уходит. К Салюцци подходит Таберна.

Т а б е р н а. Какие новости принес синьор Мочениго?

С а л ю ц ц и. Никаких. Мы вели почти светскую беседу.

Т а б е р н а. Светскую? С отцом инквизитором?

С а л ю ц ц и. Помимо прочего, синьор Мочениго сетовал на то, что мало делает для святой службы...

Т а б е р н а. Мало? Да за одного Бруно святая церковь отпустит ему все грехи! Этот Ноланец ересиарх среди еретиков! Смута в смуте! Гвоздь в башмаке! Опаснейший вольнодумец! Нет, поболее таких, как Мочениго, и лютеранство, кстати, не возникло бы. Удалось бы пресечь на корню, а Бруно, который в тысячу раз хуже, чем само лютеранство, еще в зачатъе. Вы сами зачитывали трибуналу доносы брата Челестино о том, что Ноланец творит с людьми! Сидящий с ним в одной камере торговец Грациано уже тянется к звездам! Нет, идеи Бруно надо выжигать каленым железом, и я бы очень просил вас в содействии передачи Джордано Бруно римскому правосудию.

С а л ю ц ц и. Вопрос о передаче Бруно в лоно римской службы святой инквизиции находится в компетенции Совета Мудрых и непосредственно дожа Венеции. Но мы столь же усердно печемся об интересах нашей общей святой инквизиции, как и нунций его святейшества, а потому опасный вольнодумец во избежание распространения заразы своего учения отныне будет пребывать в одиночной камере.

КАРТИНА 3**Действие 1**

*Бруно сидит на соломе в одиночной камере.
Одна стена забрана в решетку. В ней - дверь.*

Б р у н о. Они думают, что философа сломит одиночество, но они забыли, что поэту одиночество порой необходимо! А сейчас я чувствую, как стихи врываются в мой мозг, мою душу... и поэма о себе самом просится к исполнению... Слова текут, и я уже в плену поэзии... И вот она...

Бруно погружается в слагаемую поэму, и перед зрителем начинают разыгрываться образы... Тюремщик подводит женщину в черном плаще с накинутым на голову капюшоном. Открывает замок на двери. Женщина протягивает тюремщику монеты. Тюремщик уходит. Сидящий на соломе Бруно с интересом наблюдает. Женщина откидывает капюшон и решительно входит в камеру, лицом она похожа на Лючию. Бруно становится участником этих образов.

Ж е н щ и н а - Л ю ч и я. Так вот каков великий Ноланец!

Б р у н о (*холодно*). Кто ты?

Л ю ч и я. Не бойся, я - твой друг...

Б р у н о. Как странно слышать это здесь...

Д р у г в этих стенах... Увидим, в чем ты друг!

Бояться мне тебя - какая же нужда?

Нет, женщин не боюсь...

Хотя среди них есть те, кто правит миром,

И, стало быть, вершат суды...

Лю ч и я. Спасти пришла тебя!

Бруно встает.

Б р у н о. Спасти? Да кто ты! Почему такая вдруг забота?

Лю ч и я. Философ должен жить!

Б р у н о. Ужель? Сократ так не считал

И принял яд из рук услужливых Афин...

Лю ч и я. Но ты ведь не Сократ!

Б р у н о. Кто знает, может быть, душа его...

Лю ч и я. Опомнись, Ноланец, костер покруче яда!

Б р у н о. Идеи не горят!

Лю ч и я. Но ты сгоришь!

Б р у н о. Тебе-то в чем беда? Сгорю, и что?..

Лю ч и я. Люблю тебя! Хочу, чтоб жил...

Б р у н о. Какой абсурд! Любить меня - что небо целовать...

Сумеешь поцелуем коснуться ты звезды?

Лю ч и я. К звезде не дотянусь, но вот тебя

Сумела бы зажечь в горячке ласк...

Возьми меня! Джордано, я твоя!

Тянется к нему губами.

Б р у н о. Не ведаешь, чего желаешь...

Давно зажегся я и весь горю,

Что мне костер, одна стихия ...

Сродни друг другу мы и свету той звезды,

Что к нам летит из толщ Вселенной...

Оставь же прелести свои себе... Прости.

Любовью к женщине не опорочусь я...

Есть большая любовь, на том стою!..

Лючия сникает.

Лю ч и я. И что же это за любовь,

Которой дела нет до женской боли?

Б р у н о. Вселенской называю я ее...

Разлита в космосе она,

И в каждом есть ее частица,

В тебе, во мне и даже в той лозе,

Что склон Везувия покрыла вслед за пеплом.

Любовью этой я распят, и ею же зажжен,

И на ее алтарь несу свои труды...

Лю ч и я. Так, значит, зря пришла?

Б р у н о. Выходит, зря.

Лю ч и я. Но почему желаешь ты костра?

Затемнение

Действие 2

На фоне приемной залы дожа... Авансцена... Салюцци подходит к Лючии.

С а л ю ц ц и. Уважаемая синьора, разве вы не знаете, что персоны, интересующиеся еретиками, вызывают сами интерес службы святой инквизиции? Ибо они начинают носить в душе еретичное семя... Уж не знаю, как и помочь вам, великолепная синьора... Вы представляете, как огорчено будет все венецианское общество лишиться такой прелестницы... Как опечалится сам дож, потеряв возможность лицезреть вас в своем окружении...

Лю ч и я (*напряженно*). Что вы хотите всем этим сказать?

С а л ю ц ц и. Я хочу спасти вас... (*Подходит к ней вплотную и берет рукой за грудь.*) Я не могу и помыслить, чтобы такая прекрасная фактура пострадала от огня...

Лю ч и я (*не шелохнувшись*). Так не допустите этого...

С а л ю ц ц и. Вы были очень неосторожны, дорогая, и дело будет трудно замять... Я рискую, вы же понимаете... А риск требует вознаграждения...

Лю ч и я (*холодно*). Вы получите его!

Салюцци прижимает ее к себе.

С а л ю ц ц и. Когда?

Лю ч и я (*выгибаясь*). Какие ваши гарантии?

Салюцци демонстративно отпускает ее и смеется.

С а л ю ц ц и. Их нет, синьора, и быть не может... Только лишь честное слово и честное побуждение...

Л ю ч и я (*приседая в реверансе*). Полагаю, что честное побуждение магистра-инквизитора может служить самой надежной гарантией...

Действие 3

Высвечивается в парадном одеянии персон папы римского.

Папа Климент VIII (*произносит вслух, словно диктует письмо*). Главная обязанность судилища инквизиции состоит в том, чтобы защищать дело и честь Бога против хулителей, чистоту святой католической религии против всякого зловония ереси, против всех, кто сеет схизму, будь то в учении или в лицах и делах ее.

Действие 4

Коллегия во дворце дожа, приемная зала.

Присутствуют те же персоны из Совета Мудрых, за исключением дожа и Приули.

Перед членами Совета стоит Лодовико Таберна.

Т а б е р н а. Превосходнейшая коллегия! Пресветлые синьоры! По поручению святой римской инквизиции я прибыл узнать, какое решение вынесено относительно отправки в Рим опаснейшего еретика Бруно Ноланца? Корабль к отплытию готов и ждет в гавани...

С е н ь о р №2. Светлейший монсиньор нунций! Дело, относительно которого вы хлопочете, важное и должно быть глубоко обсуждено. А сейчас имеется много серьезнейших государственных вопросов. Поэтому мы не смогли вынести решения.

Действие 5

На фоне декорации трибунала венецианской инквизиции... Салюцци и Фускари.

С а л ю ц ц и. Милейший Фускари, как, вы думаете, инквизиция относится к тому, кто разглашает тайны следствия? Исключительно из симпатии хочу предупредить: на вас поступил донос.

Ф у с к а р и (*бледнеет*). Каково содержание доноса?

С а л ю ц ц и. Мне бы не уведомлять вас, но мы делаем одно общее дело: чистим веру Христову от всякой ереси, и смею надеяться, что придем к единому мнению относительно Бруно... И никакие личные мотивы не возобладают в принятии окончательного решения...

Ф у с к а р и (*хрипло*). Каким ему надлежит быть?

С а л ю ц ц ы. Джордано Бруно должен быть судим церковным судом Венеции и передан светской курии лишь для исполнения приговора!

Ф у с к а р и. Вы метите в патриархи?

С а л ю ц ц ы. Нашей судьбой заведует Бог, я лишь хочу надлежащим образом исполнить свой долг... Так как мне поступить с доносом?

Ф у с к а р и. Относительно еретика Бруно я придерживаюсь того же мнения: он должен быть судим церковным судом Венеции, о чем и будет уведомена коллегия.

С а л ю ц ц и. Я знал, что в вашем лице найду союзника! Вам следует поменять любовницу, Фускари, и тогда донос рассеется, как дым...

Действие 6

Будуар Лючии. Лючия читает книгу. Слышен голос Клариссы: «Синьор, позвольте доложить о вас!» Далее голос Фускари: «Ах, оставьте ваши предрассудки!»

Появляется Фускари. За ним бежит Кларисса.

Ф у с к а р и (*рывает на Клариссу*). Пошла вон!

Л ю ч и я. Иди, Кларисса! (*Кларисса уходит*). В чем дело, синьор?

Ф у с к а р и. Вы все-таки слишком болтливы, синьора! Ваш язычок доведет до инквизиции!

Л ю ч и я (*холодно*). У меня много покровителей... Например, вы... Вы ведь защитите меня?

Ф у с к а р и. С инквизицией не шутят!

Л ю ч и я. Я и не шучу! Я вас прямо спрашиваю: вы защитите меня?

Ф у с к а р и. Вы думаете, все в моей власти?

Л ю ч и я. А вы полагаете, что я нуждаюсь в трусливом любовнике? Инквизиция, инкви-

зияция, инквизиция... Без оглядки уже и дышать невозможно... Вы - председатель трибунала, а трясетесь, как овца!

Ф у с к а р и. Да вы понимаете, что существуют определенные правила? И я не собираюсь их пробовать на прочность! Да-да, именно потому, что я председатель трибунала, я не играю в опасные игры, какие бы чувства мной ни владели!

Л ю ч и я (*холодно*). А ради меня вы способны пойти на должностное преступление?

Ф у с к а р и (*резко*). Нет!

Л ю ч и я. Я разочарована в вас, Аллоизи! И прошу покинуть мой дом... навсегда!

Фускари в бешенстве выбегает и чуть не сбивает с ног гостя...

Г о с т ь. Синьор!..

Ф у с к а р и. Еще труп не охладел, а ему уже замена...

Г о с т ь. Что? Соболаговолите объяснить!

Ф у с к а р и. Приношу вам свои извинения, синьор...

Действие 7

Одинокая тюремная камера. Бруно сидит на соломе. Стражник открывает дверь и впускает женщину. Все повторяется буквально, как было в сцене, когда он сочинял поэму. Бруно поднимается в удивлении.

Б р у н о. Я грежу, что ли? Кто ты?

Л ю ч и я. Лючия.

Б р у н о. Зачем пришла сюда ты?

Л ю ч и я. Тебя увидеть!

Б р у н о. Что ж, смотри...

Лючия жадно вглядывается.

Л ю ч и я. Теперь я знаю, что он прав! Велик ты духом!

Б р у н о. Что за наваждение!

Л ю ч и я. Несколько месяцев я думаю только о тебе, с тех самых пор, как узнала, что ты томишься в этой клетке... Ты знаешь, Ноланец, никто не занимал так много места в моих мыслях... А виной тому - твои книги. В них есть то, что нас роднит.

Б р у н о (*забавляясь*). И что же это?

Л ю ч и я. Дух свободы! Не терплю оков! Мне тесно в этом мире с его удушливыми рамками! Ты иной, чем все! Ты без границ! Я ощутила это! Ты весь - полет! Великий Ноланец, хочешь взять меня здесь, сейчас, прямо на этой полусгнившей соломе? Бери! Я твоя!

Бруно ласково улыбается и проводит рукой по ее лицу.

Б р у н о. Есть любовь, которая выше плотской... Любовь к женщине умалет ее...

Л ю ч и я (*тихо*). Что это за любовь такая?

Б р у н о. Вселенская любовь выше любви к женщине...

Л ю ч и я (*с удивлением*). Так ты не хочешь меня? Ты первый, кто отказался от меня... (*Опускается к его ногам, прижимается к ним и в экзальтации восклицает.*) Возьми меня! Я прошу! Мне будет что вспоминать, чем жить теперь...

Б р у н о (*глядит ее по голове*). Ты не знаешь сама, чего просишь...

Лючия припадает к его руке, целует ее...

Л ю ч и я. Я все-все знаю о тебе... И я люблю тебя... Да-да... Не веришь? Я полюбила тебя за твои стихи, за строй твоих мыслей, за неудержимость к свободе... Я готовлю тебе побег...

Бруно целует ее в лоб.

Б р у н о. Встань, самоотверженная женщина... Мне не суждено воспользоваться твоим предложением!

Л ю ч и я (*стонет*). Но почему?

Б р у н о. Я не могу уклониться от того, что мне назначено! И не могу позволить им уклониться от исполнения...

Л ю ч и я (*со страхом*). Чего?

Бруно только смотрит на нее... Лючия отшатывается.

Б р у н о. Для людей героического духа все обращается во благо, и они умеют использовать плен как плод большей свободы, а поражение превратить иной раз в высокую победу.

Л ю ч и я. Где же силы взять?

Б р у н о. Надо лишь настолько пребывать в теле, чтобы лучшей своей частью отсутствовать в нем... и считать свое главное бытие чем-то большим, нежели пребывание слугой и рабом тела, на которое следует смотреть как на темницу, где находится в заточении свобода.

Л ю ч и я. Значит, все напрасно, и это конец?
Б р у н о. Нет, это только начало...

*Лючия выходит из камеры и за ее порогом крестится: «Санта Мария, помоги ему!» Лючию поджидает Кларисса. Но Лючия проходит мимо, не замечая ее.
Кларисса догоняет и окликает хозяйку.*

К л а р и с с а. Синьора!

Лючия приостанавливается и говорит скорее себе, нежели Клариссе.

Л ю ч и я. Он отказался от меня!

К л а р и с с а. Слава тебе, Господи! (крестится). Да не убивайтесь вы так, синьора! Зачем вам этот еретик?.. Жили славно без него и проживем еще столько же...

Л ю ч и я (со стоном). Ох, кто бы понял меня... Неужели не ясно? Он часть меня самой!

Кларисса испуганно крестится. Женщины уходят.

Оставшись в одиночестве, Бруно продолжает сочинять поэму.

Б р у н о. Зачем желать костра? Быть может, не на то Господня воля!

Быть может, не на то... Откуда знать?

Куда? Зачем? Стремись ты

И выйдешь ли к звезде...

Звезда, звезда! Она горит

И жжет неумолимо...

Зовет к себе, чтоб круг земной замкнуть

И вырваться туда, в простор небесный,

Космос вечный,

Где обрести свободу, наконец.

Сомнение - червь! Его долой!

Душа, в изгнание, в беспредельность, в вечность

Стремись! И Разум, не мешай!

Прозри мой путь,

Открой свершенья

И жажду, жажду утоли!

Готов к познанию

Пройти, прожить путь до конца

И не свернуть... Сгореть и стать собою...

Так нужно ли спастись?

Не искушай! Не надо! Не хочу!

Творю судьбу по Твоему закону!

Ведь все величье в том, что, как Себе,

Ты даровал нам так же волю...

Действие 8

Приемная зала во дворце дожа. Идет заседание коллегия Мудрых.

Помимо членов коллегии, присутствует прокуратор республики Фериго Контарини.

С и н ь о р №1 (обеспокоено). Рим угрожает разрывом отношений и наложением интердикта на республику. Это может нанести вред торговым связям Венеции.

Д о ж (смотря на Контарини). Монсиньор Контарини, вы обстоятельно изучили дело этого еретика Бруно, из-за которого у нас такие сложности... Какое заключение вы нам подготовили?

К о н т а р и н и. Означенный брат ранее был предан суду инквизиции и заключен в тюрьму в Неаполе за тяжелое еретическое преступление. Он скрылся оттуда и отправился в Рим, где был заключен в тюрьму и предан суду как в связи с прошлыми, так и в связи с новыми обвинениями. Указанный брат совершил тягчайшие преступления в том, что касается ереси, но это один из самых выдающихся и редчайших гениев, каких только можно себе представить. Он обладает необычайными познаниями и создал замечательное учение. (Контарини обводит тяжелым взглядом каждого из членов Совета, те опускают глаза. Он выдерживает паузу, затем продолжает.) Принимая во внимание, что это дело было начато в Неаполе и Риме, а также что это чужеземец, а не подданный, и ввиду исключительной тяжести преступлений, полагаю, что надлежит удовлетворить требование его святейшества. Однако представляю дело на усмотрение исключительной мудрости светлейшего (смотрит на дожа Чиконью).

Чиконья отвечает ему пронзительно острым взглядом.

Действие 9

Высвечивается в парадном одеянии персоне папы римского.

Папа Климент VIII (*произносит вслух*). Брат Джордано Бруно, сын покойного Джованни, Ноланец, священник ордена братьев-проповедников, рукоположенный из монахов, магистр святого богословия, заявил, что не должен и не желает отречься, не имеет, от чего отречься, не видит основания для отречения и не знает, от чего отречься. 21 октября 1599г.

Действие 10

Будуар Лючии. Лючия занята рукоделием - вышивает картину. Входит Кларисса, за руку она ведет девочку лет семи. Девочка выдергивает свою ручку и бежит к Лючии.

Девочка. Мамочка! Синьора! Я уже проснулась!

Лючия. Я вижу, моя хорошая...

Лючия целует ребенка. Девочка с любопытством смотрит на картину.

Девочка. Мамочка, а почему у тебя так много звездочек?

Лючия. На небе их еще больше, моя прекрасная!

Девочка. А я хочу солнышка!

Лючия. А Солнышко - это тоже звездочка...

Девочка. Неправда! Солнышко это солнышко, оно днем светит, а звездочки всегда ночью... (*Входит Августино с газетой в руках.*) Папочка, а мамочка опять звездочки вышивает!

Августино смотрит на вышивку.

Августино. Кларисса, уведи Монику, а вы, милейшая синьорита, идите поиграйте...

Девочка, надув губки, делает реверанс и уходит вместе с Клариссой.

Лючия вопросительно смотрит на мужа. Августино протягивает ей газету.

Августино. Дорогая, посмотрите, что напечатала «Аввизи ди Рома».

Лючия (*читает вслух*). В четверг утором на Кампо деи Фьори сожжен живым преступник доминиканец Ноланец, упорнейший еретик, создавший по своему произволу различные догматы против нашей веры и, в частности, против святейшей Девы и святых, упорно желал умереть, оставаясь преступником, и говорил, что умирает мучеником и добровольно, и знает, что его душа вознесется вместе с дымом в рай. Но теперь он увидит, говорил ли правду. 19 февраля 1600г.

Лючия роняет газету на руки, по ее лицу текут слезы. Затемнение. Звучат стихи:

Без страха я вошел в огонь,
Он грел меня, не обжигал,
Он ласково играл со мной,
Он не хотел, что б я страдал,
Клад языки на грудь он мне
И жарко обнимал меня,
Я был в огне, словно во сне,
Я чувствовал любовь огня,
Лизал мне губы жадно он,
Ответный поцелуй ища,
Нес мне себя со всех сторон,
Был мне подобием плаща,
Входил в меня и тек по мне,
Дал мозгу - света, телу - сил,
Потом забрал мой дух себе
И нового меня слепил,
Почувствовав, что он не враг,
Я, жаждою любви томим,
Раскрыл объятья, сделал шаг -
И мы соединились с ним.
И в рай, где воздух чист и светел
На встречу с Богом вознеслись...
На площади остался пепел,
И молча люди разошлись.

(*Дмитрий Сомов*)

Алексей Николаев

ПОЛЖИЗНИ

Повесть

(Переработанный текст книги, печатавшейся в ВЛ под названием «Бытие»)

Оглавление

- Глава 1. Тринадцатое июня
- Глава 2. Песнь песней
- Глава 3. Семейный очаг
- Глава 4. Отцы и дети
- Глава 5. Катастрофа
- Глава 6. Последнее слово рога носца
- Глава 7. SOS

Глава 1. Тринадцатое июня

Они встретились 13 июня на свадьбе его друга детства. Он был приглашен женихом, она — невестой. Он приехал на побывку из Москвы, где отучился первый курс в университете. Через два года в этот же день, 13 июня, была зачата их дочь. Он тогда приехал на годовщину встречи. Они праздновали день встречи, а не день свадьбы. Свадьбу они не справляли, просто расписались на восьмом месяце ее беременности.

Она имела солнечный, беспардонно жизнерадостный характер. Таких зовут хохотушками. «Колокольчик», — сказала о ней одна ее подруга. «Такие не страдают», — сказал он ей однажды, доставив какое-то огорчение. Для таких характерно классическое женское легкомыслие, таящее в себе дьявольскую лживость в сочетании с той невинностью, что зовется детской непосредственностью и святым простодушием. Она была простодушна, однако не до такой степени, чтобы сказать: дитя. Природа не обидела ее насчет внешности, в чем не только простушки и пустышки находят прочное основание чувства собственного достоинства. На представительниц своего пола, обделенных внешними данными, она смотрела без сочувствия и с сознанием превосходства.

Она была на три года старше и в свои двадцать пять к моменту встречи успела побывать замужем и приобрести изрядный любовный опыт сверх первого замужества, о чем он был осведомлен с ее же слов, исподволь и сдуру слетавших с языка, пока она не усвоила, что есть вещи, о которых джентльмены не говорят и дамы тоже. Прошлую жизнь он сразу объявил не подлежащей никакому обсуждению и при намеке на то, что у нее есть прошлое, начинал плохо владеть собой. Как-то раз они прогуливались на Воробьевых горах, весело болтали, ничто не предвещало бури, и вдруг она сообщает: «Я здесь с мужем была». Если б он получил точный удар в солнечное сплетение, ему было бы не так больно. В другой раз она с убийственной иронией выразилась по поводу одной восемнадцатилетней особы: «Я в ее годы была уже не девочкой». В день знакомства он услышал от нее пошлейший анекдот, рассказанный с таким простодушием, что он

подумал: «Поистине невинный пол». А вслух сказал: «Падшая женщина». После того как он несколько раз назвал ее так, она осведомилась, откуда такое определение. Он отшутился: «Этим ты мне и нравишься».

В отличие от нее, он никогда никоим образом не касался того, что у него было до нее, и не потому, что у него до нее ничего и не было, кроме платонической ерунды. Она оказалась его первой и единственной женщиной, в чем он ей признался лишь много лет спустя, как будто в этом есть что-то постыдное. Он с отрочества грезил о большой любви, исключая третьих лиц в прошлом, настоящем и будущем. И вот судьба послала женщину, которую он может назвать любимой, следовательно, и единственной, иначе это не любовь, по его понятию. Однако только если и он для нее единственный. Его не устраивала роль очередного любовника в ряду.

У нее были роскошные волосы соломенно-золотистого цвета. Роскошные, когда она их завьет на бигудях. Он удивлялся разнице между завитой и незавитой женой, словно две женщины, одна твоя, а другой не надо. Разница между накрашенной и некрашенной меньше чувствовалась. Ежедневно наблюдая преображение женщины, он как-то подумал: самое изменчивое в женщине — это голова, и следует ожидать, что не только с виду. Какие-то бигуди и мазила превращали женщину, на какую он и не посмотрел бы, в возлюбленную. Тут что-то не то, подозревал он, поймав себя на таких мыслях. По большому-то счету, не должно иметь никакого значения, что там намазано и накручено у ней на голове, но вряд ли б дело зашло так далеко, если б она не делала того, что делают все женщины, стараясь выглядеть.

Ему очень нравилось, когда она нафуфырится. Лоб открыт, лицо не портит эта соломенная челка, изъяны лица скрадены посредством двух немудреных процедур, завивки и макияжа, личико — как с обложки, обрамленное пышным золотом кудрей, ниспадающих искристым водопадом на плечи, нос — миниатюрный и задорный, губы подчеркнуты так гармонично, глаза — сама красота, а откуда и взялась, из карандаша. Он особенно не любил видеть свою возлюбленную после душа, когда вся эта прелесть смывается, волосы свисают соломой, почему-то укрупняя нос и уменьшая глаза, это уже не глаза, а тусклые отверстия, и челюсти с чего-то вдруг вытарчивают, так что улыбка граничит с оскалом. Такие контрасты никогда не отвращали, но удивляли и вызвали ощущение обмана, придуманного не без насмешки. Он предпочитал видеть ее в полном блеске. Однажды она приехала к нему, неловко сходя в парикмахерскую, где оставила всю роскошь золоченой шевелюры взамен на мелкие белесые барашки химии. Ему это не очень понравилось, он грубо выразил свое неудовольствие, она заревела и была такой несчастной, что он тотчас раскаялся и поспешил утрясти глупый инцидент, тем более что она была беременна. Шел третий год любви, и все еще длилась огнеопасная стадия страсти.

Страсть вспыхнула скоропалительно, платоническая стадия заняла три дня, физиология мощно вступила в права, плоть ошалела, в душе творилось что-то вулканическое по полной программе. Это еще не любовь, понял он позже, а тогда он подумал: так вот она какая, любовь, а если нет, то что же это за чертовщина с ним происходит? Душа, кажется, разлетится на куски, если его сейчас оторвать от этой блондиночки.

Не прошло и недели, как в нем разыгралась ревность к ее прошлому, и оскорбленное самолюбие потребовало уйти оттуда, где ты не единственный, а очередной. Душа не смогла исполнить это, не вытерпев боли. Вплоть до катастрофы, постигшей эту любовь через двадцать два года, он не мог припомнить душевных страданий любовного толка, более жгучих, чем те, что пришли в самом начале, как гроза. Они мгновенны, глупы и не идут ни в какое сравнение с ударом в развязке, но оставили самый памятный, словно ножевой, след сравнительно с прочей морочкой этой любви, не считая финала.

Дело было так. Он оказался свидетелем ее встречи с бывшим любовником. Они болтали, как старые друзья. Наш герой такого не снес, что и продемонстрировал. Среди ночи она примчалась к нему на квартиру в слезах (он квартировал у матери). Его праведный гнев был таков, как будто это законный супруг пеняет благоверной, а они знакомы-то без году неделя. Он объявил, что ему плевать, кто там у нее был до него, но все кончено. Она ушла, и тут началось. Душу щемило, как клещами. Места не находил, болтался по городу, и ноги сами несли в ночи под окна возлюбленной. Самолюбие твердило: все кончено. А душа болела, как ошпаренное тело, и от водки только больше. С

чего бы, спрашивается? Кто эта блондинка ему? Неделя знакомства через хи-хи-ха-ха и трах-тарарах. Откуда такая тяга к ней? Черт знает что такое. В общем, не вынес наш герой сердечной боли, пришел по адресу, поднялся по лестнице, позвонил. Она вышла и молча прижалась к нему. Она тоже извелась, выглядела потухшей лампочкой. С чего? Что за печаль при классическом легкомыслии? Экссесс был исчерпан и выброшен вон из сознания.

Еще через неделю она сказала: «Я люблю тебя». Она первая сказала это, и он запомнил, как это случилось, а вот когда и при каких обстоятельствах он сказал ей то же самое, он не мог вспомнить, хоть убей. Тогда был день отъезда на шабашку в команде из пяти человек сроком на месяц. Предстояли бетонные работы по закладке котлована, обещавшие хороший заработок. Поезд на котлован отбывал утром. Прощальная ночка требовала укромного местечка, они его нашли, и под утро она сказала, что любит его. Высшая утеха для самолюбия. Но что-то ненастоящее послышалось ему в признании, вымолвленном в полубоморочном состоянии через две недели знакомства. Самые нужные слова, какие мужчина хочет слышать от женщины и женщина от мужчины, он услышал вторично в жизни.

Впервые он их, впрочем, не услышал, а прочел, написанные на асфальте по-немецки. Ему только что исполнилось пятнадцать. Дело было майским вечером у школы. Он заканчивал восьмилетку и собирался в кадетку, она заканчивала десятилетку и собиралась в медицинский институт, тоже отличница. Он был совсем мальчик, подросток, еще расти и мужать года два до полноценного юноши, а она была уже хоть замуж. Вела себя как взрослая в эпоху, еще не столь развратную, и была одной из самых заметных девочек в школе, даже самой заметной. Он ни в коем разе не посмел бы подойти к ней, но она сама подошла к нему на танцульках. Он замер со страху, когда первая красавица школы направилась в его сторону, приблизилась, взяла за руку и потащила в круг.

Первая любовь исчислялась несколькими месяцами. Он никогда не считал это любовью, хотя это было именно то, что зовется первой любовью и что многие другие только и считают любовью, видимо, сопоставляя ложь и разврат взрослой жизни с ангельской чистотой неиспорченной юной души. Эта десятиклассница, впрочем, была не такой уж и взрослой, иначе она быстро отстала бы от него, почувствовав его половую незрелость, из-за чего он сам ни разу не поцеловал ее, настолько это было еще противостоестественно для него, хотя о любви грезил, поди-ка, лет с тринадцати, и вот, казалось бы, мечта сбывается, а он просто не дорос до ее претворения в жизнь.

Самой смешной была сцена на берегу реки. Они сидели на траве поздней весной, сгущались сумерки, она обнимала его и целовала по всему лицу где-то аж с час, выдержанный им как испытание. В ушах звенело, а она еще и интересовалась: «Звенит?» Он только одно слово тогда и вымолвил: «Звенит». Она не унималась, он сидел онемевшим истуканом, тупо созерцал пейзаж и терзался мыслью, когда же она нацелуется и они разойдутся восвояси.

Кульминацией стало одно из последних или последнее свидание, когда она взяла обломок кирпича и крупно-крупно написала на асфальте три немецких слова. Он изучал английский, а она немецкий. Он осведомился, что это значит. Она: «Догадайся сам». Он: «Откуда мне знать по-немецки?» Наконец она сказала с паузами между словами: «Я тебя люблю». Тут он принялся делать нечто невероятное. Он стал стирать подошвой башмака букву за буквой. Но начертано было на совесть, так просто не сотрешь, надо смывать тряпкой с мылом. Она больше удивленно, чем оскорбленно, взирала на поругание лучших чувств и молчала.

Сказать, что он любил старшеклассницу, было бы преувеличением, он слишком мал был для этого, хотя стандартный букет любовных чувств тогда изведаль, включая ревность. Одна учительница, прознав о романе восьмиклассника с десятиклассницей, решила открыть глаза ученику, пригласила на аудиенцию и предостерегла, что он связался с фривольной особой, которая уже кое-кому запудрила мозги и способна проделывать это с несколькими одновременно. Последовало перечисление двух или трех имен, дескать, спроси сам у них, если не веришь. Наводить справки он не стал ни у зазнобы, ни у соперников, поверив учительнице на слово, как будто хотел поверить, чтобы иметь основания порвать отношения, к коим был не готов. Ревность — это, впрочем, громко сказано, ревность он познал позже, а тогда испытал негодование, похожее на детскую обиду, с какой ребенок гневается на закадычного друга, уличив его в том, что тот водит

еще с кем-то такую же крепкую дружбу, какая должна быть только меж ними двоими.

Он ничего не сказал зазнобе ни о том, что ему стало известно о ней, ни о том, что он сразу после школьных экзаменов уедет на юг к тетушке и пробудет до кадетской абитуры. Он просто сбежал, да и точка. Финальной точкой стало его безмолвие на письмо, полученное в Воронцовском замке, то есть в кадетке, что на Садовой напротив Гостиного в Петербурге. Как ни в чем не бывало, она писала ему, что поступила в институт и что неплохо бы свидеться, она готова приехать в Петербург, она очень хочет посмотреть на бравого кадета с лампасами. Он и не дернулся отвечать на весточку, такую милую, такую неожиданную, такую желанную. Смотри-ка, она не забыла его, она раздобыла где-то адрес и напостила о себе через время и расстояние. И ведь она ему так нравилась и по-прежнему нравится, такая красавица и умница, да как она вообще обратила внимание-то на него, подростка. Но он не один у нее был в поле зрения, а потому отвечать не следует.

Он еще долго, как сокровенную тайну, хранил ее фото и не показывал никому никогда. При взгляде на снимок в памяти всплывали письма на асфальте: «Ich liebe Dich». Услышит ли он еще от кого-то эти самые нужные слова? Не будет ли горько сожалеть о бегстве? Почему не ответить на письмо? Почему же он не ответил? Точно не сказать, но одна из причин — в убеждении, что она легкомысленна, уж плакать по нем не станет, поди, уж завела кого-нибудь, а написала, возможно, из желания позабавиться, поиграть в любовь с чистым мальчиком. А мальчик хочет быть единственным и грезит не об игривой любви, а о настоящей, как у Ромео и Джульетты, и если такая любовь существует только у Шекспира, то не надо ему никакой.

Судьба как будто поймала его на слове и отвела срок на исполнение приговора, вынесенного самому себе. Семь лет никакой любви и ничего похожего на любовь у него не было. Джульетты на горизонте не наблюдалось, тем более в казарме, совсем неплохой парень пропадал в лучшие годы. Однако никогда он не пожалел об отвергнутой любви и через несколько лет совершенно убедился, что сделал все правильно, узнав от кого-то, что та, от которой он впервые услышал самые нужные слова, рано вышла замуж и родила. Вот и вся любовь, жалеть не о чем.

Семь лет судьба как будто посмеивалась над нашим Ромео, но шутка была впереди, дескать, не надобно тебе, стало быть, ветреной девчонки, Джульетту тебе подавай, хочешь быть единственным, нос воротить от недурственного варианта, сбежал, даже не попытавшись разобраться, может, не такая она и легкомысленная, как тебе показалось, причем с чужих слов, не по постелям же она прыгала, всего-навсего голову несколько таким же детям, как ты, вскружила, подумаешь, — ну так влюбишься еще и не в такую ветреную, попробуй быть у этой единственным, будучи по счету этак десятым.

Главная героиня повести была, что называется, влюбчива. Она в очередной раз влюбилась, но сильнее обычного. В конце истории она сказала, что никого так сильно не любила, как его. Стало быть, многих любила. А в начале истории она сказала, что никогда не испытывала того, что испытывала с ним. Это польстило бы его самолюбию, если б он не желал гораздо большего, чем попасть в ряд любовников и удостоиться оценки как наиболее выдающийся в оскорбительном ряду. Как ни крути, он не был единственным, но он не хотел этого знать, и самое интересное, он был уверен в обратном с того момента, как она сказала: «Я люблю тебя». Это сказала как будто не она, а плоть ее, и он считал, что недорого стоит такое признание, но вместе с тем, он ощущал, что оно правдиво, возможно, по той причине, что у подобных легких натур, да и вообще у женщин, в силу их природной конструкции, тело и душа пребывают куда в большем согласии, чем у таких индивидов, как наш герой, отродясь взиравший свысока на все, что пахнет плотским происхождением. Кабы в его страсти к этой блондинке не было ничего высокого и похожего на то, что люди называют настоящей любовью, в букете чувств, владевших его душой, превалировало бы презрение к себе и превратило бы эту любовь в скоротечный и лживый роман.

Слово «любовь» было самым значительным словом для него всю сознательную жизнь до распада семьи, последовавшего через 22 года после встречи, случившейся 13 июня, когда ему было 22 года, и поделившей жизнь строго пополам по стороны встречи, в чем он усматривал руку судьбы и расчетную симметрию судьбы как предопределение. Вступая в жизнь, он больше всего хотел познать любовь к женщине, в точном смысле слова «любовь», которого никто не знает, но который подразумевается в глубине каждой души всегда, когда произносится это слово. Не познав любви к женщине, он не был

согласен и жить-то на этом свете. И вот сбывается мечта. Вот любимая женщина. Душа и тело его тянутся к ней со страшной силой, и не чудо ли — это взаимно, душа и тело ее приведены в идентичное состояние, и с уст ее исподволь срывается: «Я люблю тебя». Те же слова, написанные на асфальте, он потщился стереть, словно недоразумение в судьбе, и после об этом не сожалел, и может статься, судьба не смеялась над ним, а вела к осуществлению мечты. Так думал он, принимая 13 июня как судьбоносный миг и как дар судьбы.

«Я в грезах сбывавшихся брел с ощущением большой нехватки в судьбе. Моя половинка, ты шла мне навстречу, а я шел навстречу тебе». Это из вариаций «Лунной кантаты» в составе «Песни песней», написанной им в свой срок.

Он не верил в случайность и верил в судьбу. Ему всегда казалось, что 13 июня было предопределено как наилучший вариант судьбы из всех возможных. Он не считал свою возлюбленную идеальным вариантом для себя, но не желал никакой другой женщины, в чем нет противоречия. Вряд ли эта блodiночка лучше всех подходила ему в пару в сфере возможности, но в сфере реальности встретилась именно эта и никакая другая женщина из подходящих в пару, и он ощущал в этом то, что он называл рукой судьбы.

На исходе двадцатого года жизни, не доходя года до 13 июня, на его пути повстречалась девушка, о которой он вспоминал всю жизнь как об исключительном существе из ряда вон в противоположном поле. Она весьма ему симпатизировала, и все вроде было при ней, как говорят о женщинах сами же они с известным подтекстом, но особо возвышенным. А какая умница! Настоящая интеллектуалка с выраженными творческими способностями, что было сверхценно в его глазах. Но черт знает что такое у него с ней вышло по его милости, стыдоба.

Двадцатилетний дембель, готовый после пяти лет казармы с полувзгляда втрескаться в первую же приглянувшуюся кандидатку, возможно, просто прошел мимо того, что надо. То ли она не в его вкусе была, как говорят в таких случаях, то ли, как еще говорят, не разглядел. Через годы он расценил это как блажь самонадеянного юнца, воротившего нос от подарочного варианта. Она была умна, очень умна, порядком выше среднего умна. Может статься, это была единственная душа, с которой ему было бы о чем поговорить тет-а-тет, не считая его собственной души. Он по достоинству оценил это, оглядываясь на пройденный путь с высоты лет, посеребрённых первой сединой.

Она откровенно обнаружила чувства, когда столичный студент-первокурсник прибыл по какому-то случаю на малую родину и решил проведать студентку местного вуза. Нарисовался на пороге студенческого общежития, она бросилась ему на шею, как будто он вернулся с войны и считался без вести пропавшим, не давая о себе знать полгода. И что же выкинул наш Ромео, не видя Джульетты, возможно, сослепу? Не столько под диктовку плоти, сколько от того, чему Фрейд должен был бы отвести достойное место в своей апологии основного инстинкта и назвать комплексом невинности, наш герой не погнушался воспользоваться расположением недурной особы и уложил ее в постель. Но обоих парализовал скрываемый стыд, и ничего не вышло. Герою так и не привелось лишиться невинности до 13 июня, и в этом не смогла ему помочь такая же невинная и гордая девочка, сказавшая ему: «Я такого подарка кому попало не сделаю».

Ради чего она приносила жертву, задумался он позже? Из любви? Тогда он полный сукин сын. Она не говорила ему главных слов, но это, возможно, из девичьей гордости. Как же она должна была скрежетать зубами от стыда и обиды на него и на себя после позорища, а ведь и виду не подала, отметил он с восхищением. Они больше не виделись. Он исчез с глаз долой, чтоб из сердца вон. До 13 июня оставалось три месяца.

Оглядываясь назад, он не находил в своем прошлом более постыдного поступка, и не было человека, какому он не смог бы посмотреть прямо в глаза при встрече, кроме той девушки.

Было еще две или три попытки избавиться от комплекса невинности при помощи других представительниц противоположного пола, попавшихся по дороге в 13 июня. Это происходило совсем не так, но он мог подумать: смотри-ка, есть еще женская честь.

И вдруг стряслось 13 июня. Как вихрь. Как ураган. Как затмение души. Нежданно-негаданно герой встретил героиню и повлекся к ней, как железка к магниту и словно робот по команде: «Принять для храбрости, выдвинуть клешни и заграбастать».

В одном из произведений, забракованных им самим, он писал: «Был бы Ромео — будет и Джульетта, их встреча вообще возможна потому, что еще до встречи Джульетта имеется

в душе Ромео и Ромео в душе Джульетты как идеал, стремящийся к осуществлению и лучше всего осуществляющийся в так называемой любви с первого взгляда». 13 июня идеал имелся в сознании героя в первоначальной целостности, и вместе с тем, имелся в наличии Ромео, а вот Джульетта была под вопросом. Но был бы Ромео. Судьба как будто пошутила: вот тебе твоя Джульетта, как есть, другой нет, ступай под балкон, пой серенаду. Но это была добрая шутка, и он спел свою «Песнь песней», и никогда ни о чем не пожалел.

«Прощай. За все, не разбирая, благодарю, благодарю». Это из вариаций мистерии «Прощение» в составе «Песни песней». Это чистая правда. Он и не подумал бы когда-либо рассыпаться перед возлюбленной в благодарностях за что бы то ни было, но возможно, самым глубоким из его чувств к ней была и осталась благодарность. Он расценивал все, что произошло с ним благодаря той, кому посвятил «Песнь песней», как дар небес и как настоящее счастье, но как же трудно далось ему прощение, причем не в финале, где оно оказалось парадоксально легким и непринужденным, а в начале, когда оно требовалось как лекарство от ревности к прошлому возлюбленной, походившей на Джульетту куда меньше, чем на падшего ангела.

Он назвал ее падшей женщиной, все равно что падшим ангелом. Язык не поворачивался выговорить слово «ангел». Понадобилось пройти с треть пути, чтобы он смог произнести: «О ангел мой, вот золото, вот медь». Это из отбракованной мистерии «Плоды мечты» в составе «Песни песней». Плоды мечты, однако, сохраняли стойкую печать порчи, ангел оставался падшим в сознании автора вплоть до удивительной границы, отчеркнувшей последнюю треть пути, оказавшуюся самой лучезарной и соответственно коварной. До этого он всю дорогу сомневался в любви собственной жены и порой так сильно, что в эту черную минуточку давала о себе знать злая сторона ревности, мстительная, способная все что угодно приравнять к измене, вместе с тем подталкивая к ответу изменой на измену по закону мести: зуб за зуб: зло за зло.

Он сразу и прямым текстом дал ей понять, что их союз возможен при условии верности: «Все что угодно, дорогая, кроме измены». В срок он сказал ей, что она ему так дорога, что он простил бы ей даже измену, но вот жить бы с ней дальше не смог. Это было сказано в конце, а в начале он говорил, что он за себя не ручается, если вскроется измена. Говоря это, он и мысли не допускал, что она может ему изменить, настолько уверен был с чего-то в себе и в ней. Удивительное дело, то и дело подвергая про себя сомнению ее любовь, он не подвергал сомнению ее верность. Он не ревновал ее к настоящему. Поводов не было или не видел. Он ревновал ее к прошлому. Впрочем, если разобраться, он ревновал ее к будущему как возможному возврату в прошлое, где она с кем угодно, кроме него.

Дело обстояло бы иначе, стоило ему разок-другой услышать твердое уверение, что она готова разделить с ним судьбу в любых обстоятельствах и пройти с ним рука об руку по жизни до конца, что бы ни случилось, но ничего такого он не слышал, как будто как раз этого-то она и не могла обещать. Как, однако, много значат слова, и оказывается, есть слова, более важные, чем те три слова, которые он слышал от жены бесчисленное число раз, и всякий раз они попадали в цель, причем с годами все точнее и точнее, но требуется абсолютное попадание. Это когда смысл самых нужных слов выходит далеко за рамки текущего момента, охватывая будущее и всю жизнь. Иначе получается, что возлюбленные устраивают друг дружку только сегодня и до поры до времени, а наперед ни один из них не поручится за себя, ведь мало ли чего может случиться.

Она тысячу раз говорила: «Я люблю тебя». Но он не припоминал, чтобы она хоть раз сказала: «Я буду любить тебя всегда». Он говорил: «Любовь не проходит, иначе это не любовь». Что она могла бы сказать или подумать на это? По ее опыту выходило, что любовь проходит, она разлюбила всех, в кого влюблялась. В него влюбилась сильнее, но может, разлюбит и его, а может, не разлюбит, почему ей знать?

В начале этой любви она говорила: «Я не представляю, как я буду жить без тебя, если ты меня бросишь, но ведь ты меня не бросишь?» Это льстило его самолюбию, но такие слова недорого стоят, недаром он не придавал им большого значения. Через годы она уже такого не говорила, и он отмечал это про себя. В конце этой любви она могла ни с того, ни с сего сказать, усыпая: «Как же я тебя люблю». Он тысячу раз это слышал, но в тысячу первый это звучало весомей, ибо он уже не сомневался в ее любви. Сомнения остались позади, он раскаялся в них, но они были не напрасными, и не зря он неоднократно в душе своей порывался уйти, а один раз и впрямь ушел.

Это случилось на девятом году любви. Поводом к уходу послужила тривиальная ссора,

случающаяся между мужем и женой из-за пьянки мужа. Ее резонные упреки за устроенную в квартире хорошую попойку с соседом не могли быть основанием для того, чтобы объявить: «Все кончено, я ухожу». Основание указано выше. Закрывая за собой дверь, он сказал: «Если ты такой ерунды, как пьянка, не можешь вынести, то чего ожидать, случись что посерьезней? Уж декабристкой-то точно не будешь». На следующий день он отправился в загс и подал заявление на развод, которое потом хранил и как-то раз в размолвке с треском выложил на табурет.

Месяц он жил у матери. Его давно звали в одну местную газету, момент был самый подходящий принять предложение, дабы подавить душевную смуту, с головой уйдя в профессию, а его профессией была журналистика. Прошло с неделю. В его кабинете раздался предсказуемый звонок. В трубке прозвучали нужные слова. В душу снизошло умиротворение, и ситуация перевернулась из драматичной в комичную, но он сказал, как отрезал: «Поживем месяцок врозь, как раз столько дают на размышление перед разводом». Она звонила еще пару раз, плутовка, дескать, как живешь, как дела, дочка спрашивает, когда папа вернется из командировки. Месяц истек, она просила о встрече.

Встретились на улице. Она радостно улыбалась и плутовски виноватилась глазками, как только она умела, впрочем, может, и все они так умеют, почем ему знать, у него была одна женщина, и только эту одну ему было и надо. Он не мог не заулыбаться в ответ, как дурак и как ребенок, не выстояв и полминуты с серьезной миной. Вот так же в детстве он не умел совладать с улыбчивостью, присущей стеснительным детям и заставлявшей его чувствовать себя умственно отсталым каким-то, когда он ничего не мог поделать с непослушной мимикой собственного лица.

Она сказала виновато-просительным голоском, как всегда делала в качестве неотразимого примирительного приема: «Я люблю тебя. Возвращайся, пожалуйста». Он отводил глаза в дурацкой улыбчивости и ощущал приливную волну того, что люди называют счастьем.

Глава 2. Песнь песней

Окончательный вариант «Песни песней»:

Мистерия I. Вины

Я пред тобой во многом виноват.
В том, что сорвал с души твоей печати.
В том, что пришел не вовремя, хоть к стати.
В том, что любил с тобою невпопад.

В том, что все портил, вечного ища.
В том, что до боли сердце сжал, до крови.
И в том, что изъяснялся, как праща,
Завертывая камень в каждом слове.

Любовь моя — мой грех: ведь в ней исток
Всего, чем довелось тебя обидеть.
Любовь моя — мой бес, что не изыдет,
И приговор с пробелом в строчке «срок».

Любовь моя — затмение души
И чистый лист. Возьми и испиши.

Мистерия II. Заклинания

Швыряет факел сердце в ночи, дни,
Для сбывшейся мечты не видя плоски.
Как чист живой родник ее, взгляни.
Всего лишь волшебство. Подставь ладошки.

Не отрекись, о камень алтарей
Разбив лицо, захлестнутое бурей.
Будь молнией, но только не жалея
О скрывшейся за тучами лазури.

Не верь обидам. Солнечные дни
Пусть не оклеветает день ненастный.
Меня тысячекратно прокляни,
Но только не считай себя несчастной.

Ты даже и тогда в глаза солжешь,
Когда и в самом деле невтерпеж.

Мистерия III. Лунная кантата

Душа моя, как полная луна,
На черном небосводе жизни светит.
У солнца свет заимствует она.
Грешно твою роль солнца не отметить.

Дни, как метеоритные дожди,
Мерцают на душевном небосклоне.
Еще одна упавшая, гляди,
Она твоя, звезда в моей ладони.

Скажи, какие любишь ты цветы?
Есть у меня цветок прекрасный самый.
Возьми его. Он твой. Ведь это ты.
Не всем везет с такими чудесами.

Сплетает паутину серых дней
Зовущая временем Арахна.
Горит лампада в сумраке ночей.
Источник света бьет и не иссякнет.

Алмазами усыпан свод небес.
В смятении звездочет: не счесть сокровищ.
Их сосчитал тот парень, что воскрес,
Измеривший все ценности любовью.

Разбито будет сердце, если ты
Всего лишь плод обманчивой мечты.

Мистерия IV. Разочарование

Малина в крапиве ты. Душу, позарясь, обжог. Ты
Обещанный мед в бочке дней, где любовь — ложка дегтя.

Умы — пляжный мусор. Предел их — убожество версий.
Пути их размыты дождями, идущими в сердце.

Шлю метеожалобы путника. Гнусь я, как стебель.
Дух горькая правда гнетет, обращая быль в небыль.

Судьба посмеялась. Свершилось чувств лучших крушенье.
Святыня во прахе лежит, претерпев оскверненье.

Священное миро за стойкой кабацкой разлито.
Душевный цветник разметали свиные копыта.

Назначила ложь за любовь трехгрошовую плату.
Волчок состояний души — центрифуга распада.

Дыша катастрофой, вхожу я в души своей город.
Небес моих свод тьмой окутан и молнией вспорот.

Мистерия V. Прощение

Прости, прощай. И раз навеки, вовек прости, навек прощай.
О неслучайном человеке не забывай, не забывай.
Все канет в Лету незаметно. Все расплывется, как во сне.
Но не бесследно, не бесследно. Вовеки помни обо мне.

Прости за то, что не случилось. Прости за то, что не сбылось.
А что сбылось, прими как милость. И ничего в нем не отбрось.
Прости разлуку мне и встречу. Прости само мне бытие.
Прости присутствие на свете небезразличное мое.

Прости, тебе на пепелище я говорю и сам себе.
Простить друг друга и проститься пришел черед у нас в судьбе.
Прощай. Нет встречи без разлуки. Разлука — рок, разлука — рок.
Должны соединяться руки, чтоб навсегда разжаться в срок.

Пусть воссияет в час прощанья над ложью правды лик святой.
И с тем свершится расставанье души с душой, души с душой.
Прощание — само прощенье. Прощение — дитя любви.
Прости легко, без сожаленья. Не сожалеют о любви.

Самый первый и самый дрянной вариант «Песни песней» прорезался лет через пять или шесть после встречи, а годом раньше появились вообще первые вирши, посвященные возлюбленной. Целых сто сонетов а ля Шекспир. До Шекспира там, как отсюда до края вселенной. Уничтожены со стыдом, как и большинство вариаций «Песни песней».

«В сирени созвездий дурманился месяц над нами, Как шпилька на злате волос твоих, ночью черенных. Шаги в болтовне утопали, но слух извлекал их, Поскольку они вязь событий, великих и малых. Твой образ энергией вмиг зарядился высокой И двигался в сердце с угрозой промашки жестокой». Это из отбракованной мистерии «Чары» в ранних редакциях «Песни песней».

Это 13 июня. Он провожал ее с чужой свадьбы и пребывал в дивной трезвости рассудка, учитывая принятую дозу, в другие разы выкидывавшую его из памяти. Она отправилась ночевать к бабушке неподалеку. Они присели на скамейку у дома, в котором на пятом году после 13 июня она будет просиживать вечера в разлучной печали у затопленной печки и который станет семейным приютом на одиннадцать лет, точней, на восемь, за вычетом трехлетия на выселках в бараке, когда дом поставят на капремонт. Перекурили, она попрощалась, и вдруг наш Ромео ощутил на щеке поцелуй. Она скрылась за дверью подъезда, он дослушал дробь каблучков и двинулся восвояси в очаровании глубокого порядка. Крепки чары сии. Дорогу в полжизни прошагал очарованный путник.

В одной из ранних редакций «Песнь песней» начиналась так: «Я помню миг хрестоматийно чудный. На танец все подряд из-за стола Ее влекли настойчиво и нудно, Она одна как будто там была. Я к ней буквально прынул, стул отринув, Задев соседа локтем, ветчину Не проглотив и рюмку опрокинув (Увы, на стол — хоть ну! хоть ну и ну!). Казалось, прокричу я ей все уши, К тому же и все ноги оттопчу. О, что я мог сказать ей, кроме чуши, Но полагал, что здорово шучу. По счастью, от души она смеялась, Я начал все раскованней острить И просто очертел потом. Казалось, Ее недолго там и уморить. «Так странно, — был мне знак в такой вот фразе, — Мы словно уж давно знакомы». Вот Пример (но это понял я не сразу) Эффекта узнаванья наперед. Но боже мой, кто тем

богат, что молод, Глядит ли на прическу всяких слов, Которых смысл заколками заколот И служит украшением голов». Это 13 июня.

Мистерия первая, содержавшая эти строфы, называлась «Перерождение». За стихотворным текстом следовал прозаический: « $0 + 0 = 1$: формула любви. Что я значу без тебя, ангел мой? Ровным счетом ничего. Будет пыткой попытка, не получив такого залога, его предоставить. Будет изменой малейший намек со стороны одной из двух частей целого, будто бы она сама себе целое и обойдется без другой, как обходилась. Начало жизни перенесено в день встречи: свершилось второе рождение, зачищена скверна прошлой жизни. Любовь — культ всех культов и святыня всех святынь. Кошунство — всякий опыт жизни, не посвященный ей и только ей».

Мистерия вторая называлась «Очищение», содержала двестишестидесять, оказавшиеся в мистерии «Чары» в других редакциях и подытоживалась прозой, потом выброшенной, как и вся проза: «Любовь, ты селишься на холмах человеческой квинтэссенции: вижу тебя высоко-высоко. Остальное мое существо, припертое долу, требует долю свою, творя свое причастие к тебе. Это — страсть. Любовь, ты не страсть и можешь ею пренебречь, имея преобразовать животный транс страсти в чистое чувство любви. Да свершится мистерия очищения души любовью. На вратах души начертано: все — ничто, любовь — все. Вхожу в душу свою, как в горящий город. Стражду в капище души своей. Воздвигается храм. Истинно, истинно. Все — ложь. Правда — любовь».

Мистерия третья называлась «Страсть» и содержала двестишестидесять, в основном бракованные и частично включенные в мистирию «Разочарование», появившуюся в позднейшем варианте «Песни песней». Прозаический кусок: «Любовь — посещение заповедной кущи души, где охота запрещена и где искать — значит ждать. Познав же любовь, ее не ищут, но ею живут и с нею никогда не расстаются. Любовь — это навсегда. Любовь не проходит. Говорящий: «Была любовь», — фантазирует. Нет ничего, что могло бы быть после любви. От любви до любви конец света. Любовь бесконечна и безгранична, не ограниченная ни жизнью, которой она больше по смыслу, ни смертью, которой она больше по силе. Жизнь ничего не прибавляет, а смерть не убавляет в бесконечности любви».

Мистерия четвертая называлась «Прощение» и охватывала три сонета с прозаическим резюме: «Любовь, ты вся жизнь, а не эпизод, и не сон, а пробуждение. Все — не то, что нужно, без тебя и не то, что важно, в обратном случае. Чем заполнить человеку комнаты твои в доме твоём — в человеке? Все, что творится в человеке вместо тебя, любовь, есть расхищение твоего достояния — человека».

Мистерия последняя называлась «Покой» и заканчивалась так: «Если любовь не дает счастья — остается надежда. И если сама она, любовь, не дается — остается вера. Вера содержит в себе надежду, надежда заменяет счастье, но обе они не заменят любовь, что безукоризненно и точно зафиксировано в формуле: вера, надежда, любовь». Чувствуя, что такая концовка ни к черту, он настроил «Гимн любви» как стихотворную концовку.

В процитированной редакции «Песни песней» наш Ромео — как на ладони благодаря философическим вкраплениям в прозе. Ничего не наврано, он именно так и думал и именно на таком языке он говорил возлюбленной о своей любви и вообще о любви. Принимала ли она всерьез такую речь? Неизвестно, но скорее да, чем нет, и не потому, что быть героиней этакого пафоса не могло не льстить ее самолюбию, а потому, что она не могла не чувствовать, что это не пустые слова. Сама она просто говорила, что любит его, да и все, дескать, этим все сказано, добавить нечего, но он знал, что у нее есть что добавить, но лучше промолчать.

Что она могла подумать на выпрепленную метафору очистительного огня любви, выжигающего в душе некую скверну прошлой жизни? Какая еще скверна? Никакой скверны она за собой не знает. Она отличная девчонка, подарочный вариант, правда, и он то, что надо, хотя росточку бы и мышечной массы прибавить не помешало, больно худенький, но очень милый мальчик. У него такое лицо (она так ему однажды и сказала: «У тебя такое лицо»; ему это не очень понравилось, за лицо, что ли, она его полюбила?). Нет, нельзя было удержаться и не поцеловать его в первый же день (так и призналась: «Не могла удержаться»; ему это мало польстило, со всеми она так, что ли?). А какой умный и юморный, как начнет острить, ой, не могу, обхохочусь. А как о чем-нибудь этаким примется рассуждать, сначала думаешь, выпендривается, что ли, а присмотришься, да нет, выпендрожистого она мигом бы раскусила, видала она их, только

врут про себя и представляются, а этот не такой, он, похоже, такой и есть, как говорит, слушаешь и веришь ему, хотя иной раз ни фига непонятно, кроме матерков, новых для нее, смешных и причудливых, матом он отлично овладел в казарме, иногда так смачно загнет, хоть стой, хоть падай, а и трехэтажный звучит у него совсем не так, как другие кругом матерятся. Нет, хорошенький мальчик, и в постели полная гармония, ни с кем такого не испытывала, и откуда он взялся, трудно было не влюбиться, наверное, у него было много женщин (она так и сказала тогда же, когда отметила особенность лица: «У тебя, наверное, было много женщин»; он промолчал, нахмурясь). Но она лучше их всех, раз так втюрился, никому его не отдаст. Но настораживает его болезненная реакция на все, что касается ее предыдущей жизни, запретная тема, прямо ревность к прошлому, но разве к прошлому ревнуют? Гм, и чего это он? У самого, что ли, никого не было. Ну, не первый раз замужем, так ведь сразу об этом и сказала. Ну, любила других до него, так где он раньше был? Почем ей было знать, что она его встретит. Он хотел, чтоб она сидела у окошка и ждала, когда милый нарисуеться в тумане? Девственницу ему, что ли, надо, таких дур теперь нет в двадцать пять-то годков, а если и есть, так пусть заберет себе, а она уж как-нибудь переживет, коли на то пошло. Но только не сейчас. Если он сейчас ее бросит, ой, мама родная, сделается так больно, как будто в расплату за то, что было так хорошо, она уж почувствовала с ним, как это больно, а будет еще больнее, чем тогда, когда он приревновал и решил порвать, такую-то ревность она еще может понять, сама виновата, дура, хотя ничего и не сделала, просто переговорила с бывшим, надо быть начеку и впредь не давать таких поводов. Он-то, поди, не так мучился, гневом он своим мучился, водкой залил, протрезвился и нарисовался, а она уже и не ждала, похоронила любовь, едва начавшуюся, хотя нет, где-то глубоко в душе все-таки ждала, не веря, что все вот так вот просто раз и оборвалось, но так худо было, что никакой радости не было, когда он вдруг пришел, не разревелась даже, просто прижалась к нему, не понимая, что происходит и зачем он мог прийти. А как же хочется ребенка от него! Доченьку. В те минуты, каких она ни с кем не испытывала, все нутро ее жаждало и требовало не столько наслаждения, сколько оплодотворения. И надо же было так влюбиться, все готова стерпеть от него, лишь бы и он ее любил, пусть своей заумной любовью, не умея попроще, но лишь бы любил. Думала она так или не думала, а история развивалась в соответствии примерно с таким ходом мыслей.

Когда рука потянулась писать «Песнь песней», он вознамерился загнуть круче всякой «Песни песней», когда-либо написанной, хотя вообще-то он считал свое стихотворство, если не баловством, то всего лишь лирикой, относя себя не к лирикам, а к противоположному типу творческих субъектов. В любовной лирике упражняются все кому не лень, смеша читателей и небо, но это не главное. О подобных произведениях, более или менее искусных и пусть безыскусных, графоманских, говорят: это искренне. Главное, что он не врет, и та, кому он посвящал «Песнь песней», знала, что он не врет. Нет любви без доверия, как и без прощения. С самого начала он внушал ей доверие. Он не припоминал, чтобы она хоть раз попыталась всерьез уличить его в какой-нибудь лжи, как это сплошь и рядом делают жены и мужья, вечно в чем-то подозревая друг дружку.

Он тоже ей доверял, невзирая на сомнение в ее любви, суть которого составляла не ревность. Ревность ничтожна и не имеет силы перед доверием. Наш Ромео мог нешуточно разгневаться, сочтя легкомысленным поведение возлюбленной на пирушке с друзьями, но у него и мысли не возникало, что ее легкомыслие может привести к тому, к чему, собственно, ведет женское легкомыслие. Это не ревность. Сцен ревности он не закатывал, слишком доверяя ей, чтобы вести себя, как Отелло. Его любовные попреки, по форме похожие на ревность, по сути больше походили на то, как родители пеняют детям, что те себя плохо ведут.

Она быстро научилась не оскорбляться на гневливые резкости, хотя вовсе не чувствовала себя виноватой. Она знала, что туча мимолетна, и как только он повытреплется, так сразу воссияет солнышко. Она знала его и легко прощала ему вспылчивую дурь, поступая, как по писаному: «Не верь обидам. Солнечные дни Пускай не оклеветают день ненастный». Она знала, что это он от любви такой дурак: «Любовь моя — мой грех, ведь в ней исток Всего, чем довелось тебя обидеть». Она знала, что под горячую руку не надо говорить ему, кто он сейчас таков, сам через минуту поймет. Умница, отмечал он про себя, остыв.

Он полагал ветренность жены похороненной в прошлом, он был уверен, что она не

обращает внимания на других мужчин, так же как и он не обращал внимания на других женщин ни как на альтернативных кандидатов на роль единственной, ни, тем более, как на сексуальные объекты, на кого глазеть — потеха озабоченных дебилов. Для него не было других женщин, он этих других и как женщин-то не воспринимал, нуждаясь только в одной женщине, своей единственной, другая просто ни к чему, смысла нет обращать внимание на других. Его уверенность, что и для нее нет других мужчин, коренилась не в самолюбии, в силу коего было бы унижительно счесть, что она постреливает глазками по сторонам, отмечая альтернативных кандидатов на его место. Как выяснилось в итоге, глазками она всегда постреливала, но он этого не замечал, в силу доверия.

Доверяй, но проверяй, говорят в народе, а наш герой говорил: «Доверяй, но запрещай». Доверию противоречат оскорбительные надзирательские процедуры, но не любовные запреты, если они равнозначны обоснованным просьбам. К примеру, в период позднего брака он имел основания настаивать, чтобы с вечеринки жена возвращалась домой не позже одиннадцати вечера. Примерчик поинтересней: в числе изначальных и категорических любовных запретов, не подлежавших обсуждению и подлежавших исполнению под угрозой развода, был запрет мини-юбок. «В пятьдесят лет будешь их носить, если захочешь», — объявил он тоном диктатора. Бедняжка смирилась, как обреченная на постриг в монастырь и как осужденный на двадцать пять лет заключения, утешенный слабой надеждой когда-то выйти на свободу. Он грозился порвать все, что выше колена, исключая лишь шорты средней длины, однако рыться в ее гардеробе было ниже его достоинства, набедренные повязки цивилизованной эпохи в целостности и сохранности ждали там пятидесятилетия хозяйки.

Новые платья он окидывал мерным взглядом, как линейкой. Происходили уморительные сценки. Она сражалась за каждый сантиметр у колена, как солдат за пядь родной земли, пуская в ход весь арсенал женского оружия. «Это такой фасон, милый, длиннее нельзя, платье утратит весь шарм, ты ведь хочешь видеть красивую жену, любимый, — щебетала она ангельским голоском, пробившим бы латы и броню, метя в самое сердце. — Платье было длиннее, портниха слишком много подогнула, но ведь как раз по колено. Скажи, что тебе нравится, ну скажи! Я хотела именно такое, смотри, как мне идет, не говори, что не идет, я обижусь. Скажи, что тебе нравится, мой возлюбленный, и я буду вполне счастлива. Ты ведь желаешь мне счастья, дорогой?»

Возлюбленным она называла его редко, обычное обращение: милый, дорогой, любимый, чаще милый. Классическое любовное обращение с женской стороны. Симметрично и он называл ее: милая, дорогая, любимая, чаще милая и дорогая. Редко называл возлюбленной и еще реже обращался — ангел мой. Никаких инфантильных «котиков», «заек» и прочих зверушек. Никаких «солнышек», подходящих больше детям. Тем более, никаких «сладенький мой» и «ягодка моя». Серьезность их отношений отражалась в обращении друг к другу, одновременно ласковом и уважительном. Обращаясь по имени, они употребляли только уменьшительно-ласкательные формы имени, впрочем, на сто процентов — только она, а с его стороны суффикс пропадал в разговорах. Он чаще обращался к ней посредством классических любовных эпитетов, она к нему чаще обращалась по имени и исключительно в ласкательной форме, ни разу за всю совместную жизнь к ее устам не пристала форма его имени, значащаяся в паспорте. Ни при каких обстоятельствах невозможно представить меж ними и обращения по фамилии, как это водится у многих супругов.

Черт бы побрал их женскую природу, до чего же они любят обнажаться, прямо эпидемия в мозгах какая-то, раздумывал он над гардеробной проблемой и, не стесняясь в выражениях, высказывался на сей счет жене, предпочитая видеть ее в одеяниях, держащих противоположный пол на известной дистанции и внушающих почтение к женщине, а не провоцирующих кобелиное столпотворение. Те, что поумней, должны догадываться, что продельвают запретную и рискованную провокацию, дразня зверя лакомством, но это, видимо, без ума тешит женское самолюбие, ну посмотрите-посмотрите, как я хороша, все при мне, как вам мои ножки, как вам моя попка. Нет, он повышибет эту дурь из ее головы, будешь выглядеть прилично, дорогая, как подобает добропорядочной жене, а не свободной вертихвостке.

Был анекдотический случай. В первые годы после возвращения из Москвы в свою провинцию он пробавлялся случайными заработками. Бывали командировки. Как-то раз он отправился на Украину через Москву, но в столице не оказалось билетов на поезд

дальнейшего следования, пришлось вернуться домой. Ключей от жилища с собой не взял и с вокзала отправился за ними на место работы жены. В коридоре навстречу шла какая-то особа, сверкая нижними конечностями почти на всю их длину, вероятно, находя их предназначенными для пристального рассмотрения представителями противоположного пола. Данный представитель был иного мнения и отвел глаза в сторону. Внезапно особа застыла, как вкопанная, и, кажется, уставилась на него. Чего это она, подумал он, бросил взгляд на нее, господи, да это же жена. Она стояла ни жива, ни мертва. Мгновенно прокрутив в уме причинно-следственную связь, увенчанную немой сценой, он оценил сюжет для нестандартного анекдота в серию «муж вернулся из командировки» и ощутил, что еще чуть-чуть, и он покатится со смеху. Из-за всех сил удерживая хмурую мину, он произнес, выставив ладонь: «Ключи от квартиры, дома поговорим».

Просмеялся он наедине, а к ее приходу имел раздосадованный вид, нужный для острастки. Состоялась душеспасительная беседа, как он называл свои филиппики против неподобающего поведения возлюбленной, случавшиеся, пока не иссякли поводы. По счастью, она проявляла мудрость, научившись давать минимум поводов для эксцессов и уступать мужу. Она с лихвой брала свое женственными способами, овладев искусством быть женой, только вот в этом искусстве черт прятался, как и вообще в женственности таких, как наша героиня.

В душеспасительных беседах он пытался объяснить ей, почему он настаивает на том, на чем настаивает. В тот раз он говорил, что не будет жить с эксгибиционисткой, пусть все вокруг живут с эксгибиционистками, а он не будет. Если сверкать ляжками, возбуждая окрестных кобелей, для нее важнее, чем он, что ж, он знает, где дверь, выйдет и плотно закроет ее за собой. Она не знает, что такое эксгибиционизм? Это когда демонстрируют или выпячивают сексапильные части тела. Если она еще хоть раз вздумает выскочить на люди в мини-юбке, пусть сначала подаст заявление о разводе. Его любимая жена — это не та, которая хочет привлекать к себе похотливые взгляды, выставя напоказ свои плотские прелести, да пусть, пардон, хоть ссыт в носы кобелям, но ноги его здесь не будет. Она молча выслушала тираду и подтвердила обет не носить мини. В ее гардеробе, к его удовольствию, прибавилось длинных платьев, сарафанов и брюк. Он знал, что в душе она протестует против запрета, и отменил его, она тут же вырядится, как на панель, но он ценил ее смирение и считал проблему снятой.

В отличие от классиков любовной лирики, воспевавших и идеализировавших своих возлюбленных, наш Ромео потщился воспеть и идеализировать в своей «Песни песней» саму любовь, а не ее предмет, воспетый как бы попутно и вообще не идеализированный. Если автор — Ромео, то где же Джульетта? Нет ее в тексте. Это подозрительно.

Когда он учился в школе офицеров, располагавшейся в Одессе, у него был друг одессит, имевший забором пассиву, которую наш герой и в глаза не видел, но строчил к ней от имени друга пространные любовные послания а ля Жан-Жак Руссо, как к Новой Элоизе, а сокурсник старательно переписывал, диву даваясь, как вообще такие изысканные перлы в голову могут прийти. Весь эпистолярный романтизм достался неизвестно кому за неимением подходящего адресата. После он писал любовные письма только к жене из Москвы, и они были куда проще. Спутница жизни походила на Новую Элоизу не больше, чем на Джульетту, но именно ей посвящена «Песнь песней».

В срок он задумался над вопросом, не любил ли он лишь свою бесплотную мечту, так и не получившую ни воплощения, ни имени, поэтому условно назовем ее Джульеттой. Отчасти да, отчасти нет. Точно можно сказать, что он любил жену не такой, какова она была. Любил-то он именно ее, если действительно любил, вот эту конкретную женщину, с которой создал семью, вырастил дочь и прошел по дороге жизни 22 года, а не какую-то другую особу, воображаемую в этой оболочке, назови ее хоть Джульеттой, хоть Татьяной Лариной и любым именем, обозначающим мечту, но он любил ее саму другую, а не такую, какой она ему встретилась и с какой он расстался. Он любил ее самую лучшую из всех тех модификаций, какие ее душа, как и душа любого индивида, могла принять в течение жизни, изменяясь в лучшую или худшую сторону.

Они не справляли свадьбу, сочтя это пустой формальностью. Мысль, что она вторично выходит замуж, была ему отвратительна, вместе с чем малоприятна была ему процедура оформления отношений. В первый брак она вступала, как положено, со всеми причиндалами, с подвенечным платьем, толпой гостей и пьянкой на всю околицу. Со своим святым простодушием как-то раз говорит ему: «Ой, я так улясалась на свадьбе».

Она и не подозревала, что все грубости, услышанные ею от него, были ответом на информацию подобного рода, а другие поводы вторичны, ничтожны и сами по себе недостаточны для того, чтобы он «изъяснялся, как праща, завертывая камень в каждом слове».

Солдат, не давший присягу, не посвящен в солдаты. Муж и жена, не давшие брачную клятву, не посвящены в супруги, их союз не скреплен печатью слова, которое должно стать делом как исполненное обещание. Однако сказано: не клянись. Ведь дело не в клятве, а в любви. Когда родители говорят ребенку: «Мы никогда тебя не бросим», — они не клянутся, клятва тут излишня, само собой разумеется, что не бросят, они просто успокаивают малыша, чтоб тот не сомневался в их родительской любви. А вот когда ребенок говорит в ответ: «И я вас никогда не брошу, мама и папа», — он клянется, и он будет иудой, если нарушит обещание.

Наш Ромео не раз говорил жене, что готов пройти с ней всю дорогу жизни, если только и она готова, и это «если» означало, что он не дает ни клятвы, ни слова, как и она как-то так уж не давала ни того, ни другого. Раз уж он такой Ромео, почему бы ему не проявить инициативу, отбросив иносказания, но ему и в голову не приходило, ни в шутку, ни всерьез, предложить что-нибудь такое, мол, дорогая, давай пообещаем друг другу, как на духу и как перед святыми образами, любить друг друга всегда, что бы ни случилось и как бы ни повернулась жизнь.

Обещание любить звучит несколько абсурдно, но за нелепостями любви скрыта ее суть и истина. Если любовь не проходит, то нет нужды в любовных клятвах, куда она, любовь, не денется, если только это любовь, а если это не любовь, то и обещать нечего. Обещанием любить подразумевается, что однажды любовь может уйти, как пришла, либо потерпеть крах, который можно, однако, предотвратить, и как раз тут-то, получается, и должна сработать брачная клятва, словно щеколда на дверях. Может, и не надо ее давать, ведь не зря сказано: не клянись. Но тогда не надо называться мужем и женой.

Глава 3. Семейный очаг

«Я хочу от тебя ребенка», — услышал он через несколько месяцев после 13 июня и почувствовал, как на плечи ложится гора ответственности, грозя превратить его в лошадь, везущую хвороста воз для растопки домашнего очага. Он аж привскочил в постели и изрек гнусную, если не разобраться в мотивации, фразу: «Или я, или ребенок, выбирай». Джульетте он бы такого не сказал, а падшему ангелу, решившему с его помощью состояться как мать, нагулявшись с другими, он выложил лишь вывод из того, что подумал и что пронеслось в мозгу клубком мгновенно оцененных обстоятельств. Он еще не созрел для создания семьи и еще не говорил, как говорил позже, что смысл любви между мужчиной и женщиной заключен в семье, а смысл семьи — в детях.

Они встретились, когда ей стукнуло двадцать пять, она давно уже жаждала материнства и однажды уже была беременна от кого-то там, и кабы родила, вряд ли эта история любви была бы возможна, но судьба устроила выкидыш и какие-то женские проблемы, долго мешавшие зачатию. Имелись признаки бесплодия. И как же она была счастлива, когда по истечении второго года любви свершилось чудо, зародилась новая жизнь.

Он воспринял известие как-то так смиренно, на радостях не прыгал, как многие, потом испаряющиеся из семьи, с поросычьим восторгом наплодив безотцовщину. Что-то глубоко потаенное шевельнулось в душе, приветствуя новую жизнь. В душе не осталось и в помине протеста, с каким он когда-то произнес: «Или я, или ребенок». Говорят, дети, рожденные в любви, будут счастливыми. Почему-то эта мысль сразу пришла и очень часто приходила потом вместе с мыслью о своем ребенке.

Он перерыл справочники, выбирая имя дочери и забрав варианты, предложенные женой и тещей. Имя, которое он дал своему ребенку, было одобрено как наилучшее всей родней и представлялось ему самому очень точным. Все говорили: «Папина дочка». Это ласкало его слух, как будто признание больших заслуг.

Каждый знает свой День рождения, но мало кто знает свой день зачатия. Человек, произведенный на свет нашими героями, знал эту дату: 13 июня. Спустя два года после 13 июня.

Роды протекали тяжело. Возникла угроза, что ребенок задохнется. Воды отошли, а

новая жизнь замедлила в явлении на свет. Настал самый значительный момент в жизни женщины. Значение всего, что было и будет, устремилось к нулю относительно происходящего события. «Тужься, милая, тужься», – приговаривал акушер. Не раз она помянет добрым словом человека, помогавшего родиться человеку. Акушер шутил и подбадривал, а у нее катились слезы, она находилась в состоянии родового шока, терпела родовые муки, страдала высшим женским страданием, предусмотренным природой любви, как будто любить – значит страдать. Новый человек наконец явился, нещадно разорвав плоть, загородившую проход в жизнь. Она не издала ни крика, ни ай, ни ой и потом не раз говорила, что режиссеры врут, изображая роды с душераздирающими воплями, и что актрисы, вопящие в камеру, сами, поди, не рожали.

Полтора года мать и дитя проживали у бабушки с дедушкой. Отец бывал наездами из Москвы. Дочь узнала, что на свете есть отец, по его фотографии, выставленной в шкафу в гостиной. «Это папа», – говорили ребенку регулярно. В один из приездов теща, кивая на зятя, спросила внучку: «Где папа?» Малышка, резко развернувшись на бабушкиных руках в другую сторону от отца, отработанным жестом указала на шкаф. Раздался дружный хохот.

Отец воссоединился с семьей через два года после рождения дочери. За полгода до этого мать сбежала с ребенком от бабушки с дедушкой, спасая дитя от порчи, наносимой издержками любви. Они хлопотали вокруг внучки, как придворные вокруг принцессы, метаясь на каждый писк, как на сирену военной тревоги, исполняя каждый каприз, как повеление императрицы, и порождая капризность угодливым угадыванием детских желаний, словно повелительных жестов королевы. Дай им волю, они вырастили бы человека, не спуская с рук, и тот до седин просился бы на ручки и только пищал бы под воздействиями окружающей среды.

Была еще жива бабушка жены, сильно сдавшая под конец восьмого десятка и взятая тещей с тестем к себе. Освободилась комнатуха в деревянной коммуналке, куда и переехали мать с ребенком. Бабушка была героическая. Она послала подальше какую-то сволоочь и десять лет гремела кандалами в Гулаге. Вернулась ни сломанная, ни блатная. Зарабатывала на прожитие поденщиной вроде мытья полов и подметания улиц. Сама до глубокой старости рубила чурки на растопку печки в своей восьмиметровой лачужке. А росточку в ней было полтора метра. Крепкая порода, «не то что нынешнее племя», сторбленное под бременем своих соплей и щенячьих прихотей. Вот тебе и слабый пол, стыдно рядом стоять, а в глазах светятся доброта и юморная беспечальность, как и горя не знала. Вот он, народ, подумал наш герой, глядя на бабульку, не проронившую при нем ни единой жалобы на жизнь, и опрокидывая стопарик, поднесенный в благодарность за рубку дров, что ей самой уже было не с руки.

Бабушкина комнатуха, приютившая мать с ребенком, была в коммуналке с частичными удобствами из трех комнат с кухней и туалетом общего пользования. Имелся водопровод. Жильцы согревали свои углы печным способом, храня дрова в сараях во дворе. В одной из двух других комнат проживала одинокая старушка, а еще в одной комнате – семья из четырех человек.

Жена вспоминала с умилением о первом семейном гнездышке, обустроенном ею самой и занятом в неполном семейном составе. Уложив малышку спать, она любила сидеть вечерами у затопленной печи и смотреть через приоткрытую дверцу на огонь, воочию символизировавший семейный очаг. Светлая грусть владела ею. В голове вертелась мысль об отце ее ребенка, которого она ждала в разлуке, укрепляющей и усиливающей любовь, создавая силу притяжения на расстоянии. Сей магнетизм достигает максимума в периодических разлуках, не настолько краткосрочных, чтобы он не обнаружился, и не настолько длительных, чтобы душа впала в печаль напрасных ожиданий. Чем больше любовь, тем больше способность души к ожиданию. Максимальный срок ожидания – вся жизнь, и это, собственно, обычная ситуация, когда душа всю жизнь пребывает в ожидании предмета любви за неимением его в наличии, перебиваясь суррогатами, заменами и самообманами в утешение.

«Ожидание. До бесконечности. Ожиданье – причастие к вечности. Это мостик за рамки желания. Это веры людской состояние. Верим: есть она, истина вечная. Верим: сбудется, что в ней обещано. И терпением на обещание отвечает душа в ожиданиях». Это из романа «Ожидание».

Любовь заставляет себя ждать. Есть не суррогатный эквивалент любви, способный

долго держать душу в ожидании, словно в разлуке с предметом любви, задержавшимся в дороге. Это мечта о любви. Возможно, есть предел ожидания, за которым она улетучивается, но главное, чтобы она изначально имелась в душе, вот как у нашего Ромео, мечтавшего о любви с детства и переживавшего отсутствие предмета любви как разлуку. Засим он был привычен к разлуке и несильно маялся в ней, она была нормальным состоянием его души, чего не скажешь о его возлюбленной.

Любовь заставляет ждать исполнения своих обещаний и обещает встречу после разлуки. Разлука легка, когда душа знает, что встреча не за горами, но когда встреча откладывается на неопределенный срок и когда разлука, перемежаемая встречами, растягивается на долгие годы, душа проникается нетерпением и неверием. Командировочный муж не для современных жен, но пятилетка ожиданий нашей жизнерадостной героини поделена на трое. Сначала она ждала любовника, потом ребенка и, наконец, отца ребенка. Каждая из этих сердечных эпох была куда более радостна, нежели печальна, смешно и взвешивать, чаша скорбей взлетит в невесомую высь на весах со счастьем любви на другой чаше. И смешно равнять подобную разлуку со стратотерпческим испытанием, не война была разлучницей и не тюрьма, но для нашей беспечальной героини равнялась испытанию всякая печаль.

В первые месяцы после родов она была всецело поглощена материнскими хлопотами. В первые приезды на побывку после рождения дочери он даже ощущал себя лишним, теперь не он был главным в сердце женщины, а ребенок, равный божеству. Закралась мысль, не прошла ли у жены любовь к нему и не оказался ли он в роли средства, воспользовавшись которым, чтобы состояться как мать, она и впредь будет относиться к нему всего лишь как к средству, обеспечивающему наилучшее проявление ее материнской сущности, а если средство окажется бесполезным, исход предсказуем и банален.

Самая правдоподобная иллюзия любви создается материнской природой женщины и устойчива соответственно способности отца семейства таскать в клюве зернышки в семейное гнездышко и прикатывать камушки для стен домашней крепости, но уже сразу после родов должны обнаруживаться признаки, что это не любовь, а ловкий обман, предусмотренный природой для продолжения жизни. Женщина становится женщиной, сделавшись матерью. Засим по девичью сторону родов женская любовь к мужчине попадает под большой вопрос как таковая. До родов она или вообще не существует, или наличествует в кукольном зачатке, как и сама женщина. Новоиспеченная мать должна привыкнуть к материнству как к обычному состоянию, чтобы вскрылся ее любовный самообман, если он имел место. В противном случае, следует ожидать приливной волны чувств нового качества к отцу ребенка вслед за откатной волной предродового и послеродового периодов. Это имело место в нашем случае, причем во время беременности не замечалось откатных явлений, напротив, со стороны беременной наблюдался благодарный прилив чувств к виновнику беременности.

Она светилась счастьем. Было бы неблагодарностью кошки никак не обнаружить, кто ее осчастливил, хотя бы потому, что с его предшественниками оказались неудачными попытки стать матерью. Но обычно в роли подручного средства может выступить любой встречный. Недолго длится эта женская благодарность и забывается, как не бывало. Наверное, это справедливо, ибо роль отца не роль сперматозоида, будь это конгениальный сперматозоид, содержащий уйму талантов и здоровой наследственности в генетическом коде, за что спасибо создателю кода, а не носителю. Но в подавляющем большинстве случаев, не считая наследственных патологий, дети должны любить отца уже за одно лишь то, что именно он, на пару с матерью, произвел их на свет и перевоплотился в них генетическим образом. По той же логике женщина должна любить в своем ребенке вместе с ним самим и отца ребенка, будь тот хоть из пробирки. Однако материнская любовь и любовь к мужчине — это две разные формы любви, и уж если женщина любит мужчину, она любит его самого, безотносительно к детям, но если он отец ее детей, она любит его вдвойне, что мог почувствовать наш герой.

Освоившись в материнской роли, жена остро ощутила нехватку рядом отца своего ребенка и стала мучительно переживать разлуку, на порядок сильнее, чем когда-либо прежде. Тоска достигла максимума в минуты сидения у печки, печальные, словно ее постигла участь одиноких матерей. Но печаль была светла, ибо разлука — это состояние любви. В перемежавших разлуку свиданиях и по телефону она говорила: «Я больше всего

на свете хочу, чтобы ты был с нами, приезжай поскорей, мы очень скучаем без тебя, возвращайся к нам насовсем». Уложив дочку спать, она сидела у приоткрытой дверцы печи, смотрела на огонь и ждала окончания разлуки. Если она когда-нибудь была Джульеттой, то в те минуты, и именно такую ее он любил, а не такую, какую встретил и с какой расстался.

Позже ей довелось помяться тоской ожиданий другого рода. Наступила черед задержек муженька с работы, он то и дело возвращался поздненько, подчас за полночь в подпитии, а то и под утро в сильном подпитии после пьянки с коллегами. Этот период, выдлившийся посередине пути и содержащий в себе скрытый кризис супружеских отношений, насчитывает около четырех лет. Мобильных телефонов тогда не было, и не имелось стационарного телефона у них в доме. Оставалось просто ждать у окошка.

Она так описывала свои переживания: «Вдруг около восьми вечера чувствую, что сегодня я тебя не дождусь. Места себе не находила. Ближе к полуночи садилась на кухне у окна, курила сигарету за сигаретой, смотрела на двор, периодически высывалась в форточку, выглядывая тебя на подходе к дому, и испытывала такую тревогу, что зла несколько на тебя не было, хотя не сомневалась, что наверняка ты опять, как ты говорил, плачиваешь редакционный коллектив. Меня не оставляло ощущение близости беды, в меня вселялся страх, как бы не случилось чего-то ужасного. Муторно, мочи нет. Доканывала мысль, что ничего не сделать и не изменить. Наконец шла спать от моральной усталости, проваливаясь в чуткий сон, а когда ты, придя, ложился рядом, я пробуждалась с чувством успокоения, и твой перегарчик мне не мешал снова уснуть с мыслью, ну, слава богу, все хорошо».

Под конец брака ему привелось испытать похожие ощущения, когда женушка взяла моду заявляться с рабочих вечеринок подшофе. Он воспринял это как бумеранг, прилетевший из времен его рабочих попок, но, в отличие от нее, он не собирался с этим мириться и не без успеха принял исправительные меры.

Вскоре после воссоединения семьи, случившегося в коммунальной комнатухе, дом поставили на капремонт и переселили жильцов в одноэтажный барак коридорного типа с отхожим местом выгребного свойства на коридоре и с колонкой на дворе, зато с системой отопления. Их семье достались целые две комнаты. В одной они обустроили общую спальню, а в другой комнате, отведенной под кухню, совмещенную с гостиной, он соорудил навесной умывальник и полку под газовую плитку. Теща выстояла два дня в мебельном магазине и отхватила раскладной диван. Шикарный подарок на новоселье. От ушедшей в мир иной бабушки жены остался в комплекте с этим кровом дубовый шкаф, переживший не только первую хозяйку, но и унаследовавшую его семью.

После распада семьи шкаф служил холостяку, громоздясь в углу как символ брэнности бытия человеческого, дескать, помни, хозяин, все пройдет, утечет, как вода, прогорит, как воск свечи и дрова в печи, а тому, что не проходит, грозит катастрофа. Бездушный предмет стоял словно скрижаль мира сего и страж мирового порядка, глася видом своим, впитавшим историю семьи, что даже судьбу шкафов решать не их владельцам, приходящим в мир в чем мать родила и уходящим такими же голыми и неимущими.

Три года прошли под полюбившийся стук вагонных колес. Барак располагался вплотную к железнодорожному полотну. Жили скромно и, можно сказать, бедно. Государство зашаталось, ударила волна гиперинфляции. Обеднели и тесть с тещей, ничего не жалевшие для внучки и помогавшие молодой семье, чем могли. Вот так и выкарабкивается народ, подумал наш герой, родственные узы служат несущим каркасом бытия. Разрушь семью, и разрушишь общество, но семью не разрушить. Кругом стоит треск распадающихся браков, а семья стоит незыблемо, ибо включает в себя не только супругов. От века семья есть род. Исторический родовой уклад народной жизни канул в Лету в очагах цивилизации, но род не умер, опутав социум сетями семейных связей со стороны отца и матери каждой социальной единицы, сущей в своей семейной нише, представленной близкой родней.

На лето тесть с тещей уезжали в дальнее село, где имели дом, возделывали огород и завели живность. С подворья к столу молодой семьи регулярно доставлялись полные корзины яиц и прочая снедь с огорода и из тамошнего озера. Жена тогда работала рядовым клерком в одном заводском управлении, а он не спешил возвращаться в свою профессию, поработав пару лет в московской прессе и вернувшись в свою провинцию. Друзьям он говорил об этом как об уходе в творческий скит и как о принесении жертвы

Аполлону. Громко сказано, но так и было. Он бросил бы любую карьеру и бросил бы даже семью, если б жена сказала слово против, когда ему приспичило испытать себя на ниве большого творчества.

Она не читала его произведений, но довольно и того, что она поняла, что писанина — это для него нечто столь же необходимое, как для нее косметика, фен и горячая вода в кране. Она никогда никоим образом не выказала своего недовольства тем, что слишком много времени жизни он проводит за письменным столом, и даже когда у них было очень туго с деньгами, она не попрекнула его, что он опять прирос задницей к стулу за своей бездоходной писаниной, вместо того чтобы поправить семейный бюджет, устроившись по профессии. Он всегда занимался в жизни тем, чем считал нужным заниматься, и не встречал прекословия с ее стороны. Он расценивал это как наилучшее понимание, на порядок более ценное, чем понимание того, чем он, собственно, занят-то и что он там вечно строчит в своей комнате, уж выходные-то мог бы посвятить семье. Он прекрасно обходился без того понимания, недостаток коего доводит изнеженных творческих субъектов до истерик и суицида. Творческое одиночество было его нормальным состоянием.

Дочь, не без участия матери, имела обыкновение по праздникам поздравлять отца открытками, написанными и разрисованными собственноручно. Сохранившиеся поздравления он держал потом на видном месте в своем холостяцком жилище, и когда перечитывал, сердце щемило укоризной, что он любил жену больше, чем дочь. «Еще я хочу пожелать тебе, папочка, чтобы ты оставался всегда таким же умным, красивым, любимым и чтобы никогда не забывал про нас с мамой и, конечно, про Стасика (это кот), а еще чтобы ты почаще ходил с нами на каток и побольше выходил из своей комнаты!» Это, скорее всего, жена подсказала насчет катка и комнаты. Ей нередко приходилось упрашивать его сходить куда-нибудь с семьей в выходные, прибегая к женским уловкам и подзуживая дочку уговорить отца, и если он наотрез отказывался, она так грустнела, что он легко мог сдаться и отложить безотлагательное, а писанина у него всегда была безотлагательной.

Не спеша возвращаться в профессию, он чувствовал себя обязанным не уклоняться от поездок в сельские уголья тестя с тещей, где было чем помочь по хозяйству. Одно время теща приторговывала водкой на селе из-под полы, и зять за сто семьдесят километров возил рюкзаки со спекулятивным товаром на рейсовом автобусе из города, где с чувством долга бегал по точкам под вечер и выстаивал очереди за дефицитным продуктом, отпускаясь в ограниченном числе в одни руки. Теща периодически использовала зятя в качестве грубой рабсилы. Он, не отлынивая от трудовой повинности, рыл ямы и канавы на огороде, сначала на ближней даче под городом, а потом на дальней в райцентре. Он чтил мать своей жены и больше всего был благодарен ей не за хлебосольство и не за заботу о внучке, а за жену. Почтительное отношение к теще вытекало из той простой мысли, что не будь тещи, не было б у него и жены. Жена — тещин подарок. Он чувствовал себя в долгу у тещи, как у собственной матери за самого себя.

Зимой по выходным тесть с тещей забирали внучку к себе на побывку. В гостях свершалось преобразование ребенка, воскресным вечером возвращавшегося своенравным, своевольным и царственным в сопровождении рабов, но стоило тем откланяться, как царевна исчезала в самой себе в обычном порядке обратного превращения в послушное дитя, держащее в авторитете маму с папой, как будто в детской голове срабатывал автоматический переключатель программ поведения. С родителями очень-то не покапризничаешь, имея случай усвоить строгий тон отца и спонтанный гнев матери, чья ласковая рука иной раз вдруг становилась тяжелой, отведывая шлепок по мягкому месту.

Несколько лет он каждодневно отводил дочь в садик, располагавшийся неподалеку, и забирал по вечерам. Зимой путь преодолевался на санках, к большому удовольствию ребенка, но излюбленным способом передвижения маленького человека был верховой. Отец не позволял злоупотреблять ездой на нем, и наездница научилась с умиленным притворством выбирать подходящий для оседлания момент, когда не последует отказа на просьбу прокатить ее «на верхе», как она выражалась, бишь на плечах. Это происходило, когда они всей семьей выбирались погулять. Пройдут годы, и сердце дрогнет при воспоминании, с какой потаенной охотой он подставлял плечи, слыша

ожидаемый повелительный или просительный возглас своего ребенка: «Папа, я поеду на верхе». Жена шла рядом, удовлетворенно и поминутно задирая голову, чтобы убедиться, как хорошо себя чувствует утомившийся ребенок. Умиротворенная картина идущих по дороге супругов с ребенком на отцовских плечах как нельзя лучше символизировала семейное счастье.

Это было настоящее счастье. И когда он имел его, и когда он потерял его, он не сомневался, что это было счастье в точном смысле этого слова, истинное счастье, которое никуда не исчезало и ничуть не умалялось ни в каких эксцессах семейной жизни, а наоборот, возрастало с годами и достигло максимума, когда было пройдено две трети пути. Судьба решила отметить эту точку в ней памятным событием в виде путешествия супругов в Крым вдвоем на три недели. Это было что-то вроде отложенного медового месяца, вдруг выдавшегося сюрпризом судьбы по истечении шестнадцатого года любви, словно недополученный предмет комплектации. С крымских пор брак стал безоблачным, как крымское небо, и умиротворенным, как «Таврический романс»: «Скован берег морской цепью дремлющих скал. Первозданный покой горизонты обьял. Волны в бухте звенят отголосками бурь. Сыплет охру закат на морскую лазурь». Оглядываясь назад, он явственно различал крымскую линию раздела в истории любви, разграничившую период поверхностных страстей и время глубоких чувств.

И вдруг: «Одиночество. Одиночество. Монотонное. Затаенное. Непонятым темным пророчеством в глубине своей оглашенное». Так начинается романс «Одиночество», написанный спонтанно на сорок первом году жизни, когда в отношениях с женой установилась, как никогда, ясная погода и он полагал, что брак достиг надлежащей серьезности и вполне явил свою основу, зовущуюся людьми любовью.

Он плохо помнил детство. В числе запомнившихся детских переживаний было такое. На улице пасмурно и дождит. Он стоит у окна и с надеждой смотрит на дорогу. Он ждет друга, который живет через дом и может прийти, а может и не прийти. Они не договаривались, но тот нередко приходил, когда вздумается. Друг не идет, за окном дождливо, на душе тоскливо. Как же избавиться от этой тоски? Надо пойти к другу, раз он не идет к тебе. И что же это за тоска? Это тоска одиночества в зачаточном виде.

Лучшее средство от одиночества — это семейная любовь. И вдруг на пике семейного счастья человек пишет: «Одиночество. Одиночество. То нахлынувши, то отхлынувши, Множишь ты свои червоточинки, постепенно портишь судьбину всю. И когда-нибудь, и когда-нибудь возвестит итог твоя звонница. Ничего у нас не останется. Все отнимешь ты потихонечку».

Он вновь, как в детстве, стоял у окна в мир в душе своей, смотрел на дорогу жизни и ждал некоего друга, каким не стали ему ни его любимая жена, ни его любимая дочь, ни он сам.

Уже надвигалась катастрофа, на которую была обречена эта любовь и эта семья. Отмеренный срок был достаточен, чтобы эта семья исполнила свое предназначение и не стала несчастной копией семьи, из которой вышел наш герой, но другой рок изначала висел над семьей, созданной им самим.

Глава 4. Отцы и дети

Семью, из которой вышел наш герой, преследовал рок безотцовщины. У него имелся старший брат. Братья были от разных отцов, их жены дивились при встрече: какие разные братья! Их мать рассказывала, что сбежала с младенцем куда глаза глядят от побоев первого мужа, вернулась в отчий дом, устроилась по специальности учителем вечерней школы и встретила там будущего отца своего второго сына. По ее признанию, первый раз она вышла замуж через насилие, а второй раз — по любви. После второго развода коротала жизнь в привычном одиночестве. Любовников никогда не имела, мужское присутствие обозначено в судьбе этой женщины отцами ее детей, нелюбимым и любимым.

«Правду еще одну мне говорила ты: Лишь моего отца в жизни любила ты. Очень признание это мне дорого. Суть его ведаю, эх, в свой сорок я». Это из романса, посвященного матери.

Второй брак продержался с полдесяток лет и, несмотря на любовь, тоже получился страдальческим для матери, по ее словам, мол, поднимал муж на нее руку в пьяных

припадках беспричинной ревности, а сам погуливал. Взрослый сын с молчаливым неудовольствием и недоверием воспринимал худые слова матери в адрес отца, звучавшие резким диссонансом с признанием в любви. Грешным делом в него закралось подозрение, что мать сваливает вину на отца за распад семьи, как это часто делается с обеих сторон, но не сыну судить мать с отцом, по его понятиям.

Отец регулярно давал знать о своем существовании, навещал сына, тцился принять участие в его воспитании и даже предпринимал попытки восстановить семью. Запомнился характерный штрих отцовской заинтересованности в судьбе сына. В какой-то момент среднего детства к типичным играм дворовой пацанвы в футбол, в хоккей, в индейцев добавилась нетипичная игра в тимуровскую команду. В числе придуманных добрых дел мальчишки счищали лед со ступенек мостика через речку. Прохожие нахваливали: «Ай да молодцы! Наверное, вы дети дворников». А в ответ: «Нет, мы тимуровская команда». Команде пришлось на ум делать дело, одновременно доброе и доходное: собирать бутылки. Сын с жаром рассказывал матери о командных предприятиях. Та рассказала о том же отцу в один из его приходов и потом передала сыну с иронией, что отец был очень недоволен: «Как! Мой сын собирает бутылки, как нищий, и ты этому потакаешь!» Родители дискутировали на тему воспитания сына, словно и не разводились. Отец, по своему обыкновению, кипятился, а мать, по своему обычаю, выказывала учительскую снисходительность.

Душу сотрясло позднее раскаяние и зафиксировано в романсе, посвященном отцу: «Бессрочно родственная сила зовет и тянет втихомолку. На тихий зов родной могилы, о, как я собирался долго. Какая длинная дорога вела к кладбищенской церквушке, Чтобы в постеленную богом рыдать отцовскую подушку. Нас катастрофы разлучили. Не довелось нам стать друзьями. И стал, отец, ты лишь в могиле мне другом загадочным самым. Беда такая есть на свете между родными и чужими. Я ведь и сам не знал, не ведал, какой ты у меня любимый. Все говорят, взглянув на фото, что, как две капли, мы похожи. Мол, вот уж вправду плоть от плоти. Да и характер, дескать, тот же. Я это слушаю с улыбкой, а в сердце что-то колобродит, Чтобы нахлынуть над могилкой, в глазные превращаясь воды. С усмешкой легкой смотришь с камня на дорогого, знаю, гостя. Ты радость встречи обещал мне, и я за этим на погосте. На сводах брошенной церквушки каким-то чудом живы фрески. И там святой какой-то русский глядит с твоей, отец, усмешкой. В полях, похожих на озера, между лесов и перелесков, Затерян островок, который погостом служит деревенским. Господь сыскал тебе местечко, какого лучше не придумать. Здесь не болит твое сердечко. Здесь нет причин смотреть угрюмо. Сколь мог, пешочком, как паломник, я на святое шел свиданье. О, как отрадно и легко мне в моем сыновнем покаяньи. Тебя я помню лишь из детства, но если б и не помнил вовсе, Я б все равно пришел, отец мой, на неземной твой зов отцовский. Мне помнится, как я отверг твой подарок вроде к дню рожденья. Теперь за этот тяжкий грех свой прошу я, в том числе, прощенья. Туманно я припоминаю, как, хлопнув дверью, уходил ты. О, как теперь я понимаю твои отцовские обиды. Такая правда есть на свете, что есть у нас отец родимый. И вот за это, лишь за это ты у меня такой любимый. Неотвратимость этой кармы, вся сила связи между нами Ожгла меня еще в казарме меж строк трагичной телеграммы. Все силюсь вспомнить я с тоскою, как ты уходишь, дверью хлопнув. И вот бегу я за тобою и возвращаю из усопших. Еще приду я издалече за облегчением погостным. И усмехнешься ты при встрече, дождавшись дорогого гостя. Здесь благодать. Версты аж на три ни фермочки, ни деревушки. Полей озера русских в кадре и вечный островок с церквушкой. Какая длинная дорога ведет к отцу в душе сыновней. С отцом небесным нас ведь, с богом, связал отец единокровный».

Романс написан на сорок первом году жизни, через двадцать два года после смерти отца. Сыновняя любовь пробилла душу, как молния, накопив критическую массу. Лучше поздно, чем никогда, но смерть не стала долго ждать. Точнее говоря, любовь к отцу прорезалась с известием о его смерти и пребывала за порогом сознания, время от времени проталкивая в сознание мысль об отце, словно подготавливая предрешенный душевный переворот, который должен был случиться гораздо раньше, будь отец жив. По мере взросления душа сына не могла не повернуться к отцу, но волею судьбы развернула ее к отцу смерть отца, произведя первую молнию любви.

Держа в руках известие о смерти отца, восемнадцатилетний курсант почувствовал, как в душе что-то сдвинулось, душа напряглась, как придавленная, помрачилась и

тихонько заняла, недостаточно жалостно, чтобы брызнуло из глаз, и слишком слабенько, чтобы имел место бесслезный шок, но курсант остолбенел и впал в скорбную задумчивость. Был канун Нового года, на воздухе околеешь, в казарме уединиться негде, он приткнулся к подоконнику в умывальном помещении и простоял до отбоя недвижно, глядя в законную тьму. Сокурсники зашептались, один подошел, поинтересовался, что случилось, и сказал остальным, чтоб не лезли с расспросами, услышав в ответ: «Ничего». О чем он думал в том столбняке? Через годы он не мог этого вспомнить, помня лишь, что в уме вертелось сокровенное слово «отец».

Через полгода после дембеля в начале лета он впервые посетил отцовский погост, отдаленный на полторы сотни километров от города и на две-три версты от деревеньки, откуда родом отец. Глухомань земли русской. Надрался с дедом и дядькой до амнезии по случаю, а не с горя. В памяти зацепился вид могилы со стандартным железным надгробием, и больше ничегошеньки не вспоминалось. Может, и пробила там его пьяная скорбь, но это не поставишь в один ряд с лирикой, запросившейся на бумагу, когда запоздало вызрели и солоно хлынули настоящие чувства.

Дядюшка, брат отца, передал ему отцовскую сберкнижку с рублевым числом четыреста. Это все, что осталось ему от отца. Пройдут годы, и он зарыдает, вспомнив об этом наследстве и размыслив над его символикой. А что если б на книжке был миллион? Каков бы он был сукин сын, если б тогда-то и полюбил отца. Кабы дожил до советского коллапса и не вылетел, по своей бесшабашности, из подвернувшегося креслица в руководстве большого завода, отец мог бы попасть в местные нувориши, а при жизни у него и угла-то постоянного не было, и вот именно скитальцем, ничего не имеющим, кроме четырехсот рублей на счету, хотел бы сын обрести отца в числе живых. Но осталось только четыреста рублей, как будто это цена отца в глазах плохого сына. Не дьявольская ли насмешка, а скорее, божеская, мол, смотри, что ты приобрел и потерял.

И вот наследник, обогатившись чистой любовью, сказал в сердце своем: «Папа, ты, видно, приберегал на черный день, ты и не предполагал, каков он будет, этот черный день, ставший днем отсчета возвращения блудного сына. Вот, я вернулся. Я чувствую себя в неоплатном долгу перед тобой, ведь благодаря тебе я живу и являюсь самим собой, все равно что тобой, продолжившим жизнь в сыне своем. Эти четыреста рублей пришлось весьма кстати мне в студенческой бедности, я не пропил, не пустил их по ветру, они послужили мне второй стипендией в первый университетский год, но как бы я хотел теперь прийти к тебе на погост с твоей сберкнижкой и положить ее в какой-нибудь шкатулочке под могильный камень на вечное хранение как оберег от черного дня, от которого она не уберегла тебя, чтобы уберечь меня».

В числе памятных предзнаменований отложенного покаяния достоин упоминания родственник инцидент. Как-то раз племянник пришел проведать дядюшку, брата отца, чувствуя себя обязанным поддерживать родственные связи, из-за распада семьи оставшиеся на порядок более тесными с родней со стороны матери. Дядька нарезался до положения риз. Никогда ни до, ни после он ничем не обнаруживал недружелюбия, совсем напротив, а тут вдруг, уже валясь с ног, встрепенулся, вперил в племянника пьянувший взор, в тумане бессмысленных зрачков метнулась ненависть, и правый кулак полетел в цель тыльной стороной наотмашь. Получился не удар, а кулачная пощечина. Схлопотавший ее не шелохнулся, учуяв ее праведный смысл, оставшийся не озвученным: «Отец любил тебя, а ты его не любил». Был повод задуматься, знать, недаром он нарвался на шальную оплеуху, не иначе, отец в кругу родни немало говорил о сыне и обнаруживал отвергнутую отцовскую любовь и обиду на то, что отношения с сыном не складываются и что сын чурается отца, даже в дом не пускает, когда нет матери. Такой случай действительно имел место и запомнился.

История анекдотичная, но драматичная для отрока лет тринадцати. Однажды у него зачесалась голова. Являя причину чесотки, из шевелюры выпала на стол жирная вошь. Мать, проинформированная о происшествии, купила в аптеке мазь от педикулеза. В тот вечер она задержалась на работе. Он сам намазал голову зловонным составом и обмотал полотенцем. Звонок. Посмотрел в глазок, а там отец, как нельзя некстати. Вот тогда-то он и не хотел пускать отца в дом, ссылаясь на отсутствие матери, как будто отец пришел впервые и может сделать сыну что-то плохое. Отец, наверное, сразу удалился бы прочь от порога, на который его не пускает сын, но он принес дорогой подарок и, видно, очень хотел вручить. «Да открой ты на одну секундочку, я отдам тебе кое-что и тут же уйду», -

упрашивал отца за дверь. Сын наконец впустил отца, сгорая от стыда за свой вид и не зная, как объяснить источающую зловоние чалму, если отец спросит. Тот спросил мимоходом: «Голову помыл? А я вот тебе костюмчик принес», - и развернул сверток, показывая модную обновку. А в ответ: «Не надо мне никакого костюма, заberi его назад». Так и сказал и отпихнулся от подарка руками. Отец опешил, сунул сверток под мышку и направился к двери. Закрывая дверь за собой, он вдруг резко развернулся, быстро положил подарок на обувную подставку и исчез, хлопнув дверью. По лестнице застучала дробь шагов бегущего вон человека. Когда у этого сыночка возникли нелады со своей доченькой, достигшей подросткового возраста, он узнал то, что когда-то испытал его отец, как будто свершилось возмездие, и он принял это как бумеранг, прилетевший из прошлого. А костюмчик пригодился через полгода, когда случилась первая любовь.

Почему он отмахивался от отца, как от назойливой мухи? Главная причина — развод родителей. Покаяние отчасти беспочвенно, ввиду отсутствия вины за детское равнодушие к отцу, predetermined разводом. Речь идет прежде всего о сожалении, что все так скверно сложилось, и о жалости к отцу, так и не дождавшемуся того, что чем дальше, тем больше зависело от сына. Смерть отца застала его совершеннолетним балбесом, восторгавшимся Достоевским, а с родным отцом не поддерживавшим никаких отношений и ни разу не дернувшимся их наладить. Стало быть, он виноват. Он помнил детство отрывочно, мать говорила, что до подростковой ломки, изменившей его до неузнаваемости, он был любящим и заботливым сыном по отношению к ней, охотно помогал ей по хозяйству, на всякий праздник что-нибудь делал ей в подарок своими руками, был золотым ребенком. Он почти вообще не припоминал, каким он был золотым для матери, а вот каким ершистым он был к отцу, это отложилось в памяти и вошло в состав вины.

Распад брака — распад семьи. Неполная семья уродлива, ребенок в ней лишен одного из родителей, хоть бы тот каждый день приходил с баулами всякой всячины. Семья — замкнутый мирок, стремящийся снова замкнуться, отторгая того, кто выдворен за дверь разводом, и тот обречен стучаться в закрытую дверь. Как правило, это отец. Даже если ребенок бежит на стук, унижительная роль приходящего и гостящего папашки доконает любого. Этот отец, при его резком характере, унаследованном сыном, периодически появлялся на пороге на протяжении всего детства сына, но если бы не появлялся, это было бы не противоестественным завершением развода. Когда отец не идет к сыну, это полбеда; беда, когда сын не идет к отцу. Этот сын не успел сделать это, а этот отец приходил не только к сыну, но и к матери его, семья была близка к восстановлению, да опять не срослось. Некий рок преследовал эту любовь. И смерть отца была роковой. Нечто злое в судьбе столкнуло отца в могилу, хотя через его свободный выбор.

В деревенском роду его были одни здоровяки и долгожители, но в детстве он получил приобретенный порок сердца, провалившись в речку на тонком льду вдали от дома на пути лесом из школы, находившейся в восьми верстах от деревни. Транспорт тогда в тех краях был гужевой, дороги грунтовые, дети добирались до школы и обратно пешком. С таким дефектом живут до естественной старости, как шепнул отцу один врач в экспериментальной столичной клинике, куда отец с какого-то перепугу и по какому-то направлению согласился лечь на операцию, когда у него стало пошаливать сердечко, как он сам выражался. «Здесь одни смертники, которым нечего терять, — сказал ночью по секрету дежурный врач. — А ты практически здоров, проживешь еще столько же со своим смешным диагнозом». Отец тотчас же среди ночи собрал монетки и был таков. Но через несколько лет он залег туда же вторично каким-то дьявольским наущением и божьим попусением. Ему, по рассказу матери, пришло письмо из клиники, мол, последний раз предлагаем прооперироваться. На третий день после операции на сердце отец умер. Умер почти молодым. В сорок шесть. Как-то раз это вызвало у сына зависть вместо скорби.

31 декабря деревенский погост принял нового постояльца. Родня в страхе вступила в год, начавшийся на кладбище. Через двадцать два года на могиле появился камень с ликом умершего, скопированным с самой трогательной семейной фотографии. Памятник заказан в складчину с матерью и с ее благословения. Вез груз знакомец отца, когда-то возивший отца на служебной машине. Он, оказывается, проживал в соседнем доме в городе и имел дом в отцовской деревеньке. Очень тепло рассказывал об отце, как бальзам на душу. С могильным камнем был третий визит на погост в проливной дождь, а второй визит был паломнический с камнем на душе тем же летом в солнцепек. Покаянно рыдал

на могиле, как блудный сын.

Глава 5. Катастрофа

Она стояла на пороге с загадочным и смятенным видом, зайдя в дом и закрыв за собой дверь. Было десять вечера. Почуввав неладное, он непроизвольно спросил: «Что-то случилось?» «Нам надо поговорить», - тихо и многозначительно произнесла она. Он мгновенно все понял.

В душе что-то сдвинулось, душа напряглась, на нее в ней самой надвигалась какая-то лавина, вот-вот накроет, бежать некуда, метаться бессмысленно, защита одна — волевая. Это называется душевным ударом. Спокойствие, без паники, самое главное — не сорваться в запой, приказал он себе, и упаси, боже, от пьяной ярости. «Хорошо, поговорим», - отозвался он со своей понимающей усмешечкой, и вида не подав, что в душе он уже чувствует себя уничтоженным, презирая себя за слабину и изо всех сил сохраняя внешнее спокойствие.

Жена достала бутылку коньяка, сели в гостиной за журнальным столиком на креслах в полоборота. Дочери дома не было, она, по обыкновению, пропадала у бой-френда, с чем отец давно смирился, ей уже было девятнадцать. Сквозь занавески высвечивал обстановку майский закат, бликуя на семейных фотографиях, покрывавших стену напротив и запечатлевших счастье, оставшееся в прошлом.

Он про себя похвалил себя, что отлично держится и даже испытывает философский интерес. Позже ему показалось, что в тот момент разум подспудно принял за окончательную редакцию «Песни песней», так что, оклемавшись, оставалось только записать.

Он разлил по рюмкам коньяк и взглянул на жену в ожидании самых трудных слов, какие ей довелось вымолвить в жизни. Они таковы: «Мы должны расстаться. Я больше не могу тебя обманывать. Уже целый год у меня есть любовник. С ним, а не одна, я ездила в апреле в санаторий, после чего сразу хотела признаться, но ты был так погружен в творчество, решила подождать».

Он дописывал философский трактат о любви и буквально за день до катастрофы поставил точку. Чертовски символичная точка. В уме мелькнуло: в браке с этой женщиной он постиг то, что уже написал и еще напишет, если напишет, о любви, она соавтор.

Ревность даже не шевельнулась, хотя самолюбие с порога было уязвлено в самую сердцевину, но не подавало голоса, повергнутое душевным ударом в пришибленное смирение. Через недельку, отойдя от паралича, самолюбие возьмет свое, а сейчас он несколько не выглядел оскорбленным и рассмеялся горьким, но беззлобным смехом, по достоинству оценив свежий анекдот в серии о женских проделках.

Полтора месяца тому назад жена все уши прожужжала ему какой-то лосефермой, расположенной рядом с санаторием, куда ей приспичило поехать для снятия накопившейся душевной усталости. «Конечно, дорогая, - посмеивался муж, - я вижу, как ты устала, поезжай, развейся, поддержи за рога и испей молока рогатых существ». По возвращении она показывала свои фотографии с лосями, стыдливо умолчав, кто ее фотографировал на символичном фоне. Шикарный анекдот. Наповал.

В подавленной душе глухо и безопасно шевельнулась ярость от мысли о сукином сыне, разрушившем его семью, втихаря лакомясь клубничкой в запретной зоне и извиняя себя, как и все подобные подлые твари, поговоркой: сучка не захочет, кобель не вскочит. По чести, первый ответчик за адюльтер — субъект мужского пола, долженствующий быть готовым понести полное наказание за кобелиное вторжение в святая святых. Выбор оружия и первый выстрел за рогоносцем. Женщин к барьеру не вызывают, и вообще изменница находится под защитой мужского достоинства, если с ним все в порядке.

За все годы он один раз поднял руку на жену. Это много. Это произошло на пятом году этой любви в пьяном припадке ревности, спровоцированном ею потрясающим образом, не укладывавшимся у него в голове ни по какой логике. Она утверждала, что затеяла обиженный розыгрыш, спьяну не сообразив, чем это чревато. Дело было так.

Он приехал на побывку из Москвы. Местный приятель, решивший кутнуть, позвал их в кабак, где герой и героиня крепко набрались на халяву. Под занавес пира она куда-то запропастилась. Он отправился на поиски, обшарил ресторан, прочесал прилегающую территорию и поднял пьяную тревогу, решив, что с поддатой возлюбленной стряслось

криминальное происшествие, возможно, сейчас ее где-то насилуют.

Он заявился в отдел милиции и потребовал предпринять экстренные розыски пропавшей жены. Забирать в трезвак его не стали, видимо, ввиду предъявленных корочек столичного корреспондента, а не из сочувствия, в малой вероятности чего он убедился позже, трижды побывав в оном богоугодном заведении. Однажды его сгребли с перрона, где он встречал родню, прибывшую на похороны тестя. Наряд в лице сопляков сержантов и милиционеры повзрослее не изъявили желания уточнить, действительно ли у задержанного завтра похороны, закатали в трезвак человека, твердо стоявшего на ногах, никоим образом не нарушавшего общественного порядка и по-человечески просившего войти в положение, все-таки похороны, святое, жена там с ума сходит, родственники мечутся в поисках адреса. «Да заткнись ты!» - и весь разговор. «Ах вы, суки!» - в ответ. И так далее. Правда, без побоев.

На сей раз дежурный в чине майора терпеливо выслушал и спросил: «А дома-то хоть вы были? Может, жена уже там». Аргумент веский. Он поперся на квартиру тестя с тещей, на чье попечение был оставлен грудной ребенок. Матери ребенка там не оказалось. Пошли с тестем в гараж, поехали на машине проверить, нет ли ее на квартире его матери, где чета собиралась заночевать после кабака.

Она сидела с сигареткой на подоконнике в подъезде, болтая ножками, и радостно захихикала, завидя поисковый отряд. Тесть тут же отбыл. Она была пьяна, он еще пьянее и смутно помнил случившее дальше. На-ка, он, значит, в шоке и трансе, поднял всех на уши, а она тут рассиживает веселенькая, как ни в чем не бывало. Он грубо сдернул ее с подоконника и велел заходить в квартиру. Она потухла. Объяснения он решил взять на балконе, где можно, не беспокоя спавшую мать, вдоволь накуриться от нервного потряхивания. На предложение отчитаться, где же это она была несколько часов, жена рассказала нечто, превратившее Ромео в Отелло, и ей в лицо выстрелил прямой удар. Она рухнула навзничь с какого-то сидения, горько заревела, спохватилась и жалобно залепетала слова оправдания, дескать, она пошутила и разыграла его, обидевшись на его грубость в подъезде.

А рассказала она следующую престранную басню, поди пойми, как вообще способную прийти в женский ум, если это вымысел. Она, мол, вышла проветриться на улочку, достала сигаретку, а прикурить не от чего. Рядом стоял какой-то грузовик, в кабине был водитель, она попросила огоньку, тот предложил сесть в машину, она взяла да и села, а парень вдруг по газам, поедет-де, красotka, кататься, давно я тебя поджидал. Завез куда-то и изнасиловал прямо в кабине, потом вышвырнул из машины и был таков, а она поплелась до дому какими-то нехоженными тропами, вот, гляди-ка, где-то за проволоку зацепилась, колготку порвала и ногу поцарапала. В этом месте захватывающего рассказа прилетела отрезвляющая пилюля, созревшая от подробностей. Сама с чего-то села в машину, без сопротивления поехала кататься, каким-то образом оказалась жертвой надругательства, от какого нормальная женщина чувствует себя несколько иначе.

Вторая версия, клятвенно поведенная сквозь слезы, сопли и кровь из носу: ей, оказывается, с чего-то взбрело среди шумного пира навестить подругу, проживающую неподалеку, где она и зависла, потеряв счет времени за женской болтовней. «Ребенок может остаться без матери, если подруга окажется любовником, - предупредил он. - Завтра же представишь доказательства своей невинности».

Веселенький вечерок с элементами шекспировских страстей и кабацкого водевиля а ля рус закончился умиротворяющей постелью, сдобренной самыми нужными словами, которые женщина знает когда и как сказать. Наутро все было прощено, слово взяли стыд и вина, мучившие обоих, но он довел до конца уникальный и ни в каких вариациях больше не повторившийся эпизод, потребовав от жены проделать две формальные процедуры, выглядевшие в высшей степени комично и нелепо, но не нелепее и не смешнее басни об изнасиловании.

«Я знаю, что это смешно, - сказал он, - но я хочу, чтобы впредь ничего подобного не повторилось. Во-первых, пойдй возьми у подруги расписку, что ты была у нее от сих-то до сих-то. Во-вторых, пойдй найди майора, дежурившего в ту ночь, и принеси извинения за скандал, устроенный в милиции мужем по вине жены».

Она покорно все исполнила и потом радостно рассказывала, как ловко это у нее получилось. Майор смеялся, смущался и дивился, не припоминая в своей практике подобных семейных эксцессов. Подруга тоже ухохоталась и подивилась таким страстям,

сочувственно глядя на фингал, а может, и с завистью. Фингал был смачный с гематомой, жена опасалась сотрясения, но сказала теще: «Не переживай, мама, я заслужила».

Для полного порядка он провел душеспасительную беседу, истинной целью имея не жену воспитывать, а себя оправдать, упав в собственных глазах и созерцая на лице жены свидетельство своего позора. Всю жизнь ему предстояло носить в душе память о поступке, роняющем ниже половиц достоинство представителя мужского пола. Но кто может похвалиться, что мундир его «я» не имеет ни пятнышка? Стыд заставил его отказаться от логического анализа странных деталей эксцесса и предать случившееся забвению. И вот рогоносец вспомнил забытое. Вспомнил все.

Интересно, подумал он, наполняя рюмки, боялась ли она, решившись признаться в адюльтере, что произойдет рецидив: зверь ревности сорвется с цепи, смиренно просидев в конуре 17 лет, и воздаст физическую месть изменнице. Сперва в ней можно было заметить некоторую обреченность и готовность к худшему. Она раскрепостилась, видя, что он настроен миролюбиво и не обнаруживает никакого гнева, это при его-то взрывном характере, который она так хорошо знала и должна была приготовиться, по крайней мере, к матерной отповеди в классическом стиле запойных времен. Ничего подобного не последовало, она слова худого не услышала за весь долгий разговор, затянувшийся до четырех или пяти утра. Рецидив рукоприкладства был исключен. Если рука и поднялась бы, то не на нее, а на любовника, при благоприятных к тому обстоятельствах. Он был слишком потрясен известием, чтобы у него даже голос повысился на нее в эти последние часы семейной жизни, ставшие апофеозом печалей всей жизни.

В процессе последнего разговора он спросил, а что бы чувствовала она, будь она сейчас на его месте. Последовал ответ: «Убила бы». Ну, это вряд ли, но она была не из смиренных овечек и однажды обнаружила, что в ней спит львица. Он никогда не давал поводов для ревности, но повод содержится в доброй ссоре. Как-то раз, на одиннадцатом году любви, наши герои гуляли на свадьбе в состоянии ссоры. Под конец банкета героине, хорошо набравшейся, почудилось, что муженек заигрывает с какой-то девкой. Она превратилась в разъяренную львицу, подлетела в неподражаемом прыжке, развернула негодника от девицы и давай лепить пощечины градом. Жених еле оттащил, сперва остоленев, взирая на избяение свидетеля. Свадьба удалась. Избяенный был в восторге от жены и с неизъясным удовольствием подставлял лицо под ядерные пощечины наотмашь, обалдело хохоча, чем повышая градус бешенства львицы. «Ах, тебе еще и смешно, сволочь! Ну держись! На! На! На!» - приговаривала. Один — один, подумал он: сцена на балконе — сцена на свадьбе. А еще подумал, а может, и ей понравился бешеный лев?

Подобные эксцессы могут органично вписаться в историю любви только в единственном числе за всю супружескую жизнь.

После сцены на балконе он дал себе клятву не поднимать руку на жену и ни разу ее не нарушил, если не считать одного резкого телодвижения, вызвавшего у жены настоящую истерику, единственную за все годы. Это случилось где-то посередине их совместного пути по жизни. Она давно уже не плакала от любовных обид. Как-то раз она зашла к нему на работу под вечер и оказалась на попойке. Он всегда был только рад, если жена пребывает с ним рядом за рюмашкой, а она не очень любила находиться в пьяных компаниях мужа. Пару раз он говорил ей такую фразу: «Ты всегда должна быть рядом, я должен чувствовать тебя рядом, даже если ты на другом конце вселенной, а если я не чувствую тебя рядом даже за одним столом, как будто ты сама по себе, а я сам по себе, то на кой ляд мне такая жена!» Он повторил это в грубейшей форме, догнав ее на улице, после того как она вздумала не дожидаться, пока он распрощается с коллегами, и тем самым, по его мнению, демонстративно засвидетельствовала, что ей до него и дела нет. Он позволил себе тогда то, чего никогда себе не позволял ни до, ни после, не считая особого случая, описанного выше. Схватив жену за локоть и крутнув на дороге, он сильно толкнул ее в спину ладонью в направлении улицы, ведущей к дому, так что она заподпрыгивала от полученного ускорения. Этим физическое насилие ограничилось, но оказалось достаточным для жуткого эффекта, последовавшего примерно с двадцатиминутной паузой, заполненной пьяной дидактикой по пути домой.

Вдруг она отшатнулась под окна жилой пятиэтажки и сползла по стене реветь на всю околицу, сидя на земле. Видать, она была подшофе, в трезвости с ней вряд ли случилась бы пятнадцатиминутная истерика в рев и в вой прямо на улице чуть в стороне от оживленного движения. Он тысячу раз проклял себя в ту ужасную четверть часа,

пережитую, как кошмар наяву, и оказавшуюся для него, наверное, самым скверным моментом во всей двадцатидвухлетней истории любви, если не брать в расчет финал. Хмель вышибло из мозгов фурчащим змеем, как вылетает пар из каменки в парилке. Никогда в жизни он не бывал в такой растерянности и озирался по сторонам, как преступник на месте нечаянного преступления, не зная, чем помочь своей же жертве, не собиравшейся успокаиваться и яростно отталкивавшей протянутую руку, как отталкивают руку тогда, когда смертельно обижены на сующего ее и обида граничит с ненавистью или равна ненависти. Ну, что ж, мелькнуло в уме, если это точка в повести, завтра же надо убраться куда глаза глядят оттуда, где больше не люб, но сейчас-то как быть? Что с ней такое, черт возьми? Если б его попросили указать на прямую противоположность истерических особ, он сказал бы: это моя жена. Дай бог каждой такого душевного здоровья, как у его веселой половины, ходячий фейерверк жизнерадостности, ни намек на истеричность — и на тебе, настоящая истерика, папахивающая развязкой истории, но до развязки оставалось еще целых полпути.

Он тщетно пытался успокоить жену, ему показалось, что она рыдает и отпихивается со злым удовольствием, как будто вершит месть. Уж не крыша ли поехала у ней, с холодающим испугом подумал он, потрясенный происходящим. Если б кто-то к ним подошел и поинтересовался, что случилось, он сказал бы: не знаю, никогда такого не было. Никогда такого и не повторилось, и он остался в неведении насчет того, что это было. Жена ни разу не помянула о том кошмаре, как будто его и не было, и он тоже делал вид, как будто ничего не было. Сей пренеприятнейший для обоих случай жизни ни словечком не обсуждался ими постфактум и был на следующий же день предан забвению, словно по молчаливому уговору. Скорей всего, она винила в случившемся с ней вовсе не его, а саму себя, и ему не надо было быть ясновидящим, чтобы угадать резюме ее каких бы то ни было мыслей на тот счет: ну, и дура же я. Она не отличалась стыдливостью, но наверняка она устыдилась за уличную истерику, ну, а ему было не только стыдно, но и страшно вспомнить этот эпизод. И вот вспомнил. А заодно всплыл в памяти еще и нервный срыв, тоже не характерный для нашей беспечальной героини и случившийся с ней через полгода после 13 июня.

В один из его студенческих приездов они шли зимней ночью с вечеринки по снежной тропке через пустынное поле на квартиру ее родителей. Она была трезва, он был пьян и недоволен ею по какой-то причине, как будто было задето святое. Вдруг она остановилась, повалилась на колени, уцепившись за полу его зимнего плаща, и затряслась в рыданиях в голос, издавая душераздирающие всхлипы вперемежку с нечленораздельными обрывками слов, среди которых он разобрал: «Не бросай меня!» Он вмиг протрезвел и застыл в шоковом удивлении, не зная, ни что делать, ни что думать. Перед ним коленопреклоненно рыдала женщина, убитая чем? Уж не любовью ли, о какой он мечтал? Сердечко защемило сладкой жалостью, укор совести вонзился в душу высшей утехой самолюбия, смотри-ка ты, пронеслось в уме, лихорадочно оценивавшем ситуацию, да она и впрямь влюблена в него, иначе с чего бы такая сцена, достойная пера Достоевского. Он не сразу смог привести ее в стоячее положение, несколько минут она упиралась, но не так, как с силой упирается, не желая идти на мировую, обиженный человек, а так, как застывает в одной позе горящий человек. Она так ждала свидания в разлуке — и на-ка получи ложку дегтя в бочку меда.

В размолвках слезы жалости к себе, несчастной, исторгались у нее не раз и до, и после, но больше никогда с ней не случалось ничего похожего на тот срыв, как будто послуживший прививкой от страдальчества, связанного с любовными ссорами и обидами, у нее выработалась душевная защита, она научилась не обижаться на его резкости и воспринимать их, как погодные явления, способные испортить настроение, но неспособные причинить боль. Первое время не раз она говорила в минуты наплыва счастливых чувств: «Если б ты знал, как я хочу, чтобы мы никогда не ссорились, я была бы самой счастливой женщиной на свете!» И вот сбылось заветное желание, последние годы они жили, что называется, душа в душу, она уж и забыла, когда слышала от него худое слово, да дело было не в том.

Вот и кончилась любовь, а он говорил: любовь не кончается. Пришлось убедиться в обратном на пепелище любви. Для него это значило убедиться в том, что это была не любовь. Он говорил: истинная любовь взаимна. Стало быть, если жена не любит его, то и он ее не любит и никогда не любил, обманутый иллюзией. Нет любви, кроме настоящей

любви. Любовь бывает больше и меньше, но если только это любовь. Ненастоящая любовь не любовь. Самообман. Иллюзия. Что ж, подумал он, остается утешиться тем, что это была великая иллюзия.

Как же грустно вдруг услышать от женщины, которую ты полжизни считал любимой, а себя считал любимым ею, что она любит другого. Кто хоть этот другой-то, полюбопытствовал он, не собираясь вдаваться в подробные расспросы. Оказалось, сменщику 53 года, живет в соседнем городе, здесь бывает наездами, женат, двое взрослых детей, занимается торговлей компьютерами, «не красавец, обычный мужчина», как она выразилась. Да нет, мысленно возразил рогоносец, это не мужчина. Мужчина — это не тот, кто целый год прячется под юбкой чужой жены. Славная парочка, никакой любви там нет и быть не может, пошлейший романчик, да кабы там могла быть любовь, он бы, ей-богу, порадовался за жену. Следовало, наоборот, посочувствовать дуре, вляпавшейся в полное дерьмо, но ему сейчас было не до сочувствия кому-либо еще, кроме себя самого, смертельно обиженного не женой и, тем более, не ее любовником — смертельно обиженного жизнью, но на жизнь кой прок обижаться, обиду предстояло мужественно стерпеть, а душа заныла, как баба, недаром слово женского рода.

«Та, что сидит напротив, - приказал он себе, - не увидит твоих слез, много чести. «Песнь песней» посвящена ей по ошибке. Неимоверно тоскливой оказалась в итоге эта песнь. Ты прав, старина Шекспир, нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте, но повесть имеет множество вариаций. Скажи-ка, в ком не умер Ромео и не умерла Джульетта? Физическая смерть твоих юных героев не так печальна, как духовная, грозящая им во взрослой жизни. Ведь если они почили в душах своих, как эта женщина, сидящая напротив, то у гроба и скорбеть не о ком».

Как ловко, однако, она наставляла ему рога. Обычно в гостиницах. Он припомнил, что у жены бывал отключен телефон. Как-то раз ему потребовалось с ней экстренно связаться, и он полдня до вечера тщетно пытался дозвониться. Она наплела, мол, что-то с телефоном. У него и мысли худой не возникло. А еще припомнил, как однажды сломался компьютер, жена связалась с каким-то компьютерщиком и дала телефон мужу, чтоб объяснил проблему. Оказывается, он разговаривал с любовником жены. Надо же, узнав об этом, изумленно запирихотывал рогоносец, совсем страх потеряла девочка, а изумляться-то нечему, вот такова она и есть, только он не замечал. Весьма колоритный штрих. Взяла, да и соединила мужа с любовником, как в порядке вещей.

Рогоносец с ходу квалифицировал измену как развратный роман с примитивным психологизмом, сводящимся с женской стороны к изныванию от скуки и к сожалению об уходящих деньках на закате бабьего века, она скрасила их остренькими ощущениями опасной связи. Как и многие такие же увядающие без кайфа бальзаковские дамочки, она предпочла бы страстное любовное приключение с пальмами и яхтами, там уж без проблем в омут с головой, но для 47-летней спятившей молодухи сгодился и 53-летний обычный, по ее же характеристике, экземпляр. И где же она его отрыла? На сайте знакомств. Рогоносец даже не знал о существовании амурного ресурса. Изменница просветила и сообщила, что с полгода толкалась на сайте, пока не встретила свою новую любовь.

Как закрутился роман, он не уточнял, полученной информации хватило выше крыши, с него довольно было бы и трех слов: «Нам надо расстаться». Но коль уж разговорились напоследок, он не отказался прояснить ситуацию в главных деталях. В их числе — число измен. Она божилась: две. Первый адюльтер, по словам изменницы, был скоропалительным и случился спяну. Рогоносец сразу вспомнил явление никакой жenuшки под утро из кабака с виноватым и каким-то потаскушным видом, как ему показалось, вместе с чем мелькнула мыслишка о возможной измене в нумерах, но он не дал мысли хода. Она сказала, что тогда она была чиста, имея в виду факт отсутствия соития.

«Я не верю в две измены, признавайся уж во всех, ничего тебе за это не будет, клянусь», - сказал он. «Клянусь, две, - сказала она и добавила: - Верь мне, раньше я не изменяла тебе, я очень любила тебя и была безумно счастлива с тобой, я останусь благодарной тебе за каждый день, прожитый с тобой». Он ощутил, что если она сейчас не оборвет фразу, из глаз у него брызнет соленая вода, прорвав волевою плотину. Он прервал: «Да какая тебе может быть вера, не клянись».

Для самолюбия было бы лучше поверить в две измены в рамках последних двух лет, к

тому же ее уверение звучало искренне, но он уже ни капли не верил ей. Он глядел другими глазами на сидевшую перед ним особу, а точнее, начинал глядеть. Можно перечеркнуть, но нельзя пересмотреть полжизни в одно мгновение, а эти полжизни были крепко-накрепко связаны с этой женщиной, в эту минуту еще оставшейся ему самой родной душой на свете, в момент не отдерешь от сердца, обливавшегося кровью, слыша то, что оно слышало.

Он знал, что измена — это не самое страшное из происходящего в любви и что измена измене рознь. Изменница не собиралась ни каяться, ни пытаться сохранить семью. Кабы она сказала: «Грешна, хочешь, казни, хочешь, милуй, но знай, я хочу сохранить семью», — это была бы совсем другая ситуация. Она просто поставила рогоносца в известность о рогах и о том, что он третий лишний, который должен уйти. Он ушел бы по-любому, но дальнейшее развитие событий могло быть другим, будь сама изменница другая.

Любовники созрели для поступка. Рогоносец это оценил. Изменница так наловчилась лгать и притворяться, а он настолько ей доверял, что измена могла длиться годами, при всех прочих равных условиях, и благополучно иссякла бы, ибо это была априори бесперспективная связь, что подтвердилось апостериори на четвертый день после катастрофы, когда он услышал в трубке виноватый и жалобный голосок: «А может, ты вернешься?» Она не смогла дальше лгать и отважно решила признаться, да и будь, что будет. Судя по случившемуся с ней дальше, она совсем не представляла, что будет и как они с любовником примутся вить гнездышко на пепелище. Она отважилась разрубить гордиев узел, да вот попутала, кто третий лишний, и лишними стали все трое: современная классика распада семьи в треугольнике развратного типа.

Он не верил в случайность, он верил в судьбу и полагал, что это рука судьбы разомкнула уста изменницы, когда пробил срок. До крымской черты, прорисовавшейся в судьбе за шесть лет до катастрофы, брак мог распастись и без всякой измены, но почему-то не распался. Почему? Размыслив, он пришел к выводу, что судьбоносное значение имела только последняя измена, почему и вскрылась. Это значит, что будь до нее еще хоть десять измен, они подлежали сокрытию, если слово «судьба» не пустой звук. Он изумился, сделав такое умозаключение, но оценивая весь брак, он находил, что и для него, и для нее, а самое главное, для их ребенка, было лучше, что катастрофа не произошла раньше. Было лучше, что все причины семейной катастрофы, имевшиеся в прошлом, не сработали, а самая действенная из них — адюльтер.

Все взвесив, он не хотел бы, чтобы первая из двух измен жены, в каких она призналась, вскрылась сразу же, два года назад, ибо это помешало бы ему сделать то, чем он был поглощен эти два года и чему он придавал больше значения, чем он теперь видел в своем браке. Он был рад, что успел сделать запланированное, для чего требовалось душевное равновесие и ради чего он соглашался постфактум на любые проделки жены, лишь бы о них ничего не знать во время работы над тем, что оказалось важнее самой этой жены. Пристально взирая из будущего в прошлое, он нашел, что катастрофа разразилась в наиболее подходящий момент, словно специально просчитанный.

В час расплаты изменница сказала: «Я просто зажралась счастьем». Сначала то же самое сказал ей он, ставя диагноз в своем стиле: «Тебя постигнет раскаяние. Возможно, это будет самая неприятная минута в твоей жизни. Знай, я не вернусь, только дочь сможет подать тебе руку помощи». Он не собирался пророчить, это слетело с языка само собой, и он никак не думал, что раскаяние произойдет так быстро и будет смертельно опасным. «Такие не страдают», — подшучивал он над ней когда-то. Оказалось, страдают. Он предрекал отдаленное щадящее раскаяние типа горького сожаления о сделанной сдурю ошибке. Но раскаяние изменницы оказалось развитием катастрофы по полной программе.

Признаваясь в измене, она не обнаружила ничего похожего на раскаяние. Что ж, подумал он, это в ее духе, она никогда не страдала стыдливостью и виноватостью. Она просто снова влюбилась, что случалось с ней до него, и кто бы мог подумать, что это повторится с ней на склоне бабьего века, ой, какое счастье, какое счастье: влюблена! А разве же за любовь судят? Поди, с подружками делилась, а те зело дивились не без зависти, дескать, вот это да, ну дает, и отколе в ней столько любвеобильности, и почему такая несправедливость: одним — шиш и нуль, а другим — куль любвей с горкой. Подружки могли рассудить и так: обычная история, разойдутся и сойдутся, он ее любит, следовательно, простит и вернется, как было у тех-то и тех-то общих знакомых. Прогноз

ошибочный, простит-то простит, причем с порога, но на порог не вернется, о чем она лишний раз была спонтанно предупреждена за год до катастрофы в душевспасительной беседе в связи с запоздалым и поддатым явлением жены накануне.

«Я так люблю тебя, что прощу тебе даже измену, но жить с тобой не буду. Просто не смогу. Я не стращаю, пойми правильно, дорогая, я знаю себя и предвижу: если уйду, то не вернусь», - буквально так и сказал. Она как-то странно на него смотрела, слушая это. Странный взгляд отложился в памяти. Как раз год назад у нее и появился любовник, и услышав предупреждение, она должна была поразиться и напрячься, уж не пронюхал ли муженек о романчике, едва тот закрутился. Престранно она тогда на него взглянула. Сосредоточенным, напряженным взглядом. Так смотрят, когда подозревают худое и опасное и пытаются понять причину, по какой сказано услышанное, прозвучав таинственной недоговоркой. Прямо-таки сама судьба предупредила ее его устами, чем кончится измена.

Перед приходом жены он выпил полтора литра пивка, по пятничному обыкновению после сухой недели. Коньяк оказал усиленное действие, а после коньяка он достал припрятанную бутылку крымского портвешка. Алкоголь пробил на сантименты, произведя противоположное действие относительно ревнивых реакций. Вдруг он сказал, что сам виноват в случившемся, ему следовало регулярно изыскивать вечера для совместного времяпрепровождения с женой вне дома. Когда-то она чуть ли не силком куда-нибудь вытаскивала домоседа, а потом перестала это делать, а он и рад, что его не трогают. Только летом на даче у них имел место совместный супружеский отдых по выходным.

Сердце уже щемила жгучая тоска по безвозвратной утрате. «Эх, не попариться нам уж вместе в баньке, - тоскливо произнес рогоносец про себя, как будто обращаясь к ней. — Я был задымленным парильщиком и был очень рад, что и ты пристрастилась к парилке. Я почитал за долг хорошенько нахлестать тебя веником. Ты верещала довольнешенькая и молила обрезать ножницами секущие концы. Я научил тебя сигать с крепкого пару в бак а ля бассейн в любую погоду. Ты отфыркивалась с восторгом, продельвая это. Ты стала настоящей парильщицей и сама учила наших дачных гостей париться по-настоящему. Тебе так нравилась закопченная мною на костре снедь, уплетала за обе щеки под пивко после баньки. Я пил безалкогольное. Наступала летняя ночь, мы сидели полулежа на смастеренных мною античных топчанах у костра в состоянии постбанной nirваны. Это было то, что называется счастьем, потому что рядом была ты, а без тебя это не было бы счастьем. Я всегда хотел ощущать, что ты рядом, даже если ты далеко. Это и есть ощущение счастья. И ты была рядом. Падали звезды. «Смотри-смотри, звезда упала!» — радостно, как ребенок, вскрикивала ты, тыча сигаретой в небо. В «Лунной кантате» есть строфа: «Дни, как метеоритные дожди, Мерцают на душевном небосклоне. Еще одна упавшая, гляди, Она твоя, звезда в моей ладони». Я думал, что достал тебе звезду с неба. Имя этой звезды любовь. Я думал, что каждый день, прожитый с тобой, прошел под знаком этой звезды. Я ни о чем не сожалею, я был поистине счастлив, в том нет ни малейшего сомнения. «Лунная кантата» начинается так: «Душа моя, как полная луна, На черном небосводе жизни светит. У солнца свет заимствует она. Грешно твою роль солнца не отметить». Ты была солнцем души моей, хотя я так тебя не называл. Душа моя какая-то мрачноватая, печальная, лунная от природы, в ней смолоду не хватало солнечного света, которым стала ты, поселившись в душе моей. Набегавшие тучи, заслонявшие солнце, грозовые дожди, шедшие в душе, сверкавшие в ней молнии и бушевавшие бури были скоропреходящими явлениями. Солнце сияло неугасимо». И вдруг случилось светопреставление. Солнце померкло враз и навсегда.

Он смотрел на женщину, сидевшую перед ним, и не мог поверить, что это та, с кем он прожил полжизни и был готов пройти дорогу жизни до конца. Он начинал смотреть на нее другими глазами. Возможно, так же смотрят ценители блестяшек на драгоценность, только что узнав, что это фальшивка, но не желая этому верить. Его постигло то, что называется разочарованием и степень чего равна степени очарования со знаком минус. Высшая степень разочарования — отчаянье. Он был в отчаяньи.

Они о чем-то еще говорили, но он не запомнил, алкоголь сделал свое провальное дело в памяти. С рассветом или перед рассветом она пошла спать. Он еще какое-то время сидел один, допивая остатки и усадив рядом с собой на кресло четвероногого члена семьи. Это был очень красивый кот.

«Ну что, дружище, - решил попроситься он с котом пьяным шепотком, - теперь у тебя будет другой хозяин. Тебе это, конечно, без разницы, был бы собакой, может, что-то и смекнул бы. Знаешь, я привязался к тебе, черт лохматый, жаль расставаться, ты часть того, с чем я расстаюсь. Это называется счастьем. Ты не представляешь, как жаль расставаться со счастьем и сколь велика печаль этого расставания. Полжизни, - человеческой, а не твоей, извини и не обижайся, кошачьей, жизни, - тебе под хвост, в твою вонючую калабашку, которую я ежедневно мыл за тобой. Но что делать, такова она, жизнь человека. Это, брат меньший, хитроумнейшая драма, и не иначе, есть у нее гениальный драматург. Чувствую руку мастера. Знаешь ли ты, черт лохматый, что такое абсолютный шедевр? Это жизнь. Но, извини и не обижайся, имеет жизнь не всякий, кто ест, пьет и спит. Имеет жизнь имеющий любовь. Жизнь — это любовь. Наверное, это самое точное определение жизни. А с любовью-то у меня, брат меньший, вышла жестокая промашечка. Вот душа и взвыла, как на похоронах, по самой себе. Прощай, четвероногий член семьи, которой у меня больше нет».

После прощания с котом рогоносец лег на диван в гостиной и стал пытаться уснуть. Получилось. Часа через три очнулся с хорошим похмельем и стал собираться вон отсель, намереваясь за день покинуть дом, оказавшийся временным пристанищем и унаследованный семьей от тестя с тещей шесть лет назад. Вспомнилась строка из романа «Memento mori»: «Помни о смерти. Земные пристанища — лишь остановки в пути». Однокомнатка, которую они сдавали за плату, получив ее путем размена на старое жилье, стала следующей остановкой в пути.

Неверная с утра отправилась на дачу с ночевкой. Ему вдруг захотелось сказать ей в дверях последнее слово, оказавшееся укоризненным вопросом, не требовавшим ответа: «Как же ты могла это сделать, любимая?» В завершение всей вереницы слов, сказанных им ей за двадцать два года, непроизвольно вырвался эпитет «любимая». Через неделю, приходя в себя от оплеухи, оскорбленное «я» заговорит в других выражениях в эпистолярном прощании под названием «Последнее слово рогоносца».

Она взглянула на него поистине виноватым взглядом, а не плутовски виноватым, каким она в размолвках вмиг гасила его гнев любой степени, что с руки только стопроцентной женщине. Его самолюбие ласкалось мыслью, что стопроцентной сделал ее он, и вот его самолюбие размазано по стенке, на лбу ветвятся рога, в дверь не пройдешь. Самолюбие замолкло в отчаянии, не зная, что произнести, и из души вырвался похмельно-прощальный стон: «Как же ты могла это сделать, любимая?» Она тихо-тихо, еле слышно, проронила: «Прости». И вышла. Стрелка динамометра воли встала в нулевое положение. Рогоносец сотрясся в рыданиях.

«Скажите, пожалуйста, каким образом вообще возможен душевный удар?» Задавшись таким вопросом в теории, не думал он сведать вскоре ответ на собственной шкуре. «Жена мужу наставила рога — экая трагедия, житейский анекдот, ничего страшного не случилось, — сказал он себе. — Другое дело, если б изменница умерла, а ты не знал бы, что она изменница. Радуйся, рогоносец, что все случилось, как случилось, бывает хуже. Но почему ж так хреново-то?» Потому, что так устроена душа.

Удар длился три дня. Это гребень ударной волны, ослабевающей со временем. Затяжной период прихода в себя после подобных душевных потрясений люди называют незаживающей сердечной раной, которая и после заживления еще долго ноет по поводу и без, пока не образуется твердый рубец.

В первый день выплеск глазной воды происходил раз пять прорывным и безудержным образом. Многовато для мужчины, рогоносец с презрением обзывал себя слабаком, но ничего не мог поделать с душой и глазами, из них брызгало минуты две в каждом приступе. Прежде он так рыдал один-единственный раз в жизни на могиле отца минуты две-три: сцена возвращения блудного сына. После приступа рыданий наступало резкое облегчение, даже казалось, что все прошло и позади, «я» принималось довольно спокойно и с юморком обмозговывать ситуацию, дескать, это я сбрасываю рога, еще разок проревусь, и отпадут; колотит почище, чем на выходе из запоя; проклятье, перебрал дозу, а кабы не перебрал, пережил бы хоть бы что без соплей. Это вряд ли, но крепкое похмелье усугубило положение, расслабив волю. Выпьешь стакан крымского не раньше полудня, приказал он себе, потом сделаешь максимально терпимую паузу.

Монатки состояли в основном из шмоток первой необходимости. Свою объемистую интеллектуальную библиотеку он не собирался забирать, никому она там не нужна, кроме

него, ну, и пусть выбрасывает, безмозглая дура. О, поймал себя на мысли, эпитет «любимая» сменился на противоположный, это добрый знак, начинаю приходить в себя. Не тут-то было.

На такси решил перевезти только оргтехнику, а остальное перетаскать в двух сумках в несколько ходок через поле, лежавшее между двумя городскими районами. На ходу с верблюжьей поклажей душа ныла куда меньше, чем в четырех стенах. Множество раз он ходил когда-то этим полем к своей возлюбленной и к своей семье, той же дорогой и ушел.

Посреди поля стояла роща, и стоял солнечный день в начале второй декады мая. Он устроил привал на поваленном дереве, делая первую ходку с жалким скарбом по мосту из перечеркнутой жизни в оставшуюся. Вспомнилось, как таким же майским днем два года назад он сидел здесь, терпя жгучее обострение отцовской обиды. Дочь заканчивала школу и уже около двух лет почти не разговаривала с отцом, отшатнувшись от него, после того как он наорал на нее за то, что она вернулась с празднования Нового года в своей подростковой компашке позже установленного срока и не отвечала на родительские звонки. Характер у нее был упертый, как у папы. Однажды она ушла из дома на три дня после скандала с матерью. Отец тогда уже не принимал непосредственного участия в воспитании, потеряв душевный контакт с дочерью и тщетно ожидая от нее обратной перемены к нему, а сам не знал, как наладить отношения, ограничивавшиеся взаимным вымученным приветствием после прихода старшеклассницы из школы да его вечерней фразой из-за двери в комнату ребенка: «Дочка, ужин на плите». За три дня дочернего бунта против матери жена извелась вконец. Юный возлюбленный дочери держал вид благородного рыцаря, обещавшего даме сердца хранить в тайне адрес игры в прятки. Наконец беглянка вернулась, мать прижала ее к себе, обе плакали. Отец сидел в своей комнате в тоске.

Накануне школьных выпускных экзаменов возросла его озабоченность дальнейшей судьбой своего ребенка, он решил перетолковать с дочерью насчет ее видов на будущее. Разговора не получилось, дочь держала себя, мол, тебе-то какое дело. Он вышел из дому поослабить на воздухе клещи обиды, сжавшие сердце, пошел в рощу, сел на поваленное дерево. Вспомнилось, как до новогоднего скандала дочь, бывало, говорила матери: «А мы с папой сегодня вели философские беседы». Та от души радовалась за обоих, она всегда хотела, чтобы мудрый папа побольше говорил с дочкой, уча ее уму-разуму, и вдруг дочь оттолкнула отца, как сам он когда-то оттолкнул отца, свершилось возмездие. Теперь он сидел в роще, отринутый и матерью своего ребенка.

«Потеряно все, - прошептали губы. - Ничего у тебя больше нет, и никому ты не нужен, да и нужен ли был?» Соленая вода полилась на поваленное дерево, каким был в эту минуту и он сам. Достал бутылку крымского портвейна, отхлебнул, посидел с полчаса, переводя упавший дух, и пошел прочь, посланный прочь, по мосту между перечеркнутой жизнью и оставшейся.

К вечеру семейный очаг был покинут. За день пообвыкся с неведомым доселе состоянием души, приказывая себе: будь мужиком, держи удар. Но сколько же держать, день, два, три, неделю? Должна сработать душевная защита, но в четырех стенах спятишь. Поговорить бы с кем-то, что ли, но стыдно разныться, потом будешь сожалеть, что предстал сопляком в чужих глазах. Его мать в это время была в загородном санатории. Рогоносец позвонил другу детства. Тот пребывал в своей загородной вилле, обещал приехать завтра, услышав в трубке: «Старик, со мной стряся трагифарс. Не по телефону. Заскочи ко мне по новому адресу, как только сможешь. Ничего не надо, просто душе приспичило с кем-то поговорить». Да не с кем-то, а с тем, кто женился 13 июня и поучаствовал в судьбе нашего героя как невольный организатор его встречи с той, кому ошибочно посвящена «Песнь песней». Что ж, подумал страстотерпец, может, и лучше, что друг не может приехать сегодня, завтра, глядишь, буду в порядке, не разноюся, главное, сегодня не перебрать с похмелькой и подольше поспать. Ему удалось и то, и другое.

Пробуждение было прескверным. Приход «я» в сознание поутру сопровождался каким-то кошмарным страхом, как будто катастрофа заново застала «я» врасплох, поджидая голубчика в сознании при пробуждении. Душа застонала, как прижатая могильной плитой, произошел выплеск глазной воды, оказавшийся предпоследним из сильных и безудержных приступов рыданий. Последний случился, когда пришла дочь по его звонку во второй половине дня.

Он немедленно предпринял прогулку и нарезал круги по окрестностям часа полтора с таким ощущением, что выкарабкивается из-под завалов, переставляя ноги. Потом он ждал дочь. Похмелье превышало норму, в обеденный час позволил стакан крымского, сделав себе внушение: завтра, дружок, переходи-ка на пиво, а послезавтра соблюдай трезвенническую дозу, так-то верней и скорей выберешься из этой задницы.

Пришла дочь-студентка. Опять пробило, стыдобища, поплыл и чувствовал, что и не хочет надсажать волю, пусть дочь видит, может, пожалеет отца, жалость, как сказала Настасья Филипповна, это и есть любовь. Только вот жалеют и собак, а людей, включая отцов, люди часто жалеют, как побитых собак. Отец и дочь обнялись, впервые за много лет, и она сказала самые нужные слова: «Я тебя не брошу, папа, я тебя люблю». Или послышалось «люблю», очень уж хотел услышать, но потом она поздравительной эсэмэской на Новый год отбила именно это. Семейная катастрофа, однако, не наладила душевный контакт с дочерью, напрасно он на это рассчитывал. Созванивались редко, виделись еще реже, по душам не говорили никогда. Что ж, каждый волен вкладывать в слово «отец» какой угодно смысл. Отцовская обида осталась невысказанной и с годами перешла в безмолвную тоску.

«Знай, дочка, - сказал он, - я не вернусь к твоей матери ни при каких обстоятельствах. Видишь, как я раздавлен, такая рана плохо заживает и вообще не заживет, если вернуться туда, где она нанесена. Но главное не это, доченька, а то, что у тебя хорошая мать, я всегда ценил ее за это, ты всегда была смыслом ее жизни, люби свою мать и не суди ни в коем разе. Дети не вправе судить родителей. И когда ей потребуются помощь, должен найтись кто-то, кто протянет руку помощи. Это буду не я, это, я надеюсь, будешь ты». Потом он сделал экскурс в историю любви, рассказал, как Ромео стал рогиносцем, и заключил отцовским напутствием: «Не будь такой, как твоя мать, в отношениях с противоположным полом. Но не суди мать», - повторил он неоднократно. Говорил с час, дочь молчала, никак не выразив свое отношение к распаду семьи. Что ж, подумал он, тема закрыта.

Вскоре после ухода дочери, обещавшей навещать, приехал друг и слушал с широко открытыми глазами рассказ рогиносца. Слушатель был потрясен, рассказчик удовлетворен: выговорился и выпустил пар, на душе полегчало. Больше никогда и никому, за исключением матери, он не открывал деталей семейной катастрофы. В процессе повествования маленько пробивала слеза, но напор явно ослаб. Болезный почувствовал, что пройдена некая поворотная точка, это как раз был центр трехдневного гребня ударной волны.

На другой день, третий после катастрофы, друг возил рогиносца с собой в машине, мотаясь по своим делам. Разъезжая по городу с человеком, оказавшимся рядом в трудную минуту, рогиносец явственно ощущал, как душу отпускало и в ней включалась самозащита. Его благодарность была безгранична, о чем друг мог бы узнать, только оказавшись сам на месте своего пассажира.

Срок полной психологической реабилитации составил, по его оценке, два года и делился, во-первых, пополам. Через год рогиносец был практически в порядке. Резко выделялся страдальческий период, занявший четыре месяца и усугубленный затворничеством в четырех стенах. Мученик любви опасался, что еще немного, и он полезет на стены. Вдруг ему протянула руку помощи брошенная профессия, не зря он отдал ей несколько лет жизни. Раздался звонок, последовало предложение вернуться в профессию. Он почувствовал руку судьбы. Когда-то он сказал, что не вернется в профессию, и вот возвращение оказалось исцелением. Требовалось под завязку загрузить себя работой, которую хорошо умеешь делать. Окунувшись в профессию, он ощутил, будто выбрался из душегубки.

На четвертый день после разбиения сердца рогиносец проснулся без соплей и пошел в магазин. По пути зазвонил телефон. Высветилось имя изменницы. В трубке прозвучал упоминавшийся выше вопрос, не вернется ли он, с ремаркой: «Я без тебя не могу». Его взорвало (добрый знак, отметил он при этом): «Забудь этот номер телефона! Во веки вечные не желаю ни видеть тебя, ни слышать!» Но она еще не раз наберет его номер. Надвигалось главное действие драмы, разыгравшейся в финале этой истории любви.

До кульминации она звонила еще пару раз, как ни в чем не бывало. «Представляешь, - вполношенно рассказывала она ему по телефону, как будто он где-нибудь в командировке, - без тебя случилось светопреставление. Во всем доме есть свет, а в нашей квартире нету. Прямо знак свыше. Ты не подскажешь, как быть и куда обратиться?» Он

послал куда надо: в электросеть. А в другой раз отправил к любовнику: стиральная машина у нее забарахлила, и она не придумала ничего лучше, как позвонить мастеру, с которым расплатилась за все рогами. И смех, и грех, как говорится.

Сия детская непосредственность, как будто она ничего и не сделала, мало развеселила и пуще разозлила его, и без того уже разозленного силою пришедших в действие защитных душевных механизмов. Самолюбие рогоносца воспрянуло и потребовало слова, психологически необходимого, во-первых, для восстановления собственного достоинства в глазах неверной и собственных, во-вторых, в порядке выплеска эмоций, уж всех паров, напоследок, а главное, в порядке прихода в себя, для чего надо было сбросить злость, дабы не держать ее в себе, а на чью же еще голову ему выплеснуть злость, как не на голову изменницы. Он сел за компьютер сочинять послание гнева:

Глава 6. Последнее слово рогоносца

«Было 22 года на разговоры. Это были разговоры слепого с глухим, где слепец — я, а глухая — ты. И вот слепец прозрел. Время сказать последнее слово. Пускай и оно прозвучит в пустыне, но оно должно быть сказано.

Я слепец: я 22 года жил в иллюзии любви. И вот пробил час истины, так что звон раздался в моих ушах прямо колокольный. Слепец прозрел и узрел на голове своей роскошные рога, в лесу его примут за своего. Быть одним из любовников собственной жены — это слишком жалкая роль, чтобы прозрение насчет того, что в роли этого ничтожества выступил я, не породило последнего слова к тебе, неверная.

Я сто тысяч раз говорил в пустоту и скажу в пустоту последний раз, что под любовью я разумею только настоящую любовь, которая не кончается и не дает даже таким, как ты, презренная, поглядывать в кусты, где бы с кем-нибудь свалиться. О, слепец! Я полагал, будто бы ты — это та, с кем я повенчан на небесах. В ослеплении моем вышел дурнопахнущий конфуз, замешанный на поэтических иллюзиях с одной стороны (моей) и на затаенной лжи с другой стороны (твоей).

О, слепец! Я наивно полагал, будто бы наша с тобой пара близка к идеальной, хотя с самого начала многое говорило, что это не так. Весь этот брак есть ложь, незаметная благодаря твоей потрясающей скрытности, вполне понятной мне теперь. Тебе было бы себе дороже явить свою сущность в моих глазах, обнаружив свой затаенный взгляд на наш брак как на нечто, что тебя устраивает до поры до времени и что ты в любой момент считаешь себя вправе пересмотреть и переиграть.

Не тебе адресована моя нездешняя любовь и моя «Песнь песней». Роль рогоносца и одного из членов твоего поганого и дрального кружка — не моя роль. Я вычеркиваю тебя из судьбы как пошлый анекдот и разочарование в иллюзии. Знай, между нами никогда ничего не было, нет и быть не может, ибо то, что было между нами, — это что угодно, но не любовь. Таково мое последнее слово. Велико есть мое разочарование, но ничего смертельного. Переживу.

Ввиду твоей врожденной ветрености, граничащей с безмозглостью, тебе вряд ли грозит полномасштабное раскаяние, но на твоей совести есть грешок, состоящий в разрушении семьи. Грех твой должен быть прощен не мною. Мое прощение не играет существенной роли, но знай, мое прощение у тебя имеется и гарантировано веками.

Ты наложила большую кучу себе самой под нос. То, что ты не чувствуешь собственной вони, поможет тебе жить дальше, как ни в чем не бывало, но это чревато дальнейшими испражнениями в собственную душу, а душа не клозет. Душа — создание божие. Создатель не потерпит бесконечного засирация души. Пресечь свое душевное сранье можно только через осознание содеянных пакостей. Осознать их — значит раскаяться. Тот, перед кем человек должен каяться, находится не среди людей, а повыше, и он даст тебе дожить эту жизнь без особых бед, но если только ты перестанешь быть куском говна в конфетной обертке.

Я как чувствовал рога, когда сказал тебе, что могу простить тебе даже измену, но я, как ты помнишь, добавил, что жить с тобой в рогатом виде не буду. Теперь я добавляю самое главное и последнее, ибо теперь мне ясна картина нашего брака. Оказалось, я любил в твоём лице совсем другую женщину, а не ту, какой ты являешься на самом деле, будучи куском говна, принятым мною за слиток золота в любовном помрачении. Ты вряд ли поймешь, что означает это мое прозрение, как ты никогда не понимала и не хотела понять

ничего высокого, что я говорил тебе, метая бисер перед свиньей.

Моя любовь к тебе, к куску говна, какова ты есть на самом деле, а не в лучах моих развеянных иллюзий, равна круглому нулю. Заруби себе на своем говняном носу, гадина, я ни капли не люблю тебя и никогда не был способен полюбить тебя такую, какая ты есть. Я без памяти влюбился в образ, созданный в моем воображении тоской по любви, мечтой о любви и встрече с женщиной, оказавшейся подходящей на роль обманчивого воплощения мечты. Если я продолжаю любить, я продолжаю любить не тебя, кусок говна, завернутый, как конфета, а свою вымечтанную возлюбленную и вымечтанную жену, обретенную и потерянную в живом воплощении. В реальности предмета моей любви нет. Была и есть живая потаскушка и гадина.

Прозрение повергло меня в великое разочарование и ударило молнией в сердце. Собственно рога меня меньше всего обременяют, скорбь моя связана с откровением об обмане, в коем я прожил полжизни и готов был прожить до гробовой доски с Галатеей из говна, раскрыв объятия гадине, как двери в вечную любовь, и заливаясь соловьиной трелью о любви черт знает перед кем: перед поэтическим плодом воображения, очень мягко говоря. А эта свинья слушала, да знай наставляла рога.

Бог сжалился надо мной, сентиментальным рогоносцем, и развеял иллюзию, проведя в судьбе черту, за которой анекдот уже не смешен и не смешен рогоносец, равно как и не жалок. Я был бы жалок и смешен, если б согласился на роль рогоносца, на что я никогда не был согласен, как ты хорошо знаешь, гадина.

Ты заслуживаешь и не таких имен, какими я тебя весьма литературно награждаю напоследок и на вечную память. Это всего лишь прощальная любовная брань, без мстительной злобы и даже с сочувствием к тебе, гадюка сердечная. Ты жертва своей сучьей патологии. Ты достойна сострадания свыше, душевная уродина. Знать не зная о своем уродстве, ты воображаешь себя сексапильной Венерой, сладострастно ощущая, как у твоего запашистого хвоста наклеивается собачья свадьба. Ты провоцируешь ее своим легкомысленным поведением, будучи не в силах отказать себе в удовольствии почувствовать себя бадежной сучкой, приведенной в экстаз течкой и приводящей в экстаз кобелей.

Я всегда старался понять без осуждения и с сочувствием тех паршивых бабенок с мужичонками, которые готовы за секундный кайф обоссать и обоссать святое. И вот понял вполне. О, я слепец, слепец! Еще до спаривания по объявлению ты разменяла наш брак на сучий флирт, жоповерчение в кабаках и секс по пьяной лавочке в номерах. Опостыдела развеселой сучонке скученькая компания поднадоевшего муженька. Не думал, что однажды мне придется без осуждения и с сочувствием понять свою неверную жену. Ты меня больше удивила, чем оскорбила. Брань в этом последнем слове — это, уж конечно, не ответ оскорблением на оскорбление. Она совершенно невинна и литературна, но она не для ушей лицемеров и лицемерок, прощающих себе любую пакость, но пучащих глаза от возмущения, когда эта пакость названа своим именем. Ты хорошо знаешь, что я склонен называть вещи своими именами.

К твоему сведению, поросятина, единобрачие — это естественная норма половой жизни, предусмотренная природой для людей. У тебя сучья болезнь. Это диагноз. Тебе неведомо, что ты из отродья сук, потому что, кроме меня, кого ты считаешь заинтересованным в твоей верности мечтателем, никто тебе не скажет о твоей сучьей болезни, заставляющей тебя совать свой сладострастный зад в носы окрестным кобелям. Потеряв страх возмездия, ты бесстрашно вырвалась на свою сучье-поросычью свободу, состоящую в том, чтобы всласть вывалиться в собственном говне. Как видно, сучонке так хочется быть сучонкой, что мочи нет, как мочи нет у кошки терпеть течку. Разница только в том, что у тебя, недотраханная сука, сучья жажда облечена в форму любовного головокружения: романа.

Брак со мной был твоим счастливым шансом, но суке нужна собачья свадьба, и ты швырнула дар судьбы под хвост псам, обнюхивающим твою помойную дыру. В замужестве ты была дважды. Любовников у тебя было за жизнь сверх нормы. Плотскими утехами ты была не обижена в своем самом длительном романчике, то есть в браке со мной. Но на что действительно сгодилась твоя поганая и драная дырища, так это на то, что ты в браке со мной стала матерью. Спрашивается в таких случаях: чего тебе, неблагодарная поросятина, не хватало? Я не удивлюсь, если ты ответишь, что тебе, гадина, не хватало чувствовать себя женщиной. Смысл, вкладываемый тобой в эти слова,

разумеется, такой же ветреный, как твоя пустая голова, и такой же вертлявый, как твоя круглая задница.

Ты снова влюблена, какое счастье! Как тебе не хватало этого нового поросычьего счастья плюсом ко всяческому счастью, ложному и истинному, какое у тебя имелось в изобилии. Уж несчастной тебя никто не назовет. Ты обожралась счастьем, поросятина. Сейчас ты млеешь в объятиях любовника из интернета и говоришь ему те же самые слова любви после оргазма, какие ты еще пару месяцев назад продолжала говорить отцу своего ребенка, а ведь твой новый роман длится уж целый год. Принимай семья хоть в три щели денно и ночью, но не называй любовью свою собачью свадьбу, гадина.

На твою любвеобильность многих зависть возьмет, да только вот изолгалась ты, девочка, вконец, и сама не знаешь, кому лжешь: этому, этому или себе. Скажи на милость, нет, не мне, я тебя ни слышать, ни видеть не желаю во веки вечные, скажи самой себе, дрянная девчонка, зачем ты звонила на четвертый день после признания в измене? Ты что, уже разлюбила этого из интернета, как разлюбила меня? Обратного пути нет, тебе остается строить свое новое поросычье счастье на пепелище, гадина. Тот, с кем у такой свиньи есть шанс дожить свою поросычью жизнь, — это, слава тебе, господи, уже не я. Спасибо тебе, боже, что открыл слепцу глаза и вывел из этой лосефермы.

Я твой сон, и ты мой сон. Мы приснились друг другу. Лишь в качестве сновидения эта хохотушка останется в моей памяти, потому что говенная сука мне не жена. Мы, это уж ясно теперь, не созданы друг для друга. Мы — исчезнувшие сны, где-то лучезарные, где-то пасмурные. Мы — развеявшиеся грезы, долженствующие развеяться, дабы восторжествовала правда, сколь угодно горькая, и исторглась вон из судьбы ложь, сколь угодно сладкая. Перестань завираться, девочка. Не делай больше того, что ты наделала, а сделав, взгляни на себя в зеркало и скажи с искренним раскаянием: вот как выглядит гадина и свинья в человеческом образе. Это мой добрый совет.

Я вырываю тебя из сердца, презренная, и надеюсь, что ты отлично проживешь без меня, хотя, возможно, это будет не так-то просто. Совесть, пожалуй, тебя не сожрет и, может быть, вообще не будет доставать, но элементарное шкурное сомнение, не променяла ли ты шило на мыло, наверняка посетит тебя еще не раз, как оно уже дало знать о себе, заставив тебя сказать мне: вернись. Знай: это невозможно, даже если ты на коленях приползешь. И дело, знай, не в моем ущемленном самолюбии, а в моем прозрении на твой счет.

Я сон, который ты не поняла от легкомыслия и который поэтому будет вспоминаться, дабы быть понятным. Если ты его поймешь, тебя постигнет раскаянье, но разрыв бесповоротен. Это уже просто не срстется. Бог даст, я исчезну со временем из этого города, нахождение в нем мучительно для меня. Я сон, я хочу исчезнуть, как сон, прочь отсель, где разбилось мое сердце. Здесь могила моей вымечтанной любви, вспыхнувшей в чистой душе моей, как звезда. Пожелай на прощанье душе моей остаться чистой и возвышенной. Если я в чем грешен перед тобой, а я тоже грешен перед тобой, — прости и ты меня, как я простил тебя. Прости, в том числе, эту прощальную брань, как простила былую.

Наша дочь воплотила в себе всю истину, какая была в нашем никудашном браке, склеенном соплями иллюзий и рассыпавшемся тоже под напором миража, помутившего и без того слабенький разум ветреной девчонки в бальзаковском возрасте. Я сказал дочке, что впредь ты что-то значишь для меня только как мать моего ребенка. Это громко сказано и сказано для дочери. Знай: то, что ты мать моего ребенка, — это не повод ни для каких контактов, кроме встречи в загсе в связи с разводом.

Каждая скотина, большая и маленькая (а ты маленькая, к твоему счастью), должна знать, что она скотина, а из чьих же еще уст, как не из моих, ты услышишь точное имя свое. На девяносто девять процентов я уверен, что все сказанное мной тебе за 22 года сказано впустую, но я не оставляю никаких недомолвок. Не мни, псина презренная, что ты была моей возлюбленной. Я смиряю гордыню, но не теряю достоинства, что всегда помогало мне высоко держать голову перед дешевками, в том числе такими, как ты. У меня еще довольно духа, чтобы послать подальше мразь и побольше, а не то что паршивую бабенку, которая сама не знает, чего ей надо от жизни, и которая не желала мне зла, да так уж, дескать, само получилось. Сердцу-то не прикажешь, да только вот бабенка не понимает, что там у нее на сердце, и, решив начать новую жизнь, хватается за телефон с номером старой жизни.

Пройдет время, рана заживет, порастут быльем сожаления и разочарования. Из чувств к полоумной потаскушке останется христианское сочувствие с вытекающим из него желанием, чтобы дура поумнела и научилась ценить, а не выбрасывать в сортир бесценные вещи величиной в любящее сердце, как использованные гандоны. Роль использованного гандона, отведенная потаскухой отцу ее ребенка, — это не моя роль. Я переадресовываю эту роль твоим бесплодным любовникам, у коих не получилось всем своим собачьим племенем сделать тебя женщиной. С любовниками, которые были до меня, ты была бесплодна. С любовниками, которые будут после меня, ты будешь бесплодна. Ничего у тебя не вышло в твоей собачьей свадьбе, а вышло в браке с человеком, для которого брак — святыня. Со мной ты обрела подлинное женское счастье, а все остальное твое пороссячье и собачье счастье, какое ты искала без меня, — это такая же дрянь, как и ты сама».

Глава 7. SOS

Это был выстрел в десятку, но рогоносец об этом не знал и не стеснялся в выражениях, полагая в момент словоизвержения, что все равно вряд ли прошибет. Невооруженным глазом видно, что это реакция сильно задетого самолюбия. Пафос послания звучит натянуто, но как раз высокие нотки эпистолы в сочетании с последней бранью образовали гремучую смесь. Снаряд напичкан эпитетами, каких он прежде не применял ни в каких состояниях: «кусоч говна», «сучонка», «поросятина», «гадина». Она давным-давно научилась пропускать мимо ушей его любовную брань, но не такую крепкую. Сильна, однако, в ней была привычка воспринимать его гнев как грозное явление, набежавшую тучку, через минуту она рассеется, и воссияет солнышко, ведь этим солнышком была она сама и отлично об этом знала, что было равносильно уверенности, что он любит ее по-настоящему. Она не потеряла этой уверенности, и как раз эта уверенность помогла ей в самую трудную минуту жизни, заставляя ее набирать его номер телефона. Она так и говорила ему, названивая в последовавшей череде приступов раскаяния: «Я знаю, что ты продолжаешь любить меня. Матерись и поноси меня последними словами, сколько угодно. Я хочу слышать твой голос, от этого мне становится легче». Это было потом, а «Последнее слово рогоносца», полученное недели через три после катастрофы, повергло ее в столбняк и прозвучало в ушах как небесное проклятие, по ее собственному выражению.

Сочинив послание гнева, он почувствовал таки, что оно таит в себе силу динамита, и несколько дней сомневался в его необходимости: «Да нет, опасаться нечего, вряд ли сработает. А вдруг сработает и рванет на убой?» По чести, следовало бы хранить безмолвие, уже высказав свое прощание в прощальном разговоре, и не пачкаться бранью вдогонку. Никакая у нее не сучья болезнь, просто сдурела за сорок молодка из числа красоток, не знающих, как прибыльней распорядиться своим богатством в виде женских прелестей, предназначенных для соблазнения противоположного пола и обеспечивающих их обладательнице широкий выбор между кандидатами в мужья и любовники. Точен водевильный афоризм: сердце красавицы склонно к измене. Хочешь красивую жену — будь готов пополнить ряды рогоносцев. «Не ты первый, не ты последний», — сказала рогоносцу его мать, узнав о рогах, но он, разумеется, считал себя достойным лучшей участи.

Неверная была, впрочем, довольно стандартной симпатяшкой, да и то когда нафуфырится, не Афродита, но какая женщина не возмнит себя Афродитой, поймав на себе похотливый взгляд больше, чем одного из встречных болванов. Заниженной самооценкой изменница не страдала. Когда-то она, по обыкновению сдуру, спросила нашего Ромео, неужели он смог бы устоять и не изменить ей, окажись он наедине с красивой женщиной, решившей его соблазнить. Да что у нее в голове, подумал он и грубо ответил: «Я предпочитаю тыкать в одну дырку, которая в моем распоряжении имеется и вполне устраивает». Она хихикнула и лягнула: «Я бы обиделась, если б меня отвергли». Видно, никто тебя не отвергал, дабы я познал ревность подчующегося объедками, подумал он, став мрачнее тучи. Он много бы дал, чтобы вместо этого услышать от нее что-нибудь вроде: как жаль, что мы раньше не встретились, но я знала, что однажды встречу тебя, я мечтала о тебе, я ждала тебя, мой единственный, ты моя судьба, знай и верь, никого больше нет, не было и быть не может в моей судьбе. О, он охотно поверил бы в это, но он

слышал другое типа: «Надо же, я и думать не думала, и мечтать не мечтала, что встречу тебя, я никого так не любила». Не раз он сказал ей гневно, чтоб отложилось: «Никогда, слышишь, никогда не ставь меня в один ряд с кем бы то ни было, а особо тебя прошу, дорогая, ни с кем меня не перепутай». Все ж перепутала.

Изменница была не из числа тех, кто однажды оступает вопреки себе и своим принципам (каков был он), а из числа тех, кто не оступает вопреки тому же самому, например, под страхом возмездия за желанный и потому высоковероятный грешок. Она хранила ему верность, если хранила, вопреки самой себе, ветренице, и наперекор своему природному легкомыслию, зато изменила она ему в полном согласии со своим влюбчивым сердечком и ветреным образом мыслей. Ее верность мужу была неверностью себе, а неверность мужу — верностью себе. Такой вывод сделал рогоносец из характера измены и зарядил прашу динамитом. Есть измена, равнозначная измене себе (это не тот случай), и есть измена, равнозначная верности себе (как раз тот случай), решил рогоносец и счел себя вправе поставить диагноз, какой поставил, вместе с тем выговорив себе право на уход.

Он был щепетилен в том, чтобы заручиться моральным правом на все, что он делает. Он не сомневался, что имеет право на «Последнее слово рогоносца», но почему-то колебался с отправкой послания. Почему? Когда дочь положила конверт в свой студенческий рюкзак и вышла, обещая вскоре передать весточку по назначению, он произнес: «Не повредит». И подразумевал: не повредит раскаяние. Он хотел, чтобы изменница раскаялась, но не верил, что послание подвигнет к раскаянию, и не понимал, что же заставило его колебаться с отправкой письма гнева. Он понял это позже: он хотел, но боялся ее раскаяния, предчувствуя, что оно будет страшным, не одобровать и ему. Он подлил масла в огонь и перепугался, когда разразился второй акт катастрофы в другой душе из двух.

Звонок. Голос не жалобный, не виноватый, не убитый, а серьезный, решительный, даже деловитый. Он не сразу поверил ушам своим: «Ты вправе поступать, как считаешь нужным, но я хочу, чтобы ты знал, что я рассталась с любовником. Рассталась навсегда. Для меня важно, чтобы ты знал это. А еще я хочу, чтобы ты знал, что в моей жизни был только один мужчина, которого я любила и продолжаю любить. Это ты. Я всегда любила только тебя. Ты не поверишь, конечно, я ведь для тебя сейчас, как прокаженная, но я повторю, я любила и люблю одного тебя. Ты мой ангел-хранитель. Помнишь, ты говорил: любовь не проходит. Так она и не прошла. Вот и все, что я хотела сказать». Он спросил, прочла ли она «Последнее слово рогоносца». Она ответила: «Да». И положила трубку.

Боже, как много значат слова. И момент их произнесения. Поздно, непоправимо поздно сказано то, чего он втайне ждал от нее 22 года. Скажи она это во время прощального разговора, неизвестно, как закончилась бы эта история любви, так ведь не сказала же, сказав совсем другое, в чем он не преминул усмотреть руку судьбы. В течение трех дней после катастрофы в нем свершилась необратимая перемена и воздвиглась стена, преградившая путь к сердцу самым нужным словам, оказавшимся уже ненужными. Он ни веры им не дал, ни значения не придал. Вскоре нарисуеться новый любовник или этот же для заполнения страдальческой душевной пустоты. Она не бывала одна, ей неведома клетка одиночества, оно превышает душевных сил колокольчика. Она схватится за первые попавшиеся штаны. Она все равно не дождеться, пока у рогоносца отвалятся рога, то есть затянется рана, а ее и не осудишь за неумение ждать, терпеть и страдать, не та душевная конституция.

Самолюбие утешилось, но на душе стало еще поганее, чем было и без этого звонка. Она ни словом не обмолвилась о своем впечатлении от письма гнева, не дав оснований считать его фактором, повлиявшим на перемену ситуации. Он узнал позже, что оно ударило, как плеть, и, возможно, носило добивающий характер. Ей уже было неважно под навалившимся камнем. Ну, и любовничка она себе выписала по объявлению, переваривал весть рогоносец, испарился вмиг с засранного места, когда дело дошло до разгребания дерьма. Рогоносец, что ли, пусть разгребает своими рогами? Ух, в годину дружбы со змием не приведи, господи, сойтись на узкой тропинке с кобельком, но в 44, получив нож в спину, наш шекспировский герой кончился в душе своей. Он хотел только, чтобы побыстрее затянулась рана и душа пришла в норму. Ему нисколько не хотелось загружаться проблемами, возникшими на той стороне пепелища. Главной реакцией на известие была настороженность: э, как бы на коньячок не подседа у разбитого корыта,

тогда жди беды, и кобель дойдет до беды, ему вряд ли удастся отсидеться в сторонке.

Через пару недель опасения стали подтверждаться. Звонит в полночь пьянущая, храбрая и веселая. «Помнишь, - раздалось в трубке с полукрика на лепет, - ты говорил, любимый, что любовь не проходит. Так она и не прошла». И хохочет. «А давай встретимся. Чем ты занимаешься? Я сейчас вызову такси и примчусь хоть на край света, только позови. Посидим, поговорим. Приставать не буду, обещаю». Это в ее духе и ее природе, судорожно оценивал ситуацию встревоженный рогоносец, ишь, чего удумала спьяну, крутит новый роман с бывшим мужем. Номер не пройдет, но что же делать и что говорить? Он стал спокойно увещевать, мол, прекращай чудить, ложись спать и впредь старайся соблюдать меру, пьянка не спасет, только усилит душевную маету. Он, дескать, понимает, что с ней происходит, искренне сочувствует и опасается за нее, но и она должна понять, что он не в силах видеть ее в настоящее время, тем более в пьяном виде. Он желает ей только добра, очень надеется, что все у нее вскоре образуется, но надо перетерпеть страдальческий надрыв, не надо этак казнить, ведь он ее простил, он ничуть не держит на нее зла, а «Последнее слово рогоносца» настроил сторяча, он вовсе не считает ее такой, как там написано, пусть не берет в голову и пусть сейчас же обещает ему, что через пять минут ляжет спать. Она обещала. Услышанные слова сперва усугубили пьяный срыв, в трубке раздавалось душераздирающее рыдальческое скуление. «А ну-ка хватит реветь, возьми себя в руки!» - строго одернул он. Она поуспокоилась, сказала, что он ее ангел-хранитель, что она его любит, мочи нет как, и что она пошла спать, выполняя его просьбу, как послушная девочка. Уф, перевел дух рогоносец по окончании сеанса связи, веселенькая сценка, что-то дальше будет.

Не прошло пяти минут, опять звонит, опять веселая, не наговорила. Он спонтанно перешел на абстрактный мат (безадресный) и велел сию секунду забираться спать, не дожидаясь пушного гнева. Она душераздирающе заскулила. Он почувствовал, что со второго раза уж по привычке к жалобным стенаниям, с первого раза пронзившим сердце иглой сострадания. Переждал и еще раз строго велел забираться в койку. «А я уже в койке», - хохочет. «Вот и умница», - прервал связь. Третьего раза не миновать, тут уж он обошелся без церемоний, выругался и отключил телефон. Крокодиловы слезы, подумал со зла и часа три не мог уснуть, переваривая развитие второго акта катастрофы. Господи, взмолился, не доведи до беды, прости ее грешную и меня грешного, не смогу вернуться, уладь это все как-нибудь, ведь ты же и есть автор этой истории, не ставь трагическую точку, лучше переверни в комедию, упаси от трагедии.

Бог как будто услышал и откликнулся на мольбу. Затяжная и драматичная развязка через полгода приняла довольно комичный оборот, о чем рогоносец сведал через год, когда они встретились в загсе для оформления развода. Перед этим она звонила, он не снял трубку, она отбила эсэмэской, что ей очень надо с ним встретиться. Он спросил тем же способом, зачем, а в ответ: по поводу развода. Давно пора, подумал он, но чего это она вдруг всполошилась, уж не замуж ли намылилась голубушка, отличный финал, господи, ты услышал меня, именно об этом я тебя и просил в кульминационный момент драмы.

В назначенный час они встретились в загсе. Она опять была счастлива, уже с полгода у нее длился новый роман. Он не уточнял, кто счастливчик и дошло ли до сборов под третий венец. Она пополнела, подурнела, лицо округлилось и лучилось радостью жизни, как солнечный шар. Он всегда завидовал белой завистью ее жизнерадостному нраву, в чем ее не перепутаешь с нею же самой, но внешний облик броско изменился, красоткой ее уже было трудно назвать, однако по-прежнему выглядела моложе своих лет. Он поймал себя на мысли, что перед ним стоит совсем не его женщина и что он не хотел бы пройти с ней оставшуюся часть пути, хотя он не чувствовал ее ни чужой, ни посторонней. Никакого желания поддерживать с ней какие-либо отношения, как это водится у многих бывших супругов, в нем не шевельнулось. Разбивая ему сердце, она сказала: «Давай расстанемся друзьями». Нет уж, пусть водит дружбу с кем-нибудь другим.

Перед ним стояла та, с кем прожито в счастья 22 года, он чувствовал это и чувствовал благодарностью за это. Тоска сжала сердце, бракоразводное свидание было тягостным, разбередив сердечную рану. Он не понимал и хотел бы понять, что же меж ними было. Она называла это любовью, когда все кончилось, а он называл это великой иллюзией, отличая это от пошлых романчиков и не пошлых тоже. Иллюзия развеялась, но не исчезло ощущение, что эта женщина не чужая ему душа, при том что у него уже нет к ней ни капли былой тяги, катастрофа выжгла под корень в нем причину притяжения и вздвигла

в душе отталкивающий барьер. Нет, не ей посвящена «Песнь песней». А кому? Он дорого бы дал за ответ на этот вопрос.

Вернемся на свежее пепелище. На следующий день она позвонила с извинениями и попросила позволения набирать его номер, когда ей станет совсем худо, обещая не злоупотреблять таким дозволением и не названивать каждый день. Он не мог отказать, выразил сочувствие, сказал, что понимает, что ей сейчас гораздо труднее, чем ему, но предупредил, что в случае пьяных выходов будет отключать телефон. «Мне больше не с кем поговорить, чтобы облегчить душу», - сказала она. Он не хотел бы сведать карающий меч раскаяния на своей шкуре и поистине сопереживал изменнице, попавшей, судя по всему, именно под этот меч. Он сказал ей: «Ты должна это вытерпеть. Я ничем не могу тебе помочь, кроме как выступить в роли телефона доверия».

Еще она попросила, чтобы он больше не звонил дочери по поводу психологических срывов матери, и добавила: «Знаешь, что мне сказала наша дочь? А ты, мол, мама, разве не знала, на что шла. Это не ты ее надоумил?» Он возмутился, он пытался надоумить дочь в противоположном ключе, сказав ей, что в жизни ее матери наступила, возможно, самая трудная минута, напророченная им. Он просил дочь почаще быть с матерью, присматривать за ней на предмет ее шашней с коньячком, не оставлять ее одну в пьяном виде и как можно больше разговаривать с ней, вот просто разговаривать о чем угодно.

«Для тебя было бы лучше, если б ты меня возненавидела», - сказал он изменнице в одной из телефонных бесед. Казалось бы, ненавистью должно было отозваться «Последнее слово рогоносца», но оно произвело противоположный эффект, разметав своим ударом дурь на сердечной поверхности и всколыхнув в глубине потрясенной души изменницы лучшие чувства, произошел их всплывший всплеск. Раскаяние, или то, что очень походило на раскаяние, терзало ее не меньше двух-трех месяцев. За это время на «телефон доверия» поступило около десятка обращений, большинство — пьяньские звонки. После парочки раздавшихся среди ночи он стал отключать телефон на сон грядущий, установив крайний срок функционирования психологической отдушины — одиннадцать вечеров. Он услышал слов любви больше, чем за много лет, но не придавал им никакой ценности, пребывая в уверенности, что как только кризис пройдет, так сразу или чуть погодя у нее появится новый любовник, при помощи нового романа она как раз и излечится. Он не ошибся и искренне хотел, чтобы именно так и случилось, ибо это избавило бы его от проблемы.

Дико реветь в трубку перестала, он перестал материться туда же в ответ на закидоны. На одну из постоянных жалоб, что она без него не может, сразу отрезал, что он не способен вернуться и что на заживление раны потребуется много времени. Она выразила решимость ждать, он со своей ироничной усмешечкой предупредил, что ждать придется лет пять. Она сказала: «Я буду ждать пять лет». Он: «Поклянись». Она: «Клянусь». Он: «Не клянись». Он, конечно, не верил, как и она сама. Сценка была бы забавной, если б у обоих не болело нутро так, что у той мочи не было терпеть, а тот с тоски выл в четырех стенах. У обоих выход был один: перетерпеть душевную муку, что им успешно удалось, возможно, как раз благодаря этому невероятному «телефону доверия».

Это был телефон спасения и не только для нее, но и для него. Они могли спастись только вместе. Спасется одна душа, спасется и другая. Обе отчаянно выцарапывались из-под обломков рухнувших душевных построек, называемых людьми счастьем. Раньше наших героев связывало счастье, теперь — несчастье. Он сказал дочери, что не сможет подать руку помощи ее матери, но оказалось, сможет, и подавая ее, он протягивал руку помощи себе, ибо вероятная раскрутка в трагедию второго акта катастрофы, разыгравшегося в душе изменницы, влекла бы за собой третий акт в душе рогоносца, тоже покающийся. Зная о грозящем третьем акте, он страшился его и ломал голову над тем, как избежать худшего варианта развития событий.

Если б по манию того, что он называл рукой судьбы, в его душе последовал приказ: вернись к неверной, - он бы вернулся, наступив на глотку самолюбию. Но он ощущал другой императив: не возвращайся, все кончено, оставь в прошлом, что должно там остаться. Жалобный и убитый голосок возносился в космос через аппарат сотовой связи: «Может быть, ты все-таки вернешься?» «Не вернусь», - возносился туда же ответ, как будто в уши богу. Господи, молил бога рогоносец, надоумь, что мне делать, и кабы он услышал: вернись, - он бы вернулся, смилив гордыню и не убоявшись стать посмешищем в своих и людских глазах. Но каким-то неизъяснимым наитием он имел знание, что он

не должен возвращаться, и говорил в трубку: «Я не вернусь. Я не могу. Я, может, и хочу, но не могу. Мы должны расстаться».

Настала очередь самого страшного звонка. Язык еле ворочался: «Вот сижу и думаю, уколоться или не надо». Он: «Ты что, совсем спятила, на наркоте уже подседа?» Она: «Да какая еще наркота, мне и коньячка вполне достаточно, чтоб забыться. Но коньячок, ты прав, плохо помогает. Вот я и наполнила шприц, положила перед собой, сижу и думаю, свести или не свести счеты с поганой жизнью». Он: «Что еще за дрянь там у тебя в шприце, откуда ты ее взяла?» Она: «Да в каждой аптеке продается, ой, забыла, как называется, да неважно». Он: «Выбрось немедленно, очень тебя прошу». Она: «Да не переживай ты так, может, и обойдется. Я не первый раз уже так сижу. Вот решила любимому позвонить, поговорю с ним, глядишь, и пройдет. Все пройдет. Помнишь, ты говорил, не проходит только любовь». Обещала идти спать и завтра выбросить эту дрянь.

С тех пор он не отключал телефон на ночь. Позвонил дочери, которая с восемнадцати лет редко ночевала в родительском доме, сообщил о происшествии, попросил поискать и повыбрасывать все шприцы и подозрительные препараты. Он не верил в серьезность продемонстрированных суицидальных намерений. Вспомнился собственный запойный суицидальный розыгрыш самого себя, что-то похожее ненатуральное он почувствовал в сцене со шприцом, но веселого мало. Всплыла ее фраза из прошлого: «Не понимаю, как люди совершают самоубийство, я бы ни за что не смогла». Пожалуй, сможет всякий, если вконец прижмет. Больше всего роносец опасался суицидального развития событий и делал расчет на ее жизнерадостный нрав, который непременно возьмет свое, но сигнал очень нехороший. Как бы не пришлось ему вернуться на время душевного кризиса, хотя она его об этом уже не просила. Казалось, смирилась с необратимостью катастрофы. На следующий день она уверяла, что ничего с собой делать не собирается и не собиралась, так, какая-то блажь нашла. Он несколько успокоился.

Это случилось примерно по центру критического периода и походило на поворотную точку. Обстановка стабилизировалась, звонки перестали поступать на «телефон доверия». Он справлялся у дочери, как там дела. «Да все нормально», - отвечала дочь. Вот и славно, и вдруг звонок: «Ты не мог бы со мной встретиться? Мне очень надо тебя увидеть». Надо, так надо, после таких эксцессов не откажешь. Истекло четыре месяца со дня катастрофы. Свиделись в пивбаре.

Она стояла сосредоточенная на улице, поджидая его. На подходе его вдруг стала немножко разбирать дурацкая улыбочка, как на свидании после его несостоявшегося ухода тринадцатилетней давности. Она заметила и спросила: «Чему улыбаешься?» «Разве улыбаюсь», - пожал плечами он, и прошло, но подумал: с чего бы? Это у него что-то застенчивое с детства, а ситуация была весьма стеснительная, как-никак свидание с женщиной, с которой прожито полжизни и которая должна быть вырвана из сердца, но еще не вырвана, она для сердца еще та, сказавшая тринадцать лет назад виновато-просительным голоском: «Я люблю тебя, возвращайся, пожалуйста». Но теперь он не вернется.

Свидание закончилось прескверно, хотя они разговорились, она повеселела, радостью светилось ее лицо, и тут он все испортил ненароком. Беседа за кружкой пива началась с ее сообщения, что одно время ей полегчало, но недавно опять поплохело. Сделалось хуже, чем было в худшие дни, прямо невтерпеж, так ноет душа, захотелось, ни жить ни быть, его увидеть, просто увидеть, перемолвиться словом. Он пустился по-научному объяснять, как уже объяснял по телефону, что происходит с ее душой все эти месяцы силою раскаяния. Говорил о том, что вообще такое раскаяние и как оно лечит душу. Что-то рассказал и о своих мучениях. Она слушала и таяла, вставляя какие-то слова. Перед ним сидела та, с кем он вот так же сиживал за рюмашкой в годы счастья, о чем-то болтая.

Он не заметил, как перешел на термины «Последнего слова роносеца», только не ругательные: «Понимаешь, ты, видимо, от природы распутна, а я так доверял тебе, что ты совсем страх потеряла, а тут еще бальзаковский закат бабьего века. Тебя потянул на сторону оторваться напоследок твой порок, - (хорошо, не сказал, сучья болезнь). - Но невелик твой грех, не переживай, другие вон что творят. Подумаешь, рога наставила, это тебе простится. Ты ведь главную пакость сама себе сделала, вот и расхлебываешь. Главное, ты больше так не делай».

Она вставила: «А ты не допускаешь, что это была ошибка?» По вопросу видно, что она еще надеялась на его возвращение. «Да нет, - сказал он, - это не ошибка. Ты поступила,

как Иуда, но не по отношению ко мне, я не Христос, а по отношению к своей же любви, вот твоя же любовь и наказала тебя». Разглагольствуя, он стал замечать неладное, взглянул попристальнее, она совершенно переменялась в лице, сидела мрачная и отрешенная. Выдавила из себя: «Замолчи, пожалуйста». Через полминуты молчания встала и ушла. Он почувствовал, как в сердце воткнулся укор совести.

Это последнее свидание — противоположность первого, цикл замкнулся, тоскливо резюмировал он и побрел в клетку одиночества, вдобавок к усилившейся тоске обремененный виной за оказанную только что поддержку в кавычках и страхом за живую душу, страдавшую на той стороне пепелища. В первый и последний раз со дня катастрофы он сам позвонил ей, дабы загладить вину при помощи пришедшей ему мысли, показавшейся ему дельной и способной поддержать отвергнутую изменницу в новом приступе душевных страданий. Он говорил ей, что она сейчас, видимо, переживает особый критический момент, представляющий собой переход из одного душевного состояния, длившегося четыре месяца, в другое, долженствующее быть не столь мучительным, в силу сработавшей душевной защиты.

«Самое страшное позади, но этот переход души из состояния в состояние, видимо, сопровождается этакой откатной ударной волной, - (термин из его теории). — Это похоже на последний всплеск и обострение перед улучшением. Это переходный кризис не должен длиться долго, исходя из того, что завершается четырехмесячный и начинается тоже четырехмесячный период. Критические явления в переходной зоне, - (термин из той же теории), - не должны затянуться больше, чем на две-три недели. Надо перетерпеть, собрать волю в кулак, ни в коем разе не срываться в пьянку, и душа сама выздоровеет, вот увидишь».

«Телефон доверия» смолк. Через четыре месяца он получил от нее ласковую поздравительную эсэмэску на Новый год. Подслащенная крупичка соли на незажившую рану. Не ответил и не отвечал на последующие такие же. Еще через четыре месяца она так же нежно поздравила его с днем рождения, а за два месяца до этого поздравила с тем же по ошибке и отбила вдогонку: «Приснилось, что отмечаем твой день рождения, спросонья перепутала». Вспомнилось: «Я сон, который ты не поняла». Похоже, она уже практически здорова, спит с одним, во сне видит другого, симптом обычный, подумал он и вспомнил, как говорил ей по телефону: «Потерпи еще немного, милая, собери волю в кулак, жизнь наладится, вот увидишь». И наладилась.

Однажды ему пришла мысль, что больше всего он хотел обрести в жене своей друга и сомневался в ее любви, не чувствуя ее другом, кроме последних лет, когда он, казалось, обрел в жене друга, почему катастрофа застала врасплох, как застает врасплох удар в спину, нанесенный дружеской рукой. Обычная история, старая, как мир, нечего корчить из себя преданного Христа. Горек не нож в спину, горька потеря лучшего друга, который стоит целого человечества как спутник в жизненном пути. Таким другом может стать только жена мужу и муж жене.

Он опять, как в детстве, стоял у окна и смотрел на дорогу. Душа болела.

ПУБЛИКОВАТЬ НЕЛЬЗЯ ОТВЕРГНУТЬ

Где поставить запятую?

По причинам, которые читатель сам сразу заметит, возможно, не следовало публиковать «Цветочный крест». Мнения членов редколлегии разделились симметрично на сей счет, при оценке большинства, что вещь талантлива. Один из членов редколлегии, а именно Николай Толстиков, высказался так: «От главы к главе впечатление все более тягостное складывалось... Большого богохульства, особенно в первой главе сего «романа», не встречал еще нигде. Ни в занятой «библии» Е.Ярославского-Губельмана, председателя союза воинствующих безбожников в 30-е годы, ни где еще, даже у Льва Толстого. Не оправдывает автора и время, когда происходит действие. Неужели наши предки только и жили «этим самым», без всяких других интересов? Что бы ни происходило, все у автора сворачивается на грубые «физиологии». Как будто находишься в какой-то нешибко утружденной интеллектом пьяной компании и слушаешь похабщину. Через слово употребляется какой-нибудь «физиологический» термин. Прозу на исторические темы я читать люблю. И здесь, бывало, насакивал на интересные картинки. Но как это выражено?!.. Неужели наш «великий и могучий» на такое только и способен? Или автор пытается оригинальничать? Так сейчас в «московской», да в интернетовской литературе такая помойка, что лишнее ведро помоев вряд ли уже чего туда добавит. Конечно, читатели и у такого автора найдутся, но в девизе ВЛ значит: журнал адресован... (см. титульный лист). Неужели мы с первых номеров начнем пичкать наших читателей такой вот стряпней?» М-да, нелегко принималось решение об этой публикации. Если вещь талантлива (в чем, в данном случае, сомнений минимум), то вопрос таков: по назначению ли употреблен автором дар божий (талант)? Если не по назначению или отчасти не по назначению, ответственность несет прежде всего сам обладатель таланта (автор). Свою долю ответственности, разумеется, несет и издатель, опубликовавший то, что не следовало публиковать, но только по поводу откровенно бездарных вещей легко сказать, что они недостойны печати, а если произведение действительно талантливо, издатель просто обязан его опубликовать, таково базовое правило издательского дела. К этому, как и ко всякому, правилу есть поправки, но причина для отказа в публикации талантливой книги должна быть веской и обоснованной. Возьмем, для примера, две всем известные и бесспорно талантливые книги: «Декамерон» Боккаччо и «Лолиту» Набокова. Найдутся весьма здравые и взвешенные аргументы против публикации обеих этих книг, не менее здравые и взвешенные, чем в приведенном выше отзыве. Недаром Боккаччо и сам раскаялся в своем шедевре как в грехе. Кстати, «Декамерон» не удостоился печати при жизни автора. Но разве эти скандальные вещи не следовало публиковать, то есть следовало уничтожить? Ибо не публиковать рукопись - это все равно что приговаривать ее к уничтожению. Кто возьмется сжечь «Лолиту» и «Декамерон»? Положим, «Цветочный крест» ниже классом и «Лолиты», и «Декамерона», живо напоминая последний кое в чем, но было бы издевкой сказать автору, мол, вот дорастете до Боккаччо, тогда и приносите свой «Декамерон», ибо в наше время, непохожее на ренессанс, литература, в том числе вологодская, пребывает не в столь блестящем состоянии, чтобы разбрасываться талантами и отвергать явно неординарную книгу, пускай не безгрешную и в некотором отношении противоречащую словам, вынесенным на титульный лист ВЛ. Самая крамольная сцена, выходящая за рамки дозволенного, фигурирует в самом начале романа и в довольно ветхом (переставшем шокировать публику еще во времена итальянского Возрождения) духе задевает ризы церкви, чересчур фривольно используя в качестве литературного материала интимное религиозное таинство (исповедь), однако с большой натяжкой можно назвать это богохульством, это даже не сатира, это нечто вроде юмористического гротеска к портрету персонажа. Вообще эта книга ничуть не антихристианская, скорее наоборот. Главный положительный персонаж - истовая христианка. Главный отрицательный персонаж - сомнительный христианин, какие в 17-м веке часто встречались и среди служителей церкви, причем он представлен в беззлобной юмористической традиции народного фольклора, где наряду с другими персонажами прижился шуточный образ попа, не настолько роняющий честь сана, чтобы усмотреть большую кривду в народном юморе. Христианству ничего не сделалось ни от вольтерьянства, ни от якобинства, ни даже от советской власти, потщившейся вытравить Христа из народной души. Не по зубам оказался Христос самым могущественным за всю историю диктаторам, и конечно, не пошатнется христианство от того, что автор «Цветочного креста» переперчил в первой сцене. Христианство сильно в том числе своей толерантностью. Христианское смирение - лучший щит от вольных и невольных оскорблений религиозного чувства. Если (чем черт не шутит) публикация «Цветочного креста» в ВЛ - это редакционная ошибка, то лучше ошибиться, поддержав талант, нежели отвергнув. Главное, чтобы сам автор не разменял свой талант на суету сует.

Алексей Николаев, редактор ВЛ

«ИСТОРИЯ ФЕОДОСЬИ»

Вступительное слово одного из издателей ВЛ к роману Елены Колядиной

Представьте КОСМОС - безграничный, неохватный, безбрежный, - не имеющий ни времени, ни возраста, - рамок, морали, ума, глупости, действия и бездействия, преступления и наказаний, целей и достижений - вообще каких-либо границ. Представьте ЕГО, неограниченный, в котором вращается наша маленькая планета. Мы, люди, вот уже много веков смотрим в небо; но ведь и оно в нас! Из курса наук однажды человек узнает, что есть пространство и время, и с возрастом утверждает: да, это так. Еще он утверждает в нормах жизни, правилах поведения, речи, еды, питья.

На самом деле все не так. Пространство и время, версты и километры, прошлое, будущее и настоящее - выдумка человеческого ума и обстоятельства, созданные для нас КОСМОСОМ. Ни времени, ни пространства в великом КОСМОСЕ нет, просто нет; просто потому, что они не нужны ЕМУ. Их нет, есть энергия и информация. (Хотя и это тоже рамки представлений.) Из энергии и информации, как из кирпичиков, складывается все: КОСМОС, МИР.

...Вот так длинно я хотел начать, сказать: времени нет, в КОСМОСЕ - иной подход к явлениям нашей жизни. Есть подозрение, что наблюдатель, сам являющийся энергией, может видеть любую временную точку истории Земли. И попадать одинаково легко: в мину 7-й, 16-й, 21-й век. (Для меня) это факт.

Представим теперь случайный взгляд КОСМОСА на Землю. В какое место - время, в какой день и час каких людей попадет он? Чем они будут заняты, какими в тот миг будут люди? Что у них: труд, подвиг, лень, воровство, лобзанья, прелюбодеяние, священнодействие? Возводят Саяно-Шушенскую ГЭС? Ставят вышки сотовой связи? Распинают Христа? Что и на каком языке говорят? Никак нельзя поручиться, что то будет подвиг трехсот спартанцев, а не растение малолетней, или «подвиги» царя Ивана Грозного по убиению своих жен, бояр, сына. Что из увиденного великим космическим океаном в таком случае будет действительно человеческим? Как, кому, каким образом это показать? Я думаю, роман Елены Колядиной безукоризненно выполняет эту задачу, показывая: вот что такое существо «че-ло-век».

Задача художественной литературы, конечно, не выписывать хронологию, летопису эпизоды, события, но - свести вместе характерные явления человеческого и дать художественно осмысленный список действительности. Задача и право автора избрать свои средства для ЭТОГО.

Рисование и анализ характерного человеческого - вот смысл художественной литературы. Именно здесь возникают классика и классики - то, что не устаревает, что читается одинаково во все века.

Мне думается, Елена Колядина блестяще справилась с задачей писателя! Ее роман просто великолепен: ничего лишнего, именно прехарактерное вечное человеческое мастерски рисовано рукой художника на всех страницах романа.

Вот как я хотел начать, писать вступительное слово. Однако, пока писал, решил поступить проще, решил, что надо поступить гораздо проще: рассказать, как читал роман сам.

Мои взаимоотношения с романом начались так. При очередной встрече редактор ВЛ Алексей Николаев произнес (с заминкой, паузами, - необычно, - щуря глаз): «Пришел роман. Из Череповца. Автор незнакомый. Колядина. Текст (термин Николаева) очень талантливый, очень! Просто невероятный. Гениальный. Никогда в «Вологодской литературе» ничего подобного близко не было. Но... Скандальный. Не знаю, что с ним и делать. Брать? Не брать? Возьми, ты прочитай». «Сколько страниц?» - спросил я. «Сто двадцать. Желательно бы в один номер. Но тогда не знаю, что из номера убирать». «Ты чего: охренел? У нас номер практически сверстан. И номер отличный! Ты что задумал!..» - рассердился я. Тем родив в себе субъективное отношение к присланному роману.

Я попросил распечатать мне текст и взялся прочитать. Как и всем, мне было не до лишних дел, когда уже запланированных больше, чем можно сделать.

Страниц 15-ть, не отрываясь, я прочитал. И... Нет, я уже давно не сержусь на диалектизмы и жаргонизмы, как раньше, но до того пресытился дурацкими (для меня) «терминами» простой народной речи 16-го века - манда, елда, уд, муди... - что просто устал от них. Зачем это? Ну на кой ляд!.. Почему нужно начинать исповедь с афедрона, и истолочь ее всю, как орех, в ступе любодееваний. Да то в перед, то в зад. Е-пэ-рэ-сэ-тэ... И я начал перелистывать, читать по пять страниц через пять страниц, по три через десять - предо мной ведь стояла только задача определиться: брать, не брать. Но даже и такое чтение скоро надоело. (Забыл! В спешке я забыл Задачу художественной литературы.)

Я пришел к Николаеву и свое сердитое мнение о «тексте» выразил так: в левую руку взял рукопись, правой указал на нее, потряс и вопрошил риторически: зачем ЭТО?? Не понимаю.

Никто! Из моих знакомых. Далее третьей страницы читать ЭТО не будет!

Николаев вперил в меня пронзительный едкий взгляд. «Ты прочитал текст до конца? Ты прочитал роман весь, целиком?! Не-ет, ты не читал его, - не поверил Николаев. - Иначе ты не смог бы не заметить: это мастерски сделанная вещь». «Знаешь, Алексей, Зюскинд тоже сделал талантливую, гениальную вещь. Своего «Парфюмера». Но я ненавижу Зюскинда за то, что он мастерски сделал и мастерски выпустил в мир чудовище! Зачем это!» «Как ты можешь выносить суждение, если не читал текст! Как?» И так далее. Мне был выставлен убийственный упрек: я не издатель, а не знаю кто, раз невнимательно отношусь к присланным текстам. Только ради Николаева я решил еще раз читать, уже последовательно и непредвзято - весь роман. Взял рукопись, отложил другие дела и как читатель, которому нечего делать, а попал в руки новый роман, - и как издатель, которому прислали новый роман, - сел читать «текст».

И вот, после настоящего прочтения, когда я не скользил нетерпеливым взглядом по поверхности, желая поскорее покончить с назойливым делом, когда перестал внутренне ежиться от назойливых и обескураживающих моего современника, назовем их так - тотемских средневековых - диалектизмов, - когда именно читал, а не отмахивался, мне довелось испытать неожиданное ощущение: читаю роман так, как читаю своих любимых: Грибоедова, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Пушкина, Достоевского, Набокова, Гранина, Ромена Гари, как стихи Басе, Рубцова. Вот только тогда я понял: ЧТО у нас с Алексеем Николаевым в руках!

Прочитав последние 10 страниц в выходной день полетел к Николаеву. «Ну? - спросил наш главный редактор. - Не тяни. Берем?» Я молчал, не зная, как начать. «Так и знал: скажешь - не берем... Ну и ладно, хоть гора с плеч долой. Не стану один брать ответственность за публикацию, потому как - скандальный роман. Взрывоопасный. Бомба. Церковь анафеме предаст. Отец Николай (Толстик) уже свое отрицательное мнение высказал». Мне пришлось прервать: «Знаешь, - сказал я, - из номера седьмого можно все выбросить, а роман Колядиной - напечатать». Алексей выдохнул и обрадовался, как ребенок. Мы начали по-деловому обсуждать роман.

Что же на мой взгляд представляет из себя это произведение.

Во-первых, здесь ярко, выпукло, абсолютно без лишнего, на уровне Чехова, Салтыкова-Щедрина, Достоевского выписана жизнь: человеческая природа и ее жизнь. Это роман - картина: проработанное в целом и в деталях полотно. Во-вторых, это мастерски сделанное литературное произведение. Всерьез сравниваю его с нашими классическими. И в моем сравнении с ними роман «тянет» на «4 -». Но в сравнении с ними!.. А в сравнении с любыми нам современными это потрясающее произведение! Уровень явно не областной. Роман хорошо выстроен, хорошо сделан: читается легко, без спотыканий.

Есть два крупных и несколько мелких провалов. Например, Смерть является чересчур легко: из ниоткуда. Такого не должно быть в столь тщательном сюжете. Перед ней явно пропущена одна глава. И это промах.

Но есть отец Логгин! Который отправляет на костер светлую душу Феодосью ТОЛЬКО ПОТОМУ, что сам когда-то допустил слабость: втайне возжелал эту женщину! А еще - не он, ярый слугитель бога, сотворил чудо-крест, а она. Так сгинь, пропади, пусть же никто этого не узнает! Как это по-человечески!.. Вот это глубина: вот какие детали человеческой природы автор знает! Да их в романе десятки, этих характерных человеческих вещей. А до каких высот в понимании жизни, до каких высот в понимании русской природы и русской души, сути русских людей поднимается автор, когда в ответ мыслям человеческим вскрикивает: «Ах, батюшка! Чересчур молод ты бысть, и чересчур учен, и книжность твоя лишила тебя простой житейской мудрости и понимания, что именно русичи всегда готовы на великий подвиг в одиночку, и торопятся совершить великие дела как можно скорее, не растягивая и не откладывая, ибо слишком коротко русское лето, и зыбко положение, и никогда нельзя знать, не ввергнуться ли завтра в твое родное селище враги, лютые морозы, мор, голод или волки» (последние страницы романа).

Роман (если чуть доработать его) современен, злободневен - так у людей было всегда: инакомыслящий, инако поступающий, живущий, - неважно, что это светлая, добрая, к богу исто-во стремящаяся душа! - не понят, отвергнут, осмеян, изгнан, оклеветан, уничтожен. А не нарушай нашего течения жизни, а не имей своей веры, не тянись к Богу!..

История Федосьи - история русского праведника.

Я рад, что у «ВЛ» появляются ТАКИЕ романы и ТАКИЕ авторы!

Но знаете, что еще? Это счастье, что у «Вологодской литературы» есть редактор Алексей Николаев, который в отличие от других писателей и издателей все, присланное в журнал, добросовестно, внимательно, беспристрастно, от начала и до конца прочитывает, имеет опыт, вкус, нюх, интуицию на настоящую литературу.

Роман Елены Колядиной, это - ЛИТЕРАТУРА.

Александр Халов

Елена КОЛЯДИНА

ЦВЕТОЧНЫЙ КРЕСТ

Роман-катавасия

ЧАСТЬ I

Текст временно недоступен в электронной версии журнала